

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

Социально-экономические и общественные науки
№ 2 (89)

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор А.В. РОГАЧЕВ, д-р хим.
наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально- экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонга (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарский, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Рогань (Украина), д-р юрид. наук, проф.
Н.В. Сильченко, д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief A.V. Rogachev, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahova, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rogan (Ukraine), Sc. D., Professor
N.V. Silchenko, Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2015, № 2 (89) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА•ПРАВО•ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Бартош Д.К., Гальскова Н.Д. Эмоциональная культура учителя иностранного языка как компонент профессиональной культуры.....	5
Боброва Е.П. Особенности развития речекommunikативных умений у детей пяти-семи лет с общим недоразвитием речи.....	11
Боровая В.А., Коняхин М.В. Методика технического совершенствования квалифицированных прыгунов в длину в условиях второсигнальной корректировки.....	17
Дворак В.Н., Станибула С.А. Формирование продуктивного копинг-поведения у студентов.....	23
Джиги Н.Д., Бантюкова Е.М. Интегративно-алгоритмическая модель психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования акмеолого-управленческими средствами.....	29
Ермаков В.Г. Психологические, педагогические и организационные аспекты математических турниров корректирующей направленности.	36
Семенихина Е.В. Программирование как метод формирования математического знания в условиях информатизации образования.....	42
Сильченко И.В. Агрессивность и враждебность в этиопатогенезе психосоматических заболеваний.....	46
Ходько А.Ф. Национальные ценности как основа современного образовательного процесса..	51
Ярчак И.Л. Опыт применения интерактивных технологий как средства формирования делового общения бакалавров при обучении иностранному языку.....	56

ПРАВО

Афонченко Т.П. О влиянии режима судимости на ограничение правового статуса лица...	61
Воробьев В.А. Актуальные вопросы применения межотраслевой преюдиции в уголовном процессе Республики Беларусь	66
Гладышев В.В. Отдельные проблемные аспекты уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности.....	70
Грахоцкі А.П. Прымяненне нормаў сямейнага права Рымска-каталіцкай Царквы ў Беларусі (другая палова XIX–пачатак XX ст.)	75
Копыткова Н.В. О соотношении принципов нерушимости государственных границ, территориальной целостности и самоопределения народов.....	80

Краснобаева Л.А. <i>Виды государственной службы</i>	86
Мохорев А.Н. <i>Определение пространственно-временных параметров при раскрытии и расследовании преступлений: криминалистический аспект</i>	91
Рылко Е.И. <i>Юридическая природа права учреждения на самостоятельное распоряжение доходами, полученными от приносящей доход деятельности, и приобретенным за счет их имуществом</i>	97
Сенькова Т.В. <i>Административно-деликтная юрисдикция: понятие, признаки, отличие от административной управленческой юрисдикции</i>	102
Синица И.М. <i>Международные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних</i>	109
Цыкунова И.Н., Афонченко Т.П. <i>Процессуальные аспекты реализации мер постпенального контроля</i>	114
Юцов И.А. <i>Правовое регулирование обеспечения безопасности особо важных государственных объектов как важного элемента национальной безопасности страны</i>	120
ЭКОНОМИКА	
Аксенова И.А. <i>Жилищно-строительная политика и ее реализация в регионе</i>	126
Алексейчук В.А. <i>Тенизация производства хлебобулочных изделий в Украине</i>	131
Делидович Л.П., Ушак Т.В. <i>Основные направления совершенствования организации социально-экономического обслуживания населения в Республике Беларусь</i>	137
Лопанова В.С. <i>Государственное регулирование регионального рынка потребительских товаров и услуг</i>	142
Мельченко А.А. <i>Гибкие методологии разработки программного обеспечения: экстремальное программирование управления проектами</i>	146
Пугачева О.В., Четвериков В.М. <i>Макро- и внешнеэкономические аспекты развития Республики Беларусь</i>	151
Семченко А.И. <i>Концепции экономического развития в экономической науке</i>	158
Сорвиоров Б.В., Западнюк Е.А. <i>Цикличность развития экономики Китая</i>	164
Царенкова И.М. <i>Особенности определения сроков и очередности проведения капитального ремонта и реконструкции автомобильных дорог</i>	171
Чепик А.И. <i>Финансирование инноваций</i>	177
Чэнь Чун <i>Сетевые отношения – основа предпринимательской деятельности в Китае</i> .	182
Юшкова Н.Г. <i>Государственное регулирование пространственного развития региональных систем: особенности, тенденции и перспективы</i>	186
ПЕРСОНАЛИИ	
Кадол В.Ф. <i>Жизненный путь и научно-педагогическое наследие И.Ф. Харламова (к 95-летию со дня рождения)</i>	192

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel state university

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2015, № 2 (89) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

D.K. Bartosh, N.D. Galskova. <i>Emotional culture of a foreign language teacher as a component of professional culture</i>	5
E.P. Bobrova. <i>Features of the development of speech and communication skills of children from five to seven years with general underdevelopment of speech</i>	11
V.A. Borovaya, M.V. Konyakhin. <i>Methods of the improvement of the technique of qualified long jumpers under conditions of the second signal corrections</i>	17
V.N. Dvorak, S.A. Stanibula. <i>Formation of productive coping behavior of students</i>	23
N.D. Dzhiga, E.M. Bantyukova. <i>Integrative algorithmic model of psychological and acmeological concept of creation a productive subject of education by acmeological and management means</i>	29
V.G. Ermakov. <i>Psychological, pedagogical and organizational aspects of mathematical tournaments with correction trend</i>	36
O.V. Semenikhina. <i>Programming as a method of forming mathematical knowledge in conditions of informatization of education</i>	42
I.V. Sil'chenko. <i>Aggression and hostility in the aetiopathogenesis of psychosomatic diseases</i> ...	46
A.F. Hodko. <i>National values as the foundation of modern educational process</i>	51
I.L. Yarchak. <i>Experience in the use of interactive technologies as a means of forming business communication of bachelors in teaching foreign language</i>	56

LAW

T.P. Afonchenko. <i>On the influence of criminal records regime to limit the legal status of a person</i>	61
V.A. Vorobjev. <i>Topical application of cross sectoral issues of prejudice in the criminal procedure of the Republic of Belarus</i>	66
V.V. Gladyshev. <i>Some problematic aspects of the criminal law protection of intellectual property</i>	70
A.P. Grahotsky. <i>Application of the family law of the Roman Catholic Church in Belarus (the second half of the XIX – beginning of the XX century)</i>	75
N.V. Kopytkova. <i>On the relation between the principles of the inviolability of frontiers, territorial integrity and self-determination of peoples</i>	80
L.A. Krasnobaeva. <i>Types of public service</i>	86
A.N. Mokharau. <i>Determination of spatial-temporal parameters at disclosing and investigation of crimes: criminalistic aspects</i>	91
E.I. Rylko. <i>The legal nature of the right of institution for self-disposal of income received from income-generating activities and property acquired by them</i>	97

T.V. Senkova. <i>Administrative delictual jurisdiction: concept, signs, distinction from administrative managerial jurisdiction</i>	102
I.M. Sinitsa. <i>International standards for the administration of juvenile justice</i>	109
I.N. Tsykunova, T.P. Afonchenko. <i>Procedural aspects of the implementation of measures of post penal control</i>	114
I.A. Yutsov. <i>Legal regulation of safety of significant state facilities as an important element of national security</i>	120

ECONOMICS

I.A. Aksenova. <i>Housing and construction policy and its implementation in the region</i>	126
V.A. Alekseychuk. <i>Shadowing of the manufacture of bakery products in Ukraine</i>	131
L.P. Delidovich, T.V. Ushak. <i>The main directions of improving the organization of social and economic services of the population in the Republic of Belarus</i>	137
V.S. Lopanova. <i>State regulation of the regional market of consumer goods and services</i>	142
A.A. Melchenko. <i>Flexible software development: extreme programming project management</i>	146
O.V. Pugacheva, V.M. Chetverikov. <i>Macro- and foreign economic aspects of development of the Republic of Belarus</i>	151
A.I. Semchenko. <i>The concept of economic development in economic science</i>	158
B.V. Sorvirov, E.A. Zapadnyuk. <i>Cyclical development of China economy</i>	164
I.M. Tsarenkova. <i>Features of the timing and sequence of major repairs and reconstruction of roads</i>	171
A.I. Chepik. <i>Financing of innovation</i>	177
Chen Chun. <i>Network relationships – the basis of business activities in China</i>	182
N.G. Yushkova. <i>State control of territorial development of regional systems: peculiarities, trends and prospects</i>	186

PERSONALITY

V.F. Kadol. <i>Life and scientific-pedagogical heritage of I.F. Kharlamov (commemorating the 95th anniversary of birth)</i>	192
---	-----

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.43:005.336,5:37.091.3:811'243-057.4

Эмоциональная культура учителя иностранного языка как компонент профессиональной культуры

Д.К. БАРТОШ¹, Н.Д. ГАЛЬСКОВА²

Исследуется проблема эмоциональной культуры как компонента профессиональной компетенции учителя иностранного языка. Определено содержание эмоциональной компетентности, которое состоит из ряда умений, значимых для учителя иностранного языка. Выявлены способы воздействия на эмоциональную сферу учащихся с целью повышения эффективности учебного процесса и создания комфортной эмоциональной атмосферы на занятиях.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, эмоциональная культура, эмоциональный интеллект, эмоциональная компетентность, эмоции.

The problem of emotional culture as a component of professional competence of a foreign language teacher is studied. The content of emotional competence is singled out. It consists of a number of skills that are relevant for a foreign language teacher. The ways of influencing on the emotional sphere of students are identified in order to increase the effectiveness of the educational process and create a comfortable emotional atmosphere in the classroom.

Keywords: professional competence, emotional culture, emotional intelligence, emotional competence, emotions.

Хорошо известно, что успешная реализация целевых аспектов обучения иностранному языку в современном их понимании в полной мере зависит от уровня профессиональной подготовки учителя. Именно поэтому в последние годы особое внимание в методике уделяется проблемам формирования у будущих учителей иностранных языков профессиональной компетенции, то есть способности и готовности эффективно осуществлять свою преподавательскую (обучающую) деятельность. При этом эффективность профессиональной деятельности учителя увязывается, прежде всего, с тем, насколько хорошо он знает предмет, который преподает (в нашем случае иностранный язык и культуру страны изучаемого языка), и умеет строить педагогический процесс таким образом, чтобы добиться положительных результатов в достижении целей обучения. Однако только знаний предмета и умений его преподавать явно недостаточно. В связи с возрастанием культурно-интегрирующей и культуросозидающей функций образования в целом и языкового образования в частности [1] важно говорить о профессиональной (педагогической) культуре как существенной части общечеловеческой культуры и сущностной характеристики личности учителя, интегрирующей в себе разностороннюю образованность, высокоразвитое педагогическое мышление, знания, чувства, творческое отношение к своей профессии, духовные и материальные ценности, педагогическую позицию, внутреннюю удовлетворенность по отношению к своей работе [2].

Одной из составных частей общей культуры и важных составляющих педагогической культуры является эмоциональная культура, которую часто соотносят с понятиями «эмоциональный интеллект», понимаемый как «совокупность интеллектуальных способностей, обеспечивающих понимание эмоциональных состояний и управление ими», или «эмоциональная компетентность». Заметим, что в специальной литературе по психологии данные понятия рассматриваются как равнозначные.

Понятия «эмоциональная культура», «эмоциональная компетентность», «эмоциональный интеллект» достаточно новые. Начиная с конца XX в. во многих странах мира предпринимаются многочисленные исследования, посвященные изучению эмоций человека, в том числе и их роли в процессе обучения, разрабатывается концепция эмоционального интеллекта личности (Р. Бар-Он, Дж. Майер, П. Саловей и др.). Например, в США разрабатываются

программы для детей разного возраста, помогающие в развитии эмоционального интеллекта. Подобные программы обучения уже используются в некоторых американских университетах. Программа CASEL, стартовавшая в 1994 г., сосредоточена на исследовании социального и эмоционального развития и внедрении их результатов в процесс обучения (Д. Гоулмен, Р. Вейсберг и др.) [3]. Профессор Г. Астляйтнер из Австрии считает, что целью успешного обучения является соединение учебного материала с положительными эмоциями, так как материал, заученный с хорошим настроением, лучше усваивается и запоминается. Основываясь на новейших исследованиях в области педагогики и анализе практического опыта, он разработал научно обоснованную модель организации процесса обучения под названием «Der FEASP-Ansatz», цель которой – интеграция эмоций на каждом учебном занятии (уроке) без значительных потерь времени, отводимого на урок [4].

Проведенный в России в конце 80-х годов прошлого века эксперимент по раннему обучению иностранным языкам убедительно показал, что положительный эмоциональный климат, создаваемый на занятии/уроке с помощью игры и доброжелательного отношения учителей по отношению к детям, делает их активными, подвижными, легко вступающими в контакты. Кроме того, обучающиеся в экспериментальных группах показали, по сравнению с детьми из контрольных групп, повышенный уровень их общей воспитанности, отсутствие ярко выраженной гемодинамической реакции на урок иностранного языка (данная реакция проявляется в повышении частоты сердечных сокращений, систолического, диастолического и среднего артериального давления) [5].

Анализ специальной литературы [6], [7], [8], [9] показывает, что эмоциональная культура это умение человека:

- а) осознавать и оценивать себя (свои сильные и слабые стороны, свои чувства и поведение, причины их появления и последствия, к которым они приводят, составлять план личного развития);
- б) управлять собой (своими установками, поведением, принимать решения, быть, где надо, настойчивым, гибким, справляться со стрессовыми и конфликтными ситуациями, управлять своими эмоциями так, чтобы они работали на вас, а не против);
- в) мотивировать себя (определять четкие направления движения, достигать результатов, иметь положительные настрой, делать свою жизнь и работу интересной);
- г) понимать людей, их эмоции, чувства, почему они ведут себя так или иначе, быть терпимым;
- д) строить взаимоотношения с людьми (умение строить отношения доверия, уважения, уметь договариваться, быть хорошим участником команды).

Как видим, все перечисленные умения чрезвычайно важны для учителя иностранного языка, поскольку эмоции применительно к речевому общению, речевой деятельности рассматриваются как «идентификатор отношения субъекта к предмету речевой деятельности, репрезентантов сознанию познавательной-коммуникативной потребности субъекта и «мотивационного катализатора», обладающего мощным зарядом, направленным на активизацию речемыслительной деятельности на иностранном языке» [10, с. 21].

Отсюда очевидно, что учитель иностранного языка должен уметь одновременно управлять как процессом усвоения учащимися изучаемого языка как средства межличностной и межкультурной коммуникации, так и процессом общения на этом языке в учебном процессе. А, как известно, вовлечение учащихся в речевое общение возможно лишь в ситуациях, отличающихся благоприятным психологическим климатом, способствующим раскрытию индивидуальных возможностей каждого ученика и стимулирующим процесс усвоения учащимися запланированного содержания обучения. Поэтому для учителя иностранного языка важно уметь управлять своими собственными эмоциями и, организуя учебно-познавательную и коммуникативную деятельность учащихся, устанавливать с ними взаимоотношения, основанные на уважении человеческого достоинства, мотивировать их к познанию и общению на изучаемом языке, воспринимать внутренний мир каждого ученика, безошибочно определять характер его эмоциональных состояний, сопереживать ему и использовать свое понимание обучающегося не в своих собственных интересах, а интересах ученика [11]. Более того, именно для учителя иностранного языка важно знать специфику выражения эмоций и эмоционального поведения представителей конкретных этнических общностей и использовать эти знания с целью констатации закономерностей эмоциональной жизни носителей изучаемого языка. В настоящее время недостаточно владеть иностранным языком, важно также владеть знаниями о его

носителях и об их коммуникативной и эмоциональной культурах. Иными словами, современный учитель иностранного языка должен владеть не только наукой обучения и воспитания учащихся, но и искусством общения с ними и с каждым из них в отдельности, а также быть толерантным и справедливым к ним, открытым в проявлениях своих собственных интересов и эмоций.

К числу основных человеческих эмоций ученые относят радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, интерес и др. По отношению к педагогическому процессу целесообразно использовать деление эмоций на положительные и отрицательные, то есть приятные и неприятные.

Положительные эмоции включают радость, симпатию, восхищение, благодарность, привязанность, уважение, доверие, гордость, восторг и др., а отрицательные эмоции – зависть, обиду, страх, грусть, ярость, боязнь, досаду, безнадежность, сожаление, разочарование, уныние, скуку, вину, растерянность, негодование и др.

На возникновение эмоций существенное влияние оказывает новизна или необычность ситуации. Поэтому любая новая, лично значимая для субъекта ситуация нередко приобретает для него в той или иной мере эмоциональную окрашенность. Вместе с тем следует отметить, что в зависимости от индивидуальных особенностей человека, его менталитета, темперамента, наличия или отсутствия у него жизненного опыта, а также от ситуации, в которой он находится, одна и та же причина может вызывать у него разные эмоции. Поэтому для успешного процесса обучения весьма актуальным является вопрос, как можно повлиять на эмоции ребенка для достижения им хороших результатов в учебе.

Для ответа на этот вопрос необходимо определить, во-первых, какие эмоции обучаемых должны находиться в центре внимания обучающихся, и, во-вторых, разработать такие стратегии работы на уроке, которые путем воздействия на соответствующие эмоции способствуют достижению хорошего усвоения материала и, тем самым, эффективности процесса обучения.

Согласно Г. Астляйтнеру, в процессе обучения можно использовать различные технологии, способствующие обеспечению комфортности учебного процесса и его эффективности и нацеленные на снижение отрицательных эмоций ученика (страх, зависть, злость). Так, для снижения уровня страха у обучающихся следует создавать на уроке условия, при которых они переживают чувство собственного успеха, а допущенные ошибки рассматриваются как возможность для познания. В классе необходимо создавать непринужденную атмосферу, обучать учащихся критически оценивать различные ситуации с положительной позиции, сохраняя доброжелательность.

При проявлении зависти у обучающихся учитель может оценить достижения учащихся с точки зрения их личных достижений, повышая самооценку, демонстрируя честность и открытость, призывая к тому же и учащихся, справедливо хвалить, награждать и пр.

Злость или раздражение можно уменьшить, побуждая учащихся к использованию приемов контроля над этими эмоциями; соотнося проблемы с различными точками зрения (А как другие видят эту проблему?); допуская проявление злости или раздражения лишь при неприятии каких-либо поступков, связанных, например, с насилием.

Положительные эмоции необходимо стимулировать и поддерживать. Например, симпатию по отношению к учителю и другим ученикам можно стимулировать за счет ситуаций, в которых достижение поставленной цели требует их совместной деятельности. Учеников следует обучать общаться друг с другом, соблюдая общепринятые правила общения. На уроке иностранного языка это можно делать в процессе организации общения (деловые и ролевые игры, проекты, кейс-технологии и др.). При этом следует иметь в виду, что с эмоциями напрямую связан также и процесс запоминания новой информации, нового языкового и речевого материала. Лучше усваивается и дольше хранится в памяти эмоционально окрашенный учебный материал и материал, заученный с хорошим настроением [4]. Заметим, что это положение принимается в качестве ведущего методиками интенсивного обучения иностранным языкам, в частности, методикой, разработанной под руководством Г.А. Китайгородской.

Формирование эмоциональной культуры педагога должно стать одной из важных задач профессионального образования студентов – будущих учителей иностранного языка. Одним из авторов настоящей статьи проводилось исследование, имеющее своей целью определить важность учета эмоций в процессе обучения студентов, а также приемлемости использования FEASP-модели в процессе их учебной и будущей профессиональной деятельности [12].

В анкетировании участвовали студенты 3, 4 и 5 курсов института иностранных языков Московского городского педагогического университета, а также учителя ряда школ г. Москвы. Опросный лист (анкета) для первых двух курсов включал пять вопросов, связанных с: 1) учетом эмоций обучающихся на занятии со стороны преподавателя; 2) перечнем эмоций, испытываемых опрашиваемыми наиболее часто на занятиях; 3) эмоциями обучающихся, которые преподаватель должен учитывать/принимать во внимание во время занятия; 4) частотностью, с которой опрашиваемые за последние 2 недели испытывали на занятиях указанные эмоции (страх, зависть, гнев, симпатия, удовольствие); 5) выбором действий преподавателя, предложенных в анкете, которые могут, по мнению опрашиваемого, снижать у него отрицательные эмоции (страх, зависть, гнев) и укреплять положительные эмоции (чувство симпатии, доброжелательность к другим студентам в группе; удовольствие/удовлетворение от работы на занятии).

Результаты среза параметров эмоциональной культуры у студентов 3 и 4 курсов показал, что:

1) большинство опрошенных считает важным учет их эмоционального состояния на занятиях;
2) все опрошенные испытывают на занятиях такие эмоции, как страх, зависть, гнев, симпатия, удовольствие;

3) наиболее важными эмоциями в учебном процессе, требующими внимания обучающего, являются страх, удовольствие, гнев и зависть; вместе с тем студенты называют и другие эмоции (чувства, состояния), которые, по их мнению, также следует учитывать в учебном процессе, при этом часть из этих эмоций может быть отнесена к одной из пяти главных эмоций, как например, смех - к удовольствию, а обида - к зависти или гневу;

4) наибольшая частотность проявления эмоций составила у опрошенных от одного до пяти раз за последние две недели;

5) по мнению студентов, чтобы укрепить либо стимулировать положительные эмоции и снизить отрицательные, преподавателю необходимо: давать задания, выполнение которых позволяет испытать чувство успеха (88,6 %); обсуждать вместе со студентами допущенные ими ошибки и выяснять их причины (72 %); относиться ко всем студентам одинаково равно, не отдавая никому предпочтения (88,9 %); быть доброжелательным по отношению к студентам и культивировать у них толерантность и готовность помочь друг другу (89,7 %); давать задания, способствующие более тесному общению между студентами (61,9 %); практиковать на занятиях работу в группах (72,2 %); использовать задания, направленные на раскрытие творческих способностей студентов (77,8 %); использовать на занятиях материалы, содержащие юмор (93,3 %).

Таким образом, полученные результаты проведенного опроса позволили заключить, что студенты имеют четкое представление о видах эмоций, о важности создания эмоциональной комфортности учебного процесса. Кроме того, они умеют грамотно анализировать и оценивать свои собственные эмоциональные состояния и имеют представления о стратегиях обучения, используемых преподавателями в процессе обучения.

Целью опроса студентов 5 курса и учителей иностранного языка было выявление уровня эмоциональной культуры. Для этого им было предложено высказать свое мнение относительно: 1) важности учета эмоционального состояния учеников на уроке; 2) назвать минимум пять эмоций учеников, которые учитель должен учитывать на уроке; 3) отметить частотность применения 12-ти соответствующих стратегий обучения из предложенного списка.

На первый вопрос было предложено 7 вариантов мотивированных ответов. Все студенты и большинство учителей признали важность учета эмоций наряду с мотивацией, а также высказали мнение, что от этого зависит развитие личности учащихся. Однако, часть педагогов посчитала эмоции учеников делом их родителей, оценила их важность лишь в ситуации, когда ученики мешают работать или вообще отрицали в своей практике наличие эмоциональных проблем на уроке.

Второй вопрос не представил сложности для студентов 5 курса, но вызвал затруднения у части школьных учителей, которым соответственно пришлось испытать трудности и при ответе на третий вопрос.

Таким образом, проведенный опрос показал, что студенты, изучающие современные технологии обучения иностранному языку, обнаруживают стабильные знания в области теории эмоций и уже на завершающем этапе обучения в вузе имеют значительный опыт использования

этих знаний в процессе обучения. Что касается школьных учителей, то часть из них не в полной мере знакомы с проблемой эмоционального фактора обучения, и, следовательно, не могут использовать его в своей педагогической деятельности. Однако для них существует возможность восполнить недостаток нужной информации самостоятельно либо в институтах повышения квалификации учителей при условии введения в программу обучения соответствующего курса.

Формирование навыков практического использования этих знаний в процессе профессионального обучения в педагогическом вузе может осуществляться у студентов – будущих учителей иностранного языка в рамках творческих мастерских, в процессе создания сценариев и презентаций к конкретным урокам и темам УМК по иностранному языку. При этом работа будет иметь успех, если будет строиться с учетом всех требований, предъявляемых к эмоциональной насыщенности учебного материала и процесса обучения. Апробация подготовленных в вузе презентаций, сценариев, других материалов позволяет студентам оценить их влияние на эмоциональное состояние учеников, их мотивацию и степень усвоения учебного материала во время педагогической практики. Все это в целом, вне всяких сомнений, способствует формированию у будущих учителей эмоциональной компетентности в плане ее практической реализации.

В рамках курса теории и методики преподавания иностранного языка и других языковых предметов у студентов формируются навыки успешной межкультурной коммуникации и обогащается их эмоциональная культура. Они знакомятся с особенностями выражения эмоций носителями изучаемого языка, а также способами их вербализации, приобретают навыки и умения понимать и распознавать эмотивные единицы иностранного языка, что высоко определяет качество их языковой подготовки. Студенты осознают роль эмоционального компонента в развитии их профессионально значимых качеств, в становлении их личности как педагога.

В заключение подчеркнем, что умение управлять своими собственными эмоциями требует специальных теоретических знаний по психологии и некоторых видов тренинга: психологического и методико-педагогического. Умение безошибочно определять характер эмоциональных состояний ученика и сопереживать ему может быть как врожденным свойством личности студента, так и приобретаться им в результате специальных спецкурсов и тренингов в процессе обучения в педагогическом вузе. Умение прогнозировать эмоциональное состояние учеников на уроке требует практического опыта работы в школе, знание программы, тематического плана по иностранному языку, а также, что на наш взгляд, не менее важно и подтверждено опытом работы в школе, от умения и навыков учителя использовать компьютерные технологии и другие наглядные средства обучения. Для управления эмоциями учащихся на уроке необходимы знания определенных стратегий и технологий обучения иностранному языку, которые направлены на поддержание и стимулирование положительных эмоций и снижение интенсивности отрицательных эмоций учеников, а также навыки их применения в определенных учебных ситуациях.

У студентов, оценивающих результаты своего первого опыта работы в школе, возникает осознанная необходимость в целенаправленном пополнении недостающих и систематизации уже имеющихся у них знаний по психологии эмоций и их методико-педагогической реализации, что требует: а) включения соответствующих новых предметов в программы обучения, б) после прохождения первой педагогической практики введения спецкурса, затрагивающего наиболее актуальные для организации процесса обучения иностранному языку в школе аспекты теории эмоций и их методико-педагогического обеспечения; в) использования тренинговых занятий, деловых и ролевых игр, групповых дискуссий, моделирование ситуаций педагогического общения.

Литература

1. Гальскова, Н.Д. Проблемы иноязычного образования на современном этапе и возможные пути их решения / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 9. – С. 2–9.
2. Сорокопуд, Ю.В. Педагогика высшей школы / Ю.В. Сорокопуд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 541 с.

3. Гоулман, Д., Бояцис, Р., Макки, Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М., 2005. – 301 с.
4. Astleitner, H. Designing emotionally sound instruction: The FEASP-approach / H. Astleitner // *Instructional Science*. – 2000. – № 28. – С. 15–21.
5. Раннее обучение иностранным языкам: проблемы и перспективы : сб. научн. ст. / НИИ школ; отв. ред. Гальскова Н.Д., Климанова Л.Ф. – М., 1989. – 75 с.
6. Андреева, И.Н. Развитие эмоциональной компетентности педагогов / И.Н. Андреева // *Психология образования сегодня: Теория и практика : материалы Междунар. науч.-практич. конференции ; под ред. С.И. Коптевой, А.П. Лобанова, Н.В. Дроздовой*. – Мн., 2003. – С. 65–72.
7. Истомина, М. Эмоциональная культура педагога как показатель профессиональной компетентности / М. Истомина [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://pedsovet.org/>. – Дата доступа : 19.06.2014.
8. Колтырева, Л.Ю. Структурно-содержательные и функциональные характеристики эмоциональной культуры педагога / Л.Ю. Колтырева // *Образование и саморазвитие : научный журнал*. – 2009 – № 6. – С. 27–33.
9. Реан, А.А., Бордовская, Н.В., Розум, С.И. Психология и педагогика / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. – СПб. : Питер, 2010. – 432 с.
10. Сергеева, О.А. Эмоциональный компонент социально-педагогического сопровождения учебного процесса / О.А. Сергеева // *Ярославский педагогический вестник*. – 2007 – № 1. – С. 60–69.
11. Чернышов, С.В. Механизмы иноязычной речевой деятельности и эмоции / С.В. Чернышев // *Иностранные языки в школе*. – 2014. – № 12. – С. 19–22.
12. Бартош, Д.К. Особенности формирования эмоциональной культуры будущего учителя иностранного языка / Д.К. Бартош // *Среднее профессиональное образование : ежемесячный теоретический и научно-методический журнал*. – 2011. – № 2. – С. 16–19.

¹Московский городской педагогический университет

²Московский государственный областной университет

Особенности развития речекommunikативных умений у детей пяти-семи лет с общим недоразвитием речи

Е.П. БОБРОВА

В настоящее время в дошкольном возрасте увеличивается число проявлений общего недоразвития речи, которое препятствует полноценному формированию речевой коммуникации, ограничивает возможности установления социальных связей и затрагивает сферу межличностных отношений ребенка. Названное ограничение затрудняет социализацию и дальнейшую интеграцию в общество. В данной статье рассматривается своеобразие развития речекommunikативных умений детей пяти-семи лет с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: дети пяти-семи лет с общим недоразвитием речи, речекommunikативные умения, контактоустанавливающие умения, диалогические умения.

Currently in pre-school age the number of manifestations of the general underdevelopment of speech increases. It prevents the formation of the full speech communication, limits the possibility of establishing social relationships and affects the scope of the interpersonal relationships of the child. This restriction complicates socialization and integration into society. This article deals with the features of the development of speech and communication skills of children from five to seven years with general underdevelopment of speech.

Keywords: children from five to seven years with the general underdevelopment of speech, speech and communication skills, ability to establish contact, dialogical skills.

Главным достижением в развитии ребенка к концу дошкольного периода является умение общаться. Исследования ряда ученых (Л.И. Божович, М.И. Лисиной, Д.Б. Эльконина и др.) показывают, что коммуникативные потребности данного возраста выдвигают на первый план познание социального мира, его законов и себя через призму человеческих отношений. В иерархии целей и мотивов общения наивысшую позицию в данном возрасте занимает потребность во взаимопонимании и сопереживании взрослого.

Общее недоразвитие речи (далее – ОНР), приводящее к неблагоприятному всей речевой системы, ее звуковой и смысловой сторон, отражается на психофизическом развитии ребенка в целом. Каждый ребенок пяти-семи лет с ОНР характеризуется глубоким своеобразием развития как речевой, так и коммуникативной деятельности. При переходе к школьному обучению у детей с ОНР возникают затруднения в овладении письменной речью, навыками учебной деятельности, формирования новых социальных связей. В ряде исследований данной проблемы (О.А. Слинько, Л.Г. Соловьева, О.Н. Усанова, Г.В. Чиркина) отмечается, что к школьному возрасту дети данной категории не готовы выражать свое мнение, расспрашивать и давать информацию, спорить по различным вопросам и делать выводы, самостоятельно начинать и заканчивать разговор. Как показывает практика, увеличение количества речевых средств не становится определяющим в освоении ребенком мира социальных отношений.

Своеобразие речекommunikативных умений детей старшего дошкольного возраста с ОНР в сравнении с нормально говорящими детьми старшего дошкольного возраста выделено на основе экспериментальных данных, полученных в учреждениях дошкольного образования г. Гомеля (№ 99, № 5, № 22, № 125, ДЦ «Медуница») в апреле-июне 2012 г. Выборка представлена двумя группами в количестве 64 испытуемых. Первую группу составили 32 испытуемых с ОНР третьего уровня речевого развития (69 % мальчиков, 31 % девочек), 20 из которых представляли специальное дошкольное учреждение, 12 – интегрированные группы учреждений дошкольного образования. Средний возраст испытуемых первой группы на момент начала эксперимента составил 6 лет 6 месяцев. Вторую группу составили нормально говорящие дети старшего дошкольного возраста – 32 испытуемых, средний возраст – 6 лет 5 месяцев (47 % мальчиков, 53 % девочек).

Системно-структурный анализ речевой коммуникации детей старшего дошкольного возраста с ОНР позволил выделить речекommunikативные умения, различающиеся по видам речевой

деятельности (говорение, слушание) и характеру осуществляемого коммуникативного действия (установление контакта, отправление и прием сообщения). На этой основе определены группы речекоммуникативных умений для их изучения в процессе эмпирического исследования: 1) умения устанавливать речевой контакт (вступать, поддерживать, устанавливать обратную связь); 2) умения слушания, или аудирования, (получения сообщения); 3) умения говорения (диалогические и развернутого связного высказывания (отправления сообщения)).

Для оценки речекоммуникативных умений в контексте нашего исследования выделены функциональные свойства, определяющие параметры их измерения: контактоустанавливающие (умения устанавливать обратную связь, поддерживать контакт); когнитивные (умения осмысливать полученное сообщение, быстро и точно выражать мысль (значения слов точно соотносены с содержанием события)); языковые (умения отбирать и правильно использовать языковые средства (нормативность речи); 4) прагматические (умения отбирать речевые средства (уместность, выразительность) в соответствии коммуникативными намерениями говорящих).

При проведении эксперимента применялись адаптированные варианты стандартизированных методик (С.Ю. Серебренникова, А.В. Чулкова). Каждая серия заданий предполагала оценку выраженности выделенных нами речекоммуникативных умений в ходе проведения эксперимента. Так как умения составляют операциональную часть речевой деятельности [1, с. 10–11] в момент проведения эксперимента представляется возможным дать оценку внешним проявлениям (выражению) речевой коммуникации, то есть выраженности речекоммуникативных умений. В основу дифференциации оценки выраженности были определены показатели степени выраженности (от 1 до 3 баллов) объективированных свойств речекоммуникативных умений (языковых, контактоустанавливающих, когнитивных и прагматических). Руководящим принципом отбора заданий стали социальная направленность материала и соответствие возрастным показателям коммуникативного развития.

Научный интерес представляет параметр, определяющий направленность речи на социальное взаимодействие, выраженный в контактоустанавливающих и прагматических умениях. Методика «Диалог-контакт» (серия заданий № 1) направлена на выявление умений к установлению и поддержанию речевого контакта. При оценке результатов учитывались следующие параметры: инициативные действия по установлению контакта, способность принимать роль получателя и отправителя и отбор речевых средств в соответствии с условиями общения. Качественный анализ направлен на уточнение способности к установлению обратной связи в ситуации взаимодействия: умения строить позитивные отношения, поддерживать социальный контакт (в том числе вербально).

Контактоустанавливающие умения проявляются в выраженном стремлении к социальному взаимодействию, установлению отношений с помощью речевых и неречевых средств: ребенок иницирует, устанавливает, поддерживает диалог, концентрирует внимание на собеседнике, удерживает глазной контакт, с помощью реплик устанавливает обратную связь, в ответ на реплику-обращение дает ответную реплику или действие, проявляет доброжелательность. Важнейший параметр – самостоятельность в установлении контакта.

Поскольку функционирование речевой деятельности детей старшего дошкольного возраста направлено на налаживание социальных контактов, то прагматические умения будут проявляться в релевантном выборе реплик-обращений и ответных реплик в соответствии с условиями общения, выборе стратегии речевого взаимодействия. К ним относятся: умения отбирать языковые средства в соответствии с целями речевой коммуникации; умения отбирать речевые способы передачи информации в соответствии с условиями коммуникации (событие, место, время): тон голоса, паузы, темп, ритм и т. д.; умения строить высказывание, понятное для собеседника.

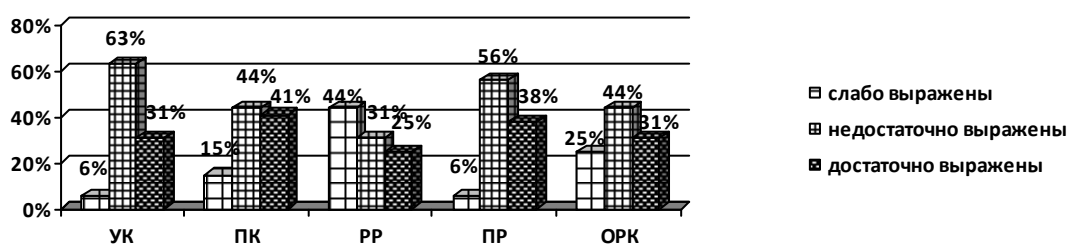
Проверка достоверности полученных результатов с помощью методов математической статистики показала, что совокупность обеих групп выборки однородна, вариация слабая и полученным результатам можно доверять.

Оценка выраженности данных умений в ходе выполнения серии заданий «Диалог-контакт» представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная оценка умений вступать в контакт детей старшего дошкольного возраста с ОНР и нормально говорящих (НГ) по результатам серии «Диалог-контакт»

Оценка выраженности умений	Установление контакта		Поддержание контакта		Уместность реплик	
	Контактоустанавливающие				Прагматические	
	ОНР	НГ	ОНР	НГ	ОНР	НГ
Достаточно выражены	31 %	50 %	41 %	84 %	31 %	72 %
Недостаточно выражены	63 %	50 %	44 %	13 %	44 %	28 %
Слабо выражены	6 %	—	15 %	3 %	25 %	—

Из таблицы видно, у детей с ОНР выраженность умений поддерживать контакт (41 %) и отбирать реплики (31 %), соответствующие ситуации диалога, практически в два раза меньше, чем у нормально говорящих детей (84 % и 72 % соответственно). В то же время, необходимо отметить, что в группе нормально говорящих детей умение вступать в контакт оказались достаточно выраженными у 50 % испытуемых. Данный факт может свидетельствовать о том, что наличие речевых средств не является определяющим в реализации коммуникативных способностей. Выдвинутое нами предположение, что контактоустанавливающие умения у детей старшего дошкольного возраста с ОНР менее выражены, чем у нормально говорящих сверстников нашло подтверждение. На диаграмме (рисунок 1) представлены результаты изучения речекоммуникативных умений в процессе проведения диалога.

УК – установление контакта; ПК – поддержание контакта; РР – реплики; ПР – понимание речи;
ОРК – ориентировка в речевой коммуникации

Рисунок 1 – Результаты выполнения детьми с ОНР серии № 1 «Диалог-контакт»

Из диаграммы видно, что дети с ОНР имеют высокие потенциальные возможности развития в данном направлении, так как умения поддерживать контакт выражены у 41 %, умения принимать сообщения, правильно понимать (декодировать), реагировать на обращенную речь (без дополнительного стимула) выражены у 38 % испытуемых. Вместе с тем, у 44 % испытуемых с ОНР слабо выражены умения формулировать ответные реплики, отбирать речевые средства, соответствующие условиям общения.

Качественный анализ позволил выделить варианты проявления контактоустанавливающих умений у детей старшего дошкольного возраста с ОНР. Для их различения был применен код, где К – контакт, О – роль отправителя, П – роль получателя, присутствие характерных свойств обозначено знаком плюс (+), отсутствие знаком минус (–). Нами выделены следующие варианты установления контакта детьми старшего дошкольного возраста с ОНР:

1) в ответ на реплику-стимул неохотно вступали в контакт (К) и не поддерживали его, глазной контакт устанавливали, но не удерживали – обратная связь отсутствует, кратко отвечали на избранные вопросы («Какая твоя любимая игрушка?» – «Много» – пауза), не принимали роли отправителя (О) и получателя (П) (К–О–П–);

2) в ответ на реплику-стимул давали реплику-реакцию, затем брали на себя инициативу отправителя, игнорируя условия коммуникации и собеседника (аутодиалог) – обратная связь отсутствует («Что ты слепил?» – Это рыбка. «Когти» (плавники) у нее такие. Я ее ловил «на удочки». У нас есть такая Наташа. Я к ним хожу. У них «рыба растет». Там ... змея. Они любят червяков... и т. д.) (К–О+П–);

3) в ответ на реплику-стимул вступали в контакт и поддерживали его, глазной контакт устанавливали и удерживали – обратная связь неустойчива, кратко отвечали на вопросы, ожидая продолжения взаимодействия, охотнее принимали роль получателя (К+О–П+);

4) в ответ на реплику-стимул охотно вступали в контакт и активно поддерживали его, глазной контакт устанавливали, удерживали – обратная связь устойчива, на вопросы отвечали развернуто, ожидая продолжения взаимодействия, поочередно принимали роль получателя и отправителя (К+О+П+);

5) инициировали контакт и поддерживали его активно, глазной контакт удерживали на всем протяжении контакта – обратная связь устойчива, на вопросы отвечали развернуто, поочередно принимали роль получателя и отправителя, свободно оперировали речевыми средствами, охотнее принимали роль отправителя (К++О+П+).

В первых двух вариантах (1, 2) коммуникация является ложной, так как не осуществлялась обратная связь, наблюдалось отсутствие навыков к налаживанию взаимодействия. Варианты (4, 5) показывают готовность ребенка к речевому взаимодействию. Вариант 3 показывает недостаток речевых средств и способов осуществления коммуникации. В таблице 2 представлено процентное соотношение групп детей, выделенных по указанным вариантам.

Готовность к полноценному осуществлению речевой коммуникации проявилась у 32 % дошкольников с ОНР (4 и 5 варианты). 40 % готовы стать участниками коммуникации по инициативе взрослого, однако они не владеют способами установления обратной связи, в коммуникации участвуют формально, то есть не включаются в коммуникативную деятельность, формально поддерживают разговор. 28 % от числа данной группы (1 и 2 варианты) не готовы стать участниками коммуникации, так как они не стремятся к социальному контакту и не владеют способами его установления даже при наличии достаточного объема речевых средств (таблица 2).

Таблица 2 – Варианты вступления в диалог детей пяти-семи лет с ОНР

Диалог-контакт	1 вариант (К–О–П–)	2 вариант (К–О+П–)	3 вариант (К+О–П+)	4 вариант (К+О+П+)	5 вариант (К++О+П+)
Дети с ОНР	6 19 %	3 9 %	13 40 %	5 16 %	5 16 %

Из таблицы видно, что данный материал позволяет прогнозировать значительные трудности социальной адаптации у одной трети детей (1–2 варианты) данной нозологической группы при переходе к школьному обучению.

В ходе эксперимента внимание фиксировалось на детерминированности проявлений речекommunikативных умений социальным опытом, направленностью ребенка на социальный мир. Отношения между субъектами общения, реализуются в эмоционально-личностном и социокультурном аспектах речевой коммуникации (реализация намерения, социальной роли и коммуникативного опыта, уместность речи, использование речевых клише и этикетных формул). Трудности социализации прямо или косвенно связаны с недостаточным развитием, прежде всего, контактоустанавливающих и прагматических умений. Полученный фактический материал позволил провести сравнительный анализ данных умений у детей с ОНР, получающих дошкольное образование в специальном дошкольном учреждении (20) и группах интегрированного обучения и воспитания (12). Полученные результаты графически отражены на рисунке 2.

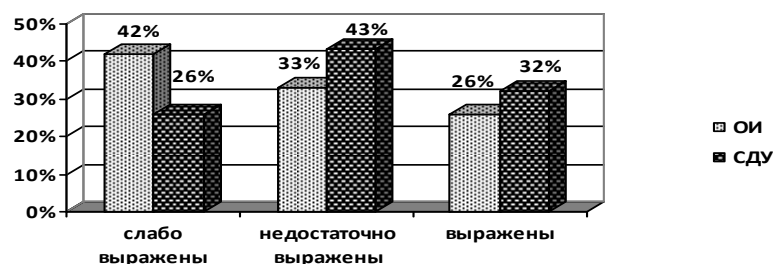

Рисунок 2 – Сравнительная оценка выраженности умений устанавливать контакт у детей с ОНР в различных условиях получения образования

Из диаграммы видно, что в интегрированных группах (ОИ) дети старшего дошкольного возраста с ОНР имеют более низкие показатели выраженности контактоустанавливающих умений по сравнению с детьми старшего дошкольного возраста с ОНР в специальном дошкольном учреждении (СДУ). Полученные результаты позволяют констатировать, что в условиях образовательной интеграции степень выраженности контактоустанавливающих умений у детей старшего дошкольного возраста с ОНР оказались ниже, чем в условиях специального дошкольного учреждения. Данный результат может свидетельствовать о трудностях социализации (явлениях декомпенсации) детей данной группы, что обуславливает необходимость создания условий для формирования речекommunikативных умений в аспекте развития культуры речевого общения и налаживания межличностных отношений для удовлетворения коммуникативных потребностей личности.

Для оценки выраженности умения ориентироваться в конкретной ситуации коммуникации и программировать диалог, исходя из данных условий, проведена вторая серия заданий, направленная на выявление умения составлять диалог с опорой на сюжетное изображение. Диалоги подвергались анализу по следующим критериям: принятие роли участников коммуникации, самостоятельность в построении диалога, количество диалогических единств (реплик), соответствие высказывания ситуации общения, характер оказываемой ребенку помощи. Качественный анализ направлен на оценку умения ориентироваться в условиях коммуникации при отборе речевых средств и передаче смысла происходящего. Наибольшие затруднения вызвало создание диалогического единства, то есть текста, состоящего из реплик, взаимосвязанных по смыслу (языковой компонент). Среди испытуемых с ОНР в 65 % случаев слабо выражены умения к образованию диалогических единств (дети произносили отдельные реплики одного из персонажей), что не предполагает социальный контакт. Недостаточно выражены данные умения у 35 % детей с ОНР. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Сравнительная оценка умений составлять диалог у детей пяти-семи лет с ОНР и нормально говорящих (НГ)

Оценка выраженности умений	Принятие роли		Ориентировка в ситуации		Диалогические единства		Уместность реплик	
	Контакто-устанавливающие умения		Когнитивные умения		Языковые умения		Прагматические умения	
	ОНР	НГ	ОНР	НГ	ОНР	НГ	ОНР	НГ
Достаточно выражены	16 %	56 %	13 %	47 %	–	9 %	16 %	81 %
Недостаточно выражены	37 %	41 %	65 %	50 %	35 %	75 %	65 %	19 %
Слабо выражены	47 %	3 %	22 %	3 %	65 %	16 %	19 %	–

Таблица показывает, что построение диалогического высказывания с учетом условий ситуации речевой коммуникации вызвало затруднения у испытуемых обеих групп. Предложенные диалогические единства состояли не более чем из двух реплик, что свидетельствовало о трудностях формирования программы диалогического высказывания, об ограниченности речевого замысла и осмысления происходящих событий. Кроме того дети с ОНР быстро утрачивали программу высказывания, не владели способами продолжения диалога (вопросы, выражение согласия, несогласия, эмоционального отношения). Нормально говорящие дети не испытывали затруднений лишь в 9 % случаев.

Дети с ОНР затруднялись принимать роли партнеров по общению. Детям, владеющим речевыми средствами в полной мере, роль отправителя сообщения была более предпочтительна, чем роль получателя (слушателя). С опорой на стимулирующую, направляющую и обучающую помощь (наводящие вопросы, подсказки, привлечение внимания к деталям события) дети легче справлялись с заданием и показывали более высокие результаты.

Построение диалогов вызвало значительные трудности в целом у 39 % детей с ОНР и у 3 % нормально говорящих дошкольников. Качественный анализ помог определить отличительные особенности умения учитывать условия коммуникации при отборе речевых средств и передаче смысла происходящего. Исследование показало, что дети старшего дошкольного возраста обеих выборок затруднялись учитывать условия, определяющие программу связного диалогического высказывания. Например, в предложенной ситуации предполагалось выявление ряда (5–6) условий: место события, расположение коммуникантов, их позы, жесты, харак-

терные для определенных состояний, признаки (девочка присела, придерживает собачку, смотрит на другую девочку (выражение лица серьезное). Анализ высказываний показал, что одна четвертая часть всей выборки представлена детьми, которые смогли установить логическую связь между определяющими условиями ситуации взаимодействия и отобрать релевантные речевые средства. Вторую четверть составили дети, которые учли определяющие условия, но установили неверную логическую связь («Девочка плачет, потому что «не дают поиграть с собакой, хочет погладить, ударить собаку» и пр.), или не установили ее («Девочка плачет, а ее подружка с собачкой»). Третья и четвертая части представлены детьми, которые игнорировали одно из основных условий, чаще всего не учитывалось состояние девочки, легко определяемое по жестам и позе (плачет), или присутствие собаки. Например, в диалогах реплики о собаке наблюдались чаще других реплик («Девочка играла с собачкой. – Вот, держи, поиграй с собачкой»; «Не надо бить собаку!»). Дошкольники с ОНР были менее разнообразны в выборе коммуникативной стратегии, отличались бедностью фантазии и редко выходили за рамки изображенной ситуации, давали неверные суждения («Девочка хочет ударить собачку», «Не надо бить ведром собак», «Нельзя собак поливать водой»). Наблюдались простые короткие, незавершенные фразы (Упала? Не плачь! Успокойся. Собака не кусается). Нормально говорящие дошкольники составляли свои высказывания, выходя за рамки конкретной ситуации («Девочка пошла набирать воду. Хотела полить цветы).

По итогам представленных серий заданий выделены характерные особенности умений вести диалог для детей всей выборки (старшего дошкольного возраста): высказывания соответствовали ситуациям, реплики были структурно взаимосвязаны (реплика-обращение – ответная реплика), передача сообщения осуществлялась поочередно от каждого лица, характерно употребление речевых клише. Вместе с тем, проявилась недостаточная самостоятельность в построении диалога, формировании программы диалогического высказывания, вследствие недостаточной ориентировки в условиях коммуникации, неточная передача смысла происходящего.

Своеобразие речекоммуникативных умений у детей с ОНР проявилось в недостаточной направленности на социальный контакт: слабо выражены умения вступать в контакт в 44 %, ориентироваться в условиях коммуникации в 25 %, недостаточно выражены умения использования реплик-обращений и ответных реплик в 63 % случаев. В осуществлении процесса говорения в роли отправителя и получателя недостаточно выражен отбор речевых средств и формулирования ответных реплик, соответствующих условиям общения (44 %); слабо выражены умения к построению диалога, образованию диалогических единств (39 %), слабо выражены умения отбора и правильного употребления речевых и языковых средств в соответствии с темой, целью и коммуникативными намерениями говорящих, о чем свидетельствует слабая выраженность языковых (41 %) и прагматических (44 %) умений.

Таким образом, умения вести диалог детьми с ОНР проявляются в ограничении речевого замысла в коммуникативной стратегии, усеченности, незавершенности высказываний, трудностях отбора речевых средств, недостаточном осмыслении событий, длительных паузах, не несущих смысловой нагрузки. Установлено, что детям с ОНР легче осуществлять непреднамеренное высказывание, не ориентированное на установление контакта, чем поддерживать разговор в определенных условиях, составлять диалог.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что детям 5–7 лет с ОНР необходимо проведение специального обучения, направленного на формирование речекоммуникативных умений, обеспечивающих развитие культуры речевого общения и удовлетворение коммуникативных потребностей личности при налаживании межличностных отношений в процессе социализации.

Литература

1. Зимняя, И.А. Психология слушания и говорения : автореф. дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.07 / И.А. Зимняя ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1973. – 32 с.

Методика технического совершенствования квалифицированных прыгунов в длину в условиях второсигнальной корректировки

В.А. БОРОВАЯ, М.В. КОНЯХИН

Предложены методические рекомендации совершенствования технического мастерства квалифицированных прыгунов в длину на основе коррекции кинематических и динамических характеристик соревновательного упражнения путем обратных связей.

Ключевые слова: рациональная техника, прыжок в длину, кинематические и динамические характеристики прыжка, спортивный результат, обратная связь.

The guidelines to improve the technical skills of qualified long jumpers on the basis of the correction of the kinematic and dynamic characteristics of competitive exercise by feedbacks are proposed.

Keywords: rational technique, long jump, kinematic and dynamic characteristics of the jump, athletic performance, feedback.

Актуальность. Анализ состояния и обобщение передовой педагогической практики свидетельствует о высокой актуальности проблем овладения и совершенствования рациональной техникой при освоении сложных технических видов, в том числе и прыжков в длину, потому что сложные координационные действия необходимо выполнять на фоне максимальных проявлений скоростно-силовых физических качеств и предельной мощности работы.

Прыжок в длину с разбега, несмотря на кажущуюся простоту и естественность движений, – один из наиболее сложных видов легкой атлетики. Успех в этом виде состязаний зависит от многих факторов: от физических возможностей спортсменов, от техники выполнения ими соревновательного упражнения, от соответствующего психофизиологического состояния атлета, от благоприятных условий внешней среды и т. д. [1], [2], [3]. Хотя эти факторы играют существенную роль во многих видах спорта, но их идеальное сочетание, обеспечивающее необходимые условия для атлета, а, следовательно, и высокий спортивный результат, приобретают особую значимость в легкоатлетических прыжках. Такой вывод подтверждается самой историей развития данного вида спорта. Достаточно вспомнить, что именно в этом виде легкой атлетики наиболее долговечны мировые рекорды. Так, рекорд мира (8,13 м), установленный Д. Оуэнсом в 1935 г., продержался 25 лет, феноменальный результат (8,90 м), показанный Б. Бимоном (1968 г.) – 23 года, выдающийся рекорд (8,95 м) М. Пауэлла (1991 г.) остается непревзойденным уже более 23 лет.

На современном этапе развития теории спорта деятельность спортсмена рассматривается как сложное социально-биологическое явление. Спортивная тренировка – это управляемый научно-педагогический процесс, направленный на спортивное совершенствование через планомерное и целеустремленное воздействие на физические, морфо-функциональные и психические возможности спортсмена с целью достижения высших результатов [4].

Одним из важнейших разделов тренировки является развитие способностей к точной оценке кинематических и динамических характеристик движений, их ритмической структуры, которые непосредственно влияют на длительность и качество технико-тактического и функционального совершенствования [5].

Совершенствованию специализированных восприятий способствует применение различной осведомительной сигнализации в формировании спортивных навыков. Это позволяет спортсмену при помощи перво- и второсигнальной обратной связи зрительно-слуховых, мышечно-двигательных, двигательных-словесных представлений лучше усвоить рациональные технико-тактические варианты выполнения движений, оптимальный режим работы мышечного аппарата [1].

Цель исследования – повышение эффективности технической подготовки прыгунов в длину посредством коррекции кинематических и динамических характеристик движений путем обратных связей.

Результаты исследования. Научные исследования и практика тренировки убедительно показывают, что при отсутствии объективной оценки биомеханической сущности движений рост спортивного мастерства задерживается, возникают проблемы использования соревновательного и специальных упражнений, травматизма и развития патологических состояний у спортсменов [2], [3], [6], [7].

Для определения биомеханической сущности прыжков в длину анализировались кинематические и динамические параметры основных фаз движений и их взаимосвязь со спортивным результатом.

Было обследовано 17 прыгунов в длину квалификации от II разряда до мастеров спорта. За неделю до соревнований на тренировке мы определили абсолютную скорость в беге на 10 м с ходу. Затем был произведен биомеханический анализ соревновательных прыжков. Были определены скорость разбега на предпоследних и последних 5 м разбега, биомеханические параметры опорных реакций последних шагов разбега и финального отталкивания. Результаты брались из протоколов соревнований. Интенсивность разбега рассчитывали по отношению его скорости на последних 5 м к абсолютной скорости и выражали ее в процентах.

Исследования соревновательной деятельности показали, что параметры прыжков в длину значительно изменялись с ростом квалификации спортсменов. На каждом квалификационном уровне достоверно увеличивалась скорость на предпоследних и последних 5 м разбега. Считаем, что именно это обеспечивало улучшение результатов соревновательной деятельности.

Для прыгунов II разряда (5 спортсменов) характерным было то, что в большинстве попыток скорость разбега у них была наивысшей не на последних, а на предпоследних 5 м. При этом интенсивность разбега была в пределах 90,1–92,9 % от максимальной, а результаты прыжков – в диапазоне 567–628 см. В 26,6 % случаев наблюдались заступы. Нестабильные попытки, связанные со значительным нарушением темпа бега, отталкивания до бруска, составляли 41,1 %.

У прыгунов I разряда (6 человек) отмечалась низкая стабильность разбега и результатов прыжков. Для них было характерно увеличение скорости всего разбега, вплоть до отталкивания. Интенсивность разбега колебалась от 91,3 до 94,8 %. В большинстве попыток спортсмены стремились значительно интенсифицировать разбег, что в 45,3 % случаев приводило к заступам. Во многих попытках (31,7 %) имелся явный технический брак при подготовке к отталкиванию и его выполнении.

Прыгуны в длину более высокой квалификации (КМС – 4 человека и МС – 2) выполняли прыжки со значительно большей скоростью разбега, равномерно ее увеличивали к месту отталкивания. При этом диапазон изменений интенсивности разбега уменьшался: у КМС до 3,3 %; у МС – до 2,2 %. Количество заступов уменьшалось у КМС до 22,6 %, у МС – до 11,9 %. Вместе с тем следует отметить, что увеличение интенсивности выше 95,0–96,5 % вызывало у спортсменов высокой квалификации ухудшение эффективности прыжков и снижение результатов.

Анализ полученных данных показал, что в условиях соревнований прыжки в длину выполняются нестабильно, со значительными нарушениями темпа и ритма в заключительной части разбега. Прыгуны, особенно низкой квалификации, стремятся к необоснованному повышению скорости перед отталкиванием, что отражает их неумение контролировать ее на различных участках. Впоследствии это приводит к перестройке двигательных действий перед отталкиванием, их ухудшению в отталкивании и в полетной фазе.

Проведенный анализ соревновательных прыжков позволил дать объективную оценку биомеханической сущности движений при выполнении прыжков разной интенсивности. Анализ этих прыжков у каждого спортсмена осуществлялся в трех вариантах: в попытках с лучшими спортивными результатами; в прыжках с минимальной скоростью разбега; в прыжках с максимальной скоростью разбега.

Прыжки в условиях зимних соревнований характеризовались вариативностью интенсивности разбега (от 90,1 до 97,7 %). Это существенно влияло на спортивный результат, кинематические и динамические характеристики упражнения. Увеличение интенсивности разбега до 95,2 % обеспечивало прирост результатов. При этом в темпе разбега наблюдалась асимметрия в движениях с маховой и толчковой ноги. Это, по-видимому, обеспечивало спортсменам выполнение мощных усилий по вертикальным составляющим. Значительное повышение темпа последнего шага разбега со стопорящей постановкой ноги для финального отталкивания увеличивало горизонтальные усилия и создавало наиболее оптимальные условия для эффективного взаимодействия с опорой, в силу чего у прыгунов сохранялась оптимальная взаимосвязь фаз в структуре отталкивания.

Стремление прыгунов к интенсификации разбега до 97,7 % приводило к появлению явного брака в технике движений, 50,4 % таких попыток выполнялось с заступами. Увеличение темпа шагов в заключительной части разбега сопровождалось уменьшением мощности мышечных усилий и прогрессивным увеличением стопорящих движений в последних двух шагах и в отталкивании. Во всех попытках спортсмены стремились увеличить угол отталкивания и вылета за счет большего проявления вертикальных усилий.

Исследования техники прыжка в длину показали, что при выполнении прыжка возникают определенные трудности в управлении движениями. Управление движениями зависит и существенно определяется уровнем функционирования таких психических процессов, как ощущение и восприятие [1], [4]. Для этого необходимо, с одной стороны, развитие отчетливости зрительных, двигательных и других ощущений, а с другой – приобретение умений осуществлять контроль за действиями, тонко дифференцировать их по параметрам пространства, времени и интенсивности мышечных усилий [1]. Специализированные восприятия возникают в конкретных условиях спортивной деятельности, которая вызывает у спортсмена возникновение и развитие глубоко специфических ощущений, связанных со специализацией [7]. Специфика таких восприятий, главным образом, определяется особенностями вида спорта, в котором специализируется спортсмен. В спортивной практике эти специализированные восприятия называют «чувствами». В прыжках в длину это «чувство планки», «чувство полета», основано на деятельности двигательного и зрительного анализаторов, на ощущениях положения и движения тела в воздухе, зрительном восприятии планки. Следовательно, спортсмены, тонко чувствующие ситуацию и способные адекватно корректировать свои двигательные действия, имеют больше шансов добиться высоких спортивных результатов [3].

Проведенное нами исследование позволило разработать методику коррекции кинематических и динамических характеристик движений путем обратных связей. Она включает средства и методы, направленные на развитие способностей к воспроизведению, оценке, а также к дифференцированию пространственных, временных и силовых параметров движений. Эти способности основаны преимущественно на проприоцептивной чувствительности, поскольку двигательные ощущения и восприятия имеют наибольшее значение для управления движениями (зрительные, слуховые, вестибулярные и др.).

В тренировочный процесс были включены методики по развитию специфических чувств (так называемых) «чувства планки», «чувства ритма», «чувства полета». Этот очень тонкий комплекс ощущений возникает в процессе тренировки и особенно ярко проявляется в период приобретения спортивной формы, о чем говорят субъективные ощущения ведущих спортсменов.

Известно, что характер и количество информации определяют степень совершенства двигательной деятельности спортсмена; следовательно, «темное» мышечное чувство может быть более эффективно использовано при формировании движения, если его сочетать в виде условнорефлекторной связи с хорошо осознаваемыми зрительными, слуховыми и речевыми ощущениями. Это особенно необходимо спортсмену при выполнении такого технически сложного упражнения, как прыжки в длину. Для этого использовались следующие методические приемы.

Прыжок по заданию. В тренировке прыгуну предлагалось выполнить шесть прыжков. Результаты, которые должен был показать спортсмен, задавались по принципу контраста, то есть прыгун должен был выполнить первый прыжок далекий (около предельной дальности), второй – значительно ближе, а третий – средней дальности. Прыгун, выполнив прыжок сразу

после приземления, называл результат, основываясь только на нервно-мышечных ощущениях. Затем производился замер результата. Определив разницу между показателями: а) полученными по мышечным ощущениям и истинным результатам; б) полученными по мышечным ощущениям и заданными результатами и в) заданными и истинными результатами – мы находим показатели точности мышечных ощущений. Чем меньше эти показатели, тем лучше развито у прыгуна мышечное чувство. Этот методический прием может использоваться как для определения мышечного чувства у прыгунов, так и для его совершенствования.

Прыжки с заданным временем разбега. Прыгун выполняет прыжки, а тренер засекает время предпоследних и последний 5 м разбега и сообщает его ученику. Затем спортсмену предлагается выполнить прыжки быстрее или медленнее. В заключение прыгун совершает прыжки без задания, но при этом он должен самостоятельно определить время выполнения разбега. Такое умение ориентироваться во времени позволяет прыгуну совершенствовать ритм и находить оптимальную скорость прыжка.

Прыжки под счет. Тренер задает нужный ритм шагов разбега под счет «Т-а-а... т-а-а... т-а-а-а ... та... та». Затем предлагает прыгуну повторить вслух этот ритм и выполнить прыжок под такой счет. Этот метод применялся нами для совершенствования ритма разбега, когда у спортсмена отсутствовало плавное нарастание скорости при выполнении разбега, а также при слишком малом ее приросте и долгой постановке толчковой ноги.

Прыжок с закрытыми глазами. Прыгун, приняв исходное положение для прыжка, должен закрыть глаза, выполнить прыжок, определить дальность его на основании мышечных ощущений, после чего он сравнивает результаты прыжка со своими ощущениями. Этот метод особенно часто применяется с теми спортсменами, которые не умели прыгать «на технику», а в течение всей тренировки стремятся добиваться лишь предельных результатов.

Исследования показали, что подобные методы совершенствования мышечного чувства можно использовать на тренировочных занятиях как в условиях зала, так и на воздухе. Мы с успехом их применяли в подготовительном периоде тренировки, и особенно в период непосредственной подготовки и соревнованиям. Одновременно с этим нужно отметить, что наряду с другими сторонами тренировочного процесса специальная тренировка мышечных усилий как составная часть специальной подготовки способствует более быстрому становлению техники прыжка, временной структуры ритма разбега, высокой координации движений.

Проведенный нами педагогический эксперимент позволил судить об эффективности коррекции индивидуальных тренировочных программ по результатам оценки текущего уровня технической подготовленности прыгунов. При этом корректирующие воздействия по устранению слабых сторон в технической подготовленности квалифицированных прыгунов осуществлялись при помощи индивидуального подбора специальных упражнений на основе обратной афферентации.

Анализ результатов соревновательной деятельности квалифицированных прыгунов (таблица 1) свидетельствует о том, что индивидуальное построение тренировочных программ по коррекции кинематических и динамических характеристик движений путем обратных связей позволила спортсменам уже на первых соревнованиях, прошедших в начале мая, добиться более высоких результатов. При этом принципиально важно то, что прирост спортивной результативности наблюдался при стабилизации функциональной подготовленности испытуемых. Показатели специальной подготовленности изменились незначительно от 1,4 % в прыжках в длину с места до 3,2 % в метании ядра (4 кг) вперед, что свидетельствует о повышении полноты реализации моторных возможностей спортсменов в соревновательном упражнении.

Таблица 1 – Основные характеристики прыжка

	Биомеханические показатели	До эксперимента	После эксперимента
1	Официальный результат, м	6,90	7,57
2	Реальный результат, м	7,25	7,67
3	Потери при отталкивании, м	0,35	0,10
4	Скорость последних 10 м, м/с	9,62	10,42

Окончание таблицы 1

5	Скорость предпоследних 5 м, м/с	10,20	10,00
6	Скорость последних 5 м, м/с	9,10	10,86
7	3-ий шаг, м	2,00	2,15
8	Предпоследний шаг, м	2,40	2,30
9	Последний шаг, м	2,55	2,30
10	Угол постановки ноги, град	60	67
11	Угол амортизации, градусы	142	136
12	Угол отталкивания, градусы	74	65
13	Углы между бедрами при постановке ноги, градусы	28	34
14	Углы между бедрами при отталкивании, градусы	123	126
15	Угол наклона тела в момент приземления, градусы	27	18
16	Угол сгибание коленей, градусы	132	156
17	Угол сгибания тазобедренного сустава, градусы	76	78

Выводы. В результате проведенного исследования мы убедились в том, что перспективным направлением в процессе совершенствования технического мастерства квалифицированных прыгунов в длину является коррекция кинематических и динамических характеристик движений путем обратных связей.

Анализ соревновательной деятельности прыгунов в длину различной квалификации позволил выявить наиболее информативные биомеханические характеристики техники двигательных действий спортсменов, которые в наибольшей степени влияют на достижение высоких спортивных результатов в прыжке в длину у мужчин и составляют структуру их технической подготовленности: масса тела, длина тела, максимальный угол сгибания в коленном суставе опорной ноги в фазе отталкивания от опоры, угловая скорость разгибания в тазобедренном суставе опорной ноги при отталкивании от опоры, средняя горизонтальная скорость центра масс маховой (ЦМ) ноги в фазе отталкивания от опоры, продолжительность фазы отталкивания, скорость разбега перед отталкиванием, скорость вылета ОЦМТ в момент отрыва от опоры, угол вылета ОЦМТ.

С ростом квалификации спортсменов в показателях, составляющих структуру технической подготовленности прыгунов в длину и в наибольшей степени влияющих на спортивный результат, происходят следующие изменения: увеличение скорости вылета ОЦМТ, увеличение скорости разбега, увеличение угловой скорости разгибания в тазобедренном суставе опорной ноги, увеличение средней горизонтальной скорости ЦМ маховой ноги в фазе отталкивания, увеличение угла вылета ОЦМТ, уменьшение максимального угла сгибания в коленном суставе опорной ноги в фазе отталкивания, уменьшение продолжительности фазы отталкивания.

Важнейшим механизмом коррекции кинематических и динамических характеристик соревновательного упражнения является «осведомительная информация», работающая по принципу обратной связи. Проектирование, корректировка и выполнение новых движений у прыгуна может осуществляться не только при участии мышечного аппарата, но и при помощи словесных, зрительных и слуховых сигналов, которые несут в центральную нервную систему осведомительную информацию обо всех параметрах движения, что в свою очередь приводит к более точному исполнению соревновательного упражнения и повышению реализации функциональных возможностей спортсмена.

Проведенный эксперимент продемонстрировал эффективность методики технического совершенствования квалифицированных прыгунов в длину в условиях второсигнальной корректировки. Посредством второсигнального контроля происходит разрушение неправильно сложившегося стереотипа, обеспечивается избирательная регуляция возбуждающих и тормозных процессов в центральной нервной системе, возникают новые реакции, соответствующие адекватному отражению биомеханических параметров прыжка.

Совершенствование навыка в отражении кинематических и динамических характеристик прыжка успешно происходит вследствие методически правильно организованного учебно-тренировочного процесса, во время которого спортсмены приобретают опыт к обобщению и систематизации своих действий, выбора принципов в решении двигательных задач.

Литература

1. Гавердовский, Ю.К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика / Ю.К. Гавердовский. – М. : Физкультура и спорт, 2007. – 912 с.

2. Оганджанов, А.Л. Управление подготовкой квалифицированных легкоатлетов-прыгунов / А.Л. Оганджанов – М. : Физическая культура, 2005. – 200 с.
3. Тер-Ованесян, И.А. Подготовка легкоатлета: современный взгляд / И.А. Тер-Ованесян. – М. ; Терра – Спорт, 2000. – 128 с.
4. Бондарчук, А.П. Управление тренировочным процессом спортсменов высокого класса / А.П. Бондарчук. – М. : Олимпия Пресс, 2007. – 272 с.
5. Андрис, Э.Р. Выбор тренировочных средств в зависимости от структуры соревновательного упражнения / Э.Р. Андрис [и др.] // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 2. – С. 11.
6. Верхошанский, Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю.В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 330 с.
7. Запорожанов, В.А. Некоторые закономерности становления технического мастерства легкоатлетов / В.А. Запорожанов // Вопросы теории спортивной тренировки. – 1975. – Вып. 2. – С. 19–29.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.01.2015

УДК 37.015.3:159.9.019.43:316.622 – 057.857

Формирование продуктивного копинг-поведения у студентов

В.Н. ДВОРАК, С.А. СТАНИБУЛА

Раскрывается роль и значимость продуктивного копинг-поведения студентов в период кризисов обучения в высшем учебном заведении. Представлен авторский тренинг формирования продуктивного копинг-поведения у студентов. Доказана эффективность использованных в рамках психологического тренинга средств и методов в работе со студентами.

Ключевые слова: студенты, копинг-поведение, кризис, кризисное состояние, психологический тренинг, социально-психологическое сопровождение, продуктивное копинг-поведение.

The focus is made on the role and importance of productive coping behavior of students in times of crisis in the learning process while getting higher education. The author's training experience in the formation of productive coping behavior of students is presented. The effectiveness used in the framework of psychological training tools and techniques while working with students is also proved.

Keywords: students, coping behavior, crisis, crisis state and condition, psychological training, psychosocial support, effective coping behavior.

Кризис в жизни – это ситуация, которая обуславливает препятствия к реализации внутренних мотивов, потребностей, целей в силу возникновения объективных и субъективных факторов и условий. Человеку свойственна привычка к определенным (традиционным) формам жизнедеятельности, условиям существования, социальному статусу, нравственно-духовным ценностям, которые в итоге составляют базисный фундамент его жизнедеятельности. Кризисное состояние может лишить его этой опоры. В тоже время, наряду с отрицательными, негативными проявлениями, во время кризиса может происходить глубинное понимание истинной ценности жизни, духовное осознание самого себя. Поэтому психологический кризис – это, с одной стороны, предпосылка к физическим и психологическим страданиям, но и трансформация, развитие и личностный рост – с другой. Самой, пожалуй, важной функцией кризиса, является его влияние на развитие человека. Л.С. Выготский подчеркивал важность преодоления кризисов, как важного фактора в становлении личности [1].

Внутренней необходимостью жизни личности является реализация своего пути, своего жизненного замысла. Кризисы развития (от греч. *krisis* — решение, поворотный пункт) – это особые, относительно непродолжительные по времени периоды перехода в личностном развитии к новому качественно специфическому этапу, характеризующиеся значительными психологическими изменениями. Они обусловлены, прежде всего, разрушением привычной социальной ситуации развития и возникновением другой, которая более соответствует новому уровню психологического развития человека. Исследователи отмечают, что кризис – это критический момент и поворотный пункт жизненного пути [2], [3].

Период обучения в учреждении высшего образования связан с прохождением студентами трех кризисных стадий: на первом курсе – кризис самоидентификации; на третьем курсе – кризис, связанный с сомнением в правильности выбора профессии; на пятом – кризис, связанный с выходом на рынок труда [4]. Можно уверенно утверждать о том, что уже непосредственно в учреждении высшего образования личность студента сталкивается с весьма трудными для адаптации событиями, которые могут негативно отразиться на его психическом и физическом здоровье. Поэтому в данном контексте весьма актуальным становится вопрос о повышении качества социально-психологического сопровождения студентов.

Любое кризисное состояние несет за собой огромное количество психосоциальных проблем любой формы, и, учитывая данные аспекты, ключевым становится выявление механизмов совладающего поведения (копинг-поведения). Говоря о копинг-поведении, R.S. Lazarus определяет его как «стремление к решению проблем, которое пред-

принимает индивид, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия (как в ситуации, связанной с большой опасностью, так и в ситуации, направленной на большой успех), поскольку эти требования активируют адаптивные возможности» [5, с. 34].

По мнению же В.Н. Поникарова, продуктивное копинг-поведение обеспечивает выработку наиболее адекватных форм поведения в условиях меняющейся микро- и макросоциальной среды, творческой переработкой ситуации, обеспечивающей наиболее оптимальное соматическое, личностное и социальное функционирование личности [6, с. 49]. Можно утверждать, что непосредственно формируя продуктивное копинг-поведение, мы сможем помочь личности в эффективном преодолении кризисов. Одним словом можно обозначить, что социально-психологическое сопровождение студентов в условиях высшего учебного заведения должно проводиться в данном направлении.

Целью нашего исследования являлась разработка и экспериментальная апробация программы формирования продуктивного копинг-поведения у студентов. Практическая значимость результатов работы определяется выраженной прикладной значимостью формирования продуктивного копинг-поведения студентов. Разработанная программа осуществлялась в несколько этапов, что отражено в таблице.

Таблица – Экспериментальная программа «Формирование продуктивного копинг-поведения студентов»

Этап	Цель	Средства, методы	Результаты
Диагностический	Выявить индивидуальное копинг-поведение студентов	Методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма	Выявлено индивидуальное копинг-поведение студентов
Процессуально-развивающий	Повысить уровень индивидуального копинг-поведения	Тренинговое занятие «Работа с когнитивным аспектом личности»	Повысился уровень индивидуального копинг-поведения
		Тренинговое занятие «Проработка и развитие эмоциональной сферы личности»	
		Тренинговое занятие «Поведенческие аспекты личности»	
Оценочно-рефлексивный	Установить итоговый уровень сформированности продуктивного копинг-поведения	Повторная диагностика (методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма), индивидуальные и групповые беседы с студентами	Проанализированы полученные экспериментальные результаты. Даны практические рекомендации студентам

В ходе диагностического этапа осуществлялось определение индивидуальных копинг-стратегий. Для этого была сформирована выборка исследования количеством 40 человек, представленная студентами факультета психологии и педагогики Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Выборку представляли студенты второго, третьего и четвертого курсов. Используемая методика [7] позволила определить уровень следующих показателей: когнитивные копинг-стратегии, эмоциональные копинг-стратегии, поведенческие копинг-стратегии. Данные показатели имеют следующие градационные показатели: продуктивные копинг-стратегии (помогают быстро и успешно совладать со стрессом); относительно продуктивные копинг-стратегии (помогающие в некоторых ситуациях, например не очень значимых или при небольшом стрессе); непродуктивные копинг-стратегии (не устраняет стрессовое состояние, напротив, способствует его усилению).

У 42,5 % испытуемых выявлены продуктивные копинг-стратегии, 27,5 % относительно продуктивные копинг-стратегии, 30 % непродуктивные копинг-стратегии. Напомним, что относительно продуктивные копинг-стратегии помогают в некоторых ситуациях, например не очень значимых или при небольшом стрессе. Можно утверждать, что большая часть студентов обладает низкой толерантностью к стрессовым состояниям (рисунок 1).

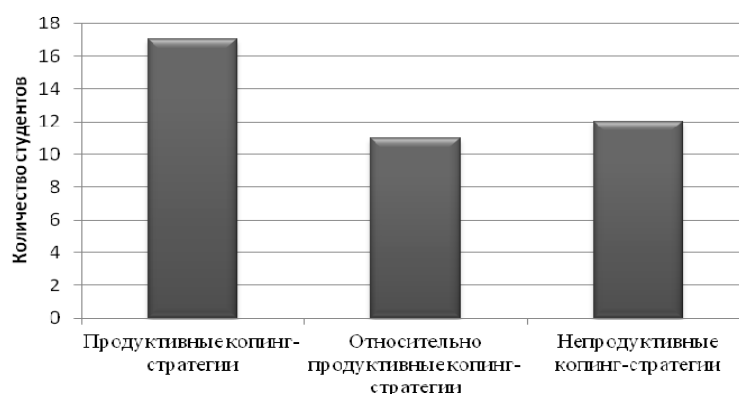

Рисунок 1 – Количество студентов с различными когнитивными копинг-стратегиями

У 35 % испытуемых выявлены продуктивные копинг-стратегии, 37,5 % относительно продуктивные копинг-стратегии, 27,5 % непродуктивные копинг-стратегии. Хотя это и не входит в задачи нашего исследования, но можно утверждать, что эмоциональное копинг-поведение ниже когнитивного, можно утверждать о некой эмоциональной проблематике (рисунок 2).

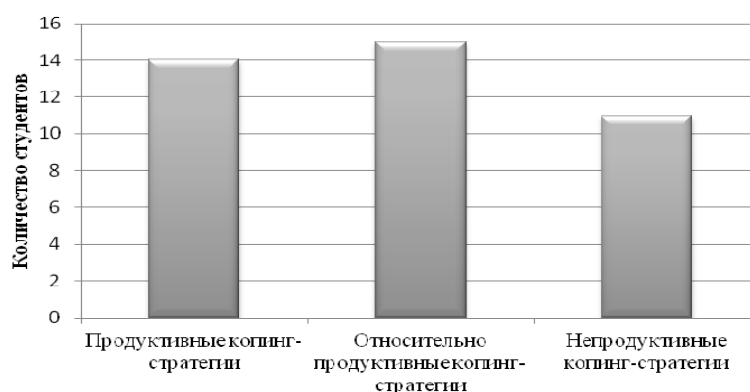

Рисунок 2 – Количество студентов с различными эмоциональными копинг-стратегиями

У 30 % испытуемых выявлены продуктивные копинг-стратегии, 40 % относительно продуктивные копинг-стратегии, 30 % непродуктивные копинг-стратегии. Видно, что в совокупности 70 % испытуемых не обладают продуктивным копинг-поведением (рисунок 3).

По результатам диагностики были отобраны студенты, имеющие наиболее низкие значения по исследуемым показателям, которым было предложено принять участие в экспериментальном исследовании, направленном на формирование продуктивного копинг-поведения.

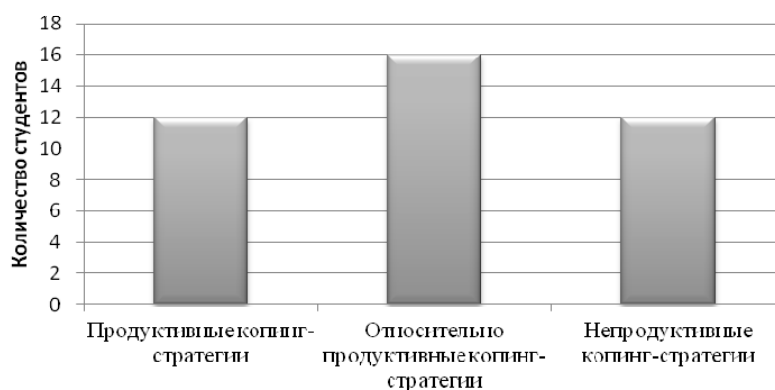

Рисунок 3 – Количество студентов с различными поведенческими копинг-стратегиями

Процессуально-развивающий блок составили 3 тренинговых занятия, протяженностью 2 дня длительностью 3,5–4 часа. Коррекционная работа осуществлялась при помощи метафорических ассоциативных карт. Метафорические ассоциативные карты эффективно используются в психодраме, гештальт-терапии, арт-терапии, транзактном анализе и психосинтезе. Существуют следующие виды метафорических карт: «OH-CARDS» (О-карты), «PERSONA» (Персона), «HABITAT» (Среда обитания), «ECCO» (Экко), «MORENA» (Морена), «MYTHOS» (Мифы), «SAGA» (Сага), «1001», «SHEN HUA» (Центральное Королевство), «PERSONITA» (Персонита), «COPE» (Преодоление), «CLARO» (Кларо), «QUISINE» (Кухня), «BOSCH» (Босх), «LYDIA JACOB STORY» (История Лидии Якоб), «TAHITI» (Таити), «BEAUREGARD» (Борегад) [8]–[9]. Колоды ассоциативных карт представляют собой наборы изображений-картин в карточном формате. Они представляют собой набор карт с изображением окружающей нас действительности (людей, природы, предметов быта и т. д.) Ассоциативно-метафорические карты являются инновационным инструментом, в основе которого лежат «классические» психологические феномены. Работа клиента состоит в анализе и интерпретации собственных ассоциаций, возникших на изображении. Одним из основополагающих механизмов работы карт является закон проекции. По сути карты являются стимулом, вызывающим поток ассоциаций, содержащих информацию о внутреннем мире человека; объектом, на который накладывается проецируемый материал. Проекция (лат. *projectio* – бросание вперед) – психологический процесс, относимый к механизмам психологической защиты, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. Человек приписывает кому-то или чему-то свои собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера и пр., полагая, что он воспринял что-то приходящее извне, а не изнутри него самого [10].

Данные тренинговые занятия направлены активацию группового взаимодействия, осознанное использование и мобилизация социальных ресурсов для преодоления своих проблем, развитие креативности что, в конечном счете, приводит к формированию продуктивного-копинг поведения.

Оценка эффективности экспериментальной программы осуществлялась с помощью итоговой диагностики определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма, по результатам которой были выявлены статистически достоверные улучшения показателей исследуемых параметров.

Представленная на рисунке 4 диаграмма отражает существенное улучшение результатов в аспекте когнитивных копинг-стратегий. В частности нам удалось сформировать продуктивные копинг-стратегии, а также значительно (на 16 %) уменьшилось количество непродуктивных копинг-стратегий.

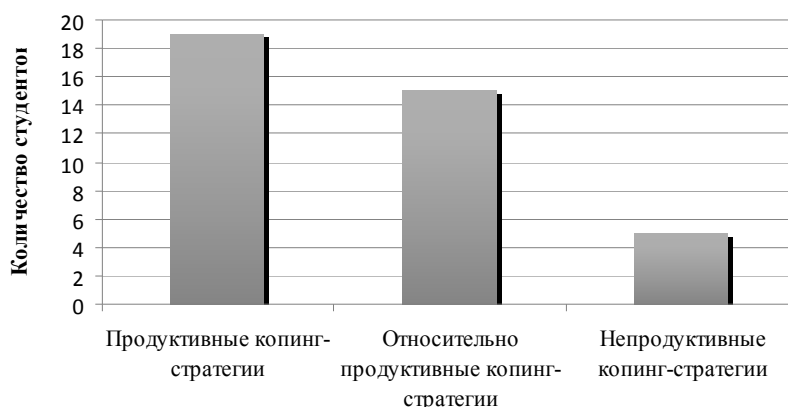

Рисунок 4 – Количество студентов с различными когнитивными копинг-стратегиями по окончании экспериментальной программы

Показатели продуктивных копинг-стратегий повысились 7,5 % а непродуктивные снизились на 17,5 % (рисунок 5).

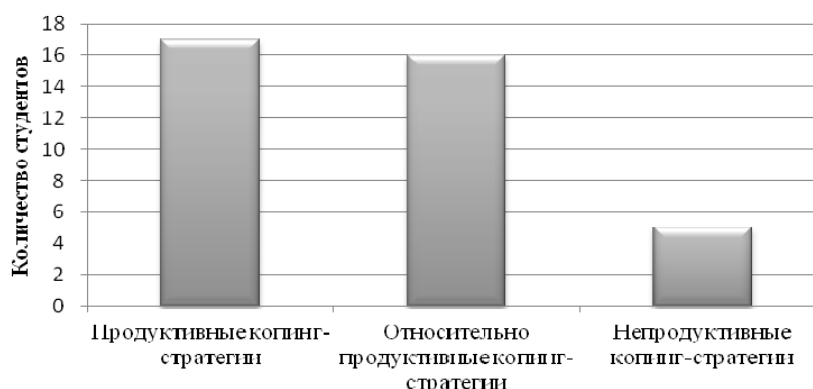

Рисунок 5 – Количество студентов с различными эмоциональными копинг-стратегиями по окончании экспериментальной программы

В данном компоненте мы наблюдаем самые значительные результаты, в частности продуктивные копинг-стратегии увеличились на 16 %. Существенно снизились непродуктивные копинг-стратегии, в частности на 16 %.

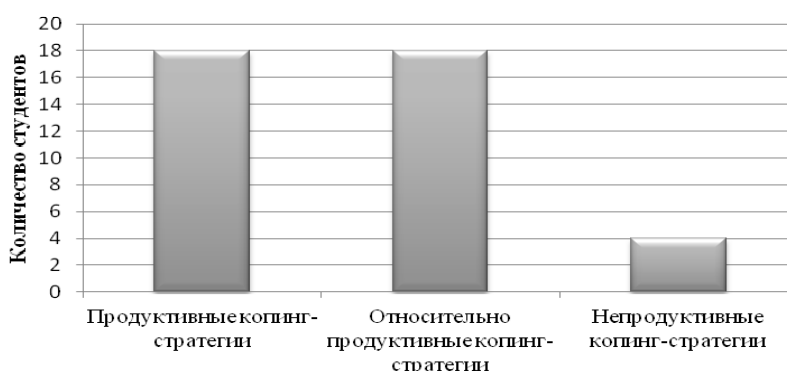

Рисунок 6 – Количество студентов с различными поведенческими копинг-стратегиями по окончании экспериментальной программы

Полученные результаты подтвердили реализацию цели и задач исследования. По окончании апробации экспериментальной программы отметились улучшение индивидуальных значений по исследуемым показателям. Так, по всем трем видам: когнитивные, эмоциональные, поведенческие копинг-стратегии – показатель продуктивных копинг-стратегий повысился: когнитивные на 5 %; эмоциональные на 7,5 %; поведенческие копинг-стратегии 16 %.

По показателю относительно продуктивных копинг-стратегий мы имеем следующие результаты: по когнитивному показателю мы имеем увеличение с 30 % до 40 % при общей выборке; по эмоциональному показателю мы имеем увеличение с 37,5 % до 40 %; касательно поведенческих копинг-стратегий мы можем наблюдать динамику увеличения с 40 % до 45 %.

По показателю непродуктивные копинг-стратегии мы наблюдаем следующие результаты: по когнитивному показателю мы имеем снижение с 30 % до 15 % при общей выборке; по эмоциональному показателю мы имеем снижение с 27,5 % до 17,5 %; касательно поведенческих копинг-стратегий мы можем наблюдать динамику снижения с 30 % до 10 %.

Можно с уверенностью сказать, что программа показала свою эффективность не только в аспекте формирования продуктивных копинг-стратегий, но также, как показывают результаты, значительные успехи достигнуты в аспекте коррекции непродуктивных копинг-стратегий.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сделать вывод об эффективности разработанной программы формирования продуктивного копинг-поведения у студентов и о целесообразности ее использования в системе социально-психологического сопровождения студентов в период обучения в высших учебных заведениях.

Литература

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский ; под ред. В.В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.
2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф.Е. Василюк. – М. : Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
3. Боронова, Г.Х., Прусова, Н.В. Психология труда. Конспект лекций / Г.Х. Боронова, Н.В. Прусова. – М. :Изд-во Эксмо, 2008. – 160 с.
4. Kruger, A. Themidlifetransition: crisisorchimera / A. Kruger // Psychologicalreports. – 1994. – Dec. 75. – P. 1299–1305.
5. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process / R.S. Lazarus. – New York : McGraw, 1966. – 258 p.
6. Поникарова, В.Н. Сравнительное изучение профессионального копинг-поведения педагогов-дефектологов : монография. / В.Н. Поникарова. – Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2011. – С. 48–59.
7. Набиуллина, Р.Р. Тухтарова, И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция) : учеб. пособие / Р.Р. Набиуллина, И.В. Тухтарова. – Казань, 2003. – С. 23–29.
8. Горобченко, А.Е. Евменчик, М.С. Метафорические ассоциативные карты в работе практического психолога / А.Е. Горобченко, М.С. Евменчик // Психология. – 2010. – № 1. – С. 25–28.
9. Горобченко, А.Е. Евменчик, М.С. Уникальные колоды метафорических ассоциативных карт / А.Е. Горобченко, М.С. Евменчик // Адукатар. – 2011. – № 1 (19). – С. 33–36.
10. Раздаточный материал. К теоретико-практическому семинару «Ассоциативно-метафорические карты в арсенале практикующего психолога». – М. : УникДом, 2011. – 70 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 11.02.2015

Интегративно-алгоритмическая модель психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования акмеолого-управленческими средствами

Н.Д. ДЖИГА, Е.М. БАНТЮКОВА

Раскрывается основная проблема психолого-акмеологического созидания продуктивного субъекта образования в образовательном пространстве, которая состоит в актуализации практических и духовных потенциалов, ориентированных на преобразование и оптимизацию внешней реальности. Суть созидательной деятельности заключается в созидании социально значимых продуктов, свойств и духовной культуры у субъектов образования на уровне индивида, личности, индивидуальности в инновационно-деятельностном преломлении, чтобы увидеть, услышать, предвидеть будущее самосозидание.

Ключевые слова: субъект, сущность, концепция, модель, фактор, средства.

The main problem of acme psychological building of the productive subject of education in the educational sphere, which is the actualization of practical and spiritual potentials, focused on the transformation and optimization of external reality is revealed. The essence of creative activity is the creation of socially important products, properties and spiritual culture of the subjects of education at the level of the individual, personality, individuality in innovative and activity interpretation, in order to see, hear and foresee future self-creation.

Keywords: subject, entity, concept, model, factor, means.

Введение. Цель исследования – разработка теоретико-методологических оснований психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования средствами образования.

Акме-созидательное обучение в системе управления – соуправления – самоуправления продуктивного субъекта образования ориентировано на поиск универсальных инновационных методов и приемов, отвечает на вечные вопросы о субъекте образования, его месте в мире, способах постижения, узнавания. Методологическая функция определена благодаря типичности управления – соуправления – самоуправления, самореализации, самоактуализации, самоконтроля субъектов образования как фактора продуктивного развития в профессиональной созидательной деятельности, в его многообразном повторении в практике [1]. Проведенные нами исследования в системе семья – школа – МУПК – вуз доказали целесообразность исследований поэтапно с 1986–2013 гг. и их эффективность, продуктивность и результативность. Наше исследование *психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования* относится также к новым, находящимся на начальных стадиях развития явлениям, с прогнозируемыми последствиями совместных действий кафедры возрастной и педагогической психологии ГрГУ имени Я. Купалы и базовых школ, колледжей и кафедры психологии, педагогики и акмеологии АНО ВПО «Смольный институт Российской академии образования» в 2012–2013 гг. по реализации и внедрению опыта экспериментальных исследований трех этапов 1986–1999, 1999–2011, 2011–2013 гг. созидания продуктивного субъекта образования семьи – школы – МУПК – вуза. Характерная особенность нашего исследования – создание наряду с *психолого-акмеологической концепцией* интегративно-алгоритмической модели психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования, включающей этапы, методы, формы, критерии, механизмы, основные конструкты концепции и их взаимосвязь с созиданием, обеспечивающими достижение вершин продуктивного субъекта образования средствами образовательных программ, учебных дисциплин, акме-созидательного обучения в системе управления – соуправления – самоуправления продуктивных субъектов образования, акме-технологий (самопознания, решения

нестандартных ситуаций, управления – соуправления – самоуправления, самореализации природных потенциалов в создаваемых продуктах, мозгового штурма и кейсов), деловых игр и дискуссий, стратегий активного и рефлексивного обучения (социального взаимодействия, эмоционального и духовного доброжелательного состояния), тренингов самосовершенствования и уверенности, продуктивной компетентности и индивидуальных программ осознанной саморегуляции продуктивного субъекта. Детализированное содержание конструкторов отражено в интегративно-алгоритмической модели психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования (рисунок 1). *Интегративно-алгоритмическая модель* может использоваться для практического развития созидательной деятельности продуктивного субъекта образования и служит эталоном в процессе совместной работы вузов, базовых школ, МУПК, колледжей, факультетов повышения квалификации средствами образовательных программ и акме-технологий. Модель включает 12 блоков, определяющих структурные компоненты созидательной деятельности продуктивного субъекта образования и взаимосвязи между ними (рисунок 1).

Основная часть. Разработанная модель позволяет определить психолого-акмеологическую сущность, содержательные характеристики, дифференцировать цели и задачи, ценности и мотивы на этапе профессионального обучения созиданию и является системно-образующим элементом *психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования*.

Блок 1. *Роль устойчивой продуктивной акмеологической направленности и прогнозирования сформированной профпригодности для созидания продуктивного субъекта образования*, сформированность которой зависит от совместной работы семья – школа – вуз – МУПК [2], [3]. От сформированности профпригодности, направленности и упреждающей адаптации на конкретные профессии зависит профессионализм преподавателя, эффективность, результативность и продуктивность *созидания субъекта образования* [3]. Продуктивность акме-созидательного обучения в системе управления – соуправления – самоуправления продуктивного субъекта образования зависит от изучения целей организационной системы; определения состава и структуры системы управления; разработки акме-технологий управления – соуправления – самоуправления созиданием; определения потока информации; коммуникативных и духовных способностей, конкурентоспособности, развития продуктивной компетентности, саморазвития, самосовершенствования, самореализации, самоконтроля, рефлексии [4].

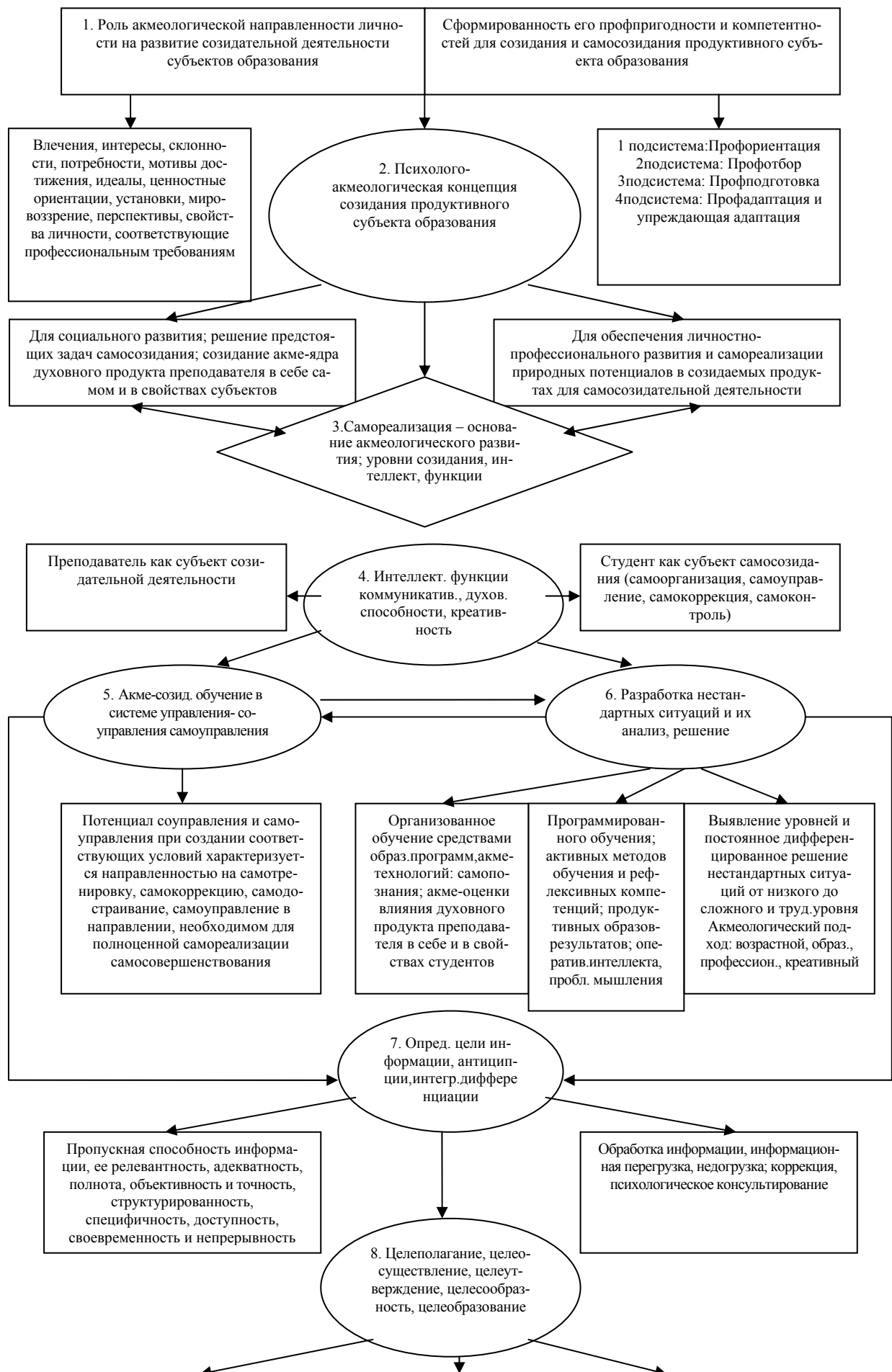
Блок 2. Психолого-акмеологическая концепция созидания продуктивного субъекта образования и основные конструкторы авторской системы развития созидательной деятельности субъектов образования.

Блок 3. Самореализация – основание акмеологического развития; уровни созидания.

Блок 4. Интеллектуальные функции, коммуникативные, духовные, организаторские способности, креативность, конкурентоспособность.

Блок 5. Акме-созидательное обучение в системе управления – соуправления – самоуправления самосозидательной деятельностью субъектов образования. Разработка акме-технологий самопознания; оценки студентами влияния дидактического акме-ядра духовного продукта в свойствах субъектов образования, акме-стратегий активных и рефлексивных методов обучения.

Блок 6. Разработка нестандартных ситуаций и их анализ, решение, развитие умений решать нестандартные ситуации. Организованное обучение средствами образовательных программ, акме-технологий. Акмеологический подход: возрастной, образовательный, профессиональный, креативный. Блок 7. Определение структуры системы: цели, информации, антиципации, интеграции, дифференциации. Приоритетное изучение целей и задач, информации, прогнозирования (антиципации), проектирования, интеграции позволяет обосновать необходимость создания органа управления, подсистемы. Информация, полученная в блоках 1–6, позволяет уверенно решать эту проблему.

Продолжение рисунка 1

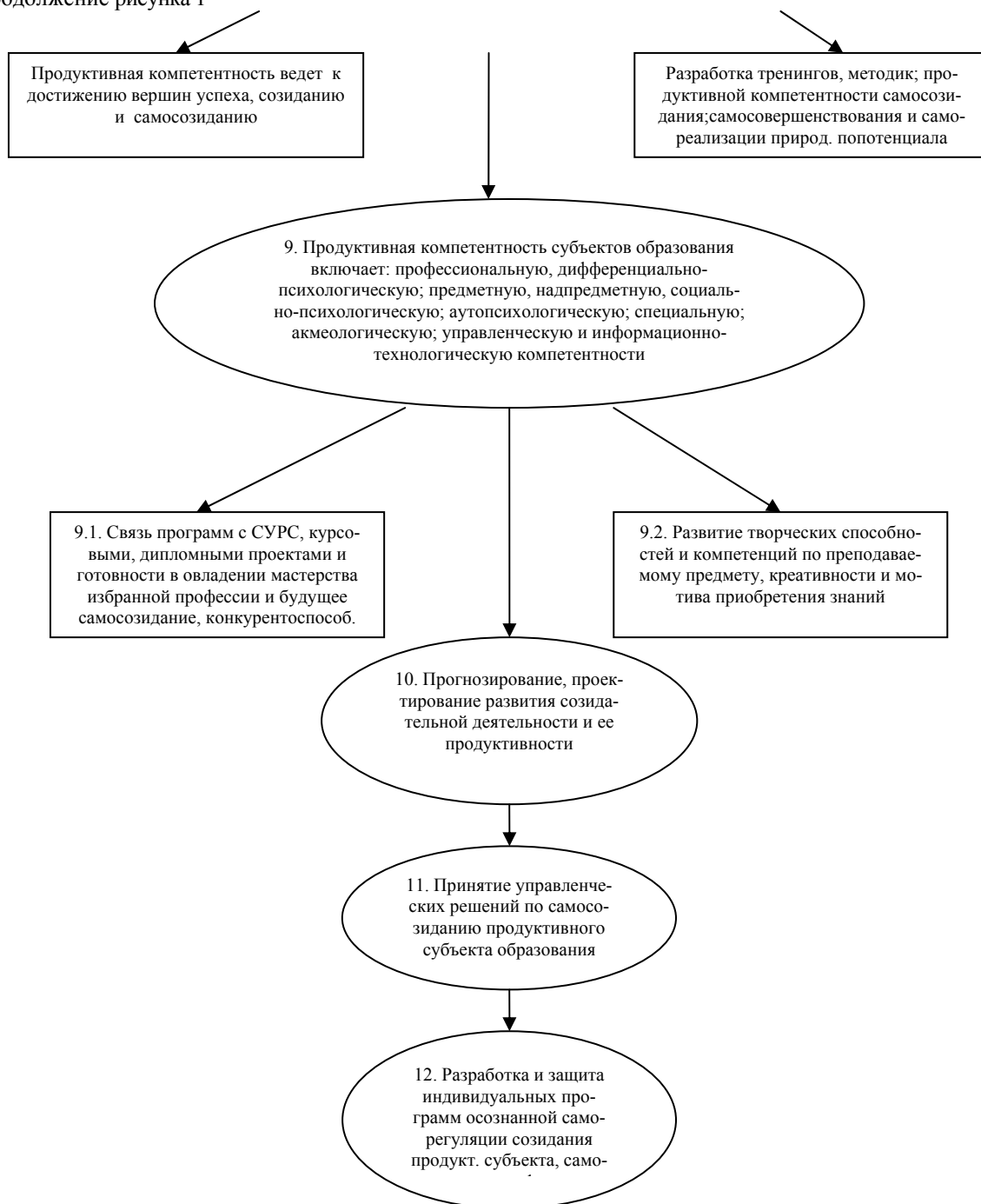

Рисунок 1 – Интегративно-алгоритмическая модель психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования [1].

Выявляются связи и коммуникации, обосновывается целесообразный тип структуры применительно к каждой индивидуальной группе и предмету, объемов прохождения информации, ее пропускной способности: информационная перегрузки, информационная недогрузка, обработка информации; коррекция, психологическое консультирование.

Блок 8. Целеполагание, целеосуществление, целесообразность, целеутверждение, целеобразование.

Блок 9. Продуктивная компетентность субъектов образования ведет к достижению вершин успеха, созиданию и самосозиданию. Она состоит из профессиональной, акмеологической, коммуникативной, дифференциально-психологической, предметной, надпредметной, социально-психологической, аутопсихологической, специальной, управленческой и информационной.

Блок 10. Прогнозирование и проектирование развития созидательной и самосозидательной деятельности субъектов образования и ее продуктивности [5].

Блок 11. Принятие управленческих решений по созиданию и самосозиданию продуктивного субъекта образования.

Блок 12. Разработка и защита индивидуальной программы осознанной саморегуляции созидания продуктивного субъекта образования. Концептуальные основы контроля, самоконтроля, рефлексии, психологического консультирования, коррекции.

Структура концепции в акмеологии, по мнению А.А. Деркача, уступает место модели, поэтому должное место нами отводится интегративно-алгоритмической модели психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта акмеолого-управленческими средствами, состоящей из основных конструкторов рассматриваемой концепции. Интегративность данной модели заключается в синтезе алгоритмических целеориентированных управленческих, мотивационных, когнитивных, прогностических, информационно-операционных и деятельностных результативностей. Весь этот комплекс составляющих замыкается на базовых характеристиках субъекта образования, затрудняющих или облегчающих процесс созидательной деятельности средствами образования. Концептуальным основанием разработанной интегративно-алгоритмической модели психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта выступает зависимость между уровнями продуктивной созидательной деятельности и субъективными, объективными и субъективно-объективными факторами, обеспечивающими достижение высшего уровня продуктивности управленческими акмеологическими средствами. Учитывая логику интегративно-алгоритмической модели, нами была предпринята попытка определения значимости разноразрядных личностных особенностей (факторов) в созидательном процессе продуктивных субъектов образования с помощью факторного анализа. С этой целью все эмпирические и экспериментальные данные наших исследований подвергались факторному анализу.

Продуктивность актуализации психолого-акмеологической концепции созидания продуктивного субъекта образования средствами факторного анализа.

Все эмпирические и экспериментальные данные наших исследований были подвержены факторному анализу тремя способами. Первый способ – это метод Кайзера. Он более точно отражает достоверность, так как собственные значения больше 1, по которым получено 13 факторов, 14-й фактор меньше 1, поэтому нами описаны только тринадцать, которые позволили осуществить факторный анализ данных, описывающих 83,21 %, объясненной общей доли дисперсии, общей для всех показателей 54 переменных данных, выявленных в процессе эмпирических и экспериментальных исследований 210 респондентов 2–5 курсов до и после эксперимента лонгитюдным методом ($n_{эк} = 105$ и $n_{кр} = 105$), отобрано наименьшее их количество, взаимосвязанных с созиданием и подтверждающих гипотезу [4]–[5].

Второй способ – применялся критерий Каменистой осыпи (рисунок 2).

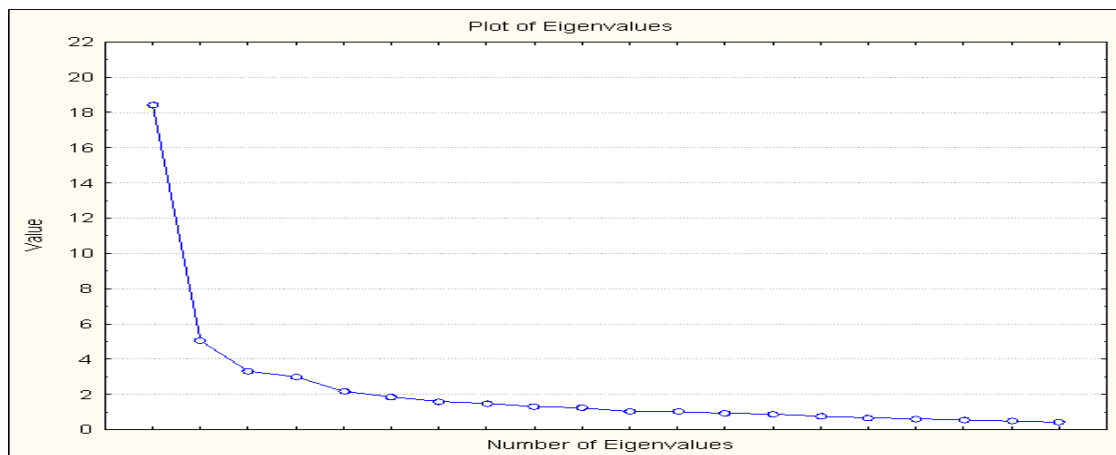

Рисунок 2 – Второй вариант факторного анализа

Количество факторов определяем с помощью критерия Каменистой осыпи, что позволяет выявить 13 факторов (рисунок 2). Из данного рисунка четко прослеживается точка перегиба, которая показывает, что надо взять 13 факторов, так как собственные значения больше 1.

Третий способ – это процент дисперсии для определения количества факторов больший 70. Данные измерения факторного анализа доказывают валидность, надежность и достоверность применяемых нами образовательных программ, акме-технологий и методик и связь со структурно-образующими компонентами. Выделено 12 положительных факторов и один отрицательный, описывающих 83,21 %.

Таким образом, первый фактор *«Зависимость созидания от самосовершенствования, самоуправления и самореализации»* (0,604 и 0,953; 0,905), исходя из матрицы факторных нагрузок после вращений, описывает 35,32 % дисперсии: способность принимать самостоятельно решения (0,955), самосовершенствование (0,953), способность к непрерывному саморазвитию (0,953), способность к соуправлению (0,918), четкость целей и ценностных ориентаций (0,906), самореализация (0,905), сензитивность (0,802), познавательные потребности (0,839), креативность (0,757), конкурентоспособность (0,767), познавательные потребности (0,757), спонтанность (0,738), самоуправление (0,732), способность к непрерывному профессиональному росту (0,722), созидание (0,604), интеллект (0,557) – корреляционно доказывает их взаимосвязь с созиданием. Чем выше показатель переменной, тем эффективнее он влияет на развитие созидательной деятельности.

Второй фактор *«Развитое воображение, высокий творческий потенциал»* описывает 9,42 % дисперсии.

Третий фактор *«Взаимосвязь креативности и мотива приобретения знаний созидательной деятельности»* описывает 6,46 % дисперсии и включает переменные: креативность (оригинальность (0,936), разработанность (0,716), гибкость (0,650)); мотив (приобретения знаний (0,888), овладения профессией (0,378), получения диплома только (0,101)). Это подтверждает нашу гипотезу, что чем осознаннее мотив приобретения знаний, тем выше креативность, следовательно, развитие созидания с ним взаимосвязано.

Четвертый фактор *«Самоуправление созидательной деятельностью»* описывает 5,62 % дисперсии и включает переменные: способность к самоуправлению (0,928), (МСАЯДП (0,928), трудолюбие и ответственность (0,928), стремление к высокому признанию других (0,920), созидание (0,873), способность вести за собой (0,432). Доказывает взаимосвязь созидания с самоуправлением.

Пятый фактор *«Доминантность»* описывает 4,41 % дисперсии: доминантность (0,920), самомнение, осторожность в своих поступках, эгоцентричность (0,910). Доказывает, что созидать способны уверенные субъекты.

Шестой фактор *«Направленность на общение и на дело»* описывает 3,98 % дисперсии: направленность на общение (0,839), направленность на дело (0,888).

Седьмой фактор *«Ценностные ориентации»* описывает 3,54 % дисперсии и включает переменные: ценностные ориентации (0,929), самопринятие (0,950), синергия (0,43).

Восьмой фактор *«Синергия»* описывает 3,00 % дисперсии: ориентация во времени (0,596), синергия (0,529), мотив овладения профессией (0,431). Первый и второй компоненты имеют положительный вес, третий – отрицательный: жесткость, мужественность, самоуверенность (–0,568). Девятый фактор *«Откровенность»* описывает 2,76 % дисперсии: откровенность (0,73), креативность (0,371), мотив (0,33).

Десятый фактор *«Принятие агрессии»* является отрицательным, описывает 2,50 % дисперсии и включает при отрицательном показателе (–0,55).

Одиннадцатый фактор *«Самореализация, способность к лидерству»* описывает 2,28 % дисперсии: самореализация (0,824), способность вести за собой, быть лидером (0,824).

Двенадцатый фактор *«Поддержка и добродетельность»* описывает 2,63 % дисперсии: поддержки (0,69), добродетельность (0,69), представление о природе (0,648).

Тринадцатый фактор *«Эмпатия и контактность»* описывает 1,91 % дисперсии и включает переменные: эмпатия (0,550), контактность (0,549).

Выводы. 1. Разработана, опробована психолого-акмеологическая концепция созидания продуктивного субъекта образования и изучена на ее основе эффективность, результативность, продуктивность, активизация субъектов образования к самореализации природных потенциалов в создаваемых продуктах и к самосозиданию вершин продуктивного решения образовательных задач по разным специальностям, представленных и апробированных в модели и подтвержденных факторным анализом.

2. Ее продуктивность на основе комплексного, акмеологического и системного подхода – в результатах взаимодействия авторской системы созидания продуктивного субъекта образования и социальной среды (семья – школа – МУПК – вуз, вуз – школа) средствами акме-созидательного обучения в системе управления – соуправления – самоуправления через учебные дисциплины и индивидуальные программы осознанного саморегулирования своего развития в созидательной деятельности.

3. Ядром проблемы созидания продуктивного субъекта образования мы рассматриваем необходимость взаимосвязи деятельностной акме-направленности с ее мотивационной составляющей субъекта образования к обучению в вузе и креативности как одного из основных факторов успешности его созидательной деятельности, духовностью, нравственностью, ценностями, компетентностью и упреждающей адаптацией как приспособление курсантов к новым условиям жизнедеятельности.

Литература

1. Джига, Н.Д. Психолого-акмеологическая концепция созидания продуктивного субъекта образования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Н.Д. Джига. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 65 с.
2. Джига, Н.Д. Психолого-акмеологическая концепция обучения созидательной и самосозидательной деятельности субъектов образования : монография / Н.Д. Джига. – Минск : АПО : Зорны Верас., 2011. – 210 с.
3. Джига, Н.Д. Формирование профпригодности будущего специалиста : монография / Н.Д. Джига. – Минск : Зорны Верасок, 2011. – 175 с.
4. Джига, Н.Д. Акмеологическая концепция самосовершенствования созидательной деятельности будущего специалиста / Н.Д. Джига // Преподаватель XXI века. – 2011. – № 3. – С. 31–37.
5. Кузьмина (Головко-Гаршина), Н.В. Акме-технология оценки студентами влияния дидактического акме-ядра преподавателя на их активность и созидание акме-ядра духовных продуктов в их свойствах обеспечивших им успешное профессиональное развитие будущей созидательной деятельности / Н.В. Кузьмина, Н.Д. Джига, Е.Н. Жаринова // Преподаватель XXI века. – 2011. – № 3. – С. 38–39.

УДК 37.02:371.13:378.147:51(09)

Психологические, педагогические и организационные аспекты математических турниров корректирующей направленности

В.Г. ЕРМАКОВ

Проведено сопоставление психологических, педагогических и организационных аспектов авторской концепции турниров по математике с принципами теории развивающего образования, представлены примеры использования этих турниров в качестве инструмента целенаправленной педагогической коррекции учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: математическое образование, авторская концепция математических турниров, развивающее образование, методы корректирующего обучения, история математики, проблемы контроля, синергетика.

Comparison of psychological, pedagogical and organizational aspects of the author's conception of tournaments in mathematics with the principles of the theory of developmental education is held. Examples of using these events as a tool of focused pedagogical correction of educational process are presented.

Keywords: mathematics education, author's concept of mathematical tournaments, developing education, methods of correction training, History of Mathematics, control problems, synergetic.

Математические соревнования имеют долгую историю, они отличаются по форме и своим функциям. Особенностью авторских турниров с самого начала была и остается их явно выраженная направленность на разрешение текущих проблем, возникающих в процессе обучения учащихся. Первый такой турнир с усиленной корректирующей составляющей был проведен на математическом факультете Гомельского государственного университета в рамках преподавания курса «Обыкновенные дифференциальные уравнения» в 1977 г. Он понадобился в связи со сложившейся ситуацией: когда учебный процесс перешел в стабильный режим, а студенты перестали испытывать значительные трудности в изучении курса, их учебная активность снизилась, включая и активность в обосновании проводимых операций, что предвещало опасный переход к поверхностному, формальному изучению материала. Для противодействия такому развитию событий турнир между группами студентов был организован так, чтобы на первый план вышла не оригинальность решения нестандартных задач, как в традиционных олимпиадах, а степень обоснованности решения обычной учебной задачи.

Главную часть соревнования составляли индивидуальные турниры в каждой паре участников из разных команд. Они обменивались условиями трех задач, которые можно было брать только из известного всем и заранее подготовленного организаторами набора из 30 задач по узкой теме. Так как среди них были и задачи, решенные на предыдущих занятиях, то к содержательному участию в турнире могли подготовиться все студенты без исключения. Защищать свое решение требовалось в дискуссии с соперником, в этом и заключался основной «нерв» соревнования. Если к общему мнению по поводу решения прийти не удавалось, то в спор вмешивались эксперты – члены жюри. Для создания комфортных психологических условий интеллектуального соперничества все результаты участников суммировались в каждой команде, так что победителем (вместе с группой) мог оказаться и тот участник, который личное сражение проиграл. Для событийного разнообразия в рамках турнира проводились разминка, конкурс капитанов, а для представителей команд и стандартная олимпиада с задачами по той же теме, однако состав этих задач заранее не объявлялся. Эти организационные моменты были призваны простимулировать более глубокое изучение данной темы на этапе подготовки к турниру – с тем, чтобы вывести каждого учащегося на границу своих наличных возможностей, а после этого уже самой атмосферой состязательности мобилизовать его на преодоление этой границы.

Студент из группы, не участвовавшей в турнире, С.Д. Бодрунов, впоследствии ставший членом совета директоров Корпорации «Аэрокосмическое оборудование», в газете «Гомельскі ўніверсітэт» (№ 10 (249) от 26.03.1977 г.) назвал турнир новой формой коллоквиума и отметил, что, по мнению победителей и побежденных, уровень их знаний по данному курсу повысился.

В 1987 г. коллектив кафедры математического анализа провел аналогичные соревнования между четырьмя группами студентов в рамках курса математического анализа. Они были многоступенчатыми, с переходящим кубком и с достаточно узкой тематикой, которая при переходе от этапа к этапу не менялась. Легко было видеть, что на финише этих соревнований в данной теме никаких секретов для студентов практически не осталось. Отдаленные последствия проведенного мероприятия обнаружились после завершения изучения курса математического анализа этим и следующим потоками студентов. При обсуждении на заседании кафедры разительных контрастов между итоговыми результатами обучения студентов лектор, курировавший оба потока, отметил, что все средства активизации учебной деятельности студентов в обоих случаях были одинаковыми, но на одном потоке турнир был проведен, а на другом нет. По его мнению, именно в этом и состояла главная причина отличий.

Удачные идеи, как правило, не являются уникальными, поскольку являются ответом, порой единственно возможным, на схожие проблемы или потребности. Удивительный по своему масштабу исторический аналог нашелся и в данном случае. Без особой натяжки его можно считать следствием возросшей общественной потребности в развитой личности, порождаемой зарождающимся капитализмом. Речь идет о знаменитом поединке между Антонио Марио Фиоре и Никколо Тарталья, который произошел в Италии в 1535 г. и выделился захватывающим сюжетом и крупным математическим достижением [1, с. 17]. Фиоре решил воспользоваться тайной решения некоторых уравнений третьей степени, которую доверил ему его учитель Сципион Дель Ферро, и вызвал на турнир Тарталью. Форма соревнований, распространенных в ту пору, была простой: соперники обменивались 30 задачами (любопытное совпадение!) и в течение 50 дней должны были передать свои решения нотариусу. «Призовой фонд» был символическим, побежденный должен был накормить парадным обедом столько друзей победителя, сколько задач тот сумеет решить. Опытный Тарталья надеялся одержать над Фиоре легкую победу. Его не смутило даже то, что все задачи Фиоре содержат уравнения 3-ей степени, поскольку после работ Луки Пачоли считалось, что такие уравнения нельзя решить общей формулой. Когда отведенное время почти истекло, до Тартальи дошли слухи, что Фиоре обладает таинственным способом решения этих уравнений. Он приложил титанические усилия и за восемь дней до назначенного срока, который истекал 12 февраля, нашел желанный способ. За два часа Тарталья решил все задачи. Противник его не решил ни одной. Четыре года спустя, после долгих уговоров Тарталья сообщил свой метод Джероламо Кардано, а еще через 6 лет – в 1545 г. Кардано опубликовал его в своей книге «Великое искусство». Появление этой книги означало, что через тысячу лет после заката античной математики и после трех веков ученичества европейские математики смогли получить результаты, которых не знали ни математики Древней Греции, ни математики Востока. Отметим, что это исторически значимое событие было тесно связано с мощным всплеском личностной активности, который был инициирован поединком.

После такого подкрепления описываемый вид математических соревнований использовался нами в целях корректирующего обучения с еще большей решительностью. Интересен эксперимент, проведенный студенткой 5-го курса Т.В. Медведевой в 1994 г. в 5, 6 и 8 классах сельской школы, в которой она приступила к работе по просьбе руководителей управления образованием. Ее попытки справиться с тяжелой ситуацией в этих классах результатов не давали. Тогда ей было рекомендовано приступить к целенаправленной коррекционной работе и начать ее с проведения математических индивидуально-командных турниров во внеучебное время. В этом случае тематику турниров можно было подбирать с ориентацией не на программу обучения, а на реальный уровень подготовки учащихся, сколь бы низким он ни был. После накопления положительных эмоций, связанных с решением усложняющихся задач, соревнования по просьбе учащихся были перенесены на уроки, а их тематика приблизилась к изучаемому материалу. На волне общего воодушевления студентка провела в каждом классе по каждой теме все виды соревнований, описание которых сумела найти в литературе. За 4 месяца такой работы обычные режимы управления учебным процессом были восстановлены, традиционные формы контроля потеряли свой разрушительный потенциал, во всех классах исчезли неудовлетворительные отметки, появились хорошие и даже отличные отметки. В конце учебного года ученики при использовании учителем игровых форм непосредственно на уроке смогли в процессе решения специально подобранных задач самостоя-

тельно доказывать теоремы из учебника по геометрии. Успех повлиял и на учительницу. Оценивая итоги эксперимента, она сказала: «Я теперь могу идти работать в любую школу, я знаю, что мне делать». Важно подчеркнуть, что кардинально изменить успеваемость, мотивацию к учению и характер учебной деятельности учащихся ей удалось, в том числе, благодаря повышенной гибкости управления учебно-воспитательным процессом.

При помощи нелинейных моделей управления заметных результатов удастся достигать и на коротких отрезках времени. Так, однажды состоялась острая дискуссия руководителя педагогической практики со студентами и учителями, считавшими, что из-за уменьшения числа часов на выполнение той же программы формальный подход к обучению математике альтернативы не имеет. Для доказательства ошибочности этого тезиса было предложено провести турнир между классами по описанной выше схеме и проследить за его последствиями.

Уже на этапе подготовки к турниру некоторые ученики стали приносить на тренировки оригинальные задачи по этой теме и сильно огорчались, узнав, что в силу введенных ограничений предлагать их соперникам нельзя. На одном из уроков ученики под руководством практиканта решили по этой теме 15 задач «со звездочкой», а раньше, по словам учительницы, больше 3–4 таких задач за урок не решали. Турнир удивил присутствовавших учителей длительной активностью учеников. После турнира в класс победителей пришли записываться два ученика с низким уровнем подготовки. На вопрос учителя о причине такого их решения ответили: «Мы знаем, что здесь проводятся турниры и с их помощью можно выучить математику, так мы хотим выучить математику». Практикант, отличившийся при проведении турнира, стал учителем и проводит разнообразные математические соревнования регулярно. В последние 10 лет его ученики постоянно и успешно участвуют в городских и областных олимпиадах по математике.

Положительные результаты многолетнего использования этого дидактического средства, с одной стороны, подтверждают, что резервы для совершенствования математического образования не исчерпаны, с другой стороны, они оправдывают проведение более детального анализа причин эффективности турниров. Провести его можно, сопоставляя отдельные элементы данного средства с известными достижениями теории и практики развивающего образования.

Роль задач в укреплении личностной составляющей образования была очерчена в статье [2] при исследовании одного из дидактических принципов методической системы Л.В. Занкова, а именно, принципа обучения на повышенном уровне трудности. Главный момент здесь состоит в том, что успешное решение задачи, которая находится на границе возможностей учащегося, дает ему основание для повышения самооценки, а это, в свою очередь, порождает каскад личностно значимых перестроек. Но тут есть и опасность: если учащийся с задачей не справится, то ситуация для него может ухудшиться. Поэтому главная методическая проблема в использовании таких задач заключается не в их подборе, а в предупреждении отрицательных последствий от вполне вероятных неудач в решении задачи. В авторском варианте турнира, рассчитанном на участие всех без исключения учащихся, страховка от таких последствий особенно важна и обеспечивается заданными условиями. Одно из них заключается в том, что учащийся может предъявлять сопернику только те задачи, которые умеет решать сам. Это предполагает предварительную подготовку к турниру, во время которой учащийся может обращаться за помощью к товарищам или к тренеру. Они же его и подстраховывают. Вторым условием является использование ограниченного набора задач, что само по себе увеличивает шансы на успех в решении задачи, предложенной соперником. При определенной активности учащийся может решить все эти задачи заранее. В этих условиях неудача не может означать ничего иного, кроме косвенного назидания самому себе: возможности для подготовки не нужно было упускать.

Эти нюансы следует иметь в виду и в обычном учебном процессе. Одна из начинающих учителей, пытаясь исправить ситуацию в классе, в котором были собраны ученики с самой слабой подготовкой, то есть те, кто не попал ни в один из «классов с уклонами», предложила ученикам приходить по субботам «решать трудные задачи, но без журнала». Последствия решения задач «без журнала» оказались впечатляющими, но одновременно и вполне прогнозируемыми.

Еще одним «спусковым крючком» цепной реакции позитивных перемен может послужить открытая в теории развивающего образования особая роль становления учащегося субъектом

учебной деятельности. Как отмечают В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман, «чтобы учить, изменять себя, человек должен, во-первых, знать о своей ограниченности, во-вторых, уметь переходить границы своих возможностей. Обе составляющие умения учиться являются рефлексивными по своей природе» [3, с. 14]. В концепции авторского турнира эти аспекты как раз и были основополагающими. Но для их широкого использования в учебном процессе необходимо учитывать, что обучение учащегося умению переходить границы своих возможностей порой бывает очень трудной педагогической задачей. В особенности это касается математического образования. Широкое применение в математике аксиоматического метода и ряд других причин привели к появлению понятий высокого уровня абстракции. Самостоятельное их осмысление учащимися практически недостижимо, а полноценная пропедевтика таких понятий под руководством педагога затруднена из-за недостатка времени. Как показано в статье [4], для выхода из этой тупиковой ситуации программу пропедевтики, которая неизбежно будет неполной, уместно соединить с программой корректирующего обучения, чтобы с ее помощью сначала укрепить личностную составляющую обучения, а затем на основе более высокой активности учащихся решать содержательные проблемы с необходимым ускорением и суммарной экономией времени. В случае особо сложных понятий и/или при больших пробелах в подготовке учащегося такие переходы от личностной составляющей к содержательной придется осуществлять многократно, и тогда речь нужно вести о поэтапном и многошаговом формировании рефлексии учащегося. Без опоры на обратные связи эта схема не реализуема, и это накладывает дополнительные требования к системе текущего контроля. Принципиальная возможность построения формирующего, развивающего текущего контроля обоснована в монографии [5], а конкретные способы его организации указаны в статье [6].

При всей значимости названных эффектов психологического свойства на их долгосрочное позитивное влияние рассчитывать трудно, поскольку этот ресурс личности постоянно уменьшается под нарастающим давлением противоречия между личностью и культурой, выражающегося в растущем объеме актуальной информации, в большом числе понятий высокого уровня абстракции, в нетривиальной динамике межличностных отношений и иных серьезных факторах. Отсюда, в частности, следует, что корректирующее обучение, понимаемое в широком смысле этого слова, в современных условиях должно стать необъемлемой составной частью эффективного управления учебно-воспитательным процессом [7]. У этого сценария развития управления образовательными процессами, к которому подталкивают объективные обстоятельства, есть узкое место – такая ноша по величине ответственности и трудозатрат может оказаться для педагога практически непосильной. Но во всей этой ситуации есть еще один важный внутренний ресурс, опора на который позволяет прогнозировать также появление эффектов иного, синергетического, свойства.

Важная часть этого ресурса хорошо известна, она открыта 25 столетий тому назад и заключается в использовании научного аппарата, благодаря которому удается систематизировать, упорядочивать и сжимать информацию на основе связей между фактами до приемлемого «человекоразмерного» уровня [8]. Как выразился один из математиков, теорем – тысячи, методов доказательства – сотни, а идей доказательства – десятки. Похожее высказывание находим и у Стефана Банаха, одного из создателей современного функционального анализа. В предисловии к своему учебнику по функциональному анализу он написал: «Я просмотрел тысячу теорем и увидел, что это не тысяча теорем, а одна». Отсюда следует, что погружение в детали обоснования утверждений до уровня идей не может быть простым делом, так как требует обращения многократных процедур сжатия материала на основе ряда последовательных обобщений, но именно благодаря такому погружению и появляется возможность воспринимать новые теоремы данной серии как почти очевидные. Конструкция рассматриваемого турнира и по первоначальной задумке, и по исполнению как раз и была ориентирована на привлечение максимального внимания студентов к связям между фактами, так как ничем иным защитить свое решение перед соперником невозможно.

Стоит отметить, что появлению науки, которое произошло в истории человечества только один раз и во времени и в пространстве, способствовало демократическое устройство городов полисов Древней Греции, инициировавшее развитие культуры дискуссий между политическими партиями и философскими школами. Исходя из этого исторического прецедента, можно предположить, что для успешной трансляции актуальной информации при смене

поколений диалоговая культура не менее важна, чем поддержание положительной Я-концепции учащегося и формирование у него необходимой начальной подготовки в конкретных предметных областях. Суть дела состоит здесь в том, что для требуемого погружения в систему связей между фактами до уровня базовых идей сократовский метод диалога подходит наилучшим образом.

В подтверждение этого предположения можно сослаться на многолетний опыт решения острой проблемы адаптации первокурсников к обучению в университете. В рамках курса математического анализа весьма действенным оказался следующий прием. В цепи теорем, которая ведет от начала курса к теореме Тейлора – основной теореме дифференциального исчисления, выделялись нескольких связанных участков с требованием полного их усвоения каждым студентом. Проверка такого усвоения, проводившаяся в течение семестра и на экзамене, сводилась к тщательному обсуждению в режиме диалога всех деталей и нюансов доказательства утверждений. На это уходило много времени, но положительные последствия очень часто с лихвой перекрывали затраченные усилия. Механизм закрепления во времени позитивного влияния на учебный процесс наглядно раскрылся в разговоре с одной из студенток. Во втором семестре задания для максимально строгой проверки их усвоения студентам не предлагались, чтобы не воспитывать у них интеллектуальное иждивенчество, поэтому контроль за этой составляющей учебной деятельности студентов сводился к мотивирующим беседам общего плана. На вопросы о том, работает ли она над доказательствами теорем и удастся ли ей разобрать их самостоятельно, студентка ответила утвердительно, а на вопрос, помогает ли ей в этом работа, проведенная в первом семестре, дала развернутый ответ: «Сначала я пытаюсь понять, какие встречные вопросы мне может задать преподаватель, нахожу их, готовлю на них ответы, а после этого все доказательство становится абсолютно ясным». Таким образом, наиболее значимым для этой студентки оказалось не умение что-либо доказывать и не знание конкретных фактов, а именно нацеленность на достаточную по своей полноте проверку качества проводимых рассуждений.

Разумеется, это важно не только для тех, кто начинает изучать математику, а и для всех, кто пытается в ней чего-то достичь. Ж. Адамар в известной книге «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» описывает свои «мучительные усилия мысли», которые требуются ему для того чтобы увидеть доказательство теоремы как что-то единое. Этот целостный образ должен напоминать ему, как соединяются все звенья доказательства. Чтобы избежать ошибки, которая могла бы перечеркнуть многолетний труд, Кеплер при отыскании законов движения планет повторял 10-страничные вычисления по 70 раз!

Авторский вариант турнира по математике оказался удачным и в этом отношении. Так как игра строится вокруг отыскания слабостей в обосновании своего решения соперником, то в итоге она стала хорошим полигоном для упражнений в определении минимального, но достаточного уровня контроля качества проводимых операций. Осознание роли этого контроля принципиально важно и для учебной, и для профессиональной деятельности в области математики. Здесь уместно упомянуть нетривиальную гипотезу, высказанную П.Я. Гальпериным еще в 1958 г. в статье «К проблеме внимания», которая впоследствии получила экспериментальную проверку и подтверждение. Согласно этой гипотезе внимание представляет собой идеальную, сокращенную и автоматизированную форму действий контроля. По мнению Гальперина, необходимость содержательной характеристики внимания как особой формы человеческой деятельности гениально предугадал Ламетри, который утверждал: «Гений – это внимание», «Внимание – это контроль».

В качестве иллюстрации к выводу о том, что «учить вниманию означает учить контролировать свою деятельность» академик РАО, доктор психологических наук Н.Н. Нечаев в одной из своих публичных лекций сослался на мемуары Федора Шаляпина. В книге «Маска и душа» (1932 г) Шаляпин пишет: «Когда я пою, воплощаемый образ предо мною всегда на смотру. Он перед моими глазами каждый миг. Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сцене один... На сцене два Шаляпина. Один играет, другой контролирует. "Слишком много слез, брат, – говорит корректор актеру. – Помни, что плачешь не ты, а плачет персонаж. Убавь слезу". Или же: "Мало, суховато. Прибавь"».

Из приведенных сведений и соображений вытекает, что расслоение деятельности на основную деятельность и контроль основной деятельности необходимо и целесообразно как в плане поддержания устойчивости основной деятельности, так и в плане ее постоянного психо-

логических подкрепления. По этой причине формирование профессионального внимания становится важным элементом профессионального творчества. Отметим, что согласно разработанной Н.Н. Нечаевым теории поэтапного формирования профессионального творчества [9], в современных условиях главной ценностью и целью должно быть формирование высшего уровня творчества – творчества не интуитивно-случайного, а сознательно-необходимого.

Таким образом, проведенный анализ простейшего дидактического средства подтверждает наличие реальных возможностей для того, чтобы даже слабые педагогические воздействия на учебно-воспитательный процесс имели значительные позитивные последствия и в ближайшей, и в более отдаленной перспективе. Для этого названные педагогические воздействия должны быть резонансными. В содержательном отношении они могут опираться на учет сложной структуры математического знания, а в психологическом отношении – на осознание роли внимания как деятельности контроля качества основной деятельности. Представляется, что при активной жизненной позиции педагога эти опоры могут помочь ему в существенном повышении эффективности своей педагогической деятельности, которая ввиду сложности образовательных процессов по необходимости должна быть именно творческой деятельностью.

Литература

1. Гиндикин, С.Г. Рассказы о физиках и математиках / С.Г. Гиндикин – 3-е изд., расширенное. – М. : МЦНМО, 2001. – 448 с.
2. Ермаков, В.Г. Методология межпредметного взаимодействия при подготовке учителя-предметника в условиях кризиса системы образования / В.Г. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2013. – № 3 (78). – С. 60–66.
3. Давыдов, В.В. Младший школьник как субъект деятельности / В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1992. – № 3–4. – С. 14–19.
4. Ермаков, В.Г. Функции и структура задач при локальном обращении аксиоматических теорий / В.Г. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2012. – № 2 (72). – С. 45–52.
5. Ермаков, В.Г. Развивающее образование и функции текущего контроля : в 3 ч. / В.Г. Ермаков. – Гомель : ГГУ им. Ф.Скорины, 2000. – 778 с.
6. Ермаков, В.Г. Контроль в системе математического образования: проблемы и пути их разрешения / В.Г. Ермаков // Математика в высшем образовании. – 2009. – № 7. – С. 95–108.
7. Ермаков, В.Г. О методологии и методике корректирующего обучения / В.Г. Ермаков, М.В. Таланкина // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. статей. – Вып. 9. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 98–103.
8. Ермаков, В.Г. История математики и современное математическое образование / В.Г. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2014. – № 2 (83). – С. 67–72.
9. Нечаев, Н.Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности / Н.Н. Нечаев. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 92 с.

UDK 378.14:371.214.46:[004.78:51]

Programming as a method of forming mathematical knowledge in conditions of informatization of education

E.V. SEMENIKHINA

The arguments in favor of the active use of programming as a modern method of formation of math knowledge are presented. The algorithm of typical problems solutions can serve as tool of cognition, control and development of the own math knowledge. Examples of the use of programming ideas in solving some math problems are given. Attention is accented on the use of these ideas in the math teachers' preparation as the main link in the system of math education. The author shows that it is advisable to change the approach to learning to solve typical problems and use the idea of writing algorithms for their solutions in mathematics software.

Keywords: mathematical training, programming, method of mathematical knowledge formation.

Приведены аргументы в пользу активного применения программирования как современного метода формирования математических знаний. Алгоритм решения типичных задач может служить в качестве инструмента познания, контроля и развития собственного математического знания. Приведены примеры использования идей программирования в решении некоторых математических задач. Акцентируется внимание на использовании этих идей в подготовке учителей математики как основного звена в системе математического образования. Автор показывает, что целесообразно изменить подход к обучению решать типовые задачи и использовать идею написания алгоритмов их решения в математических программах.

Ключевые слова: математическая подготовка, программирование, метод формирования математических знаний.

Introduction. Preparation of specialist today faces great challenges: we are talking about the active and universal information society, trends of active use of the information content by the youth [1], but do not observe the burst of new knowledge production in contrast to the exponential growth of data set; today one cannot deny the fact of usefulness and relevance of modern technology and accompanying software, but it is perceived as a tribute to the era, and not as the cause of and the basis for the necessary reform (update, liquidation, reformatting) of the established institutions.

It is primarily concerned with the education system, which absorbed a lot of good in the former Soviet Union, but it remained somewhat «unwieldy» and «unreceptive» to the needs of the society, frozen in the materials and methods of the past and the last century. A vivid example is the training of specialists in the field of mathematics, in particular, math teachers, whose training is based on updated, but not modern curricula and ever-improving techniques that attempt to incorporate the latest innovations in the form of involvement of information and communication technologies, but still do not have time to be formed completely and remain incomplete for a qualitative leap in the field of mathematics education. This is what at the present stage gives rise to the constant search for methodological research in the field of mathematics teaching and training in the context of the modern information society.

Analysis of the former Soviet Union conference materials in recent years, publications of the leading journals in the field of mathematics education show the trends in the formation of new industries in the field of mathematics that arise at the intersection of mathematics and computer science through the development of these sciences as well as rapid expansion of the role of information technology in the information society – computer mathematics, informatics mathematics and Mathematical computer Science [2]–[5]. Disputes concerning the specification of the content of new industries (which is their subject, and what will be used at the same methods and equipment) are the subject of many of today's scientific and methodological research. But there is something in common, which is characteristic for each of these areas – the presence (visible or invisible) of programming ideas, which is used, for example, in automation computing, converting cumbersome calculations, generalized to high humidity and visualization of solutions of various classes of problems, etc.

We believe that it is *programming today that especially contributes to the formation of conscious mathematical knowledge* in the specialists preparation in each field of science (mathematics, physics, chemistry, computer science, etc.). It must be argued in the following way.

Today it is possible to implement the previously invented algorithms in different virtual environments, whether it is a programming environment, or a specialized system of computer mathematics. And that is what opens the way for each student: to seek and implement solutions for not one particular, but the whole class of problems; to the empirical confirmation of already known truths, attaching constructive methods, and to promote and test new hypotheses using dynamic visual support or automated mathematical apparatus.

This allows you *to shift the emphasis in mathematics education* with the formation of computer skills and some limited training using a pencil and paper (chalk-and-blackboard) *toward the use of various computer systems*, not only as a tool environment to facilitate the quantitative and qualitative studies of various processes, but tools to release time from routine calculations on the research part of the problem, and at the same time, *as an instrument for learning, a monitoring tool and a tool to develop their own mathematical knowledge*.

Main problem solution. Researchers agree that the decision of a large number of similar problems affect the quality of mastering mathematical knowledge or skills in the direction of improvement. We agree with the ideas outlined in [6] that programming can be a learning tool that allows you to get away from the routine (often formal) calculations and use a proper «understanding of the essence» for the construction of the required algorithm. We state that the ability to build a block diagram of a decision or write the code of the algorithm, or record the correct ordered list of commands in certain software is now qualitatively new and more useful mathematical formation than to solve a specific problem with a specific set of input data. This is what gives us the right to say that the use of modern specialized software (systems of computer mathematics (SCM), dynamic mathematics software (DMS), etc.), providing for the possibility of programming can simultaneously act as an instrument of knowledge, control and development for everyone.

In favor of the last statement we describe our experience in the use of programming as a method for the formation of mathematical knowledge (programming ideas using computer mathematics system Maple reflected our part in [7]).

1. The problem of finding the root of an equation with one variable is the typical course of Computational Mathematics. Its solution involves the use of methods already become classical (dichotomy, tangents, secants, chords, etc.), which have already been implemented in the procedures and functions of specialized computer systems. To receive an answer, you can attach tabular processors, the system of computer mathematics, etc. But the ability to find an answer using the computer tool is necessary but not sufficient for understanding the essence of a numerical method for verifying the root, because this problem is not only from the standpoint of classical science of mathematics, but also important in the context of the preparation of future math teachers. The ability to calculate the iterative approach on a piece of paper characterizes the quality of mathematical knowledge, but does not correlate with the hardware and software developments of modern society.

Typical problems are reduced to the construction of the model, the search of the method, the construction of the algorithm, computation and analysis. Traditional approaches are forced to divert most of the time for computing – the number of iterations must ensure the accuracy of the approximations, but not every method gives the desired error quickly, so the same type of calculations delay school hours, and without a numerical answer its analysis is impossible. Today, the development of software is so successful that it is possible not only to count, but also to simulate the situation of approximations for the different methods and their subsequent comparison, programming calculations and visualize the result, and then analyze it. The ability to do this with the use of software is characterized not so much by the knowledge of programming language commands, as understanding of the mathematical problem and methods for its solution and the quality of mastering mathematical knowledge.

Therefore, we put forward specific requirements for the implementation of methods for finding roots of the equation, which are not only necessary, but also in demand as one of the most important skills of the future specialist. In the study of this course, we offer students not only to make

their own algorithms for finding solutions to a variety of methods to visualize their combination through construction of procedures or functions, but also use it for a variety of computer shells (spreadsheet, some programming environment – there may be any programming language, the system of computer mathematics).

In this case, programming can be regarded as an instrument of cognition, as we study various methods and their speed to ensure accuracy but also as a tool for control of learning.

2. Ideas and methods of number theory are often used to solve problems in mathematics, starting from secondary school. Therefore, we take this section as clearly necessary in the math teachers' preparation. Many tasks of this field of mathematics are solved in SCM using one or two commands, but it does not give an opportunity to check the quality of the generated knowledge in contrast to the requirement to construct an algorithm for solving the problem and implement it in software. Typical examples of this field of mathematics in the context of the math teachers preparation are the problem of finding prime numbers to a given interval, finding all divisors of the prime factors of the number, the number of the canonical decomposition, finding gcd (the greatest common divisor) and lcm (the least common multiple) of numbers, etc. We also believe that when the student demonstrates an understanding of the essence of the problem and the method of its solution on paper, he would be able to program decision in a virtual environment available. If there is no such an understanding, we consider that a qualitative knowledge in the field of number theory has not been formed, and in this case programming serves as a tool for control.

In solving this type of problem, we suggest the use of a variety of programming software, as well as SCM.

3. Analytical Geometry is one of the fundamental disciplines such as the study of the entire course of higher mathematics, as well as during the preparation of the future teacher of mathematics. Understanding of the methods of this science is a prerequisite for mastering many other sections of higher mathematics and at the same time demonstrating «spell out» solutions to the many problems of school mathematics.

In the study of this discipline we believe it is possible to attract the idea of programming, such as the formation of skills to determine the mutual position of straight lines and (or) planes, in mastering of classification on the basis of invariants of curves and surfaces of the second order, etc. We also offer students research projects, in particular dedicated to the curves of the third order, which means the study of SCM will contribute to the formation of new knowledge in the field of mathematics. We offer at the same time the use of special programming environment or SCM. Programming in this case can be a tool of cognition, control and development.

4. Linear algebra allows generating knowledge to work with vectors and matrices. As an analogy, these objects appear in classic programming in the form of some data arrays (one-dimensional or two-dimensional).

Therefore, we believe that the study of linear algebra the use of programming to solve the typical problems is also a means of realization of inter-subject communications between Informatics and Mathematics. In the study of this discipline, we propose to use programming environment and SCM, although the latter have a sufficient number of «algebraic» tools to solve problems, including determination of the dependence vectors, finding the characteristic elements of the matrices, etc. Programming in this case we perceive as an instrument of control and development.

5. In the study of differential geometry visualization tasks of motion of a tangent on a plane curve, Frenet frame, restoring the curve by its natural equations, finding the type of surface point, etc. are interesting in the context of the use of software as a method of forming mathematical knowledge. Using SCM simplifies the calculations and perfectly visualizes the result that stimulates learning and scientific research. In this case, we perceive programming as a tool for learning, monitoring and development.

The foregoing and other problems, as our experience shows, imply the ability to use software for creating a qualitative mathematical knowledge.

These arguments demonstrate interdisciplinary communication of the two sciences (mathematics and computer science) and reflect the possibility of improving the existing methods of teaching mathematics, designed to promote a higher level of understanding as the essence of a mathematical problem and possible ways to solve it.

However, we understand that the active use of programming in the preparation of the mathematics teacher while studying disciplines of professional training unit faces a number of difficulties. Among them – the lack of sufficient material and technical base of universities, significant reduction of class hours to study each of the disciplines in the profile, frequent unwillingness or banal lack of free time to learn advanced tools of mathematical sense by teachers, etc.

Conclusions. But in spite of these difficulties, the Ukrainian state and society as a whole raises the question of the need to reform the training of mathematics teachers. We see such reform in shifting the traditional emphasis in studying mathematics (as a rule, skills to calculate or simplify) towards the active use of programming ideas that will reduce the role of the computational aspects of the learning process and lead to a qualitatively new level of understanding basic mathematical ideas and processing methods of the quantitative data that we encounter in everyday life.

References

1. Семеніхіна, О.В. Наслідки поширення ІТ і зміщення акцентів навчання математики у вищій школі / О.В. Семеніхіна, І.В. Шищенко // Вища освіта України. – 2013. – № 4. – С. 71–79.
2. Лапчик, М.П. Информатическая математика или математическая информатика? / М.П. Лапчик [Электронный ресурс] // Информатика и образование. – 2008. – № 7. – Режим доступа : <http://infojournal.ru/journal/info/archive/7-2008/>. – Дата доступа : 03.10.2014.
3. Журавлев, Ю.И. Фундаментально-математический и общекультурный аспекты школьной информатики / Ю.И. Журавлев // Вопросы образования. – 2005. – № 3. – С. 192–200.
4. Джонассен, Д.Х. Компьютеры как инструменты познания: изучение с помощью технологии, а не из технологии / Д.Х. Джонассен [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kmtec.ru/publications/library/select/computers_instrum_knowlgs.shtml. – Дата доступа : 03.10.2014.
5. Концепция развития российского математического образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ipk.zabedu.ru/sight/articles/72/1631>. – Дата доступа : 03.10.2014.
6. Wolfram, C. Teaching kid's real math with computer, july 2010 / C. Wolfram [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ted.com/talks/conrad_wolfram_teaching_kids_real_math_with_computers. – Дата доступа : 03.10.2014.
7. Семеніхіна, О.В. Система комп'ютерної математики MAPLE : Методичні вказівки / О.В. Семеніхіна, М.Г. Друшляк, В.Г. Шамоля. – Суми : СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2013. – 132 с.

Сумской государственный педагогический
университет им. А.С. Макаренко

Поступила в редакцию 03.10.2014

Агрессивность и враждебность в этиопатогенезе психосоматических заболеваний

И.В. Сильченко

Рассматриваются теоретико-методологические аспекты проблемы предикторов психосоматических заболеваний. Теоретически обосновывается роль агрессивности и враждебности в этиопатогенезе соматических заболеваний различной нозологии. Отмечается важность целенаправленной психокоррекционной работы с людьми, характеризующимися выраженностью данной симптоматики и блокаде отреагирования каждой из них.

Ключевые слова: психосоматические заболевания, факторы риска, агрессивность, враждебность, гнев, подавления, способы отреагирования, психокоррекция.

Theoretical and methodological aspects of the predictors of psychosomatic diseases are considered. The role of aggression and hostility in the aetiopathogenesis of somatic diseases with various nosology is theoretically justified. The importance of purposeful psychocorrectional working with people, characterized by marked symptoms and blockade of acting out by each of them is emphasized.

Keywords: psychosomatic diseases, risk Factors, aggression, hostility, anger, suppression, ways of acting, psychocorrection.

Современные условия предъявляют повышенные требования к выпускникам вузов, чей высокий профессионализм и творческое долголетие возможно только при хорошем здоровье. Тем не менее, по разным данным в Республике Беларусь от 2 % до 40 % студентов имеют отклонения в состоянии здоровья, и число их в процессе обучения в вузе неуклонно растет. На сегодняшний день 56 % студентов, обучающихся на факультете психологии и педагогики Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины, имеют хронические заболевания, а на первом курсе их число достигает 60 %. Возрастающая значимость этой проблемы требует многостороннего исследования и предупреждения факторов риска различных соматических заболеваний.

Современный уровень развития психологической науки и того раздела медицины, который именуется психосоматикой, позволяет утверждать, что в патогенезе ряда заболеваний важнейшую роль играют психологические переменные. В 30-х годах прошлого века врач и психоаналитик Ф. Александер [1] выделил группу «психосоматических» болезненных состояний (семь заболеваний, в дальнейшем обозначенных как «чикагская семерка»): язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки, язвенный колит, эссенциальную гипертонию, ревматический артрит, гипертиреоз, нейродермит и бронхиальную астму. В настоящее время их перечень значительно расширился, и в «регистр психосоматического реагирования» включены заболевания сердечно-сосудистой системы (ИБС, инфаркт миокарда, гипертоническая болезнь), большое число кожных и урогенитальных заболеваний и мигрени. К числу типичных психосоматических заболеваний, особенно в странах Северной Америки и Западной Европы, стали относить нервную анорексию и булимию, кардиоспазм и некоторые формы психогенного ожирения.

Проблема психологических детерминант возникновения и развития психосоматических заболеваний на протяжении XX–XXI вв. является объектом интенсивных исследований, но ее актуальность с течением времени не снижается. Несмотря на значительное число работ, нет единой концепции психосоматического заболевания и в связи с этим – этиопатогенетической психотерапии, недостаточно разработаны подходы к организации психопрофилактических мероприятий.

В последнее время в научной литературе широко обсуждается роль агрессии и враждебности в этиопатогенезе хронических соматических заболеваний. Интерес научного сообщества к этой проблеме не случаен и обусловлен многими причинами. Прежде всего, это накопленные еще со времен Гиппократов многочисленные несистематические наблюдения врачей за отдельными группами соматических больных. Например, среди специалистов-

аллергологов издавна распространено мнение о том, что бронхиальной астмой чаще страдают люди с «желчным темпераментом». В начале прошлого века о патогенной роли враждебности в сочетании с хроническим подавлением гневных и агрессивных импульсов в этиологии гипертонии и ишемической болезни сердца, ссылаясь на случаи из терапевтической практики, писали психоаналитики. Однако научное объяснение эта идея получила лишь сравнительно недавно. Начало данному направлению было положено М. Фридманом и Р. Розенманом (1959), описавшими поведенческий паттерн типа А, как существенный фактор риска ишемической болезни сердца. Поведение данного типа представляет собой феномен, включающий такие признаки, как чувство дефицита времени, тенденцию к соперничеству, враждебность, сильную вовлеченность в различные виды деятельности, напряженность и нетерпеливость, выразительную речь, быструю походку. В более поздних публикациях отмечалось, что не все составляющие поведения типа А имеют одинаковое значение при оценке риска ишемической болезни сердца, а среди наиболее патогенных факторов была выделена враждебность – как подавляемая, так и открыто выражаемая субъектом [2, с. 57].

Современные авторы аналитических обзоров единодушно отмечают, что враждебность является предиктором сердечно-сосудистых заболеваний и ранней смертности, а также прогностическим критерием неблагоприятного течения аллергических, онкологических, вирусных заболеваний и расстройств личности [3, с. 34]. Имеются публикации, посвященные роли неотреагированной (подавляемой) агрессии и враждебности в патогенезе бронхиальной астмы [4]. В недавних исследованиях, посвященных проблемам адаптации, подтверждено, что индивиды, склонные в кризисной ситуации к агрессивным реакциям, имеют определенные психосоматические симптомы. Были выявлены значимые корреляционные связи гнева с такими психосоматическими симптомами, как колебания настроения, желание заплакать; нарушение питания: чрезмерный аппетит; повышенная чувствительность к шуму; нарушения дыхания: одышка, спазмы; сонливость, повышенная потребность в отдыхе; нарушение сна: бессонница; ознобы [5]. Все это позволяет рассматривать агрессивность и враждебность в числе общих психологических факторов риска соматических заболеваний, не специфичных для какой-либо отдельной нозологии.

Несмотря на очевидную актуальность проблемы, исследования враждебности длительное время были затруднены отсутствием общепринятого определения терминов, а также использованием слишком разных инструментов для диагностики. В работах, которые восходят к традициям психоанализа и «психосоматической медицины», термин «враждебность», как правило, употребляется наряду с двумя другими, тесно связанными с ним по значению: агрессия и гнев (Ф. Александер, 2000). Первым, кто попытался дифференцировать понятие «враждебность» и отделил ее от агрессивности, был А. Басс. В своей работе он положил начало новому направлению исследований враждебности, на которое опираются современные психологи и клиницисты. Враждебность понималась А. Бассом как длительное устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. При этом враждебность соответствовала когнитивному компоненту психики, агрессия – поведенческому, а гнев – эмоциональному. По мнению ряда исследователей, отнесение враждебности к числу когнитивных переменных не вполне справедливо, так как враждебность предполагают также и эмоциональную оценку [6], [7].

Еще одно понимание враждебности было предложено Дж. Берифутом. В понимании соотношения враждебности, гнева и агрессии он на первый план выдвигает понятие враждебности и рассматривает его как антагонистическое отношение к людям, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Аффективный компонент составляют взаимосвязанные эмоции, включающие гнев, раздражение, обиду, презрение, негодование, отвращение и т. д. Когнитивный компонент представлен негативными убеждениями в отношении человеческой природы в целом (цинизм) и убеждениями в недоброжелательности других людей по отношению к самому субъекту (враждебные атрибуции, недоверие, подозрительность). Наконец, поведенческий компонент включает разнообразные формы проявления враждебности в поведении, часто замаскированные, – агрессию, негативизм, неумение сотрудничать, нежелание идти на компромисс, избегание близких межличностных отноше-

ний или социальных контактов вообще [6, с. 90]. Таким образом, Дж. Берифут рассматривает враждебность как сложное образование, включающее в себя гнев и агрессию в качестве ее поведенческих и эмоциональных коррелятов, выступающих ее внешними индикаторами.

По утверждению С.Н. Ениколопова, наиболее ценным в подходе Дж. Берифута является то, что он вышел за пределы триады «враждебность–гнев–агрессия» и описал достаточно широкий спектр поведенческих и эмоциональных составляющих враждебности. Понимание того, что враждебность не всегда ведет к агрессии, а вместо гнева может сопровождаться другими эмоциональными переживаниями, открывает возможность самостоятельного изолированного изучения враждебности [7, с. 69].

В ряде работ враждебность описывается с помощью категории «отношение». Так, Т. Смит рассматривал враждебность как комплекс негативных отношений (вражда, неприязнь, недоброжелательность), убеждений и оценок применительно к другим людям, то есть восприятие других людей как вероятный источник фрустрации, обмана, провокации и т. п. Таким образом, как устойчивая, общая черта, враждебность подразумевает девальвацию мотивов и личностных качеств других людей, ощущение себя в оппозиции к окружающим и желание им зла (активное – причинять вред, или пассивное – наблюдать причинение вреда) [7, с. 69].

Сходная точка зрения есть и в отечественной психологии. В. Н. Мясищев, подробно разрабатывая категорию «отношение», отмечал, что враждебность (вражда, неприязнь) формируется в процессе взаимодействия с ее объектом и затем задает пристрастность восприятия новых объектов. Таким образом, В.Н. Мясищев относил враждебность к эмоциональным отношениям. Важно отметить, что отдельные избирательные негативные отношения к кому-либо или чему-либо в данном подходе рассматриваются как характерные для большинства людей. Более того, полное отсутствие у человека враждебных отношений отражает определенную личностную дисфункцию или личностную незрелость и не способствует адаптации. С другой стороны, враждебное отношение может быть неадекватно обобщенным, вплоть до того, что человек воспринимает любые объекты или воздействия извне как негативные, неприятные, нежелательные и т. п. В таких случаях генерализации враждебного отношения имеет смысл говорить о враждебной картине мира, которая при определенных обстоятельствах может приобретать характер патологии. Подчеркивая единство отражения человеком действительности и отношения к ней, В.Н. Мясищев, таким образом, подводит к идее о том, что система отношений человека представляет способ реконструкции в индивидуальном сознании модели или «картины» окружающей действительности [8].

По мнению целого ряда авторов, проблема построения субъективной картины мира относится к числу ключевых проблем психологии. Представления о картине мира активно разрабатываются в различных психологических школах в нашей стране и за рубежом. Согласно общим положениям этих теорий, в процессе накопления субъективного опыта у человека постепенно формируется внутренний мир его представлений об объектах окружающей действительности, о себе, других людях, а также о связях между отдельными элементами. Для обозначения этого внутреннего мира различными авторами используются различные термины: «модель мира» (Боулби), «теория реальности» (С. Эпштейн) и др. В отечественной науке наиболее часто используется понятие «образ мира» (А.Н. Леонтьев, 1983). Все авторы подчеркивают исключительную роль картины мира в адаптации человека к условиям его существования. Картина мира составляет основу его жизнедеятельности во всех ее аспектах, служит базой для принятия решений и познания внешнего мира.

Для выработки концептуального определения враждебности и объяснения механизмов ее влияния на различные психические процессы продуктивным представляется подход С.Н. Ениколопова, рассматривающего враждебность в рамках отечественных представлений о картине мира. По мнению ученого, феноменологическое определение враждебности (как черты личности или как тенденции часто переживать эмоцию гнева) не объясняет механизмов ни собственно враждебности, ни ее связи с поведением и физическим здоровьем. Описание враждебности как исключительно когнитивной категории также весьма условно и не вполне адекватно в силу невозможности выделения жесткого критерия (где грань между когнитивным и эмоциональным компонентами?). В его понимании враждебность представляет собой специфическую картину мира, в рамках которой объекты наделяются негативными

характеристиками. Враждебность – это сложная форма аффективно-когнитивной ориентации. Она состоит из набора различных взаимодействующих эмоций, влечений и аффективно-когнитивных структур. Эмоции, занимающие особенно важное место в комплексе враждебности, – это гнев, отвращение и презрение (так называемая «триада враждебности»). Враждебность включает также влечения, взаимодействия аффектов и обычно мысли или образы, связанные с причинением вреда объекту враждебности. Такие образы и желания необязательно содержат реальное намерение причинить объекту вред. Враждебность не включает в себя словесной или физической активности. Агрессия не всегда является следствием враждебности. Аналогично, помимо агрессии существует целый ряд других возможных поведенческих коррелятов враждебной картины мира: аутизация, нежелание сотрудничать, безынициативность, неспособность принимать решения и т. п. [7, с. 70].

Таким образом, отечественные исследователи проделали значимую методологическую работу по уточнению границ каждого из понятий (гнева, враждебности, и агрессии), описанию психологических форм каждого из конструктов, установлению феноменологических связей между ними. Разработан методический комплекс, позволяющий фиксировать не только количественные, но и качественные аспекты враждебности.

В рамках данного подхода выполнены работы, в которых был описан характер взаимосвязи количественных (общего уровня враждебности) и качественных аспектов враждебности, ее структурных компонентов (аффективного, когнитивного и поведенческого) с объективными характеристиками психического заболевания (длительностью и нозологической принадлежностью). Показана количественная и качественная специфика враждебного отношения у психически больных по сравнению со здоровым населением; выявлена качественная специфика враждебности у больных бронхиальной астмой, которая выражается в подозрительности, настороженности, «паранойальности», ее стабильность во времени и независимость от динамики течения заболевания. Расширены характеристики когнитивного компонента враждебности: помимо цинизма, недоверия и подозрительности выявлено снижение самооценности, убежденности в возможности контролировать происходящие события, доброжелательности окружающего мира и, как следствие этого, появление у больных убеждения в своем невезении и максимальной роли случая в их жизни. Отмечается довольно сильное убеждение больных в справедливости мира, то есть в том, что каждый человек получит по заслугам. При этом справедливость оценивается с точки зрения распределения отрицательных событий: «если делаешь зло, то оно к тебе вернется», «если человек злой, то он будет наказан» и т. д. Все это свидетельствует о негативном восприятии больными объектов окружающего мира [6].

Для состояния здоровья весьма важное значение имеют не только негативные эмоции, но и способы, которыми человек справляется с эмоциональными проблемами. Многочисленные клинические данные свидетельствуют о том, люди, привыкшие подавлять все негативные эмоции, в частности, гнев, больше подвержены риску психосоматических расстройств [9]. Показано, что враждебность может проявляться посредством социально-пассивного, избегающего поведения. Сдерживаемая агрессия, адресованная внешним объектам, обращаясь внутрь, вызывает вегетативный дисбаланс и создавая, тем самым, предпосылки для возникновения приступа удушья [4].

Ф.Б. Березин, Е.В. Безносюк и Е.Д. Соколова придерживаются подобной точки зрения и считают, что одной из причин увеличения интенсивности физиологических реакций при психосоматических нарушениях является недостаточная способность к адекватному отреагированию эмоций в поведении, которая может быть связана с выраженной склонностью к контролю собственного поведения. Эта склонность в наибольшей мере определяется потребностью следовать принятой норме, не привлекать внимания окружающих к своим эмоциональным проблемам, выглядеть социально благополучно, сознательным стремлением соответствовать социальным ожиданиям. Контроль поведения оказывает двойственное влияние: его высокий уровень способствует улучшению социального взаимодействия и уменьшению числа фрустрирующих ситуаций и вместе с тем затрудняет адекватное отреагирование эмоций, что приводит к усилению вегетативно-гуморальной активации, нарастанию физиологических сдвигов [10, с. 47].

В исследованиях, проведенных в рамках аффективно-динамического подхода, разрабатываемого белорусским психологом И.Ф. Фурмановым [11], также в качестве основных причин формирования различных психосоматических симптомов выступают непродуктивные

способы выражения гнева и агрессии. Доказано, что стратегии подавления, сдерживания и даже дозированного отреагирования гнева и агрессии являются дезадаптивными как на организмическом, так и на межличностном уровнях функционирования индивида. И в качестве наиболее эффективного способа совладания с ними предлагаются психокоррекционные программы, направленные на формирование навыков регуляции и управления указанных эмоций и моделей поведения в частности, тренинг модификации поведения.

Выделение агрессивности и враждебности в качестве этиологических факторов риска психосоматических заболеваний открывает возможности целенаправленной психокоррекционной работы с людьми, характеризующимися выраженностью данной симптоматики и недостаточной способностью к адекватному отреагированию эмоций в поведении. Основные перспективы исследований по данной проблеме заключаются, на наш взгляд, в определении основных направлений превентивных мероприятий, в разработке конкретных консультативных и коррекционных технологий для работы с соответствующим контингентом студенческой молодежи.

Литература

1. Александер, Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение / Ф. Александер. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 352 с.
2. Языкова, Т.А. Поведение типа А: проблемы изучения и психологическая коррекция / Т.А. Языкова, В.П. Зайцев // Психологический журнал. – 1990. – № 5. – С. 56–59.
3. Ениколопов, С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии / С.Н. Ениколопов // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2). – С. 32–39.
4. Охматовская, А.В. Психологические особенности враждебности у больных с психосоматическим заболеванием (бронхиальная астма) : автореф. ... дис. канд. психол. наук : 19. 00. 04 / А.В. Охматовская ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2001. – 42 с.
5. Фурманова, Н.В. Сравнительный анализ адаптивной и дезадаптивной личности в период ранней взрослости // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 33–39.
6. Кузнецова, С.О. Психологические особенности враждебности при психической патологии / О.С. Кузнецова // Вопросы психологии. – 2007. – № 5. – С. 89–99.
7. Ениколопов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии / С.Н. Ениколопов // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60–72.
8. Мясищев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев ; под ред. А.А. Бодалева. – М. : Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж : НПО «МОД ЭК», 1995. – 356 с.
9. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард – М. : МГУ, 1980. – С. 252–334.
10. Березин, Ф.Б., Безносюк, Е.В., Соколова, Е.Д. Психологические механизмы психосоматических заболеваний / Ф.Б. Березин, Е.В. Безносюк, Е.Д. Соколова // Российский медицинский журнал. – 1998. – № 2. – С. 43–49.
11. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007 – 480 с.

Национальные ценности как основа современного образовательного процесса

А.Ф. Ходько

Рассматриваются национальные ценности как вектор развития ценностно-ориентированного сознания студентов в образовательном процессе через призму идеологии белорусского государства, представлены основные направления формирования национальных ценностей.

Ключевые слова: национальные ценности, традиционные ценности, духовно-нравственный потенциал, ценностно-ориентированное сознание, национальная культура, нравственные убеждения.

The national values as a vector of value-based consciousness of students in the educational process through the prism of the ideology of the Belarusian state are observed. The main directions of formation of national values are presented.

Keywords: national values, traditional values, spiritual and moral potential, value-oriented consciousness, national culture, moral beliefs.

Одним из приоритетных направлений развития Республики Беларусь на современном этапе является воспитание молодого поколения на традиционных ценностях белорусского народа. Именно в них сконцентрировано, закреплено и передается из поколения в поколение все то, что было собрано народом за всю историю его существования, выдержало испытание временем, составляет духовный оплот общественного сознания страны и индивидуального сознания и самосознания каждого гражданина. Эти, традиционные для народа ценности выступают в качестве мировоззренческого мобилизующего начала, являются одним из наиболее существенных элементов идеологической системы государства. Они не только отражают опыт исторического прошлого народа, но и отображают социальную реальность, а также моделируют возможное будущее.

Процесс формирования духовно-нравственной и эмоционально ценностной сферы личности идет через воспитание, задачами которого являются: формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии; подготовка к самостоятельной жизни и труду; формирование нравственной, эстетической и экологической культуры; овладение ценностями и навыками здорового образа жизни; формирование культуры семейных отношений; создание условий для социализации и саморазвития личности.

В настоящее время на государственном уровне признается важное значение духовно-нравственных ценностей в социокультурном развитии современной молодежи. В республике активно ведется работа по формированию и реализации идеологии белорусского государства, в рамках которой акцентируется внимание на возрождении национальных культурных традиций и духовных ценностей.

На 42-м съезде общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» Президент Беларуси А.Г. Лукашенко отметил, что в эпоху глобализации национальные культуры не утрачивают актуальности. Есть расхожее мнение: в современном мире нет места национальным культурам, а им на смену приходит одна – глобальная. Думаю, что это не так. У каждого народа есть собственная система координат, вектор развития, заданный его историческим опытом и национальной культурой. Через их призму мы воспринимаем мир. Присоединяемся ли мы к экономическим альянсам, перенимаем ли технологии, приобретаем ли к мировой культуре, мы все равно все преломляем через себя. И это позволяет нам пережить, «переварить», если хотите, глобализацию, взять от нее только то, что нас укрепляет. Культура – вот что делает белоруса белорусом, а не просто «тутэйшым», в какой бы точке земного шара он ни находился. Не только наше богатейшее наследие: литература, музыка, архитектура – но и язык, который мы должны знать, история, которую мы должны помнить, и ценности, которые мы должны уважать.

Такие интеграционные процессы, встречи с людьми других традиций, иного социального опыта побуждают внимательнее всматриваться в самих себя. В этой связи А.Г. Лукашенко вспомнил чемпионат мира по хоккею, который в мае прошлого года впервые прошел в Беларуси. «Мы предстали перед гостями как самобытнейший европейский народ. Наши открытость и дружелюбие, спокойствие и гостеприимство заставили не только удивляться приезжих, но и в нас самих вызвали гордость и самоуважение. И в этом большая заслуга вас – молодежи, тех девушек и парней, которые записались в волонтеры и сделали все, чтобы гости узнали Беларусь и ее жителей с наилучшей стороны», – подчеркнул глава государства, поблагодарив за это молодежь [1].

Годом молодежи объявлен 2015 г. в Беларуси. На начало 2014 г. количество молодежи в возрасте от 14 лет до 31 года в Беларуси составляло 2,185 млн. человек, или 23,08 % общей численности населения страны. Решение проблем, волнующих молодежь, является составной частью государственной политики в области социально-экономического, культурного и национального развития страны.

В энциклопедической и справочной литературе понятие «ценности национальные» определяется как «совокупность духовных идеалов представителей тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие» [2, с. 33]. Ценности национальные выступают в роли социально и нормативно-культурных аксиом поведения людей одной этнической принадлежности.

Использование в науке понятий «национальные ценности», «национальное ценностно-ориентированное сознание», «общечеловеческие ценности национального духа» фиксирует факт социальной и психологической самобытности определенного этноса и его отличия от других аналогичных общностей и предполагает единство всех членов определенного этноса, объединенных общими идеями, установками.

Общечеловеческие ценности национального духа, национальные ценности и национальное ценностно-ориентированное сознание представляют собой не только явления психолого-эмоционального характера, но и материальные объекты, символы, знаки, признаваемые жизненно важными этнической общностью. В основе признанной важности этих ценностей в первую очередь находятся сущностные интересы человека, представителя конкретного этноса: выживание, развитие, достижение целей и идеалов. Каждая нация отличается только ей одной присущим сочетанием и соотношением темперамента, типом мышления и мировосприятия. В уникальности внутреннего мира нации, в устойчивости ее внутреннего склада, определенным образом организующего получаемую информацию, и состоит ценность любой нации как биосоциального сообщества людей и одновременно культурного феномена.

Национальные ценности складывались в ходе исторического развития материальной и духовной культуры общества в соответствии с геополитическим положением страны. Это, прежде всего, фундаментальные нравственно-этические представления и нормы, концентрированно выражающие своеобразие, самобытность, особенности характера, обычаи, традиции и уклад жизни, наиболее важные потребности народа. Они представляют собой сердцевину его духовной жизни, синтез лучших черт и качеств. Национальные ценности определяют жизненную позицию человека и гражданина, его отношение к обществу и государству, прошлому, настоящему и будущему своей страны, ответственность за сохранение и приумножение национального достояния.

Традиционная белорусская культура возникла на мировоззренческом фундаменте христианской религии, принятие которой имело определенно положительное воздействие на развитие национального самосознания белорусского народа. В своем развитии христианство практически бескомпромиссно восприняло элементы народной культуры. Идеи христианской религии органично переплелись с древнейшими представлениями предков белорусов о мире, его устройстве и нашли воплощение в белорусских традициях и обрядах. Транслированные христианством библейские заповеди во многом способствовали утверждению идеалов христианского гуманизма, ядро которого составляют принципы духовно-моральной ценности самого человека, рационального объяснения окружающего мира, идеи о необходимости разработки эффективных морально-правовых, социально-политических норм существования человека и общества, а также идеал добра как необходимого условия консолидации этнической общности.

Духовные ценности белорусов формировались в контексте восточнославянского менталитета, испытывая трудности существования между Западом и Востоком и осуществляя поиск собственного пути развития.

Белорусская ментальность впитала в себя особенности миропонимания православия и католицизма, склонность к компромиссам униатской веры, строгую воздержанность и индивидуализм протестантизма. Белорусы миролюбивы, для них не характерно чувство национального превосходства над другими народами. Они доброжелательны, рассудительны, нацелены на поиск справедливости без насилия, они терпимы, уважительно относятся к людям с иным миропониманием и стилем мышления [3].

Среди национальных ценностей белорусского народа несомненным приоритетом обладает ценность Родины. Постигание значимости Отчизны возникает у человека первоначально как ощущение и чувство личной принадлежности к ней, а затем как осознанное признание неотрывности от нее. Это помогает человеку осознать свою неразрывную связь с родной землей, ее культурой, обычаями, нравами, ощутить гордость за ее прошлое, ее настоящие свершения. Любовь к Родине мобилизует людей, направляет их деятельность, способствует защите ее целостности и независимости. Все это неразрывно связано с патриотизмом – нравственным и политическим принципом, основывающимся на любви к своему Отечеству, преданности ему, гордости за его прошлое и настоящее, стремлении защищать интересы родной земли. Долгом нынешних и будущих поколений белорусов является сохранение независимости, целостности, безопасности государства, укрепление его стабильности, умножение его богатств, национальных ценностей [4].

Одной из важных традиционных ценностей белорусского народа является толерантность, которая проявляется в уважительном отношении к людям с отличающимся от нашего темпераментом, миропониманием, религиозными убеждениями, складом мышления, образом жизни. Толерантность настраивает на доброжелательные отношения с другими народами, на признание и уважение их права на собственную самобытность, на развитие их национальной культуры, языка. Белорусы тяготеют к справедливости, к предсказуемому будущему и гарантированно стабильному настоящему. Данная черта характера белорусов предопределяется особым положением Беларуси в европейском культурно-цивилизационном пространстве. Находясь на перекрестке восточной и западной цивилизаций, белорусский народ на протяжении всего своего исторического пути вынужден был впитывать и соединять в своей культуре, в своем отношении к миру, в своем характере различные ценностные системы, ориентиры, идеалы, проповедуемые как Западом, так и Востоком, что возможно и определило терпимое отношение белорусов к окружающему миру в целом.

Национальные ценности, положенные в основу национальной идеи, тесно связаны с воспитанием человека-гражданина, патриота. На это направлена наша государственная идеология, и это стало основой современного образовательного процесса.

В статье 18 Кодекса Республики Беларусь об образовании подчеркнуты основными составляющими воспитания: нравственное воспитание, направленное на приобщение обучающегося к общечеловеческим и национальным ценностям [5].

Определенный опыт в воспитании национальных ценностей учащейся молодежи накоплен в учреждении образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации».

Анализ учебных планов и программ позволил выявить учебные дисциплины, содержание которых обладает, наибольшими возможностями в аспекте овладения национальными ценностями студентов. Среди них: «Основы идеологии белорусского государства», «Философия», «Культурология», «Политология», «История Беларуси» и т. д. Особое место среди выше названных дисциплин отводится «Основам идеологии белорусского государства», которая помогает определить место идеологии белорусского государства в системе духовных и национальных ценностей белорусов, формированию национального самосознания молодежи.

В образовательном процессе преподавателями кафедр социально-гуманитарных дисциплин в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации используются различные варианты для формирования национальных ценностей студентов.

Организовываются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, работниками Гомельского областного музея военной славы, Областным драматическим театром, художественной галереей им. Вашенко и другими социально-культурными объектами города. Встречи студентов с ветеранами Великой Отечественной войны всегда проходят в теплой атмосфере, организованы они часто в форме беседы-концерта, где активная роль принадлежит обеим сторонам. Стало традицией у преподавателей истории при изучении курса проведение экскурсий со студентами в Гомельский областной музей военной славы, что дает возможность ознакомиться с экспонатами военного времени, понять и осознать трагедию целого поколения людей, которые в годы войны не жалели жизни во имя спасения Родины.

Одним из эффективных средств патриотического воспитания стало широкое использование государственных символов, атрибутов и ритуалов при проведении торжественных мероприятий, собраний, линеек, посвященных знаменательным датам и праздникам.

Большая роль в воспитании человека-гражданина принадлежит молодежной организации Белорусский республиканский союз молодежи. Деятельность этой организации способствует развитию студенческого самоуправления, информационно-идеологической, поисково-исследовательской деятельности, волонтерскому движению.

Особую роль в формировании духовно-нравственного потенциала студентов играют православные духовные ценности, которые тоже являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия нашего народа. Необходимость православного просвещения молодежи, в том числе студентов, сегодня очевидна. Не зная основ христианства, его истории, догматики, морали, всей его сущности, невозможно понять мировую классическую культуру. Знание основ православия студентами вузов имеет и глубоко нравственный смысл. В связи с этим очень важно сейчас интегрировать православные ценности в образовательный процесс, вводить в содержание образования факультативы, лекции, беседы, доклады по основам православной культуры. А для этого необходимо устойчивое, глубокое социальное партнерство с религиозными организациями республики.

Исследование национальных ценностей проводилось в учреждении образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» на факультете экономики и управления со студентами 4, 5 курсов. В процессе исследования студентам было предложено ответить на вопрос: «Какие ценности, прежде всего, связываются у вас с мыслью о вашей нации?». Ответы респондентов в целом распределились в следующем порядке: 1) мои родители (17,2 %); 2) территория, на которой я живу (16,3 %); 3) обычаи, традиции, культура (15,8 %); 4) прошлое, история моей нации (15,5 %); 5) известные люди моего народа (13,7 %); 6) язык (8,5 %); 7) наша религия (7,4 %); 8) особенности хозяйственного уклада, бытовой жизни (5,6 %). Семейные ценности, любовь к родному краю, к малой родине занимают первые места. Традиции и обычаи этноса, поддерживаемые силой общественного мнения и закреплённые в стереотипах поведения, присутствуют в жизни каждого поколения, они играют огромную роль в возникновении, становлении и закреплении этнического самосознания. Студенты считают, что для них характерен традиционализм, т. е. склонность уважать и поддерживать обычаи, принимать и признавать национальные ценности. Четвертое место в ранжире ценностей национальной самоидентификации студенты отдали истории своего народа. Гордостью для белорусов была победа на Олимпиаде в Сочи. Студенты отметили трехкратную олимпийскую чемпионку Дарью Домрачеву, а также Аллу Цупер, как гордость белорусской нации, как известные люди моего народа. Важной национальной ценностью является язык. По мнению студентов в языке проявляется все духовное содержание общности, и он не только средство общения между людьми, но и своеобразный выразитель всего богатства жизни этноса. Студенты, по их оценке, в меру религиозны, при этом, данный показатель соответствует их идеальным представлениям. Особенности хозяйственного уклада, бытовой жизни для студентов оказались в конце списка. Ранжирование группы ценностей в ходе исследований показало, что студенты высоко ценят своих родителей, родной край, традиции и культуру своего народа.

Таким образом, воспитание молодого поколения граждан Беларуси осуществляется сегодня на основе национальной идеи, которую белорусы ассоциируют с сильным и процветающим государством, способным обеспечить благополучие, независимость, достойный

уровень жизни. Эта идея базируется на национальных ценностях народа, зафиксированных в его генетическом коде: воспроизводство исторического процесса в контексте гармоничного взаимодействия традиций и новаций; ориентация на правду жизни; принцип справедливости, означающий, что все люди должны жить по совести; трудолюбие; принципиальное неприятие насилия, житейская мудрость, природная добродетель, умеренность и т.д. В основе лежит верность исторической памяти народа и последовательная политика по сохранению и развитию культурного наследия белорусов, белорусского национального характера, национальных ценностей.

Литература

1. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на 42-м съезде общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://president.gov.by>. – Дата доступа : 04.02.2015.
2. Социологическая энциклопедия / Под общ.ред. А.Н. Данилова. – Минск : БелЭн, 2003. – 384 с.
3. Мельник, В.А. Основы идеологии белорусского государства: пособие / В.А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2009. – 416 с.
4. Бабосов, Е.М. Основы идеологии белорусского государства: курс лекций / Е.М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2012. – 212 с.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании : Кодекс Республики Беларусь от 13 января 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 декабря 2010 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 2 / 1795. – 214 с.

Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 11.02.2015

Опыт применения интерактивных технологий как средства формирования делового общения бакалавров при обучении иностранному языку

И.Л. ЯРЧАК

Рассматривается проблема формирования делового общения бакалавров при обучении иностранному языку средствами интерактивных технологий. На основе передового опыта отечественных и зарубежных университетов обосновывается необходимость и целесообразность применения интерактивных технологий как неотъемлемой части процесса обучения.

Ключевые слова: интерактивные технологии, формирование, деловое общение, бакалавр, обучение, иностранный язык.

The problem of forming business communication of bachelors in teaching foreign language by means of interactive technologies is considered. The necessity and expedience of the use of interactive technologies as an essential part of studying process are explained and justified on basis of the leading native and foreign universities experience.

Keywords: interactive technologies, formation, business communication, bachelor, studying, foreign language.

Современная система образования требует постоянного обновления и усовершенствования. Государственная политика нашей страны характеризуется проведением кардинальных реформ образования и общественной жизни, разрабатываются новые типы коммуникаций в условиях глобальных изменений в мировоззрении, приоритетах, ценностях и нормах. Возникает потребность в специалистах, не только владеющих знаниями, умениями и навыками согласно государственным образовательным стандартам, но и умеющих решать разнообразные проблемы на высоком культурном уровне, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям, осуществлять качественное межкультурное деловое общение в глобальном мире.

Деловое общение на иностранном языке – это общение в деловой сфере, предполагающее решение профессиональных и личностно-значимых задач, связанных с работой, карьерой, бизнесом, оказанием и получением услуг на иностранном языке. Деловое общение присутствует во всех сферах жизнедеятельности человека, без него невозможно достижение целей ни в управлении, ни в экономике, ни в образовании. Для современного специалиста владение компетенцией делового общения является обязательным условием успешной профессиональной реализации. Под компетенцией иноязычного делового общения понимается интегративное свойство личности, обеспечивающее возможность эффективного общения на иностранном языке в деловой сфере, и представляет собой сложное, многомерное и многоуровневое образование, включающее в свою структуру более узкие конкретные компетенции, задачи формирования и развития которых решаются в ходе обучения иностранному языку на различных уровнях образования [1, с. 512–514].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению 080200.62 «Менеджмент» указывает, что «бакалавр должен обладать умением логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; осуществлять деловое общение: публичные выступления, переговоры, проведение совещаний, деловую переписку, электронные коммуникации; владеть одним из иностранных языков на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность» [2]. Из чего следует, что деловое общение играет значительную роль в формировании личности бакалавра и оптимизации его профессиональной деятельности. Оно включает в себя как стандартные процедуры, так и моменты творчества, которые требуют нестандартного мышления, творческого подхода.

Потребность общества в компетентных специалистах, способных эффективно осуществлять деловое общение в нестандартных ситуациях, довольно высока. Однако практика показала, что традиционная модель обучения, до сих пор широко используемая в вузах нашей страны, не всегда способна дать высокие результаты в обучении деловому общению. В результате возникает

противоречие между потребностью общества в компетентных специалистах и недостаточным уровнем реализации подготовки подобных специалистов в высших учебных заведениях. В связи с чем необходим поиск инновационных путей формирования делового общения бакалавров. Инновационность учебной работы предполагает целенаправленное внедрение в образовательный процесс новых методов и технологий, способствующих эффективному обучению [3, с. 14].

Основные методические инновации формирования делового общения бакалавров при обучении иностранному языку связаны сегодня с применением интерактивных технологий. Интерактивность означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога. Следовательно, интерактивное обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение. Это специальная форма организации познавательной деятельности, когда учебный процесс протекает таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они знают и думают [4, с. 8–13].

Применение интерактивных технологий позволяет уделять внимание отработке формальных процедур делового общения, что возможно используя имитационные, ролевые игры и электронную почту. Положительной стороной применения данных технологий является тот факт, что студенты могут выполнять подобные задания как на занятии, так и отрабатывать их дома на своем персональном компьютере, что позволяет активизировать и методически обеспечить самостоятельную работу студентов, сделав ее важнейшей составляющей учебного процесса. Возможности ролевой игры позволяют ввести непредсказуемые моменты, которые провоцируют проявление творческого подхода к решению ситуаций делового общения. Интерактивные технологии не только погружают учащихся в реальный мир и готовят студентов к использованию иностранного языка в реальной жизни, но и заставляют их адекватно реагировать на подобные ситуации посредством иностранного языка. Интерактивность как способ саморазвития дает возможность наблюдать и копировать использование иностранного языка, навыков, образов поведения партнеров, извлекать новые решения проблем в процессе их совместного обсуждения [5, р. 23].

Согласно требованиям ФГОС ВПО по направлению 080200.62 «Менеджмент», «реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых игр, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер классы экспертов и специалистов. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах должен составлять не менее 20 % аудиторных занятий» [2].

Следовательно, применение интерактивных технологий в новой «субъект-субъектной» парадигме, предполагает активное взаимодействие преподавателя и обучаемых, а также играет немаловажную роль в ее реализации.

Передовые вузы нашей страны так же, как вузы Европы и США, активно внедряют интерактивные технологии в образовательный процесс, что служит доказательством тому, что интерактивное обучение является важнейшим союзником традиционного обучения и значительно способствует повышению качества образования. Приведем несколько примеров.

В Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова было разработано и утверждено «Положение об интерактивных формах обучения». Основными задачами разработанного положения являлись:

- во-первых, дать понятное объяснение преподавателям, что относится к интерактивным формам обучения;
- во-вторых, представить краткое описание различных видов интерактивных методов обучения;
- в-третьих, сформулировать основные требования к организации и проведению занятий в интерактивных формах.

Также данный университет осуществляет широкое сотрудничество с такими передовыми издательствами в сфере обучения иностранному языку делового общения, как «Macmillan», «Pearson» и др., в сотрудничестве с которыми регулярно проводит тренинги и конференции, посвященные внедрению интерактивных технологий в процесс обучения [6].

На физическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова открыт Центр интерактивного образования. Интерактивные занятия проходят в аудиториях, где развернут многофункциональный комплекс современного компьютерного оборудования. Этот комплекс позволяет преподавателям посредством современных информационных технологий проводить весьма интенсивное обучение студентов (с первого и до последнего курса включительно) и при этом осуществлять индивидуальный контроль процесса обучения каждого из них как в аудитории, так и дома. Целесообразность обучения в данном центра подтверждена результатами исследований инициативной группы преподавателей МГУ им. Г.В. Ломоносова [7].

Ученые Московского государственного технического университета «МАМИ» подчеркивают, что «одним из важнейших средств наглядности является компьютеризация обучения, которая позволяет организовать интерактивное обучение, интенсифицировать образовательный процесс с использованием средств наглядности. Важно отметить, что компьютер является таким средством и орудием человеческой деятельности, применение которого не только качественно изменит и увеличит возможности накопления и применения знаний каждым человеком, но и расширит возможности познания. Поэтому использование в вузовской аудитории технических компьютерных средств это начало системной перестройки образовательного процесса и технологий обучения. К дидактическим возможностям компьютера относят высокую информационную насыщенность, рационализацию преподнесения учебной информации, показ изучаемых явлений в развитии, динамике; реальность отображения действительности; придание учебному процессу интерактивного характера» [8, с. 83].

Широкую известность в России приобретает также компьютерный учебный центр с высочайшим уровнем качества обучения, сервиса, организации учебного процесса «Специалист» при МГТУ им. Н.Э. Баумана, обучение в котором является полностью авторизованным и основывается на применении вебинаров и уникальной технологии inClass®. Как утверждают специалисты центра, данная технология позволяет стереть границу между дистанционным и очным обучением, модернизирует учебный процесс и является кардинально новым методом обучения бакалавров [9].

Особо интересен для нас и опыт американских коллег, поскольку в последние десятилетия там проводились многочисленные эксперименты и научные исследования в области интерактивных методов обучения, разработаны детальные руководства для учителей. Все эти методы и наработки способствуют активному использованию интерактивных методов в массовой школе [10, с. 32].

Исследования проведенные в 80-х гг. Национальным тренинговым центром (США, штат Мэриленд), показали, что интерактивные методы обучения позволяют резко увеличить процент усвоения материала. Результаты этого исследования отражены в таблице, получившей название «пирамида обучения». Из которой видно, что наименьший процент усвоения имеют пассивные методики (лекция 05 %, чтение – 10 %), а наибольший интерактивные (дискуссионные группы – 50 %, практика через действие – 75 %, обучение других, или немедленное применение – 90 %). Здесь уместно процитировать китайскую пословицу: «Скажи мне, я забываю. Покажи мне, я могу запомнить. Позволь мне сделать это, и это станет моим навсегда» [11].

По мнению ученых Канадского университета Британской Колумбии, студенты лучше усваивают материал, регулярнее посещают занятия и более ответственно относятся к учебе, когда преподаватели ведут уроки в интерактивном режиме. Это заявление было сделано на основе исследования, проводимого на базе экспериментальной интерактивной системы, разработанной нобелевским лауреатом Карлом Уайманом. По результатам которого было выявлено, что студенты из интерактивной группы при прохождении теста по пройденному материалу набрали вдвое больше баллов, чем их одноклассники, обучавшиеся по традиционной

схеме. Карл Уайман утверждает, что традиционный пассивный стиль нельзя считать наиболее эффективным и доминирующим методом преподавания и вся система университетского преподавания нуждается в реформировании. По его словам, 55 курсов Университета Колорадо уже перешли на новую систему [11].

Еще одним доказательством положительного влияния применения интерактивных технологий может послужить опыт таких престижных университетов США как Гарвард и Массачусетский технологический институт, инвестирующих более 30 миллионов долларов в новую интерактивную образовательную площадку Edx. «Edx – это некоммерческая организация. У нас есть платформа и интернет-портал, где будут предложены курсы Массачусетского технологического института и Гарварда, а также других университетов, с которыми мы планируем сотрудничать. Мы планируем сделать курсы и учебные материалы доступными для любого, у кого есть подключение к Интернету», – отмечает Анант Агарвал, руководитель проекта Edx [12].

Возможность бесплатного интерактивного дистанционного обучения также предлагают университеты Мичигана, Пенсильвании, Стэнфорд и Принстон. Большой популярностью у студентов пользуется и проект под названием Khan Academy – это портал, на котором на безвозмездной основе доступно более 300 образовательных лекций по огромному количеству предметов. Курсы от ведущих мировых университетов – это не просто набор лекций. Учеба в Интернете строится по той же схеме, что и очное обучение. Президент Массачусетского технологического института Сьюзен Хокфилд подчеркивает: «Мы уверены, что интерактивное онлайн-образование – не враг образования традиционного, а напротив, его важнейший союзник». И действительно, инициатива проекта на базе учебной платформы MITx, разработанной в 2011 г. в Массачусетском технологическом институте, вызвала невероятно высокий интерес: на обучение записались более 120 тыс. человек из разных стран мира. В Гарварде ожидают, что на курсы Edx захотят записаться более 1 млн. человек. «Это новый проект, не похожий на то, что было раньше. И он имеет революционный потенциал», – считает ректор Массачусетского технологического института Рафаэль Райф [12].

Большой интерес представляет также компьютерная программа Reward InterN@tive, разработанная учеными Оксфордского университета. Это всемирно известный курс для взрослых и подростков, предоставляющий возможность полноценного самостоятельного изучения иностранного языка по многоуровневому курсу Оксфорда. Как показывает статистика применения подобных программ, студенты, которые на стандартном занятии чувствуют себя неуверенно, на занятиях с использованием мультимедийных программ активно выполняют работу. Таким образом, использование интерактивных технологий позволяет повысить не только мотивацию, но и способствует выработке самооценки студентов в деловом общении на иностранном языке [13].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что использование интерактивных технологий в обучении позволяет оптимизировать сущность и структуру взаимодействия в педагогическом процессе, повысить мотивацию и интерес студентов к обучению деловому общению на иностранном языке, сформировать необходимые компетенции более инновационным способом. Признавая инновационную роль технологий интерактивного обучения, необходимо помнить, что к числу инноваций относят только те нововведения, в которых находит воплощение комплексное использование новой техники и переустройство образовательной практики на пути повышения ее эффективности. Под повышением эффективности следует понимать достижение цели обучения с минимальной затратой сил учащихся и преподавателей с учетом таких показателей, как качество обучения и экономия времени [14, р. 48].

Неоспорим тот факт, что использование интерактивного обучения в образовании имеет определенные преимущества относительно традиционных методов, таких как:

- эффективность – улучшение соотношения достигнутого результата к затратам времени и других ресурсов на его достижение;
- гибкость – возможность обучаться, выбирая время, место и темп обучения;
- модульность – возможность обучаться по индивидуальному учебному плану, отвечающему личным потребностям;

– новые информационные технологии – использование в образовательном процессе новейших информационных и телекоммуникационных технологий, основанных на компьютерном оборудовании, компьютерных сетях, мультимедиа системах, позволяющих осуществлять контролируемую самостоятельную работу обучаемого;

– новая роль преподавателя – тьютора-консультанта;

– новая роль обучаемого – повышение ответственности за освоение образовательных программ и самоорганизация учебного процесса.

Вышеизложенные преимущества интерактивных технологий во многом определяют их востребованность в современном мире в целом и в обучении иноязычному деловому общению в частности.

Литература

1. Степанова, М.М. Аксиологический подход к формированию компетенции иноязычного делового общения в нелингвистическом вузе // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 512–514.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://минобрнауки.рф/документы/924>. – Дата доступа : 09.01.2015.
3. Гулакова, М.В., Харченко, Г.И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Концепт. – 2013. – № 11. – С. 14.
4. Подымова, Л.С., Сергеева, В.П., Сороковых, Г.В. Интерактивные методы в обучении и воспитании в системе общего, среднего и высшего профессионального образования : учеб.-метод. пособие / Л.С. Подымова, В.П. Сергеева, Г.В. Сороковых. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 8–13.
5. Scrivener, J. Learning Teaching. The essential guide to English language teaching / J. Scrivener. – 3rd ed. – London : Macmillan Publishers Limited, 2011. – 414 p.
6. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.rea.ru/>. – Дата доступа : 10.01.2015.
7. Кафедра общей физики физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://genphys.phys.msu.ru/rus/interactive/>. – Дата доступа : 14.01.2015.
8. Шандров, Б.В., Булавин, И.А., Груздев, А.Ю., Будыкин, А.В. Элементы интерактивного обучения студентов на кафедре «Технология машиностроения» по дисциплине «Технологическая оснастка» / Б.В. Шандров, И.А. Булавин, А.Ю. Груздев, А.В. Будыкин // Сборник материалов международной научно-технической конференции ААИ «Автомобиле- и тракторостроение в России : приоритеты развития и подготовка кадров», посвященной 145-летию МГТУ «МАМИ». – 2010. – № 12. – С. 83.
9. Компьютерный центр обучения «Специалист при МГТУ им. Н.Э. Баумана» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.specialist.ru/center/educationtypes/webinar>. – Дата доступа : 12.01.2015.
10. Толстова, О.С. Возможности интерактивных методов обучения, используемых в США, в передаче четырех элементов содержания образования // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 4 – С. 32.
11. Голос Америки [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.golos-ameriki.ru/content/better-science-education-2011-06-20-124189194/236893.html>. – Дата доступа : 09.01.2015.
12. Вести.Ru [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=786039>. – Дата доступа : 13.01.2015.
13. Reward InterN@tive. Оксфордский курс английского языка [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://reward.ru>. – Дата доступа : 09.01.2015.
14. Scrivener, J. Classroom management techniques / J. Scrivener. – 1st ed. – The Edinburgh Building: Cambridge University Press, 2012. – 306 p.

ПРАВО

УДК 343.265.22

О влиянии режима судимости на ограничение правового статуса лица

Т.П. АФОНЧЕНКО

Представлен обзор некоторых общеправовых мер воздействия на осужденного в постпенальный период, реализуемых на основе режима судимости и затрагивающих правовой статус лица.

Ключевые слова: судимость, обвинительный приговор суда, постпенальное воздействие.

An overview of some general legal measures to influence the convict in post penal period implemented on the basis of criminal record regime and affect the legal status of a person is presented.

Keywords: conviction, guilty verdict, impact of post penal.

В условиях глобализации потенциальных вызовов развитию человечества проблема профилактики правонарушений, а равно преступлений как наиболее опасной формы проявления асоциального поведения, является одной из наиболее актуальных на современном этапе развития любого, в том числе белорусского, государства. Обязанности государства по защите основных прав, свобод и интересов личности и общества, в том числе от преступных посягательств, закреплены в Конституции Республики Беларусь [1] и ряде других нормативных правовых актов.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить комплекс различных ограничений, которым подвергается осужденный вне мер, реализующих уголовную ответственность. Рассмотрим некоторые из них, наиболее существенно влияющие на возможность ограничения правового статуса лица, находящегося в режиме судимости.

Так, согласно п. 1.10¹ ст. 33 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», наличие судимости является основанием для отказа в приеме на государственную службу, а согласно ст. 40 указанного нормативного акта – основанием для прекращения государственной службы [2]. Интересно отметить, что законодатель фактически предусмотрел в ст. 40 данное основание дважды: в п. 1.2, где указано, что основанием прекращения государственной службы является возникновение (установление) обстоятельств, предусмотренных п. 1 ст. 33 Закона (как указывалось выше, одним из подобных обстоятельств названо наличие судимости), а равно в п. 1.12 – вступление в законную силу обвинительного приговора суда, что автоматически означает нахождение лица в режиме судимости.

Представляется, что вступление в законную силу обвинительного приговора суда является основанием, охватывающим более широкий круг ситуаций, если принимать во внимание осуждение по приговору суда к наказанию, судимость при котором погашается автоматически с его отбытием (например, уплата штрафа), а также погашение судимости по проществу установленному в Уголовном кодексе Республики Беларусь определенного периода времени, либо ее снятие по решению суда. Можно ли в подобном случае утверждать о серьезной степени общественной опасности лица и невозможности нахождения на государственной службе, если погашенная (снятая) судимость формально не признается препятствием для поступления на такую службу? Очевидно, да. Совершение преступления и подверженность мерам уголовно-правового воздействия уже в момент нахождения на государственной службе, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии должного уровня правосознания лица и необходимости прекращения его пребывания на государственной службе. В то же время, наличие погашенной (снятой) судимости формально не является препятствием для занятия государственной должности, иными словами, с точки зрения ресоциализации гражданину предоставляется шанс, при отпадении оснований считать его общественно опасным, вернуться к общественно полезной модели поведения, в том числе реализовать карьеру государственного служащего.

Несколько иначе обстоит ситуация при изучении ограничений, касающихся отдельных видов государственной службы. Так, в соответствии со ст. 94 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, на должность судьи не может быть назначено лицо, в отношении которого имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда [3]. Отметим, что перечень оснований, по которым лицо не может быть назначено на должность судьи, существенно уже аналогичного перечня граждан, которые не могут быть приняты на государственную службу, установленного ст. 33 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», положения которого распространяются также и на судей судов Республики Беларусь (ст. 84 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей). Тем самым, на наш взгляд, подчеркивается, что лицо, совершившее преступление и подвергнувшееся мерам уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда, не сможет осуществлять правосудие независимо от его поведения в перспективе.

Представляется, что подобным образом необходимо также урегулировать условия приема на службу в органы прокуратуры (ст. 48 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре»), а также прекращения службы в органах прокуратуры (ст. 63 названного Закона) [4], поскольку в настоящее время применительно к условиям приема на службу в органы прокуратуры указывается лишь, что на должность прокурорского работника может быть назначен гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование и обладающий необходимыми профессиональными и моральными качествами, а также отвечающий иным требованиям, предусмотренным законодательством о государственной службе. Что касается сотрудников органов внутренних дел, то подобные ограничения вообще не получили соответствующего законодательного отражения [5]. Совершенные ранее преступления (независимо от факта снятия либо погашения судимости) названы в качестве препятствия поступления на службу в органах внутренних дел в п. 20.1 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [6]. Представляется, что с учетом целей и задач, стоящих перед органами, осуществляющими в первую очередь правоохранительную деятельность [7, с. 6], подобного порядка установления ограничений для занятия государственной должности недостаточно. Предлагаем расширить перечень ограничений для лиц, претендующих на занятие государственной должности в органах, осуществляющих правоохранительную деятельность, закрепив в качестве подобного ограничения не просто наличие судимости, как это имеет место применительно к государственной службе в целом, но и наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда в отношении такого лица. Предусматриваться указанные ограничения должны на уровне закона.

В действующем законодательстве последствия, связанные с судимостью и влекущие определенные ограничения правового статуса лица, касаются не только государственной службы.

Так, Положением о государственной регистрации субъектов хозяйствования (далее по тексту – Положение), утвержденным Декретом Президента Республики Беларусь 16 января 2009 г. № 1, в п. 18 установлена необходимость подтверждения при подаче заявления о государственной регистрации гражданином – собственником имущества (учредителем, участником) коммерческой организации или гражданином, обратившимся за государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя факта того, что он не имеет непогашенной или неснятой судимости за преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности [8]. Таким образом, освободившийся из мест лишения свободы может быть на основе наличия у него судимости ограничен в своих имущественных правах, в частности, в праве на свободное занятие предпринимательской деятельностью, являющемся элементом содержания гражданской правоспособности лица согласно положений действующего Гражданского кодекса Республики Беларусь [9, ст. 16]. Напомним, что в систему наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь, включено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет [10, ст. 109, 112]. Данный вид наказания доказал эффективность в процессе правоприменительной деятельности. Требования вышеуказанного Положения создают возможность лишения лица права заниматься предпринимательской деятельностью органами административной юрисдикции (органами, осуществляющими

регистрацию субъекта хозяйствования) даже в тех случаях, когда суд пришел к выводу о нецелесообразности применения наказания в виде лишения названного права. Может возникнуть и более сложная ситуация. Предположим, суд приговорил лицо, преступившее закон, к лишению свободы на срок 7 лет с лишением права заниматься предпринимательской деятельностью в течение 5 лет. Последнее наказание в силу специфики его исполнения, закрепленной в УИК, будет распространяться на весь срок пребывания осужденного в местах лишения свободы (7 лет), а затем отбывание его продлится 5 лет, как это установлено приговором. Судимость за некоторые преступления против собственности либо порядка осуществления экономической деятельности, относящиеся к категории особо тяжких, погашается через 8 лет после отбытия основного и дополнительного наказания либо снимается судом в установленном порядке. Таким образом, полный срок ограничения права на свободу предпринимательства может составить 20 лет и более.

В условиях завершающей стадии строительства стабильной экономической системы и развитого рынка в настоящее время все же наблюдается дефицит рабочих мест для лиц, имеющих судимость, и представляется, что вовлечение подобной категории граждан в социально полезную, в том числе трудовую, деятельность, а также трудоустройство в форме самозанятости должны поощряться. Определенные мероприятия в данном направлении нашли свое законодательное закрепление. Согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [11], организации и индивидуальные предприниматели, предоставляющие рабочие места для трудоустройства граждан, освобожденных из исправительных учреждений, имеют право на частичную компенсацию затрат по оплате труда таких лиц за счет средств, направляемых на финансирование мероприятий по обеспечению занятости населения, и иных источников, не запрещенных законодательством. Порядок организации и финансирования мероприятий по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных или воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений и следственных изоляторов, выполняющих функции исправительных учреждений в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, зарегистрированных в качестве безработных в комитете по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управлениях (отделах) по труду, занятости и социальной защите городских и районных исполкомов в установленном законодательством порядке нашел свое отражение в Положении о порядке организации и финансирования мероприятий по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, в том числе частичной компенсации затрат по оплате труда таких лиц, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь 14 апреля 2014 г. № 347 [12]. Мероприятия по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, осуществляются в соответствии с законодательством в виде:

- установления нанимателем брони для приема указанной категории граждан на работу;
- содействия в поиске подходящей работы;
- предоставления услуг по профессиональной ориентации;
- направления на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации;
- содействия в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, ремесленной деятельности;
- финансирования нанимателей – организаций любых организационно-правовых форм и индивидуальных предпринимателей, предоставляющих рабочие места для трудоустройства указанной категории граждан, путем частичной компенсации затрат по оплате труда граждан, освобожденных из исправительных учреждений.

Осуществление частичной компенсации затрат предусмотрено в течение 12 месяцев с даты трудоустройства граждан, освобожденных из исправительных учреждений, принятых на работу по направлению органов по труду, занятости и социальной защите. Причем в этом случае работник должен соответствовать нескольким критериям. Так, частичная компенсация затрат нанимателям будет осуществляться, во-первых, если граждане, освободившиеся

из исправительных учреждений, отбывали наказание, назначенное по приговору суда, не менее трех лет подряд; во-вторых, зарегистрировались в органе по труду, занятости и соцзащите в качестве безработных в течение шести месяцев с даты их освобождения; в-третьих, не смогли трудоустроиться на подходящую работу по не зависящим от них причинам в течение трех месяцев с даты их регистрации в качестве безработных или зарегистрировались в качестве безработных после прохождения профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации по направлению службы занятости. Компенсируются затраты нанимателей на выплату заработной платы таким гражданам с учетом отработанного времени в размере, не превышающем минимальную заработную плату (с 1 января 2014 г. – 1 660 000 белорусских рублей, с учетом индексации 7,2 % – 1 756 730 белорусских рублей соответственно) [13], а также сумма обязательных страховых взносов.

Безусловно, указанные меры обладают значительным потенциалом в плане содействия занятости лиц, освобожденных из исправительных учреждений, однако, на наш взгляд, ввиду охвата лишь определенной категории осужденных (в частности, освободившихся из исправительных учреждений), имеют несколько ограниченный характер, не позволяя оказать поддержку тем лицам, которые имеют одну или несколько судимостей к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, либо осуждались к мерам ответственности, не связанными с применением наказания, однако также в силу ряда причин оказались в социально неблагополучном положении и не могут трудоустроиться самостоятельно.

В целях ускорения процесса ресоциализации осужденных следует предоставить более широкие льготы субъектам хозяйствования, практикующим использование труда данной категории граждан, а также оставить решение вопроса о регистрации субъекта хозяйствования при наличии соответствующих условий (судимости за определенные категории преступлений) на усмотрение регистрирующего органа. В настоящее время, к сожалению, законодательно закреплена обратная ситуация.

Таким образом, на основе вышеизложенного представляется целесообразным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Расширить перечень ограничений для лиц, претендующих на занятие государственной должности в органах, осуществляющих правоохранительную деятельность, закрепив в качестве подобного ограничения не просто наличие судимости, как это имеет место применительно к государственной службе в целом, но и факт вступившего в законную силу обвинительного приговора суда в отношении такого лица. Предусматриваться указанные ограничения должны на уровне законодательного акта.

2. В целях стимулирования процесса ресоциализации осужденных законодательно следует расширить комплекс льгот субъектам хозяйствования, практикующим использование труда не только лиц, освобожденных из исправительных учреждений, но и имеющих судимость в связи с отбыванием уголовного наказания по приговору суда, не трудоустроившихся самостоятельно.

3. Отнести решение вопроса о регистрации субъекта хозяйствования при наличии соответствующих условий (судимости за определенные категории преступлений) на усмотрение регистрирующего органа, сняв действующий в настоящее время безальтернативный запрет на такую регистрацию.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.): принята на респ. реф. 24 нояб. 1996 г.; в ред. Решения респ. реф. от 17 окт. 2004 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0 ; 2004. – № 188. – 1/6032.
2. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-3 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>. – Дата доступа : 10.10.2014.
3. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [Электронный ресурс]:

29 июня 2006 г., № 139-3: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г.: одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г.: с изм. и доп. по сост. на 04 января 2014 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.10.2014.

4. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H10700220&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 10.10.2014.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700263&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 10.10.2014.

6. Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Республики Беларусь, 15.03.2012 г., № 133 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31200133&p1=2>. – Дата доступа : 10.10.2014.

7. Бибило, В.Н. Судостроительство в Республике Беларусь : учеб. пособие / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 328 с.

8. Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования [Электронный ресурс]: утв. Декретом Президента Республики Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700257&p2=%7bNRPA%7d>. – Дата доступа : 10.10.2014.

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. по сост. на 11 июля 2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология ПРОФ // ООО «Юр-Спектр». – Минск, 2014.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 12 июля 2014 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2014.

11. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Республики Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 4. – 2/2120.

12. Об утверждении Положения о порядке организации и финансирования мероприятий по трудоустройству граждан, освобожденных из исправительных учреждений, в том числе частичной компенсации затрат по оплате труда таких лиц: постановление Совета Министров Респ. Беларусь [Электронный ресурс]: 14 апреля 2014 г., № 347 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400347&p1=1>. – Дата доступа : 10.10.2014 г.

13. Об установлении размера минимальной заработной платы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь [Электронный ресурс]: 14 дек. 2013 г., № 1076 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21301076&p1=1>. – Дата доступа : 10.10.2014.

Актуальные вопросы применения межотраслевой преюдиции в уголовном процессе Республики Беларусь

В.А. ВОРОБЬЕВ

Проводится анализ правовых норм, регулирующих применение межотраслевой преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси. По результатам проведенного исследования делается вывод о реальной возможности применения межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, обосновывается необходимость расширения пределов ее применения и вносятся соответствующие предложения по совершенствованию белорусской правовой модели преюдиции в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, ответственность, судебный акт, судопроизводство, решение суда.

Analysis of the legal rules governing the use of interdisciplinary prejudice in the criminal legislation of Belarus is carried out. According to the results of the study the real possibility of prejudice interdisciplinary application in criminal proceedings is concluded, the extension of the limits of its application is justified and proposals to improve the Belarusian legal model of prejudice in the criminal process are submitted.

Keywords: criminal proceedings, liability, judicial act, the proceedings, the court's decision.

Под преюдицией в теории права понимается юридическое правило, согласно которому вступивший в законную силу приговор (решение) одного суда обязателен для другого, а потому исключается повторное рассмотрение одного и того же дела в целом или в части.

В уголовно-процессуальном праве Республики Беларусь можно выделить: 1) внутриотраслевую преюдицию, суть которой заключается в том, что вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки; 2) межотраслевую преюдицию, в рамках которой законодатель прямо указывает на обязательность вступившего в законную силу решения суда по гражданскому делу для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу. Однако обязательным такое решение признается только по вопросу о том, имело ли место само общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, о размере вреда, и оно (решение) не может предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого.

Специфика применения межотраслевой преюдиции состоит в том, что, в соответствии с действующим законодательством, для органа, ведущего уголовный процесс, не носят обязательного характера вступившие в законную силу решения, выносимые в рамках других, наряду с гражданским, юрисдикционных процессов.

В то же время нельзя игнорировать принимаемые государством меры по созданию единой судебной системы. Статья 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей определяет, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства. Единство судебной системы Республики Беларусь обеспечивается, в том числе, путем признания обязательного исполнения на всей территории Республики Беларусь судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Однако правовая регламентация межотраслевой преюдиции в уголовном процессе исключает при производстве по материалам и уголовному делу придание преюдициального значения судебным решениям, принимаемым в хозяйственном и административном судопроизводствах.

Тем не менее в определенных случаях обстоятельства, установленные хозяйственным судом, при расследовании и рассмотрении уголовного дела могут иметь доказательственное значение для органа, ведущего уголовный процесс.

В частности, речь идет об уклонении индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность (ст. 242 УК).

Судебное решение о взыскании кредиторской задолженности может быть принято как в рамках гражданского, так и хозяйственного судопроизводства. В соответствии со ст. 364 УПК, такое решение уполномочен принять также общий суд по уголовному делу в обвинительном или оправдательном приговоре, в резолютивной части которого должен быть решен вопрос по предъявленному гражданскому иску. Так, например, осуждая обвиняемого по ст. 317 УК, суд в приговоре по делу принимает решение по предъявленному гражданскому иску о взыскании с организации – владельца источника повышенной опасности, в соответствии со ст. 948 ГК, имущественного ущерба, причиненного ее работником, признанным виновным в преступном нарушении правил дорожного движения или эксплуатации автодорожных транспортных средств [1, с. 637]. Аналогичная ситуация возникает при разрешении экономического спора между индивидуальным предпринимателем и иным субъектом хозяйствования.

Далее, в целях обоснования тезиса о значимости решений хозяйственного (экономического) суда, можно сослаться на ст. 384 УК, предусматривающую ответственность за принуждение к выполнению обязательств. Такой вывод позволяет сделать анализ нормативных правовых документов и комментариев к уголовному и гражданскому кодексам Республики Беларусь. Так, под непосредственным объектом рассматриваемого преступления следует понимать установленный порядок исполнения обязательств, а именно – порядок осуществления своего действительного или оспариваемого права. Общие положения об обязательствах, в том числе об исполнении обязательств, обеспечении исполнения обязательств, закреплены в разделе III ГК. В комментарии к Уголовному кодексу делается ссылка на ч. 2 ст. 288 ГК, закрепляющей норму о том, что обязательства возникают из договора вследствие причинения вреда, необоснованного обогащения и из иных оснований, указанных в ГК и других нормативных правовых актах законодательства. Несмотря на это, комментарий к УК все равно не дает четкого понимания об объеме оснований возникновения обязательств. С этой целью стоит обратиться к комментарию к ГК, где указано, что в п. 2 ст. 288 ГК установлены юридические факты, порождающие обязательственные правоотношения. Их можно разделить на четыре группы: договоры, причинение вреда, неосновательное обогащение, иные основания [2, с. 12]. Норма ст. 7 ГК предусматривает, что гражданские права и обязанности возникают, в том числе, из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности. В случае возникновения споров между физическими лицами дело будет рассмотрено в гражданском суде, с вынесением решения, которое станет основанием возникновения обязательств. Одновременно с этим экономический суд имеет право разрешать возникающие из гражданских и иных правоотношений хозяйственные (экономические) споры между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, по результатам рассмотрения которых он выносит постановление.

Еще одним примером возможности использования решения экономического суда является ст. 423 УК, которая предусматривает ответственность за неисполнение приговора, решения или иного судебного акта либо воспрепятствование исполнению таких актов. Именно факт наличия либо отсутствия такого акта имеет существенное значение для органа, ведущего уголовный процесс.

Примечательно, что в комментарии к данной статье указывается то условие, что при ее применении к иным судебным актам относятся далеко не все постановления и определения, принимаемые судом. К таким судебным актам следует относить постановления и определения, принятые судами первой инстанции, имеющие существенное значение для разрешения дела и обязательные к исполнению должностными лицами (например, определение (постановление) об утверждении мирового соглашения). К иным судебным актам относятся и постановления или определения апелляционной, кассационной и надзорной инстанций по результатам рассмотрения апелляционных, кассационных жалоб (протестов) и протестов в порядке надзора. При этом приговоры, решения, постановления, определения судов иностранных государств, а также решения иностранных арбитражей (третейских судов) признаются и исполняются на территории Республики Беларусь в соответствии с действующим законодательством, если это предусмотрено международным договором [1, с. 895].

Стоит согласиться с тем, что и при разрешении вопроса о придании преюдициальной силы судебным постановлениям, принимаемым в различных процессуальных отраслях права, в уголовном процессе нужно исходить из того, что такими постановлениями должно разрешаться дело по существу.

Если выше приводились примеры альтернативного использования решений экономического и гражданского судов, то ст. 249 УК «Дискредитация деловой репутации конкурента» предполагает использование в уголовном процессе решений исключительно экономического суда. Это обусловлено тем, что, согласно ст. 47 ХПК, при разрешении дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности не имеет значения, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, организации, не являющиеся юридическими лицами, индивидуальные предприниматели или граждане.

В соответствующем решении будет идти речь об обстоятельствах, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния и (или) о размере вреда, причиненного преступлением. Однако, исходя из современной регламентации межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, оно не будет иметь для органа, ведущего уголовный процесс, преюдициального значения.

Процессуальные решения, принимаемые в рамках административного процесса, также могут претендовать на придание им преюдициального значения для органа, ведущего уголовный процесс.

Так, в случаях, предусмотренных Особенной частью УК, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. То есть факт наличия либо отсутствия такого обстоятельства имеет существенное значение для органа, ведущего уголовный процесс. В связи с тем, что он не является надзорным (ревизионным) органом по отношению к постановлениям, принятым в рамках административного процесса, данные постановления являются для него также обязательными, пока не будет доказано, что они приняты с нарушением существующего порядка либо являются ничтожными.

Несмотря на логичность построенной конструкции, можно указать несколько постановлений Пленума Верховного Суда, не учитывающих равнозначность принятых в рамках единой судебной системы решений. Например, постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7, где п. 14 установлено, что судам необходимо иметь в виду, что преступные деяния, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 317¹ УК, характеризуются умышленной формой вины и могут выражаться в совершении любого из предусмотренных ею альтернативных действий повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения независимо от того, вступило постановление о наложении административного взыскания в законную силу или нет. Вместе с тем судам надлежит проверять законность привлечения обвиняемого к административной ответственности за предыдущее нарушение. Или п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13, где отмечено, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 281 или ч. 1 ст. 282 УК наступает только при наличии признаков административной преюдиции. При этом необходимо иметь в виду, что административную преюдицию образуют не любые нарушения Положений и Правил об охоте и любительском рыболовстве, а только те, которые указаны в диспозициях соответствующих статей УК. При рассмотрении уголовных дел суду надлежит проверять законность привлечения к административной ответственности.

Несомненно, позиция Верховного Суда Республики Беларусь сформулирована с учетом того, что преюдициальное значение для органа, ведущего уголовный процесс, имеют лишь решения, принимаемые по гражданским делам. Другими словами, она полностью соответствует нынешним требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Однако указанный подход предполагает отказ от обязательности постановлений, выносимых по делам об административных правонарушениях судом, которые являются актами правосудия, принятыми с соблюдением соответствующей процессуальной процедуры. Кроме

того, следует исходить из того, что только суд имеет возможность наиболее объективно оценить правовую ситуацию и принять квалифицированное итоговое решение по делу, истинность которого не должна вызывать сомнений.

Особо подчеркнем, что из всех преступлений, предполагающих административную преюдицию, в 84,4 % случаях решения в рамках административного процесса принимаются судом.

Стоит заметить, что правовая регламентация применения межотраслевой преюдиции, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации существенно отличается от белорусской модели.

Так, ст. 90 УПК России закрепляет, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в *рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства*, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле».

На основании вышеизложенного предлагаем расширить действие правила о межотраслевой преюдиции на судебные постановления, разрешающие спор по существу, которые принимаются в рамках не только гражданского, а также хозяйственного и административного процессов в случаях, если соответствующие постановления принимаются судом.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Мн. : Тесей, 2003. – 1200 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. Кн.2. Разд. III. Общая часть обязательственного права. Разд. IV. Отдельные виды обязательств (глава 30–50) / Отв. ред. и руководитель авторского коллектива д-р юрид.наук, проф., засл. юрист БССР В.Ф. Чигир. – Мн. : Амалфея, 2005. – 1376 с.

Отдельные проблемные аспекты уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности

В.В. ГЛАДЫШЕВ

Рассматриваются проблемы уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Автор полагает, что целью уголовно-правовой охраны отношений в области интеллектуальной собственности, с одной стороны, должны быть личные неимущественные права авторов и правообладателей, а с другой – исключительные права, вследствие чего необходимо детализировать уголовную ответственность за посягательство на данную группу отношений. Требуется и создание общих уголовно-правовых норм, которые бы предусматривали ответственность за преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), но отличались от механизма завладения чужим имуществом (т. е. хищения).

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, неимущественное право, результат интеллектуальной деятельности.

The problems of criminal law protection of intellectual property in the Republic of Belarus are considered. The author believes that the purpose of the criminal law protection of relations in the field of intellectual property on the one hand must be the moral rights of authors and copyright holders, and on the other – the exclusive rights, so it is necessary to detail the criminal responsibility for an attack on the group of relations. Creating a common criminal law that would provide for liability for crimes against the turnover of civil rights (property benefits), but differ from the mechanism of appropriation of another's property (e.g. plunder) is required.

Keywords: intellectual property, intellectual property rights, non-property right, results of intellectual activity.

Особенностью исторического развития собственности является то, что в XX в. утвердился новый правовой институт – институт права интеллектуальной собственности, закрепивший исключительные права в области авторства, изобретательства, научных открытий и другие «творческие» и смежные с ними права на средства индивидуализации. При этом оказалось, что эти права, с одной стороны, затрагивают самые глубинные, сокровенные черты, свойственные собственности, а с другой – выражены в таких своеобразных явлениях интеллектуальной жизни и средствах индивидуализации, которые как будто бы никак не вяжутся с привычными, прочно утвердившимися представлениями о собственности как институте вещного права [1]. В этой связи особое развитие получило право интеллектуальной собственности, призванное не только регулировать, но и охранять исключительные права на объекты интеллектуальной деятельности.

Макроэкономика в конце XX в. начала терять свою материальную основу. Бизнес, основанный на интеллектуальной собственности, становится одним из самых динамично развивающихся и эффективных. Интеллектуальная собственность сегодня становится стратегически важным фактором конкурентоспособности национальных экономик, развития высокотехнологичных отраслей промышленности.

В то же время бурное развитие различных технологий (в том числе и цифровых) сделало объекты интеллектуальных прав широко доступными и зачастую они стали использоваться без ведома их авторов и правообладателей, в нарушение установленных нормативных предписаний. Это, в свою очередь, порождает совершение значительного количества правонарушений в данной области. Однако в настоящее время адекватное и эффективное противодействие посягательствам на интеллектуальную собственность посредством лишь мер гражданско-правовой и административной защиты невозможно.

Итак, институт права интеллектуальной собственности получил широкое распространение в современном мире. Он закрепляется нормами внутригосударственного и международного права. Согласно ст. 128 ГК к объектам гражданских прав относятся исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность). В свою очередь, в соответствии со ст. 980 ГК к объектам интеллектуальной собственности относятся:

1) *результаты интеллектуальной деятельности*: произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);

2) *средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг*: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания;

3) *другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг* в случаях, предусмотренных ГК и иными законодательными актами.

Интеллектуальную собственность можно определить как результат духовной, мыслительной деятельности человека, который обладает следующими юридически значимыми признаками: а) является нематериальным благом; б) выражен в объективной форме, достаточной для его воспроизведения; в) законодательством установлено исключительное право правообладателя на использование этого объекта [2].

Таким образом, интеллектуальная собственность рассматривается как правовой институт, обеспечивающий охрану и использование нематериальных благ, являющихся продуктами интеллектуальной деятельности, а материальный носитель результата интеллектуальной деятельности выступает в качестве реализации и закрепления отраженного труда. Следовательно, под результатом интеллектуальной деятельности следует понимать саму творческую мысль, а не материальный предмет, т. е. объект идеальный, нематериальный. Тем не менее, результаты интеллектуальной деятельности не могут существовать вне объективной формы, в которой они воплощаются, поэтому к объектам интеллектуальной собственности следует относить объекты материализованные, получившие объективную форму выражения, фиксацию на каком-либо материальном носителе.

Однако из-за своей нематериальности результаты интеллектуальной деятельности не могут быть предметами гражданского оборота на тех же условиях, что и материальные объекты, а в гражданском обороте участвуют только права на эти объекты, только их можно передавать или распоряжаться ими, а соответственно – нарушать. Интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Переход права собственности на вещь не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, выраженные в этой вещи.

Очевидна связь между рыночной экономикой и построением системы правовой охраны прав интеллектуальной собственности: нарушая чужие права интеллектуальной собственности, субъект экономической деятельности нарушает право собственности на результаты чужого интеллектуального, творческого труда и при этом получает неоправданные преимущества по сравнению со своими конкурентами. Таким образом, нарушение прав интеллектуальной собственности приводит к нарушению двух фундаментальных принципов рыночной экономики – прав собственности и частной конкуренции [3].

Интеллектуальную собственность можно рассматривать как совокупность личных неимущественных и имущественных (исключительных) прав на результаты интеллектуальной деятельности. Таким образом, интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, это моральные, неотчуждаемые права, с другой – исключительные права, предоставляющие автору или иному правообладателю монополию на использование созданного им невещественного объекта.

Конечно, рассматривая настоящий вопрос, мы не должны забывать о том, что объект интеллектуальной собственности един в своей информационной (идеальной) и материальной составляющей, но в то же время права на идеальное и материальное могут принадлежать разным лицам, и этот факт с уголовно-правовой точки зрения должен быть учтен. Нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности позволяет сделать вывод о том, что они вроде как не являются объектами гражданского оборота. Однако, поскольку невозможно осуществить посягательство на объекты интеллектуальной собственности как на нематериальные объекты, то должны в первую очередь охраняться не сами эти объекты, а права на

них. Уголовно-правовой науке данное обстоятельство необходимо взять на вооружение, ибо то, что нельзя похитить, можно противоправным образом приобрести (в смысле некоего права), пользоваться, извлекать выгоду и т. д.

Так, различные субъекты могут одновременно пользоваться одним изобретением или произведением. При этом не происходит изъятия как такового объекта авторского права из обладания правообладателя, происходит лишь использование экземпляра произведения. Экземпляр произведения – это его копия, изготовленная в любой материальной форме [4]. В результате такой особенности объектов интеллектуальной собственности появляется возможность противоправного использования различными субъектами одного изобретения или произведения независимо друг от друга.

Если интеллектуальная собственность представляет собой некие результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, то охранять сами результаты можно лишь от неправомерного физического их завладения, уничтожения, повреждения и т. п. (что в настоящее время и происходит в рамках главы УК о преступлениях против собственности и теории физического перемещения имущества в пространстве). Вместе с тем, права интеллектуальной собственности не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Поэтому при незаконном использовании таких результатов, защите должны подлежать не сами эти результаты, а права на них [5]. Такой вывод усматривается исходя из того, что нематериальное благо подобного рода является товаром, а исключительное право позволяет распоряжаться этим товаром, получая взамен его денежный эквивалент.

В свете вышесказанного можно отметить, что юридическая природа преступлений против интеллектуальной собственности существенно отличается от механизма совершения хищения чужого имущества. Если сутью хищения является нарушение экономических отношений собственности, то преступления в сфере интеллектуальной собственности нарушают конституционные права и свободы человека и гражданина или же экономические интересы различных субъектов общественных отношений. Преступный результат при хищении состоит в причинении собственнику только реального материального ущерба, размер которого определяется стоимостью изъятых имущества [6]. Следовательно, уголовный закон в данном случае призван охранять лишь личные неимущественные права авторов и иных правообладателей (если мы говорим о посягательстве на интеллектуальную собственность как о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина; нарушении прав участников гражданского оборота относящихся к средствам индивидуализации: товарных знаков, фирменных наименований и т. д.). Однако возникает вопрос: каким же образом охраняются исключительные права?

Если начать анализировать систему преступлений против интеллектуальной собственности согласно действующему уголовному законодательству Республики Беларусь (ст. 201 УК – нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав; ст. 248 УК – незаконное использование деловой репутации конкурента; ст. 254 УК – коммерческий шпионаж и др.), то можно увидеть, что УК устанавливает ответственность за нарушения интеллектуальных прав с учетом существа нарушенного права и последствий такого деяния, а также в зависимости от вида интеллектуальных прав. Тем самым как бы происходит дифференциация уголовной ответственности за незаконное использование личных неимущественных и исключительных прав, однако, как думается, сделано это законодателем без должного обоснования.

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы практики, виновные лица, нарушая законодательство об интеллектуальной собственности, в большинстве случаев ставят своей целью извлечение дохода, получение имущественной выгоды. Сегодня «интеллектуальное пиратство» стало одним из важных источников получения прибыли и финансового обеспечения преступной деятельности. И в такой ситуации лица фактически получают доход от противоправного использования объектов интеллектуальной собственности, который (доход) мог бы получить законный автор или правообладатель, т. е. в каком-то смысле ему причиняется имущественный ущерб от неполучения должного. Однако связывать подобного рода противоправную деятельность (преступления против интеллектуальной собственности) с причи-

нением ущерба автору или правообладателю, – не есть надлежащий инструмент борьбы с этим видом преступности. Конструктивный элемент в данном случае – получение имущественной выгоды виновным лицом от нарушения прав авторов или правообладателей.

Таким образом, в настоящее время целесообразно рассматривать противоправное нарушение имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности в комплексе как преступления имущественные (экономические), а точнее как посягательства, направленные против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ). Следовательно, первоочередной уголовно-правовой охране подлежат экономические (имущественные) отношения по поводу объектов интеллектуальной собственности.

В этой ситуации можно подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство одинаковыми способами защищает все интеллектуальные права – с учетом существа нарушенного права, последствий нарушения этого права, личных неимущественных или исключительных прав. С точки зрения общественной опасности таких деяний, если они совершаются в крупных масштабах либо последствия нарушений интеллектуальных прав выражены в крупном ущербе, для обладателя этих прав, а также государства, как носителя публичной власти, бесспорна одинаковая социальная и экономическая значимость результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации [7].

Представляется, что уголовный закон должен дифференцированно и системно подходить к вопросу о нарушении *личных неимущественных интеллектуальных прав* (присвоение авторства, принуждение к соавторству либо отказу от авторства, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них) и *исключительных (имущественных) прав*. Поэтому проблема уголовно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в форме незаконного использования объектов интеллектуальной собственности должна разрешаться отдельно от вопроса уголовно-правовой охраны прав личности на неимущественные отношения.

Подводя итог изложенному, можно отметить, что целью уголовно-правовой охраны отношений в области интеллектуальной собственности с одной стороны должны быть личные неимущественные права авторов и правообладателей (в действующем уголовном законе такой механизм предусмотрен), а с другой – исключительные права, вследствие чего необходимо детализировать уголовную ответственность за посягательство на данную группу отношений. Вместе с тем, нельзя только видеть преступления против интеллектуальной собственности в виде противоправного пользования объектами исключительных прав. Сегодня совершать преступления с объектами интеллектуальной собственности можно как посредством незаконного пользования, так и в случае противоправного завладения (похищения, приобретения) данными объектами, их незаконного отчуждения (разглашения) и т. д. Все это требует создания общих уголовно-правовых норм, которые бы предусматривали ответственность за преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), но отличались от механизма завладения чужим имуществом (т. е. хищения). Это может найти свое отражение в виде следующих общих уголовно-правовых запретов:

- умышленное противоправное безвозмездное пользование чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере;

- умышленное противоправное безвозмездное приобретение объектов гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере, при отсутствии признаков хищения.

Уголовно-наказуемое незаконное приобретение или использование результатов интеллектуальной деятельности должно обладать признаками, свидетельствующими об опасности этой деятельности для государства, общества и гражданина.

Постановка вопроса именно таким образом, могла бы вплотную подойти к разрешению проблемы уголовно-правовой борьбы с контрафактной продукцией, ибо сутью таких деяний является не посягательство на имущество или приобретения права на имущество, а извлечение выгоды от незаконного осуществления имущественного права.

Литература

1. Алексеев, С.С. Право собственности. Проблемы теории / С.С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012. – С. 66.
2. Юзефович, В.С. Объекты интеллектуальной собственности: понятие и признаки / В.С. Юзефович // Право.by. – 2010. – № 3. – С. 131.
3. Нерсисян, А.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и борьба с нарушением прав интеллектуальной собственности / А.С. Нерсисян // История государства и права. – 2006. – № 6. – С. 13.
4. Лепина, Т.Г. Проблемы теории и практики уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в современной России / Т.Г. Лепина // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 110.
5. Трунцевский, Ю. Понятие и виды преступлений против интеллектуальной собственности / Ю. Трунцевский, М. Бондарев // Уголовное право. – 2009. – № 1.
6. Бобрышев, В.А. особенности квалификации преступлений, посягающих на авторские, смежные и патентные права / В.А. Бобрышев // Вестник Екатеринбургского института. – 2010. – № 3. – С. 26.
7. Бондарев, М.Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ю. Бондарев. – М., 2008. – С. 11.

Гомельский государственный
технический университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 14.01.2015

УДК 94:340.132.6:347.6:272/.273(476) "18/19"

Прымяненне нормаў сямейнага права Рымска-каталіцкай Царквы ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.)

А.П. ГРАХОЦКІ

Разглядаецца прымяненне нормаў кананічнага права Рымска-каталіцкай Царквы ў рэгуляванні шлюбна-сямейных адносін на беларускіх землях у другой палове XIX – пачатку XX ст., аналізуюцца асновы прававой рэгламентацыі парадку заключэння і скасавання шлюбу асобамі каталіцкага веравызнання, прыводзяцца характэрныя прыклады з практыкі царкоўнага суда Магілёўскай рымска-каталіцкай епархіі.

Ключавыя словы: царкоўнае права, Рымска-каталіцкая Царква, беларускія землі, Расійская імперыя, заканадаўства, шлюб, развод, кансісторыя.

The application of canon law of the Roman Catholic Church in the regulation of marriage and family relations on the territory of Belarus in the second half of the XIX – beginning of the XX century is discussed. The foundations of legal regulation of the order of marriage and divorce of persons of Catholic religion are analyzed. Typical examples of the practice of the ecclesiastical court of Mogilev Roman Catholic diocese are presented.

Keywords: ecclesiastical law, Roman Catholic Church, territory of Belarus, Russian Empire, legislation, marriage, divorce, consistory.

З часоў прыняцця Хрысціянства ў Старажытнай Русі Царква прымала на сябе ролю рэгулятара шлюбна-сямейных адносін. Старажытнарускія прававыя зборнікі (Статуты Уладзіміра Святаславіча, Яраслава Мудрага і інш.) толькі пацвярджалі легітымнасць царкоўных нормаў у дадзенай сферы [1, с. 61]. Таксама і нормы «Свода законов Российской империи» (т. 10, ч. 1 «Законы гражданские») і «Устава духовных консисторий» (1841 г.), якія рэгулявалі парадак заключэння і скасавання шлюбу асоб праваслаўнага веравызнання, толькі субсідыярна ахоўвалі рэлігійна-маральныя асновы шлюбна-сямейных адносін. Аднак функцыянал у дачыненні да неправаслаўных падданных Расійскай дзяржавы даручаўся кліру тых канфесій, да якіх належалі суб'екты шлюбна-сямейных адносін. У «Законах гражданских» адзначалася: «... брак же во всех вероисповеданиях, терпимых в Российской Империи... признаётся законным, когда оный совершён по обрядам их веры и по установленным правилам» [2, ст. 1112, 61]. Такім чынам, рэгуляванне парадку заключэння і скасавання шлюбу католікаў, якія пражывалі на тэрыторыі імперыі, ажыццяўлялася на падставе нормаў рымска-каталіцкага царкоўнага права.

У сучаснай гістарыяграфіі даволі падрабязна разгледжаны пытанні прававога рэгулявання шлюбна-сямейных адносін праваслаўных падданных Расійскай імперыі [3]–[7]. У той жа час праблемы прымянення нормаў рымска-каталіцкага сямейнага права ў адзначаны перыяд не знайшлі шырокага даследчыцкага асвятлення. Істотны ўклад у распрацоўку праблемы ўнесла расійская даследчыца В.А. Ліцэнбергер [8], [9]. Аднак пытанні прымянення нормаў рымска-каталіцкага царкоўнага права ў рэгуляванні шлюбна-сямейных адносін на беларускіх землях застаюцца не даследаванымі ў айчынай гісторыка-прававой навуцы. Таму мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца адлюстраванне на падставе аналізу архіўных матэрыялаў працэсу прымянення нормаў сямейнага права Рымска-каталіцкай Царквы на беларускіх землях у другой палове XIX – пачатку XX ст.

Асноўнай крыніцай, якая рэгулявала шлюбна-сямейныя адносіны каталіцкіх вернікаў у даследуемы перыяд, з'яўляўся «Corpus Iuris Canonici», зацверджаны Папам Рыгорам XIII у 1580 г. [10]. Здзяйсненне таямніцы шлюбу ў Рымска-каталіцкай Царкве рэгламентавалася пастановай Трыдэнцкага сабора. Згодна з «*Decretum de reformatione matrimonii*» ад 11 лістапада 1563 г., законным прызнаваўся шлюб, узяты ў касцёле ў прысутнасці святара і двух сведкаў [10].

Рымска-каталіцкая Царква адмаўляла магчымасць разводу. Згодна з кананічнымі нормаў, шлюбны саюз мог быць спынены толькі са смерцю аднаго ці абодвух сужэнцаў [10]. Царкоўнае права адрознівала кансуміраваны і некансуміраваны шлюб. Кансуміраваны

шлюб, г. зн. «завершённы́й плотским сожитием супругов», мог быць скасаваны толькі па двух прычынах: 1) калі абодва сужэнцы жадалі прыняць манаства; 2) калі адзін з двух сужэнцаў-нехрысціян прымаў каталіцтва, а другі не жадаў працягваць з ім сужэнства. Некансуміраваны шлюб (паміж сужэнцамі адсутнічала палавая сувязь) мог быць скасаваны на падставе жадання аднаго з сужэнцаў прыняць манаскі пострыг [11, с. 386].

Так, адзінай магчымасцю для мужа і жонкі, якія не жадалі жыць разам і імкнуліся ўзяць новы шлюб, было даказванне несапраўднасці і незаконнасці іх саюза, што цягнула за сабой яго ануляванне. У адваротным выпадку падданыя-католікі маглі разлічваць толькі на сепарацыю – на разлучэнне сужэнцаў ад «стола і ложа». Сепарацыя прызначалася духоўным судом пажыццёва ці на канкрэтна вызначаны тэрмін, але ў абодвух выпадках шлюбныя павязі не перарываліся, адпаведна разлучаныя сужэнцы пазбаўляліся магчымасці ўзяць новы шлюб. Падставамі для сепарацыі маглі быць наступныя жыццёвыя абставіны: пралюбадзейства мужа ці жонкі, пераход аднаго з сужэнцаў у іншае веравызнанне (да моманту яго вяртання ў каталіцтва), жорсткае абыходжанне аднаго сужэнца з другім, небяспечнае захворванне мужа ці жонкі, здзяйсненне адным з сужэнцаў крымінальнага злачынства і некаторыя іншыя [11, с. 386]. Напрыклад, жыхарка горада Гомеля Паўліна Зноска ў 1865 г. скардзілася ў Магілёўскую рымска-каталіцкую кансісторыю на жорсткі характар свайго мужа і прасіла часова разлучыць яе з сужэнцам [12, арк. 18–19]. Праз 8 месяцаў выйшла рашэнне кансісторыі, згодна з якім Паўліне і Антону Зноскам давалася сепарацыя «впредь до примирения» [12, арк. 48].

Значна больш складаным быў парадак прызнання шлюбу несапраўдным. Дадзены працэс пачынаўся з падачы ў рымска-каталіцкую епархіяльную кансісторыю прашэння ад аднаго з сужэнцаў аб прызнанні яго шлюбу незаконным. Пасля атрымання адпаведнага прашэння кансісторыя накіроўвала просьбіта ў яго парафіяльны касцёл, дзе апошні мусіў выконваць дзесяцідзённыя духоўныя рэкалекцыі (малітвы) са споведдзю і прычашчэннем. Калі ісцёц за час «увещания» не змяняў жадання ануляваць шлюб, распачыналася папярэдняе следства. Кансісторыя прызначала з ліку духоўных асоб двух следчых, а таксама дэфенсара – абаронцу шлюбных павязяў [13, арк. 1–23], [14, арк. 26 і адв.]. На падставе сабраных матэрыялаў следства кансісторыя рыхтавала рашэнне па справе, якое перадавалася на зацвярджэнне епіскапу. Пасля таго як апошні зацвярджаў ці адхіляў рашэнне кансісторыі, справа ў абавязковым парадку перадавалася на разгляд у другую інстанцыю [15, арк. 2–4 адв.].

Згодна са Статутам Рымска-каталіцкай Царквы, другой інстанцыяй па справах аб ануляванні шлюбаў быў архіепіскап-мітрапаліт [16, ст. 60]. Так, пры Магілёўскім мітрапаліце існаваў Мітрапаліцкі савет па справах шлюбных і іншага роду духоўных справах. Склад гэтага савета вызначаўся мітрапалітам. Напрыклад, у 1893 г. у савет пры мітрапаліце С. Казлоўскім уваходзілі чатыры духоўныя асобы: старшыня – епіскап-суфраган, спецыяліст у галіне кананічнага права, канонік і дэфенсар [14, арк. 67]. Рашэнні ў гэтым органе прымаліся большасцю галасоў. Разгледжаныя саветам справы накіроўваліся на зацвярджэнне мітрапаліту [14, арк. 91]. У выпадку, калі рашэнні духоўнага суда першай інстанцыі і мітрапаліта не супадалі, апошняй інстанцыяй па разглядзе справы з'яўляўся Папа Рымскі. Калі ж рашэнні першай і другой інстанцый супадалі і абодва сужэнцы былі імі задаволены, справа не падлягала перагляду. У адваротным выпадку незадаволены бок меў права на апеляцыю да Святога Прастола [16, ст. 60]. Другой інстанцыяй для спраў, што першапачаткова разглядаліся ў Магілёўскай духоўнай кансісторыі, была іншая кансісторыя, якая вызначалася спецыяльнай булай Пантыфіка [16, ст. 60], [14, арк. 66 і адв.].

Вышэй апісаны парадак быў прапісаны ў канкардаце 1847 г. паміж Святым Прастолам і Расійскай імперыяй. Аднак пасля таго, як у 1866 г. канкардат быў разарваны, расійскія ўлады ініцыявалі іншую схему: пасля разгляду шлюбных спраў у першай інстанцыі рашэнне накіроўвалася ў Санкт-Пецярбург у Духоўную калегію, якая ўласным рашэннем вызначала другую інстанцыю. У выпадку, калі рашэнні духоўных судаў першай і другой інстанцый не супадалі, канчатковы разгляд ажыццяўляўся не Папам Рымскім, а Духоўнай калегіяй. Аднак у 1875 г. імператар Аляксандр II пагадзіўся на аднаўленне кананічнага парадку (прапісанага ў канкардаце) разгляду шлюбных спраў [14, арк. 4 адв., 24 і адв.].

Звернемся да разгляду падстаў, якія вялі да анулявання шлюбу. У артыкуле 62 «Законов гражданских» адзначалася, што падставы для прызнання шлюбу несапраўдным, вызначаныя ў дачыненні да праваслаўных падданных (артыкул 37 гэтага ж заканадаўчага акта), распаўсюджваюцца на шлюбы паміж прадстаўнікамі «заможных» хрысціянскіх веравызнанняў (г. зн. і на рымскіх католікаў) «в той мере, как сие узаконениями для тех исповеданий постановлено» [2, ст. 62].

Згодна з кананічнымі нормаў абедзвюх Цэркваў (Праваслаўнай і Рымска-каталіцкай), галоўнай умовай законнасці шлюбу з'яўлялася згода жаніха і нявесты [17, с. 285], [10]. Таму ануляванню падлягаў шлюб, заключаны з выкарыстаннем гвалту. Артыкул 12 «Законов гражданских» рэгламентаваў: «Брак не может быть законно совершён без взаимного и принуждённого согласия сочетающихся лиц; посему запрещается родителям своих детей и опекунам лиц, вверенных их опеке, принуждать ко вступлению в брак против их желания» [2, с. 2]. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» устанаўлівала крымінальную адказнасць за прымус да ўзяцця шлюбу [18, ст. 1550, 1586].

Так, у Магілёўскую рымска-каталіцкую духоўную кансісторыю неаднаразова звярталіся жанчыны з просьбамі аб прызнанні іх шлюбу незаконным у сувязі з тым, што яны выходзілі замуж пад прымусам [13, арк. 1–2], [15, арк. 1 і адв.], [19, арк. 1–12], [20, арк. 1 і адв.]. Напрыклад, дваранка Марыя Багуслаўская ў 1901 г. здолела пераканаць Магілёўскую кансісторыю ў тым, што яна ўзяла шлюб з дваранінам Емельянам Багуслаўскім пад прымусам свайго бацькі. У пастанове Цяльшэўскай кансісторыі, якая разглядала справу ў якасці суда другой інстанцыі, адзначалася: шлюб адбыўся «не по вольной воле» ісціцы, «<...> а под влиянием нравственного давления ея отца, угрозы которого изгнать из дома и лишитъ наследства <...> поработили окончательно ея волю и заставили её <...> вступить в брак с человеком, к которому она чувствовала непреодолимое отвращение и с которым она <...> в продолжение всей совместной жизни имела только принуждённые плотские сношения» [20, арк. 104].

Паводле нормаў царкоўнага права, «шаленства» жаніха ці нявесты (альбо абодвух) падчас заключэння шлюбу пазбаўляла хворую асобу магчымасці свядомага і свабоднага самавызначэння волі [10]. Таму падставай для анулявання шлюбу магло служыць даказванне таго, што на момант заключэння шлюбу сужэнец меў псіхічнае захворванне.

Наступнай падставай для прызнання шлюбу незаконным была наяўнасць роднасных альбо сваяцкіх сувязяў паміж сужэнцамі. У артыкулах 23 і 64 «Законов гражданских» акрэслівалася: асобам хрысціянскіх веравызнанняў не дазваляецца браць шлюб у ступенях роднасці і сваяцтва, «возбранённых правилами той Церкви, к коей принадлежат сочетающиеся лица» [2, сс. 2, 7].

Для рымскіх католікаў недапушчальнымі з'яўляліся шлюбы пры наяўнасці кроўнай роднасці – да чацвёртай ступені ўключна. Пад кроўнай роднасцю разумелася блізкасць, якая ўзнікае ці з паходжання адной асобы ад другой, ці з паходжання абедзвюх ад агульнага роданачальніка. Згодна з правіламі Рымска-каталіцкай Царквы, ступені роднасці лічыліся па генерацыях. Так, родныя браты, якія складалі першую генерацыю ад сваіх бацькоў, знаходзіліся ў першай ступені роднасці, стрыечныя – у другой, траюрадныя – у трэцяй і г. д. [21, с. 254–255].

Сваяцтва (пад якім разумеліся адносіны блізкасці, заснаваныя на шлюбе двюх асоб, што належалі да розных родаў) з'яўлялася перашкодай для шлюбу толькі паміж адным сужэнцам і роднымі другога (да чацвёртай ступені), але не паміж роднымі сужэнцаў. Так, напрыклад, шлюб паміж братам аднаго сужэнца і сястрой другога не з'яўляўся парушэннем каталіцкіх кананічных нормаў [14, арк. 52].

Выкананне царкоўных правілаў аб забароне браць шлюб у вызначаных ступенях роднасці і сваяцтва забяспечвалася крымінальным заканадаўствам [18, ст. 1559, 1593, 1594]. Напрыклад, у 1886 г. у Мінскім акруговым судзе разглядалася справа аб кровазмяшэнні падданага-католіка Юрыя Зароўскага з яго пляменніцай Міхалінай і ўдавой яго брата Антанінай. У сувязі з гэтым суд звярнуўся ў Магілёўскую рымска-каталіцкую духоўную кансісторыю з запытам, ці магчымы, згодна з кананічнымі нормаў, шлюб паміж гэтымі асобамі [22, арк. 1, 17–20 адв.]. Кансісторыя дала адмоўны адказ: Ю. Зароўскі са сваёй пляменніцай знаходзіцца ў другой ступені роднасці, а з удавой брата – у першай ступені сваяцтва [22, арк. 12 і адв., 21–22]. У выніку суд прыгаварыў Зароўскага да заключэння ў

папраўчыя арыштанцкія роты на 2 гады і 9 месяцаў, яго пляменніцу – да аднаго года турэмнага зняволення, а ўдаву Зароўскую – да заключэння ў манастыр на 6 месяцаў. У адпаведнасці з прыгаворам суда кансісторыя прызначыла вінаватым царкоўнае пакаянне (епітым’ю): Юрыю тэрмінам на 2 месяцы, жанчынам – на 45 дзён [22, арк. 24–26 адв.].

Падставай для прызнання шлюбу незаконным лічылася і мнагажэнства ці мнагамужжа асобы. Згодна з кананічнымі нормамі, асобе, якая знаходзілася ў шлюбным саюзе, забаранялася браць новы шлюб [8, с. 35]. У адпаведнасці з гэтым узяцце новага шлюбу «падчас існавання ранейшага» прызнавалася расійскім крымінальным правам злачынствам супраць шлюбу [18, ст. 1554, 1555]. Трэба адзначыць, што абвінавачванне асобы ў мнагашлюбнасці не вяло да скасавання яе першага (законнага) шлюбу. Згодна з правіламі Рымска-каталіцкай Царквы, першы шлюб адназначна захоўваў сваю сілу [23, арк. 5–12 адв.].

Падставай для прызнання несапраўднасці шлюбу закон называў недасягненне ўзросту, «вызначанага Царквой для ўзяцця шлюбу». У Расійскай імперыі існавалі два варыянты вызначэння ўзросту, з якога дазвалялася браць шлюб: царкоўны і грамадзянскі. Нормы рымска-каталіцкага царкоўнага права акрэслівалі наступны мінімальны ўзрост для ўзяцця шлюбу: для мужчын – 14 год, для жанчын – 12. Аднак 19 ліпеня 1830 г. Мікалай I падпісаў указ, у адпаведнасці з якім шлюбны ўзрост для мужчын узнімаўся да 18 гадоў, для жанчын – да 16 [24, с. 8–9]. Як адзначалася ў артыкуле 63 «Законов гражданских», мінімальная дапушчальны ўзрост для ўзяцця шлюбу, вызначаны ўказам імператара, акрамя праваслаўных падданных, распаўсюджваўся і на асоб рымска-каталіцкага, евангеліка-лютэранскага, армяна-грыгарыянскага веравызнанняў [2, с. 7].

Аднак прававая норма, санкцыянаваная манархам, канчаткова не выцесніла царкоўную. Так, у артыкуле 3 «Законов гражданских» адзначалася, што свяшчэннаслужыцелям забараняецца вянчаць асоб, якія не дасягнулі грамадзянскага паўналецця [2, с. 3]. У той жа час, згодна з артыкулам 37 гэтага ж дакумента, незаконным прызнаваўся толькі той шлюб, які заключаўся раней царкоўнага паўналецця [2, ст. 4]. Гэта значыць, што шлюбы, заключаныя паміж асобамі, якія дасягнулі толькі царкоўнага, але не грамадзянскага паўналецця, не падлягалі ануляванню [2, ст. 39]. Як адзначыла ў сваім даследаванні В.А. Ліцэнбергер, нягледзячы на ўказ імператара, рымска-каталіцкія вернікі даволі часта бралі шлюб у 12–13 гадоў [8, с. 35].

У адпаведнасці з канонамі Рымска-каталіцкай Царквы, акрамя дасягнення шлюбнага ўзросту, абавязковай умовай для ўзяцця шлюбу было праходжанне жаніхом і нявестай канфірмацыі і далучэнне да святых таінстваў. Каталіцкім святарам загадвалася не вянчаць маладых да паспяховай здачы імі экзамена на веданне Катэхізіса, малітваў і Евангелля [8, с. 35]. Як правіла, парафіяне праходзілі канфірмацыю ў 13–14 гадоў, што азначала іх канчатковае далучэнне да царкоўнай абшчыны.

Незаконнымі прызнаваліся шлюбы асоб рымска-каталіцкага веравызнання з нехрысціанамі. Згодна з крымінальным заканадаўствам, католікі за ўзяцце такога шлюбу караліся турэмным зняволеннем на 2 месяцы і 20 дзён [18, ст. 1568].

Такім чынам, рэгуляванне шлюбна-сямейных адносін на беларускіх землях, як і ў іншых рэгіёнах Расійскай імперыі, у другой палове XIX – пачатку XX ст. па-ранейшаму знаходзілася ў юрысдыкцыі афіцыйна прызнаных у дзяржаве канфесій. Парадак заключэння і скасавання шлюбу падданных каталіцкага веравызнання ажыццяўляўся на падставе нормаў рымска-каталіцкага кананічнага права, якія толькі субсідыярна ахоўваліся заканадаўствам Расійскай імперыі.

Літаратура

1. Победоносцев, К. Курс гражданского права : в 3 ч. / К. Победоносцев. – СПб. : Синод. тип., 1896. – Ч. 2 : Права семейственные наследственные и завещательные. – 676 с.
2. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 10, ч. 1 : Законы гражданские. – 1900. – 385 с.
3. Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е.В. Белякова. – М. : КЦ «Духовная библиотека», 2004. – 664 с.

4. Фриз, Г. Мирские нарративы о Священном таинстве: брак и развод в поздней имперской России / Г. Фриз // Православие : конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.) : сб. науч. раб. / под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. – СПб. : изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 122–175.
5. Грахоцкі, А.П. Нормы царкоўнага права ў шлюбаразводным працэсе другой паловы XIX–пачатку XX ст. (па матэрыялах Мінскай епархіі) / А.П. Грахоцкі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010. – № 3. – С. 55–67.
6. Грахоцкі, А.П. Прымяненне нормаў царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX–пачатак XX ст.) / А.П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 5. – С. 139–146.
7. Яненко, О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / О.Ю. Яненко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия социально-гуманитарных наук. – 2013. – № 1. – С. 192–194.
8. Лиценбергер, О.А. Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской империи / О.А. Лиценбергер // Религия и право. – 2003. – № 1. – С. 34–37.
9. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая Церковь в России : история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов : Поволж. академия гос. службы, 2001. – 384 с.
10. Джероза, Л. Каноническое право в Католической Церкви [Электронный ресурс] / Л. Джероза. – М. : «Христ. Россия», 1998. – Режим доступа : http://searchebookonline.com/book_485.html. – Дата доступа : 1.09.2011.
11. Суворов, Н. Учебник церковного права / Н. Суворов. – М. : Печ. А.И. Снегирёвой, 1912. – 531 с.
12. Дело по рапорту Гомельского декана о сепарации супругов Зноско. 1866 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 3. – Спр. 6910.
13. Дело о расторжении брака супругов графов Михаила и Марии княжны Радзивилл Тышкевичей. 1884 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 1. – Спр. 8918.
14. Директивы и инструкции о соблюдении законов по бракоразводным делам 1868–1917 гг. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 28. – Спр. 176.
15. Дело во вторую инстанцию духовного суда о расторжении брака супругов Аркадия и Амелии Корвин-Коссаковских. 1902 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 21. – Спр. 44.
16. Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 11, ч. 1 : Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – 1857. – 156 с.
17. Оршанский, И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному / И.Г. Оршанский. – СПб. : тип. А.Е. Ландау, 1879. – 456 с.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Соб. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 15. – 1885. – С. 1–202.
19. Дело о недействительности брака супругов Викентия и Аполонии Гарбулев. 1901–1916 гг. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 21. – Спр. 14.
20. Дело о расторжении брака дворян Марии и Емельяна Богуславских. 1904 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 21. – Спр. 31.
21. Павлов, А.С. Курс церковного права / А.С. Павлов. – СПб. : Изд-во «Лань», 2002. – 384 с.
22. Дело о кровосмешении Юрия Заровского с женою брата Станислава. 1887 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 20. – Спр. 16.
23. Дело о двоебрачии Владимира Эльяшевича 1884 г. // НГАБ у г. Мінску. – Фонд 1781. – Воп. 20. – Спр. 12.
24. Загоровский, А.И. Курс семейного права / А.И. Загоровский – М. : «Зерцало», 2003. – 464 с.

О соотношении принципов нерушимости государственных границ, территориальной целостности и самоопределения народов

Н.В. КОПЫТКОВА

Анализируется содержание принципов нерушимости государственных границ, территориальной целостности и самоопределения народов; выявляется их взаимосвязь и зависимость от изменений, произошедших на политической мировой арене; анализируются международные акты, применительно к событиям, происходящим в мире; излагается суть проблем, возникающих при реализации принципа самоопределения народов в форме выхода из состава государства; обосновывается необходимость реформирования нормативного содержания принципа самоопределения народов в соответствии с реалиями международной жизни.

Ключевые слова: принципы международного права, международные отношения, нерушимость государственных границ, территориальная целостность, самоопределение народов.

The content of the principles of the inviolability of frontiers, territorial integrity and self-determination of peoples is analyzed, their relationship and dependence on changes that have occurred in the political world stage are revealed, the international instruments in relation to the events occurring in the world are described, and the essence of the problems encountered in the implementation of the principle of self-determination of peoples in the form of secession is stated. The necessity of reforming the normative content of the principle of self-determination of peoples, in accordance with the realities of international life is grounded.

Keywords: principles of international law, international relations, inviolability of frontiers, territorial integrity, self-determination of peoples.

Принципы международного права являются юридической основой мирового правопорядка. Они представляют собой основополагающие общепризнанные нормы, обладающие высшей юридической силой. Все иные международно-правовые нормы (договорные и обычные), а также действия субъектов международного права должны соответствовать положениям основных принципов.

Принципы международного права носят универсальный характер и являются императивными нормами поведения участников международных отношений. Это так называемые нормы *jus cogens* («неоспоримое право»). Действия или договоры, нарушающие положения основных принципов, признаются ничтожными и влекут международно-правовую ответственность.

Все принципы взаимосвязаны: нарушение одного принципа влечет за собой несоблюдение других. Так, например, нарушение принципа нерушимости границ одновременно является нарушением принципов суверенного равенства и территориальной целостности государства.

Изначально принципы взаимоотношений государств зарождались в форме правовых обычаев, постепенно они стали закрепляться в международных договорах. В 1945 г. в Уставе ООН были сформулированы семь принципов международного права: 1) неприменения силы или угрозы силой; 2) мирного разрешения международных споров; 3) невмешательства во внутренние дела; 4) сотрудничества государств; 5) равноправия и самоопределения народов; 6) суверенного равенства государств; 7) добросовестного выполнения международных обязательств.

Впоследствии содержание основных принципов было раскрыто в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. А в 1975 г. в Хельсинском заключительном акте СБСЕ были сформулированы еще три принципа: 8) нерушимости государственных границ; 9) территориальной целостности государств; 10) всеобщего уважения прав человека. Применительно к европейским условиям содержание основных принципов было конкретизировано также Итоговым документом Венской встречи СБСЕ в 1989 г.

Согласно принципу территориальной целостности государства должны уважать территориальную целостность друг друга и воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН. Государства обязаны также воздерживаться от превращения

территории друг друга в объект оккупации или мер применения силы в нарушение международного права. Никакая оккупация или приобретение территории, таким образом, не признаются законными. Следуя принципу нерушимости границ, государства рассматривают как нерушимые все границы друг друга и границы всех государств в Европе и должны воздерживаться от любых требований или действий, направленных на захват части или всей территории другого государства.

Закрепление принципа нерушимости границ диктовалось необходимостью исключить возможность превращения их в объект вооруженных конфликтов и территориальных споров, обеспечить безопасность, устойчивость и неприкосновенность границ в Европе и во всем мире.

Как указывала в своей работе Л.И. Волова, «правовая основа принципа нерушимости границ – принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств, на базе которого он возник как выражение объективной потребности усилить неприкосновенность и стабильность границ и по отношению к которому выполняет обеспечительную функцию, имея тот же предмет регулятивного воздействия – территорию и границы, конкретизируя, углубляя, дополняя и актуализируя его правовое содержание [1, с. 36].

Анализ Хельсинского акта СБСЕ дает основания сделать вывод о том, что данные принципы взаимосвязаны и взаимодополняемы. Так, принцип нерушимости границ предписывает воздерживаться, в частности, «от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника». Принцип территориальной целостности государств включает обязательство воздерживаться «от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления» [2].

Территориальная целостность государств должна соблюдаться в пределах существующих границ. Принцип нерушимости границ в большей мере обеспечивает неприкосновенность и стабильность границ, обязывая не оспаривать их и не требовать изменений. Однако принципы территориальной целостности государств и нерушимости границ имеют единую цель – обеспечение безопасности и целостности территории и неприкосновенности границ, что является важной предпосылкой сохранения мира и развития добрососедских отношений между государствами.

Исторический опыт межгосударственных отношений на Европейском континенте и внутригосударственная практика отдельных государств приводит к выводу о том, что, будучи участниками международных договоров о соблюдении нерушимости существующих границ, государства руководствуются своей собственной правовой позицией, ссылаясь на конституцию и право народов на самоопределение, предпринимают попытки (зачастую удачные) восстановления прежних границ. Например, договор между СССР и ФРГ, подписанный в Москве в 1970 г. предусматривал, что «мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы». В договоре обе стороны взяли на себя обязательство «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах». Подобные договоры ФРГ подписала с ГДР, ЧССР и другими странами. Однако государственная доктрина ФРГ 80-х годов прошлого столетия преследовала цели изменения международно-правового закрепления политико-территориальных итогов второй мировой войны, что проявлялось в желании воссоединения народов ГДР и ФРГ. В частности, внутригосударственное законодательство исходило не из гражданства ФРГ, а из «германского гражданства», которое они распространяли не только на граждан своего государства, но и на граждан ГДР. Не оставались непричастными в деле воссоединения общественные объединения и политические партии ФРГ, которые имели разветвленную структуру, СМИ и огромный бюджет. При патронаже со стороны западногерманской СДПГ была создана Социал-демократическая партия (СДП) в ГДР. Известный советский и российский ученый, юрист – международник В.В. Пустогаров назвал такое поведение ФРГ «внутригосударственной практикой реваншистского характера» [3, с. 107]. Такая внутригосударственная практика ФРГ (не без поддержки мирового сообщества), невзирая на наличие вышеуказанных международных договоренностей, привела в конечном итоге в 1990 г. к воссоединению народов двух суверенных государств.

Прошло не так много времени, а многие политики уже забыли, каким образом осуществлялось право народов на самоопределение в их государствах. Стоит привести слова канцлера Германии А. Меркель, как реакция на события в Крыму: «присоединение Крыма к России нарушило основные принципы европейской политики – уважение к территориальной целостности государств и невозможность изменения границ в одностороннем порядке» [4].

В последнее время появилось много публикаций и выступлений в СМИ на тему геополитических изменений в мире, перекройки границ, развала существующих стран и появления новых. В свете последних событий на Украине вопросы самоопределения народов, сохранения территориальной целостности, проблемы сепаратизма стали особым объектом пристального внимания и предметов дискуссий не только политиков и политологов, но и ученых юристов-международников.

Чтобы разобраться в правовой сущности всех этих явлений необходимо обратиться к сравнительному анализу юридического содержания принципа равноправия и самоопределения народов и принципа территориальной целостности государств.

Принцип равноправия и самоопределения народов, явившийся первоначально инструментом борьбы против колониализма, как и принцип уважения прав и свобод человека впервые появились в Декларации независимости США, принятой 4 июля 1776 г., в Билле о правах США, принятом 17 сентября 1787 г., и во французской Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 г. Впоследствии эти принципы нашли отражение в Декрете о мире, принятом в России 26 октября (8 ноября) 1917 г., и в Декларации прав народов России, принятой 2 (15) ноября 1917 г. Во всех этих документах главными положениями являлись суверенность народов и их право на самоопределение, которые никак не связывались с необходимостью соблюдать территориальную целостность США, Франции и России. Приведенные положения национальных законов США, Франции и России оказали огромное влияние на дальнейшее прогрессивное развитие международного права и на становление основных принципов международного права.

Как указывает профессор Г.М. Мелков, «суверенитет народа и его международная правосубъектность никоим образом не зависят от волеизъявления других субъектов международного права. Суверенитет народа, его право на свободное самоопределение – абсолютно, первично, поскольку именно народ первичен, а государство – производно, зависящее от волеизъявления народа» [5].

Анализируя Устав ООН, международные пакты о правах человека 1966 г., Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г. можно выделить следующие элементы юридического содержания принципа равноправия и самоопределения народа:

- все народы имеют право на самоопределение, они свободно без всякого вмешательства извне определяют и устанавливают, *когда и как они желают*, свой внутренний и внешний политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие [2];

- создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение;

- каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих действиях против таких насильственных мер и в сопротивлении им эти народы, добиваясь осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее в соответствии с целями и принципами Устава ООН.

Ничто в приведенных выше положениях не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения

народов, как этот принцип изложен выше, и вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи [6].

Исходя из содержания этих норм, можно сделать вывод, что народ может осуществлять свое право на самоопределение тогда, когда и сколько раз он пожелает, при этом на народ не возлагается обязанность соблюдать территориальную целостность того государства, в котором он проживает. Кроме того, право народа обращаться за помощью и получать поддержку от любого государства включает в себя любую поддержку, в том числе и военную.

Как отмечалось выше, в Декларации о принципах международного права 1970 г. сказано, что каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны. Применительно к последним событиям на Украине нужно сказать, что Россия как суверенное государство не должна нарушать территориальную целостность и единство любого государства. Но международное право не запрещает *народам* Крыма выйти из состава Украины в рамках осуществления ими права на самоопределение и присоединиться к другому государству, не взирая на территориальную целостность Украины, если государство, к которому присоединили эту территорию не спросив согласия самого народа в 1954 г., не соблюдает принцип равноправия народов. Опираясь на практику ООН можно констатировать, что право народов на отделение, в качестве неперемennого элемента при самоопределении, признается за народами, проживающими в государствах, власти которых не соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов. Запрет русского языка самопровозглашенным правительством, объявленная экстремистами война против русского народа, с которыми власть Украины не желала бороться, именно этими действиями государство нарушило данный принцип. Поэтому решение населения Крыма было в пользу безопасности и защищенности, а не в пользу территориальной целостности.

Представляется весьма обоснованным вывод Г.М. Мелкова: «Право народа на самоопределение – первично по сравнению с принципом территориальной целостности государства. Вопрос о самоопределении решает только сам народ и столько раз, сколько он, этот народ, найдет нужным: два, три, десять раз. Это право принадлежит только народу...» [5]. Вполне уместно привести также слова литератора и активиста российского правозащитного движения В.В. Белоцерковского: «В сообществе цивилизованных, демократических стран свободы выхода не может быть лишь из двух мест – тюрьмы и сумасшедшего дома. Иначе – там, где нет свободы выхода, нет и свободы» [7].

Необходимо также остановиться на проблеме внутригосударственного решения вопроса о правовом механизме реализации принципа самоопределения народа на основе демократических принципов и всенародного голосования, особенно когда речь идет об отделении части территории государства. Ни один из известных универсальных международных договоров и документов не требует соблюдения национального законодательства при осуществлении права на самоопределение. Напротив, Консультативным заключением Международного суда ООН в 2010 г. был создан международный прецедент, согласно которому народы могут решать свою судьбу на местном референдуме, не спрашивая разрешения у населения всего государства на их отделение. По запросу Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со ст.65 Устава ООН Международный суд должен был ответить на вопрос: «Соответствует ли односторонняя декларация независимости со стороны временных органов самоуправления Косово международному праву?» Международный суд высказал своё мнение, объявив: «Провозглашение декларации о независимости не нарушает каких-либо применимых норм международного права». Таким образом, Международный суд узаконил преимущество права самоопределения народов над принципом нерушимости границ и территориальной целостности государства [8].

Надо сказать, что суд вынес свое решение в противоречие с Резолюцией № 1244 от 10 июня 1999 г. Совета Безопасности ООН, которая была принята единогласно всеми постоянными членами Совета Безопасности ООН (в том числе и США). Данная Резолюция позволила вернуть процесс косовского урегулирования в правовое поле ООН. Совет Безопасности обозначил конкретные ориентиры мирного разрешения кризиса вокруг Косово на основе

фундаментальных принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия и адекватного обеспечения законных интересов всех составляющих население края этнических групп.

После принятия решения Международным судом в 2010 г. многие специалисты в области международного права заявили, что консультативное заключение суда по вопросу о законности провозглашения независимости Косово в 2008 г. усилит позиции сепаратистов, и подвергли Международный суд критике. Однако, по состоянию на 1 января 2014 г. Косово признали 104 государства, в их числе США и большинство стран Евросоюза. Россия всегда выступала за нерушимость сербских границ и предупреждала об опасности исторического решения Международного суда по Косово, создавшего прецедент, который еще «ударит по миру».

Тем не менее, спустя 4 года (несмотря на схожесть ситуации в Косово) зарубежные политики и СМИ активно заявляют о «нелегитимности» референдума в Крыму, на котором был решен вопрос о его вхождении в состав Российской Федерации, об «аннексии» и о том, что «Крым не имеет права проводить референдум без Киева, так как это противоречит международным правилам». Можно привести ряд примеров, когда народ создавал собственное государство, не спрашивая согласия населения государства в целом. Референдум о независимости, несмотря на нежелание «основного государства» был проведен в Черногории – в результате (55,5 % за независимость, 44,5 % – против) страна стала отдельным государством. Тогда генсек Совета Европы поздравил страну с «успешным референдумом» и отметил, что «явка в 86 % свидетельствует о его легитимности», а представитель США высказался, что «референдум был проведен в соответствии с требованиями ОБСЕ и Совета Европы и другими международными стандартами демократических избирательных процессов». В 2011 г. в южных провинциях Судана был проведен свой референдум о независимости Южного Судана, и мировое сообщество признало его результаты. Можно было бы вспомнить «непризнанный» Северный Кипр и референдумы о независимости республик СССР в 90-ых годах прошлого столетия.

Вывод очевиден: референдумы, проводимые частью другого государства, в том числе с присутствием военных, признаются мировым сообществом без всяких заявлений о не соответствии международному праву, если они не противоречат интересам Запада. Крымский референдум Запад не хочет признать исключительно потому, что он усиливает Россию.

Справедливости ради, нужно заметить, что по прошествии небольшого срока со стороны Европы стали раздаваться голоса иного толка относительно присоединения Крыма к России. Так, в феврале 2015 г. бывший президент Франции Н. Саркози, выступая на съезде партии «Союз за народное движение», заявил: «Крым выбрал Россию. Мы не можем его за это упрекать» [9].

Большинство межгосударственных границ явились результатом тяжёлого исторического процесса. Границы менялись, и будут изменяться, пока существуют государства. Государства завоевывали либо договаривались, покупали либо продавали земли, в результате чего сложилась та система, которая существует сегодня, основы которой по итогам второй мировой войны были заложены на Потсдамской конференции 1945 г. Однако международная и внутригосударственная практика подтверждает, что мир меняется и Потсдамские договоренности уже не соответствуют нынешнему миропорядку. Процессы глобализации привели к возникновению сверхдержав и международных наднациональных организаций, стремящихся диктовать свою политику всему миру, кроме того, меняется структура европейской безопасности.

Перед многими народами встала задача сохранения своей самостоятельности и самобытности в силу глобализационных процессов, отстаивая национальные интересы в новых условиях. Сейчас никакая страна не может надеяться только лишь на международное право и на такие его принципы, как территориальная целостность и право на самоопределение. В такой ситуации большое значение приобретает политика, проводимая государством, исходя из его национальных интересов.

Таким образом, принцип территориальной целостности и принцип самоопределения народов необходимо трактовать с учетом изменений, произошедших на мировой арене. Необходимо реформировать нормативное содержание принципа самоопределения народов в соответствии с реалиями международной жизни. В политической борьбе за сферы влияния государства забыли о наличии еще одного важного принципа международного права – уважение прав человека. В свете нынешних реалий, можно утверждать, что принцип территориальной целостности перестал быть

главенствующим. В основу решения проблем, связанных с самоопределением народов и отделением территории, должны быть положены права человека. Расставлять приоритеты нужно только после ответа на вопрос – а как это повлияет на судьбу человека?

Как красноречиво свидетельствуют последние события, в мире еще с большей остротой будут вставать вопросы самоопределения народов и сохранения территориальной целостности. Это нельзя отдавать на откуп доминирующим государствам, выполняющим роль «мирового полицейского», необходимо поставить решение этих вопросов на правовую основу. Главную роль в решении этих проблем должна сыграть Организация Объединенных Наций. Именно ООН должна взять на себя ответственность по разработке универсального договора о нерушимости границ, с целью придания этому принципу четкой правовой формы; разработать документ, определяющий условия самоопределения народов и реализации права на создание собственного государства; определить, с помощью каких процедур или мер, кроме референдума, можно решать вопрос об отделении; принять меры по созданию специального органа для решения спорных проблем по вопросам самоопределения.

Литература

1. Волова, Л.И. Принципы территориальной целостности государств и нерушимости границ: Нормативное содержание и соотношение / Л.И. Волова // Правоведение. – 1984. – № 1. – С. 30–37
2. Международная организация. Акт СБСЕ от 01 августа 1975 года. Заключительный акт // Право.ru [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://docs.pravo.ru/-document/view>. – Дата доступа : 2.02.2015.
3. Пустогаров, В.В. Нерушимость государственных границ в Европе и западногерманский реваншизм / В.В. Пустогаров // Советское государство и право – 1985. – № 3. – С. 103–111.
4. Меркель постарается не терять контакт с Путиным // Ведомости.ru. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://www.vedomosti.ru/-politics/new>. – Дата доступа : 4.02.2015.
5. Мелков, Г.М. Самоопределение народов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья: миф или реальность? / Г.М. Мелков // Национальные интересы [Электронный ресурс]. – 2005. – № 6. – Режим доступа : www.ni-journal.ru. – Дата доступа : 20.12.2014.
6. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations. – Дата доступа : 7.02.2015.
7. Белоцерковский, В.В. Сепаратизм – преступление или неотъемлемое право на самоопределение? / В.В. Белоцерковский [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.inomnienie.ru/debate/21293/>. – Дата доступа : 26.12.2014.
8. Международный Суд ООН решил, что декларация о провозглашении независимости Косово не противоречит международному праву // Центр новостей ООН [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.un.org>. – Дата доступа : 26.12.2014.
9. РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://ria.ru/#14233253768514&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration>. – Дата доступа : 7.02.2015.

Виды государственной службы

Л.А. КРАСНОБАЕВА

Исследуются вопросы типологии государственной службы, а также способы решения задач ее оптимизации в целях приведения в соответствие с основополагающими принципами системного единства, рациональной организации, правовой типичности.

Ключевые слова: воинская служба, государственный орган, государственная служба, закон, правоохранительная служба.

The questions of typology of public service are studied. Ways of solving its optimization tasks in order to bring it in line with the fundamental principles of the unity of the system, rational organization, legal typicality are considered.

Keywords: military service, the public authority, public service, law, law enforcement service.

Введение. Государственная служба имеет многоцелевой функциональный характер, обеспечивает исполнение всего объема полномочий структур государственного аппарата. Выполнение государственной службой многочисленных и разнообразных задач и функций является основанием ее структурной дифференциации и специализации по видам профессиональной государственно-служебной деятельности. Эта деятельность призвана обеспечивать реализацию государственно-управленческих задач и функций, присущих органам государственной власти.

Дифференциация государственных органов по предмету их ведения, т. е. по объему и структуре реализуемых государственно-властных полномочий и компетенции по отраслям и сферам государственной деятельности, создает основу для разделения государственной службы на виды.

Вопрос о видах государственной службы приобретает значение именно по причине многообразия государственно-служебной деятельности, что связано с проблемой модернизации и повышения эффективности государственной службы в процессе ее совершенствования. Понимание этого вопроса необходимо, прежде всего, для уяснения сложившейся структуры государственной службы Республики Беларусь, а также задач ее оптимизации в целях приведения в соответствие с основополагающими принципами системного единства, рациональной организации, правовой типичности.

Основная часть. Государственная служба – это профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов [1, ст. 2].

Согласно Конституции Республики Беларусь, «государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга» [2, ст. 6].

Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» от 14 июня 2003 г. № 204-З (Далее – Закон) распространяет свое действие на лиц, которые в установленном законодательством порядке занимают государственные должности в Парламенте, Правительстве, Конституционном Суде, Верховном Суде, судах общей юрисдикции и их аппаратах. Таким образом, согласно Основному закону и Закону государственная служба представлена в виде службы в законодательных, исполнительных и судебных органах.

Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» от 5 ноября 1992 г. № 1914-XII (в редакции Закона Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 229-З) устанавливает правовые и организационные основы исполнения гражданами Республики Беларусь воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) путем

прохождения воинской службы, а также основания и условия освобождения от воинской службы. Согласно данному акту воинская служба – особый вид государственной службы [3]. При этом воинская служба делится на два вида: 1) военную службу как основной вид, заключающийся в непосредственном исполнении гражданами воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований; 2) службу в резерве как вид, заключающийся в обязательном исполнении гражданами, подлежащими призыву на срочную военную службу, воинской обязанности путем прохождения службы в воинских частях, иных организациях Вооруженных Сил или транспортных войск Республики Беларусь на занятиях и учебных сборах в целях получения военно-учетной специальности без прекращения трудовой деятельности. В свою очередь, военная служба включает два подвида государственной службы: военную службу по призыву и военную службу по контракту [3, ст. 1].

Правоохранительные органы составляют определенным образом обособленную по признаку профессиональной деятельности самостоятельную группу органов государства, имеющих свои четко определенные задачи. Какие органы относятся к правоохранительным в юридической науке остается дискуссионным.

В Республике Беларусь к государственным правоохранительным органам относятся Органы внутренних дел [4]. Служба в органах внутренних дел является видом государственной службы в Республике Беларусь, заключающейся в выполнении сотрудниками органов внутренних дел задач по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, организации исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, административных взысканий, а также иных задач, определенных законодательными актами [5].

Следственный комитет представляет собой единую и централизованную систему государственных правоохранительных органов, являющихся органами предварительного следствия и осуществляющих полномочия в сфере досудебного уголовного производства [6]. Служба в Следственном комитете является также видом государственной службы в Республике Беларусь [6, ст. 21].

К правоохранительным органам следует отнести и органы прокуратуры, задачами которых являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. Также прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью [7, ст. 4].

В зависимости от степени участия органов в осуществлении функций государства, функции подразделяются на общесоциальные и специальные. К общесоциальным следует отнести экономическую, политическую. К специальным функциям – обеспечение налоговой политики, экономической и национальной безопасности, охрана правопорядка. С учетом осуществления функций государственным органом, можно выделить и виды государственной службы, в частности специализированную государственную службу.

Специализированными видами государственной службы в Республике Беларусь можно обозначить службы в органах по чрезвычайным ситуациям, в таможенных органах и других. Органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь [8, ст. 1]. Служба в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям является видом государственной службы в Республике Беларусь, заключающейся в выполнении работниками органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям задач, возложенных законодательными актами на данные органы и подразделения [9].

Основные функции таможенных органов Республики Беларусь определены Законом «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10 января 2014 г. № 129-З и, например, заключаются в осуществлении таможенного оформления и таможенного контроля; обеспечивают в пределах своей компетенции экономическую безопасность Республики Беларусь,

защиту ее экономических интересов; взимают таможенные платежи, иные платежи, взимание которых возложено на таможенные органы, контролируют правильность исчисления и своевременность уплаты указанных платежей, принимают меры по их принудительному взысканию; обеспечивают на территории Республики Беларусь соблюдение порядка перемещения товаров через таможенную границу Таможенного союза и др. [10, ст. 12]. То есть данные органы выполняют специальные функции по охране правопорядка, в частности, обеспечение экономической безопасности.

Органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, служба в которых является государственной, по законодательству признаются государственными правоохранительными органами [11, ст. 1]. Однако основной функцией данных органов является также обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь, что и предопределяет их отнесение к специальному виду государственной службы.

Особым видом государственной службы является и дипломатическая служба, обеспечивающая внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность Республики Беларусь [12].

Для всех специальных видов государственной службы, включая и воинскую службу, в целом характерны следующие признаки:

1. специфика выполняемых задач и функций;
2. наличие специальных принципов в организации функционировании службы.

При этом анализ действующего законодательства показывает, что задачи и функции определены в достаточно полной мере, а специальные принципы организации и функционирования указанных органов не нашли своего отражения в правовом регулировании. Законодатель указывает лишь на конституционные принципы законности, гласности, открытости.

Вопрос о видах государственной службы на законодательном уровне не урегулирован, и в юридической науке относительно него нет единой точки зрения. Чаще всего государственную службу классифицируют на такие виды:

1. служба в органах законодательной, исполнительной и судебной власти;
2. гражданская и милитаризованная (военизированная) служба;
3. гражданская и специализированная служба;
4. государственная (в государственных органах и воинская) и гражданская (муниципальная служба, служба в государственных организациях и учреждениях).

Доктор юридических наук О.И. Чуприс предлагает следующие виды государственной службы: аппаратная (например, служба в представительных органах, в исполнительных органах), военизированная, судейская [13], [14]. Следует согласиться с мнением О.И. Чуприс, что проблема типологии, как и ряд других, связана с недостаточной глубиной правового регулирования государственной службы, и прежде всего неопределенностью видовой структуры государственной службы и системных связей между видами государственной службы, неразрешенностью в нем ряда организационных проблем [15].

По мнению А.Ф. Ноздрачева, наиболее общее отличие специальных видов государственной службы, в том числе и военной, от общегражданской государственной заключается в предназначении этих видов государственной службы, т. е. в выполняемых ими функциях и задачах [16, с. 233–234].

Анализ законодательства стран СНГ о государственной службе в части видов и классификации государственной службы показывает, что типология или ее отсутствие зависят от степени разработанности законодательства. Например, государственная служба в России регулируется Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Федеральный закон № 58-ФЗ определяет основные понятия и принципы государственной службы и вводит её разделение на три вида: государственная гражданская служба, правоохранительная служба, военная служба.

Законодательства Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Таджикистана предусматривают деление должностей государственных служащих на политические и административные. Законом Республики Армения от 27 декабря 2001 г. № ЗР-272 «О гражданской службе» регулируется, что «государственная служба включает в себя гражданскую службу,

судебную службу, специальную службу в республиканских исполнительных органах обороны, национальной безопасности, полиции, налоговых, таможенных органах, органах по чрезвычайным ситуациям, а также дипломатическую и иную службу, предусмотренную законами». При этом каждый из этих видов, регулируется собственным законом, например, в соответствии с Законом Республики Армения от 12 июля 2006 г. № ЗР-159 «О судебной службе», «Судебная служба является частью государственной службы, установленной законодательством Республики Армения». Закон Азербайджанской Республики от 21 июля 2000 г. № 926-ПГ «О государственной службе», распространяется на служащих, проходящих государственную службу в органах исполнительной, законодательной и судебной власти [17].

Заключение. Таким образом, при построении системы критериев разграничения видов государственной службы, фундаментальное значение приобретает, во-первых, *функциональный критерий*, который должен строиться с учетом двух моментов: сфера государственного управления, в которой действует государственный орган, и правовая природа должности, отражающая ее взаимосвязь с компетенцией органа. И, во-вторых, *специализация государственно-служебной деятельности*, которая определяется в зависимости от особенностей предмета ведения и специальной профессионально-образовательной квалификации лиц, необходимой для реализации их должностных правомочий, и компетенции, установленной для данного государственного органа.

Таким образом, государственная служба Республики Беларусь может быть представлена в виде:

1. гражданской (публичной) службы (службы в органах законодательной, исполнительной и судебной власти);
2. воинской службы;
3. правоохранительной;
4. специализированной (специальной) службы (дипломатической службы, службы в таможенных органах, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля).

Литература

1. О государственной службе в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 70. – 2/953.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
3. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992г., № 1914-ХП // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 29. – Ст. 501.
4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 173. – 2/1360.
5. О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 34. – 1/13388.
6. О Следственном комитете Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 403-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 128. – 1/13068.
7. О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 119. – 2/1317.
8. Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2009 г., № 45-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 173. – 2/1597.
9. Об утверждении Положения о прохождении службы в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 11 января 2013 г., № 22 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / – Дата доступа : 15.04.2014.
10. О таможенном регулировании в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 января 2014 года, № 129-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2014. – № 5.
11. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 414-з // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1511.

12. О некоторых вопросах дипломатической службы Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 мая 2008 г., № 276 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 120. – 1/9707.
13. Чуприс, О.И. Судейская служба как вид государственной службы Республики Беларусь / О.И. Чуприс // Весн. Выш. Гасп. Суда Рэсп. Беларусь. – 2009. – № 17. – С. 140–148.
14. Чуприс, О.И. Служба представительных органов как вид государственной службы Республики Беларусь / О.И. Чуприс // Сац.-эканам. і прававыя даслед. – 2010. – № 2. – С. 150–157.
15. Чуприс, О.И. Проблемы законодательства о государственной службе Республики Беларусь и их разрешение на основе кодификации/ О.И.Чуприс // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 6 / редкол. : В.И.Семенков (гл. ред.) [и др.] ; Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : ОДО «БИЗНЕС ОФСЕТ», 2011. – С. 227–234.
16. Ноздрачев, А.Ф. Государственная служба. Учеб. для подготовки государственных служащих / А.Ф. Ноздрачев. – М. : Статут, 1999. – 592 с.
17. О государственной службе [Электронный ресурс]: Закон Азербайджанской Республики, 21 июля 2000 г., № 926-III // База данных. Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : <http://base.spinform.ru>. – Дата доступа : 15.04.2014.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 18.12.2014

УДК: 343.985

Определение пространственно-временных параметров при раскрытии и расследовании преступлений: криминалистический аспект

А.Н. МОХОРЕВ

Рассмотрены вопросы определения пространственно-временных параметров при установлении обстоятельств, имеющих значение для выявления, раскрытия и расследования совершенных преступлений с использованием средств общетехнического (некриминалистического) назначения.

Ключевые слова: преступление, место совершения преступления, время совершения преступления, пространственно-временные связи, системное окружение преступления.

The issues of determining spatial and temporal parameters in determining the circumstances relevant for the identification, detection and investigation of crimes committed with the use of general technical (not criminalistic) destination are examined.

Keywords: crime, crime scene, time of the offenses, spatial-time communication, system environment crime.

Установление или подтверждение юридических фактов является одной из главных задач практической деятельности каждого юриста. Без этого невозможно правильное применение закона, защита прав граждан и организаций, разрешение споров, привлечение к ответственности нарушителей закона [1, с. 379].

Правоохранительные органы призваны выявлять, раскрывать, расследовать и осуществлять профилактику преступлений, что представляет собой одно из направлений такой практической деятельности.

Преступление представляет собой сложный, специфический объект исследования криминалистики. Познание преступления осуществляется по информации, сконцентрированной в следах деяния. Обнаружение таких следов и их исследование позволяет сформировать комплекс сведений об отдельных обстоятельствах произошедшего преступного события в пространстве и времени.

Пространство, которое призваны охранять компетентные органы, а также то, против чего правоохранительные органы будут выступать при этом – преступность (ее проявления), надо увидеть. Полагаем, что помимо явных, искомых в первую очередь следов преступления (следы крови, отпечатков пальцев) правоохранителю необходимо обращать пристальное внимание на следы, оставленные при использовании различных средств общетехнического (некриминалистического) назначения. Ценность этих средств заключается в том, то они неразрывно связаны с жизнедеятельностью практически каждого члена современного общества (платежные карточки, цифровое телевидение, сотовые телефоны и прочее).

При этом надо выработать стиль мышления для тех, кто будет раскрывать преступления, направленный на активное использование информации, оставленной на соответствующих средствах общетехнического назначения.

В соответствии со ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела подлежат доказыванию, в том числе, наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения). Полагаем, что законодатель увязывает установление времени и места совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, с вопросом доказывания его наличия.

При анализе норм Уголовного кодекса Республики Беларусь можно прийти к выводу, что в некоторых случаях в качестве обязательных признаков объективной стороны называются такие признаки, как способ, время, место и обстановка совершения преступления.

Н.А. Лапошенко, анализируя проблемы отражения преступления в мире объективной действительности, указывает на то, что место и время совершения преступления являются

лишь частью массы не столь существенных для уголовного права признаков, в которых выражаются реальность, общественная опасность, противоправность, наказуемость и виновность преступления [2, с. 128].

Для уголовного права место и время совершения преступления, может быть, и не несут столь существенный характер, однако полагаем, что для криминалистики данные признаки имеют определяющее значение.

Так преступление в его криминалистическом понимании, считают О.Н. Коршунова и А.А. Степанов, есть обусловленная субъективными и объективными факторами (материальной и социальной обстановкой, предшествовавшими, сопутствовавшими, следовавшими событиями и процессами) реальная целенаправленная динамичная временная сложная система [3, с. 56].

Г.А. Густов считает, что преступление – это реальная, целеустремленная, конкретная, сложная система. Ее элементы, будучи связанными между собой причинно-следственными, субстанционными, пространственно-временными, структурными и другими связями и отношениями, образуют криминалистическую структуру преступления [4, с. 79]. Он же выделяет место совершения преступления и время его совершения как самостоятельные элементы криминалистической конструкции преступления [5, с. 18–19].

Основоположник учения о криминалистической структуре преступления как системного образования профессор А.В. Дулов указывал, что структурой или внутренним строением системы (в нашем случае – преступления) называется общий качественно определенный и относительно устойчивый порядок внутренних пространственно-временных связей и отношений между элементами, подсистемами, которые определяют функциональную деятельность данной системы и характер её взаимодействия с другими системами или окружающей средой [6, с. 8–9].

В рамках системы преступления В.А. Образцов выделяет материально фиксированные образования – следообразующие объекты (люди, орудия преступления, иные предметы, функционировавшие при подготовке, реализации, сокрытии преступления) и материально фиксированные следы трасологической, баллистической и иной природы и носители таких следов – с одной стороны. С другой стороны, выделяются модели-понятия, не имеющие материально фиксированной формы, обстоятельства типа цели, мотива, способа, времени совершения преступления [7, с. 83].

Н.П. Яблоков указывает, что применительно к объективной стороне каждый вид социальной деятельности (в правовом смысле – поведения) складывается из отдельных действий и периодов их отсутствия, а действия – из более детальных поведенческих актов с теми или иными предметами деятельности, с использованием тех или иных средств.

По ряду оснований (пространственно-временные параметры, цели и задачи, методы и средства работы, результаты и т. п.) обычно выделяют определенные этапы (стадии) деятельности с более или менее четкими границами между ними. Чаще всего выделяются подготовительный, начальный, основной и заключительный этапы (хотя их названия могут быть и иными).

В результате пространственно-временные параметры и связи между подсистемами и элементами позволяют определить «время» и «место» деятельности, многие другие важные ее элементы, значимые для криминалистического следоведения [8, с. 21].

А.В. Лапин в качестве одной из аксиом применительно к криминалистическому моделированию преступления выделяет следующее: «всякое преступление, совершаемое в реальных условиях места и времени, отражается в окружающей среде, а его материальные элементы подвергаются обратному воздействию среды, что приводит к образованию различных следов» [9, с. 202–203].

Таким образом, многие авторы упоминают о таких понятиях, как место и время совершения преступления, но их роль для раскрытия и расследования преступлений они определяют по-разному. Общая тенденция такова, что место совершения преступления – это всегда какое-то пространство с находящимися в нем материальными объектами, которое сохранило на себе следы взаимодействия изучаемых объектов (например, элементов материальной структуры преступления). Время же определяется как обстоятельство, не имеющее материально фиксированной формы.

Однако время в совокупности с пространственными характеристиками помогает выделить этапы развития преступления (приготовление, совершение преступления, посткриминальное поведение преступника), а также его возможные структуры (например, по сложным многоэпизодным делам).

А.Е. Гучок указывает, что динамическую модель расследуемого события образует хронологическая последовательность некоторого количества фиксированных состояний элементов материальной структуры преступления, связей между ними и возникающих отражений [10, с. 86].

При этом если говорить о преступлении как о некой системе, то её создание, становление и развитие невозможно анализировать без другой системы, в которую она вплетена – системного окружения. Исследуя системное окружение, мы восстанавливаем событие преступления по частям.

Обстановка, т. е. все окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность, включая место, время и многие другие факторы, имеет существенное значение для анализа преступного деяния. Так, пространственно-временные координаты преступного события или его отдельных фактов важны, прежде всего, тем, что дают возможность различать, совмещать и даже идентифицировать отдельные факты. Пребывание человека в определенный момент времени на месте преступления или, наоборот, пребывание в ином месте (алиби) – это очень важные для расследования факты. Пространственные и временные отношения позволяют измерить дистанции между событиями и объектами действительности.

Все условия преступной деятельности, не только пространственно-временные, но и вещественные, климатические, конструктивные и другие, указывают на ее специфические особенности, ибо редко бывают случайными. Обычно преступник делает сознательный выбор соответствующих условий деяния. Продуманно выбирает конкретное место с соответствующей обстановкой, определенный момент времени, иногда даже время года, погоду, сообразуясь с личностью жертвы или особенностями иного объекта посягательства и выбранным способом совершения действий. При этом во всех случаях разнообразные причинные, логические и иные связи между элементами системы «преступление» несомненны. Они-то и позволяют, «ухватившись за одно звено цепи, вытащить наружу всю цепь» [8, с. 25].

Анализируя системное окружение и каждый его уровень, необходимо выделить определенные характеристики, существенно влияющие на ее информативность. К таковым А.В. Дулов относит:

- 1) пространственно-конструктивные (вид и особенности местности; параметры и протяженность участков на местности, в помещениях; конструктивное своеобразие объектов);
- 2) природно-климатические (характер климатического пояса в месте совершения преступления);
- 3) физико-химические (погодные и атмосферные условия, характер и сила источников искусственного освещения, температура, наличие нагревательных приборов, степень загрязненности воздуха);
- 4) временные (время года, месяц, день недели, время суток, временная цикличность, ритм жизни в районе происшествия, время наступления различных явлений природы и сезонных работ);
- 5) производственно-бытовые (вид и особенности человеческой деятельности, в которой произошло изучаемое событие) [6, с. 27].

Исходя из наличия двух видов объектов исследования в ходе анализа системы преступления – материальные следы либо их модели (материальные или идеальные), а также модели-понятия выделяют две составляющие криминалистического анализа, позволяющего максимально эффективно исследовать систему преступления:

- 1) понятийный уровень анализа;
- 2) материальный уровень анализа [7, с. 86].

В.А. Образцов обращает внимание на высокую эффективность использования данного метода при исследовании обстоятельств события преступления, пространства и времени, материальных объектов, документов, материально фиксированных следов, пред- и посткриминальных событий.

При моделировании материальной структуры преступления важное значение имеет принцип интеграции, который заключается в объединении, совмещении элементов структуры и функций системы, посредством чего более очевидными становятся связи между элементами структуры, сближаются процессы проявления в пространстве и времени [10, с. 142].

Так, В.А. Образцов указывает, что целостная система обстоятельств, устанавливаемых в связи с познанием преступления, складывается из следующих блоков:

- элементов структуры преступления;
- обстоятельств, характеризующих обстановку, место, время содеянного;
- причинной связи между действиями (бездействием) и возникшими последствиями;
- обстоятельств, характеризующих противодействие правоохранительным органам;
- следов преступления;
- связанных с преступлением предкриминальных, сопутствующих (параллельных) и посткриминальных событий [11, с. 32].

Время – один из основных атрибутов криминальной ситуации, отражающий ее существование от момента начала преступной деятельности до момента ее окончания, характеризующее длительность развития ситуации, последовательность ее фаз и периодов.

Преступная деятельность протекает в объективном мире и, отображаясь различными материальными и идеальными источниками во времени и конкретном месте, вызывает соответствующие изменения в окружающем пространстве. Будучи элементом криминальной ситуации, время, как и любой другой ее элемент, отображается в изменениях материального мира и в сознании лиц, участвующих в ней или наблюдавших ее развитие. Однако установление фактора времени осложнено тем, что далеко не всегда адекватно восприятие и оценка времени человеком, поскольку он не имеет специальных рецепторов для такого восприятия. Поэтому идеальное отображение времени в сознании того или иного субъекта более вероятно, нежели материальное отображение времени. Материальное отображение времени отражает моменты времени, временные интервалы и отношения между различными формами движения материи, которые после их прекращения некоторое время сохраняют относительное тождество, что создает объективные предпосылки для более точного установления временных характеристик исследуемых событий [12, с. 78].

Полагаем, что в современном мире установлению пространственно-временных параметров в объективной действительности при раскрытии и расследовании преступлений должны способствовать так называемые новые виды отражений человека.

Как элемент структуры преступления субъект преступления при взаимодействии со средствами общетехнического назначения системного окружения может оставить соответствующие следы при:

1) использовании сотового телефона, планшета, ноутбука, 3G-модема (нужно выяснить, абонентом какого сотового оператора является изучаемый субъект, и какой у него тарифный план);

2) оплате товаров, услуг платежными банковскими карточками (нужно выяснить, клиентом какого банка является изучаемый субъект);

3) посещении конкретных мест продажи товаров, оказания услуг (нужно выяснить, имеет ли при себе продукцию, обозначенную штрих-кодом, либо является обладателем карты, предоставляющей скидку в исследуемых местах – магазинах, супермаркетах, гипермаркетах, парикмахерских, заправочных станций и т. п.);

4) перемещении по определённым, повторяющимся маршрутам типа «дом – работа – место досуга – дом». При этом:

– обстоятельством, косвенно указывающим, что изучаемый субъект находится дома, является сохранившиеся сведения по просмотру цифрового телевидения (нужно выяснить, абонентом какого поставщика данной услуги он является);

– обстоятельством, указывающим, что изучаемый субъект находился на работе, определённом месте досуга, является информация о запечатлении его образа камерой видеонаблюдения (нужно установить наличие камер видеонаблюдения в исследуемых местах возможного нахождения субъекта);

– обстоятельством, указывающим, что субъект передвигался определённым видом общественного транспорта, либо находился на остановочных пунктах общественного транспорта, является информация о запечатлении его образа видеорегистратором, который установлен на общественном или ином транспорте (нужно установить наличие видеорегистраторов в исследуемых местах возможного нахождения субъекта);

– обстоятельством, указывающим, что субъект находился в определенном месте, оборудованном техническими средствами звукозаписи голоса (обменные пункты валюты, банки, вокзалы и т. п.).

При взаимодействии субъекта как элемента криминалистической структуры преступления со средствами общетехнического (некриминалистического) назначения системного окружения он может оставлять свой след на нескольких таких объектах. Например, в месте продажи товаров (оказания услуг), где субъект воспользовался при оплате банковской платежной карточкой или картой, предоставляющей скидку, могут быть камеры видеонаблюдения. Это позволяет идентифицировать субъект с большей точностью, т. к. помимо сведений использования, например, банковской платежной карточки, мы будем обладать информацией о запечатлении образа изучаемого субъекта.

В качестве объектов системного окружения, в пределах которого происходят преступные события и которые способны сохранить на себе новые виды отражений человека, могут выступать:

1. платёжные терминалы, инфокиоски, банкоматы, при взаимодействии с которыми человек использует платёжные банковские карточки, «скидочные» карты;
2. мобильные телефоны, 3G-модемы;
3. системы видеонаблюдения, автомобильные видеорегистраторы;
4. системы записи переговоров;
5. цифровое телевидение;
6. штрих-коды.

Также считаем необходимым разработать и внедрить в практическую деятельность правоохранительных органов специальную компьютерную программу по моделированию определенного события по следам использования средств общетехнического назначения изучаемыми субъектами. Предлагаемая компьютерная программа позволит обеспечить наглядность объектной модели или субъектной модели за счет отражения на карте конкретной местности следов объекта (конкретного человека) или субъекта, оставленных на объектах системного окружения – средствах общетехнического назначения. Эти следы содержат различную информацию, но определяющей будет служить информация о точном месте нахождения объекта или субъекта в определенный промежуток времени. Это позволит построить вероятный маршрут движения, а следовательно, своеобразную схему формализованного представления преступления.

В этой же программе может быть предусмотрена возможность наложить объектные модели (только если это человек) и субъектные модели на соответствующей карте и определить конкретные координаты места взаимодействия субъекта и объекта как элементов материальной структуры преступления. Это место взаимодействия в итоге может оказаться, в том числе, и местом совершения преступления.

Таким образом, большим преимуществом в деле борьбы с преступностью является использование научно-технических средств, взятых на вооружение криминалистикой из различных технических и естественных наук, которые уже включены в сплетение обширных (системных) технологий, используемых обществом в повседневной жизнедеятельности. Эти традиционные виды техники каждый день используются населением, а значит, могут сохранить на себе следы такого взаимодействия (мобильная связь, банкоматы, камеры наружного видеонаблюдения и прочее). Так практические работники правоохранительных органов в целях установления истины по уголовному делу используют сведения различных единых баз (информационных ресурсов), которые созданы благодаря систематизации имеющейся информации. При этом все эти средства общетехнического назначения могут быть использованы для установления пространственно-временных параметров при раскрытии и расследовании преступлений.

Литература

1. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. проф. В.С. Нерсисянца. – М. : Инфра-М, 2002. – 832 с.
2. Лапошенко, Н.А. Соотношение преступления и состава преступления / Н.А. Лапошенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 128–134.
3. Курс криминалистики: в 3-х т. / С.Н. Амосов [и др.] ; под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – Т.1 : Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. – 683 с.
4. Густов, Г.А. Моделирование – эффективный метод следственной практики и криминалистики / Г.А. Густов // Актуальные проблемы советской криминалистики. – М., 1980. – С. 79.
5. Густов, Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук : 12.00.09. / Г.А. Густов ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – М., 1993. – 64 с.
6. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: пособие для следователей / И.С. Андреев [и др.] ; под ред. А.В. Дулова, Н.И. Порубова. – Минск : НИИ ПКК и СЭ, 1995. – 364 с.
7. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М. : Юрист, 1997. – 336 с.
8. Криминалистика. Учебник для вузов / Н.П. Яблоков [и др.] ; отв. ред. Н.П. Яблоков. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 708 с.
9. Лапин, А.В. Криминалистическое познание механизма преступления / А.В. Лапин // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета : в 7 т. Т. 3. Юриспруденция. Экономика. Международные отношения / Адк. ред. В. М. Гадуноў. – Мн., 2001. – С. 202–203.
10. Гучок, А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А.Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.
11. Образцов, В.А. Криминалистика: Курс лекций / В.А. Образцов. – М., 1996. – 447 с.
12. Волчецкая, Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : Учебное пособие / Т.С. Волчецкая. – Калининград : Калинингр. ун-т., 1997. – 95 с.

Юридическая природа права учреждения на самостоятельное распоряжение доходами, полученными от приносящей доход деятельности, и приобретенным за счет их имуществом

Е.И. РЫЛКО

Рассматриваются проблемные вопросы определения вещного права учреждения на доходы, полученные от приносящей доход деятельности, и приобретенное за счет их имущество. Автор анализирует различные подходы к определению содержания данного права и предлагает правовую модель регулирования права на распоряжение прибылью от приносящей доход деятельности и приобретенным за счет ее имуществом.

Ключевые слова: право оперативного управления, право самостоятельного распоряжения имуществом, право собственности, право хозяйственного ведения, приносящая доход деятельность, самостоятельное вещное право, учреждение.

The problems of determination of real right of an institution on income received from income-generating activities, and property acquired by them are considered. Different approaches to the determination of the content of this right are analyzed and a model of legal regulation of the right to dispose the profits from income-generating activities and property acquired by them is proposed.

Keywords: right of operational management, right of self-disposal of property, ownership, right of economic management, income-generating activities, independent real right, institution.

В ст. 279 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) [1] предусмотрено, что в случае если в соответствии с учредительными документами учреждению предоставлено право осуществлять приносящую доход деятельность, то полученные от такой деятельности доходы и приобретенное за счет их имущество поступают в самостоятельное распоряжение учреждения. При этом содержание права учреждения на самостоятельное распоряжение такими доходами и имуществом ГК Республики Беларусь не раскрывает, указывая лишь, что данное имущество и доходы должны учитываться на отдельном балансе учреждения. Не разъясняет данный вопрос и Кодекс Республики Беларусь об образовании [2], в п. 4 ст. 138 которого указано, что средства, полученные учреждениями образования от приносящей доход деятельности, поступают в их самостоятельное распоряжение и расходуются в соответствии с законодательством и их уставами.

Уяснение содержания права учреждения на самостоятельное распоряжение доходами и имуществом, приобретенными от разрешенной предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, равно как и раскрытие правомочий учреждения по самостоятельному распоряжению имуществом, имеет весьма важное практическое значение как для самих учреждений, так и для их собственников. Г.А. Кудрявцева отмечает, что «отсутствие уже в законах четкого разъяснения права учреждений самостоятельно распоряжаться доходами, полученными в результате разрешенной предпринимательской деятельности, следует рассматривать как существенный и совершенно неоправданный пробел законодательства, что не способствует качеству практики правоприменения» [3, с. 60].

Несмотря на наличие большого количества мнений относительно сущности имущественных прав учреждений и правомочий субъектов этих прав, законодательного разрешения в части права на самостоятельное распоряжение имуществом и доходами они до сих пор так и не получили.

В литературе встречается точка зрения, сторонники которой считают, что полученные в результате осуществления приносящей доход деятельности, доходы и приобретенное за счет них имущество принадлежит учреждению на праве собственности. Объясняют свою позицию они тем, что самостоятельное распоряжение есть одно из важнейших правомочий, составляющих право собственности, а значит, и само право следует расценивать именно как право собственности. Так, С.В. Прокофьев считает, что поскольку самостоятельность учреждения проявляется в том, что все сделки по распоряжению имуществом оно совершает самостоятельно, без согласия других лиц, фактически по объему правомочий право самостоятельного

распоряжения ничем не отличается от права собственности [4, с. 21]. По мнению В.А. Дозорцева, право самостоятельного распоряжения учреждения «более широкое, чем даже при праве хозяйственного ведения, по существу ничем не ограниченное право, как при праве собственности» [5, с. 247]. В.П. Мозолин также считает, что «правовой режим данного имущества значительно приближен к режиму, свойственному праву собственности» [6, с. 297–299].

По мнению С.О. Лозовской, ни при каких условиях у юридического лица, созданного в форме учреждения, не может возникнуть право собственности на имущество. Учреждение не может приобретать права собственности на приобретенное имущество даже за счет собственных доходов. Владение имуществом на праве собственности противоречит самой сути правовой конструкции учреждения. Исходя из положений гражданского законодательства, учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера [7, с. 47]. В связи с этим справедливо отмечают С. Зинченко и С. Корх: «Нет логики в признании собственниками ... учреждений в силу того, что они создаются самим собственником, ... а имущество закрепляется за ними на праве оперативного управления как производном (вторичном) вещном праве» [8, с. 52].

Кроме того, если учесть особенности белорусского законодательства, в ст. 210 ГК Республики Беларусь прямо устанавливается, что право собственности на имущество, приобретенное учреждением по договорам или иным основаниям, приобретается собственником имущества этого учреждения. Итак, право самостоятельного распоряжения учреждения нельзя рассматривать как право собственности.

Таким образом, в силу прямого указания закона учреждения не могут быть собственниками приобретенного ими имущества, в том числе за счет внесметных доходов. Иными словами, законодатель исключил учреждения из числа субъектов права собственности. Эта ситуация объяснима и с точки зрения самой сути такого ограниченного вещного права, как право оперативного управления, так как если следовать логике возникновения у учреждения права собственности на внесметные доходы (имущество), полученные от использования чужого имущества, то имела бы место ситуация возникновения права собственности без предусмотренных законом оснований.

Е.А. Суханов считает, что у субъекта права оперативного управления на имущество, приобретенное за счет внесметных доходов, возникает право хозяйственного ведения, а право собственности – у самого собственника, так как имущество последнего явилось имущественной базой для получения учреждением внесметных доходов, а в п. 2 ст. 48 Основ гражданского законодательства СССР 1991 г. право самого учреждения на внесметные доходы было прямо названо как право хозяйственного ведения [9, с. 10].

Распространить на доходы и имущество, приобретенное учреждением за счет разрешенной предпринимательской деятельности, режим права хозяйственного ведения предлагает и В.В. Кванина, поскольку, по ее мнению, именно при таком режиме вещного права учреждения смогут самостоятельно распоряжаться этим имуществом (за исключением недвижимого имущества) и денежными средствами и, кроме того, нести самостоятельную имущественную ответственность по своим предпринимательским обязательствам [10, с. 250–251].

Схожую позицию занимает Н.В. Козлова, однако оговаривает при этом, что объем такого права учреждения «несколько расширен по сравнению с режимом хозяйственного ведения, установленным для ... унитарных предприятий, поскольку в данном случае нет законодательных ограничений в отношении объектного состава имущества, которым может самостоятельно распоряжаться учреждение» [11, с. 45].

Разработчики Комментария к Гражданскому кодексу РФ отмечают, что «... другая часть, «заработанная» самим учреждением и учитываемая на отдельном балансе, находится в режиме особого вещного права, прямо не названном законодателем. Однако характер этого права не оставляет сомнений в том, что оно – право хозяйственного ведения. Ведь перечень вещных прав, в отличие от прав обязательственных, является закрытым ... и не может включать права, прямо не предусмотренные законом» [12, с. 366].

Существует еще одна точка зрения, согласно которой рассматриваемое нами право следует квалифицировать как самостоятельное вещное право, которое не укладывается ни в рамки права оперативного управления, ни права хозяйственного ведения, ни права собственности [13, с. 28].

О.А. Хатунцев полагает, что право самостоятельного распоряжения полученными доходами и приобретенным за счет них имуществом – это особое вещное право учреждения, но сами эти доходы и приобретенное за счет них имущество при этом по прежнему принадлежат учреждению на праве оперативного управления [14, с. 71].

Другие авторы приводят доводы в пользу того, что право самостоятельного распоряжения полученными доходами и приобретенным за счет них имуществом необходимо определять как право оперативного управления. Например, С.О. Лозовская отмечает, что «в ст. 298 Гражданского кодекса РФ речь идет все-таки о праве оперативного управления, но с дополнительным правом самостоятельного распоряжения доходами и приобретенным за счет собственных доходов имуществом, то есть в данном случае предусматривается дополнительное правомочие, которое входит в содержание права оперативного управления» [7, с. 28].

Из всех приведенных выше подходов к рассматриваемой проблеме, на наш взгляд, наиболее приемлемым представляется подход авторов, квалифицирующих вещное право в отношении имущества, приобретенного учреждением за счет средств от приносящей доход деятельности, как право оперативного управления. В качестве обоснования данной позиции приведем следующие аргументы.

В соответствии с п. 2 ст. 280 ГК Республики Беларусь плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в оперативном управлении, а также имущество, приобретенное учреждением по договору или иным основаниям, поступают в оперативное управление учреждения в порядке, установленном законодательством для приобретения права собственности.

Кроме того, п. 1 ст. 277 ГК Республики Беларусь предусматривает наличие правомочия распоряжения имуществом у учреждения. В то же время п. 1 ст. 279 ГК Республики Беларусь, содержащий норму о том, что учреждение не вправе без согласия собственника отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом и имуществом, приобретенным за счет выделенных ему средств, исключает правомочие распоряжения имуществом. Следовательно, если признать, что п. 2 ст. 279 ГК Республики Беларусь говорит не о праве оперативного управления, значит, правовое регулирование полномочия распоряжения учреждения исчерпывается запретом п. 1 той же статьи, а это будет противоречить указанию законодателя на наличие такого правомочия у учреждения в ст. 277 ГК Республики Беларусь. Поэтому, как отмечает Ю.О. Вербицкая, «такое распоряжение может быть свободным, осуществляемым без согласия собственника, и ограниченным, осуществляемым с согласия собственника» [15, с. 23–28].

Еще хотелось бы обратить внимание на положения п. 3 ст. 76 Бюджетного кодекса Республики Беларусь [16], в которой указано, что если бюджетные организации вправе осуществлять приносящую доходы деятельность, то полученные внебюджетные средства после уплаты налогов, сборов (пошлин), иных обязательных платежей в республиканский и местные бюджеты, государственные внебюджетные фонды и осуществления расходов, связанных с этой деятельностью, в том числе в части возмещения произведенных расходов бюджета, остаются в их распоряжении и используются для обеспечения функционирования этих организаций по направлениям, определяемым Правительством Республики Беларусь, и развития материально-технической базы, осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности, если иное не установлено законодательством. Незаконное получение, нецелевое использование внебюджетных средств, а также использование внебюджетных средств с нарушением бюджетного законодательства влекут применение норм ответственности, предусмотренных Бюджетным кодексом Республики Беларусь за незаконное получение, нецелевое использование средств бюджета, а также использование средств бюджета с нарушением бюджетного законодательства. Как видим, в данном случае правовой режим внебюджетных средств должен соответствовать положениям п. 1 ст. 277 ГК Республики Беларусь, то есть распоряжение данным видом доходов учреждение должно осуществлять в пределах установленных законодательством, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества.

Для реализации правил, закрепленных в п. 3 ст. 79 Бюджетного кодекса Республики Беларусь, было разработано Положение о порядке формирования внебюджетных средств, осуществления расходов, связанных с приносящей доходы деятельностью, направлениях и порядке использования средств, остающихся в распоряжении бюджетной организации, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июля 2013 г. № 641. В указанном нормативном правовом акте определено, что внебюджетные средства в части сумм превышения доходов над расходами, остающихся в распоряжении бюджетной организации, используются для:

1) развития материально-технической базы, в том числе на приобретение, строительство (реконструкцию) жилых домов (квартир), реконструкцию капитальных строений (зданий, сооружений) под жилые помещения в целях предоставления их работникам бюджетных организаций за плату во временное владение и пользование в соответствии с законодательством;

2) осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности;

3) осуществления дополнительных выплат стимулирующего характера, оказания материальной помощи работникам бюджетной организации, включая военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава, обучающимся, иным лицам, определяемых на основании коллективного договора, соглашения, иного локального нормативного правового акта, принятых в соответствии с законодательством, при условии отсутствия просроченной задолженности бюджетной организации по платежам в бюджет, государственные внебюджетные фонды, оплате за товары (работы, услуги);

4) иных целей в соответствии с законодательством [17, п. 25].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что норма п. 1 ст. 277 ГК Республики Беларусь устанавливает лишь содержание права оперативного управления, объем которого может изменяться законом, но не предоставляет возможность трансформации его самого в иные вещные права. Изменение содержания права не является изменением природы права в отношении конкретного имущества. Следовательно, п. 2 ст. 279 ГК Республики Беларусь лишь изменяет правовое содержание права оперативного управления, расширяя сферу возможности учреждения в осуществлении своего права в отношении определенного имущества, то есть налицо законодательное увеличение меры возможного поведения участника правоотношения по сравнению с общим правилом.

Таким образом, требуется четкое законодательное определение правовой природы вещного права учреждения на имущество, приобретенное за счет внесметных доходов, так как это необходимо для правильного и обоснованного разрешения споров о праве и вытекающих из этого последствий правового режима такого имущества.

Мы предлагаем п. 2 ст. 279 ГК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «Если в соответствии с учредительными документами учреждению предоставлено право осуществлять приносящую доходы деятельность, то полученные от такой деятельности доходы и приобретенное за счет их имущество поступают в оперативное управление учреждения и учитываются на отдельном балансе (отдельно в книге учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения), если иное не предусмотрено законодательством.

Учреждение вправе самостоятельно распоряжаться средствами, полученными от приносящей доход деятельности, и приобретенным за счет них имуществом».

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 4 янв. 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» / Нац. центр прав. информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 2010 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 янв. 2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» / Нац. центр прав. информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.

3. Кудрявцева, Г.А. Предпринимательская деятельность некоммерческих организаций: проблемы правоприменения / Г.А. Кудрявцева // Юридический мир. – 2002. – № 3. – С. 56–62.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» / М.И. Брагинский [и др.] ; отв. ред. М.Г. Масевич. – М. : Контракт: ИНФРА, 1999. – 292 с.
5. Дозорцев, В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе / В.А. Дозорцев // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. ст. памяти С.А. Хохлова / Междунар. центр финансово-эконом. Развития ; под ред. А.Л. Маковского. – М., 1998. – С. 228–271.
6. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, частей первой, второй и третьей / Т.Е. Абова [и др.] ; под общ. ред. Т.Е. Абовой – М. : Юрайт, 2006. – 1020 с.
7. Лозовская, С.О. Право оперативного управления учреждения / С.О. Лозовская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 6. – С. 20–29.
8. Зинченко, С. Право собственности: законодательство и практика / С. Зинченко, С. Корх, // Хозяйство и право. – 2000. – № 6. – С. 50–56.
9. Суханов, Е.А. Право хозяйственного ведения, право оперативного управления / Е.А. Суханов // Хозяйство и право. – 1995. – № 7. – С. 3–12.
10. Кванина, В.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования / В.В. Кванина. – М. : Готика, 2005. – 368 с.
11. Козлова, Н.В. Некоммерческие организации: благотворительность или предпринимательство? / Н.В. Козлова // Законодательство. – 1998. – № 1. – С. 39–45.
12. Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М.И. Брагинский [и др.] ; под общ. ред. В.Д. Карповича. – М. : Фонд «Правовая культура», 1995. – 480 с.
13. Карномазов, А.И. Право учреждения на самостоятельное распоряжение имуществом / А.И. Карномазов // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 26–32.
14. Хатунцев, О.А. Ограниченные вещные права и их специфика в системе органов внутренних дел / О.А. Хатунцев. – Уфа : Полиграфист, 2000. – 102 с.
15. Вербицкая, Ю.О. Некоммерческие корпоративные и унитарные организации в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации / Ю.О. Вербицкая // Гражданское право. – 2011. – № 1. – С 23–28.
16. Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : текст Кодекса по состоянию на 26 окт. 2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» / Нац. центр прав. информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.
17. Положение о порядке формирования внебюджетных средств, осуществления расходов, связанных с приносящей доходы деятельностью, направлениях и порядке использования средств, остающихся в распоряжении бюджетной организации [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 19 июля 2013 г., № 641 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» / Нац. центр прав. информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.

Административно-деликтная юрисдикция: понятие, признаки, отличие от административной управленческой юрисдикции

Т.В. СЕНЬКОВА

Раскрывается сущность административно-деликтной юрисдикции, выделены ее характерные черты, проведено разграничение со схожими правовыми понятиями. Автор работы дает определение административно-деликтной юрисдикции, которое не противоречит подходам, сложившимся в науке, а только дополняет и развивает их. В статье проведено отличие административно-деликтной и управленческой юрисдикции.

Ключевые слова: юрисдикция в административном праве, административно-деликтная юрисдикция, административная управленческая юрисдикция, административная юстиция, административный процесс.

The essence of administrative delictual jurisdictions is revealed, its characteristic features are marked out, and differentiation with similar legal concepts is carried out. The definition to administrative delictual jurisdiction is given. This definition does not contradict the paradigms in science, but complements and develops them. The difference between administrative delictual and managerial jurisdiction is reviewed.

Keywords: jurisdiction in administrative law, administrative delictual jurisdiction, managerial jurisdiction, administrative justice, administrative process.

Введение. Отсутствие в административном праве единых подходов в понимании юрисдикции, развитие отраслей права требует обращения к вопросу о сущности административно-деликтной юрисдикции. Административно-деликтная юрисдикция занимает значительную часть всей процессуальной деятельности государственных органов, однако, как показывает анализ юридической литературы, она не имеет четкого научного теоретического оформления. Для устранения указанного недостатка обратимся к самому термину «юрисдикция» и сложившимся в науке основным подходам в его понимании. Не ставя задачи детального, всестороннего анализа данного понятия, на его основе попытаемся раскрыть сущность административно-деликтной юрисдикции, выделить ее характерные черты, провести разграничение со схожими правовыми категориями.

Основная часть. Этимологическое значение юрисдикции определяется (лат. *jurisdictio* – судопроизводство, от *jus* – право и *dictio* – произнесение) как: 1) подсудность; право производить суд; решать правовые споры; 2) правовая сфера на которую распространяются полномочия органа [1]. От себя отметим, что данные определения не исключают, а скорее дополняют друг друга, о чем подробнее скажем далее. Если говорить о легальном применении рассматриваемого понятия, то выборочный анализ нормативных актов, в которых оно используется (в 500 актах законодательства Республики Беларусь и международных договорах по данным Информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН-ONLINE») показал, что в большинстве случаев под «юрисдикцией» понимается «сфера полномочий», «полномочия».

По одному из толкований, *юрисдикция – это установленная законом совокупность полномочий* соответствующих государственных органов по разрешению правовых споров и решению дел о правонарушениях, т. е. оценивание действия лица или иного субъекта с точки зрения их правомерности, применение юридических санкций к правонарушителю. Юрисдикция всегда определяется в зависимости от вида и характера разрешаемых дел, от территории их принадлежности, от участвующих в деле лиц [2, с. 783].

В административном праве не сложилось единства взглядов на понятие юрисдикции, поскольку отдельно этот термин применялся редко, а чаще всего использовался и используется в настоящее время при анализе административного процесса, в контексте которого административную юрисдикцию называли структурным элементом этого процесса (или производством) или выделяли как самостоятельный вид процесса в административном праве, связанный с рассмотрением и разрешением юридических дел, правоприменительной и правоохранительной

деятельностью государственных органов. Однако, при любом понимании административно-юрисдикционного процесса в него включались правовые отношения, связанные с привлечением к административной ответственности.

Отсутствие отдельного внимания к понятию административной юрисдикции привело к разнообразию научных подходов в отношении определения его ключевого признака. Так, под юрисдикцией в административном праве в настоящее время понимают *совокупность полномочий, предмет ведения, сферу деятельности или сферу полномочий, так и саму деятельность по реализации полномочий*, возложенных на государственные органы. Поэтому часто в научной и учебной литературе встречаются одновременно несколько подходов. Например, В.А. Круглов обращает внимание на то, что юрисдикция как деятельность – это *рассмотрение* в установленном порядке и принятие судом или другим государственным органом (должностным лицом) решения по делу, но также одновременно отмечает, что юрисдикция – установленная законом *совокупность правомочий* соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях [3, с. 40]. Со своей стороны отметим, что определять юрисдикцию только через термин «рассмотрение» вряд ли возможно, скорее всего, *рассмотрение юридического дела выступает формой реализации полномочий* в соответствующей сфере отношений.

Рассматривая понятие «юрисдикция» в рамках существующих научных подходов, обратим внимание на то, что *о юрисдикции можно говорить на разных уровнях*. Как отмечается в научной литературе, предмет ведения формирует определенная сфера (отрасль) [4, с. 86]. Поэтому на уровне отрасли права юрисдикция будет представлена как совокупность однородных отношений, правовая сфера, представляющая собой предмет отрасли права. В данной сфере отношений у каждого субъекта есть свой предмет ведения (компетенция), для реализации которого он наделяется полномочиями, которые можно определить как его юрисдикцию. Сама же юрисдикция приобретает внутриотраслевой характер, как предмет ведения (компетенция) государственного органа. Таким образом, юрисдикция имеет отраслевой характер на уровне отрасли права и внутриотраслевой характер.

Данный вопрос может быть проанализирован и через функции государства. Любая функция государства – это направления его деятельности в той или иной сфере, а именно сфере общественных отношений, выступающей объектом деятельности государства. Одной из функций современного государства является юрисдикционная функция, которая, по одному из представлений, состоит в разрешении правовых конфликтов [5, с. 13]. Можно сказать, что объектом деятельности государства в рамках рассматриваемой функции будет сфера юрисдикционных отношений (юрисдикция). Государство реализует свои функции через функции государственных органов. Их компетенция, как отмечается в литературе, является юридическим выражением этих функций [6, с. 138]. Разрешая правовые конфликты, суд и другие государственные органы способствуют реализации юрисдикционной функции, отношений в сфере юрисдикции и наделены для этого соответствующей компетенцией.

Исходя из изложенного, юрисдикцию можно понимать в широком и узком смысле, отражая очевидную связь между сферой правовых отношений, компетенцией субъекта в данной сфере и его деятельностью по реализации своей компетенции.

Таким образом, *с точки зрения широкого подхода юрисдикция*, обобщенно, это сфера отношений, связанных с разрешением правовых конфликтов. *В узком понимании, применительно к субъектам, под юрисдикцией* следует понимать совокупность полномочий государственных органов, по разрешению споров о праве и индивидуальных дел.

В зависимости от вида правовых отношений понятие юрисдикции всегда приобретает отраслевой характер. В связи с этим говорят об уголовной, гражданской, административной юрисдикции и так далее. Внеся некоторую ясность в общее понятие юрисдикции, обратимся, в частности, к административной юрисдикции. Анализ научной литературы показал, что среди ученых нет единства мнений в ее понимании, а юридические источники содержат разные толкования. Разница во взглядах возникает, помимо ранее отмеченной проблемы общепонятийного свойства, еще и в объединении под рассматриваемым понятием двух различных видов отношений: административно-управленческих и административно-деликтных. Такое объединение было характерно для советского периода развития административно-правовой науки и сохранилось в ней преимущественно до настоящего времени.

Так, в одной из немногих работ, посвященных административной юрисдикции – монографии Н.Г. Салищевой «Гражданин и административная юрисдикция в СССР», автором в контексте рассмотрения вопросов обеспечения законности в деятельности органов государственного управления по рассмотрению обращений граждан, определяется содержание административной юрисдикции через «применение мер государственного воздействия в административном порядке без обращения в суд и административный порядок разрешения споров» [7, с. 11]. Не случайно данным известным ученым и сама административная юрисдикция понималась довольно широко как «исполнительно-распорядительная деятельность по разрешению индивидуальных дел, представляющих собой споры в сфере государственного управления» [7, с. 19]. То есть она относилась к предмету административной юрисдикции как споры управленческого характера, но разрешаемые во внесудебном порядке, так и дела по привлечению к административной ответственности. Суд же в административном процессе, по мнению Н.Г. Салищевой, выступает органом осуществляющим контроль за решениями органов управления [7, с. 119]. Таким образом, в данном подходе еще отсутствует четкое разграничение управленческой и деликтной юрисдикции, что было закономерным для периода написания указанной работы, но что очевидно необходимо в настоящее время ввиду развития административно-правовой науки и законодательства. Хотя уже и в 70-е года прошлого века была определена самостоятельная роль административной юстиции.

Несколько иной подход, хоть и близкий к выше обозначенному, использует А.П. Шергин. По мнению А.П. Шергина, административная юрисдикция представляет собой часть исполнительно-распорядительной деятельности, под которой понимается вид правоохранительной деятельности органов государственного управления и других компетентных органов, охватывающей рассмотрение дел об административных правонарушениях и решения по ним в установленных законом формах и порядке [8, с. 45]. Таким образом, имеет место так называемый *деятельностный подход* к определению административной юрисдикции. В данном случае административная юрисдикция, по сути, понималась как деликтная, но она рассматривалась в контексте исполнительно-распорядительной, то есть управленческой деятельности.

Оба подхода известных советских административистов были обусловлены обоснованием в советской административно-правовой науке однородности предмета административного права, включающего одновременно нормы управленческие, административно-деликтные и производства по делам об административных правонарушениях. В этой связи и термин «административно-деликтная юрисдикция» приведенными выше авторами не выделялся вовсе.

На современном этапе правового развития назрела необходимость понимания административной юрисдикции с учетом ее судебной формы, поскольку управленческий подход не соответствует в полной мере не только распространенным научным позициям, но и действующему законодательству Республики Беларусь. Деятельность по разрешению правовых споров считается прерогативой суда, а само понятие «юрисдикция» часто раскрывается через подсудность, судопроизводство, ведение суда. Поэтому именно суд выступает в качестве независимого арбитра при разрешении правовых конфликтов.

В связи с этим наиболее приемлемым представляется подход А.Н. Крамника, который широко трактует административную юрисдикцию как с точки зрения субъектного критерия, выделяя в качестве субъекта административной юрисдикции не только исполнительные органы, но и суды, так и с точки зрения предметного критерия. Под административной юрисдикцией ученый понимает деятельность органов исполнительной власти, должностных лиц, суда по разрешению индивидуальных дел и споров о праве [9, с. 24]. Под индивидуальными делами имеются в виду дела в связи с совершением дисциплинарного проступка или административного правонарушения, под спорами о праве – споры между физическими лицами (организациями) и органами исполнительной власти. Единственно спорным, с нашей точки зрения, в таком определении является трактовка административной юрисдикции как деятельности (процесса), которую применительно к административной юрисдикции целесообразно рассматривать как форму ее реализации, на что обращалось внимание ранее.

И А.Н. Крамник и В.А. Круглов акцентируют внимание на том, что административная юрисдикция имеет сложную структуру. Еще А.П. Шергин не отрицал возможности разделения

административной юрисдикции на два вида: разрешение жалоб граждан на действия государственных органов и их должностных лиц и рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие решения по ним [8, с. 29].

Необходимость выделения двух самостоятельных видов юрисдикции – управленческой и деликтной юрисдикции, обусловлена также развитием системы права, связанным с дальнейшим выделением в ней ряда отраслей. Белорусскими учеными обоснована необходимость разделения административного права с учетом предметного критерия на право управленческое и административно-деликтное. По их убеждению нормы управленческого права регулируют отношения, складывающиеся в процессе государственного управления. Нормы же административно-деликтного права регулируют отношения, складывающиеся в процессе охраны (защиты) управленческих отношений и отношений, регулируемых другими отраслями права [10], [11], [12].

Современное развитие ранее высказанных позиций ученых видится в применении общетеоретических административных правовых идей в теории административной юрисдикции и требует *обратиться к вопросу об актуальном соотношении исследуемого понятия с понятием «административный процесс»*. Отметим, что, как правило, в теории административного права административный процесс представляется как деятельность исполнительных и распорядительных органов в сфере государственного управления, то есть «управленческий процесс». В научной литературе выделяют различные виды как административного процесса [13, с. 23], так и административных производств, его составляющих [14, с. 52]. Учитывая данное деление и правоприменительный характер административного процесса, в его структуре, с точки зрения теоретиков административного права, производится выделение административно-процедурного производства и административно-юрисдикционного производства или процесса [15], [16]. Под последним понимается производство по делам об административных правонарушениях.

Однако в Республике Беларусь в соответствии с п. 2 ст. 1.4. ПИКПА порядок деятельности участников по делу об административном правонарушении (т.е. по сути, производство) получил название – административный процесс. Следует согласиться с О.И. Чуприс, которая ставит под сомнение уместность включения в современный административный (управленческий) процесс порядка привлечения к административной ответственности, который не имеет целью упорядочения управленческой деятельности [17, с. 241]. Таким образом, в настоящее время очевидно несоответствие сложившихся на основе анализа советского законодательства научных подходов и действующей законодательной трактовки административного процесса. На это также обращает внимание А.Н. Крамник [18, с. 46]. Поэтому, в связи с развитием отраслей административно-деликтного права и административного процессуально-исполнительного права, с целью исключения коллизий в применении рассматриваемых понятий, возможно использование термина «административно-деликтный процесс». Этот термин более точен, а значит, и более уместен. Он также является синонимом по отношению к получившему распространение в праве и имевшему ранее законодательное закрепление термину «производство по делам об административных правонарушениях». *Применительно к административно-деликтной юрисдикции, административно-деликтный процесс следует рассматривать как деятельность, направленную на реализацию полномочий соответствующих субъектов по делу об административном правонарушении.*

Реализация административно-деликтных полномочий наиболее явно прослеживается в деятельности суда, являющегося одним из основных субъектов в данной сфере. Особое место суда определяется рядом факторов, которые обусловлены правовой природой судебной власти и особенностей правового статуса судьи.

С учетом сказанного, используя предметный критерий, следует разделять административную (управленческую) и административно-деликтную юрисдикцию как самостоятельные виды юрисдикции. *Административная (управленческая) юрисдикция* охватывает два вида правоотношений: разрешение позитивных индивидуальных дел, а также споров о праве, вытекающих из публичных административных управленческих правоотношений. *Административно-деликтная юрисдикция* включает правоотношения, связанные с привлечением к административной ответственности, а также с обжалованием и опротестованием постановлений по делам об административных правонарушениях.

Выделенные виды юрисдикции отличаются особыми субъектами ее реализации. В осуществлении административно-деликтной юрисдикции участвуют суды, другие органы государственного управления и их должностные лица. Вместе с тем, не все субъекты административно-деликтной юрисдикции участвуют на всех стадиях ее реализации. В частности, суды вступают в административно-деликтный процесс на стадии рассмотрения дела. Однако как по подведомственности дел, так и по роли, выполняемой на стадиях административной деликтной процессуальной деятельности, судам отводится особое место. Выделяемый же учеными административно-деликтный процесс, который, в отличие от административно-деликтной юрисдикции, вполне правомерно понимается именно как деятельность соответствующих государственных органов, в том числе и судов, в административно-деликтной сфере, необходимо рассматривать как форму реализации административно-деликтной юрисдикции.

В отношении административной (управленческой) юрисдикции основными субъектами ее реализации следует признать органы государственного управления и их должностных лиц. При этом не следует умалять значение суда, участвующего в разрешении споров о праве, возникающих в процессе государственного управления. Его роль возрастает на стадии обжалования в суде ненормативных правовых актов государственных органов, действий (бездействий) их должностных лиц и, считаем, становится исключительной в условиях окончательного оформления и институционального обособления административной юстиции.

Разнообразие подходов к понятию административной юрисдикции заставляет нас также обратиться к вопросу о ее соотношении с таким понятием, как «*административная юстиция*», прежде всего в связи с тем, что в юридической литературе встречаются попытки уравнивания этих понятий, а также по причине актуальности тематики административной юстиции для Республики Беларусь.

Административно-деликтная юрисдикция относится к сфере деликтных отношений, связанных с реализацией административной ответственности, а для конкретных субъектов ее реализации она представляет собой совокупность полномочий по ведению административно-деликтного процесса. То есть этой юрисдикции корреспондирует особый процесс, выступающий формой ее реализации.

В то же время нами обозначен и другой вид юрисдикции, реализуемой органами государственного управления – управленческая юрисдикция, связанная с осуществлением управленческих отношений (привлечение к дисциплинарной ответственности на государственной службе, принятие правовых актов управления, использование гражданами и организациями, не наделенными полномочиями на осуществление государственного управления, субъективных прав и исполнение обязанностей) и разрешением споров, вытекающих из таких отношений. Данным спорам также соответствует свой вид процесса, именуемый административной юстицией. Именно в таком ключе административная юстиция понимается большинством административистов, дающим ей также другое название – административное судопроизводство [19, с. 166], [20, с. 173–175]. В Республике Беларусь участниками этого процесса являются суды общей юрисдикции, а также органы государственного управления.

В зарубежных странах, где институт административной юстиции более развит, его специфика обуславливается порядком рассмотрения споров, вытекающих из управленческих отношений, который не исключает, а, наоборот, предполагает наличие специализированного органа – административного суда, рассматривающего данные споры.

В Республике Беларусь возможность рассмотрения в судебном порядке споров граждан (юридических лиц) с субъектами публичной власти предопределена в связи с реализацией конституционного права на судебную защиту, а также права на обжалование решений государственных органов и их должностных лиц в суд. Административная юстиция в большей части осуществляется по нормам гражданского процессуального или хозяйственного процессуального права. Эта деятельность судов регламентируется главой 29 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений», соответственно, административная юстиция осуществляется в гражданско-процессуальной форме и является гражданским судопроизводством. Споры с субъектами публичной власти могут рассматриваться экономическими судами в соответствии с главой 25 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), регулирующей вопросы производства по делам о проверке законности ненормативных правовых актов, действий (бездействий) государственных органов, органов местного управления и самоуправления, должностных лиц.

Подтверждает обособление административного процесса как формы реализации административно-деликтной юрисдикции от административной юстиции также законодательное решение об отдельном регулировании не только вопросов привлечения к административной ответственности, регламентированное Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), но и об особом порядке рассмотрения жалоб на все действия и решения судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, осуществляемое в соответствии с главой 7 ПИКоАП. То есть, данные действия и решения не являются предметом административной юстиции, поскольку не содержат публично-правового спора, вытекающего из сферы государственного управления, и не рассматриваются в порядке, урегулированном ГПК и ХПК.

Исходя из рассмотренного, административная юстиция может осуществляться по правилам гражданского и хозяйственного судопроизводства и в процессе их осуществления. Характер административного спора, сфера его возникновения и отсутствие деликтных отношений позволяет относить административную юстицию к административной управленческой юрисдикции.

Заключение. С учетом общего понятия юрисдикции и ее отраслевой специфики под *административно-деликтной юрисдикцией в широком смысле* следует понимать сферу деликтных отношений, связанных с реализацией административной ответственности. *В узком смысле, административно-деликтная юрисдикция* – это совокупность полномочий судов и иных государственных органов по ведению административно-деликтного процесса.

На основе проведенного анализа можно выделить *сущностные признаки, характеризующие административно-деликтную юрисдикцию как самостоятельный вид юрисдикции*:

1) предметом административно-деликтной юрисдикции являются отношения по привлечению к административной ответственности, обжалованию и опротестованию постановления по делу об административном правонарушении; 2) данные отношения реализуются в административно-деликтном процессе через полномочия соответствующих субъектов; 3) особым субъектом в сфере административно-деликтной юрисдикции является суд.

Литература

1. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н.Г. Комлев. – Режим доступа : <http://www.inslov.ru/html-komlev/7/7risdikci8.html>. – Дата доступа : 15.09.2009.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Кругских. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 790 с.
3. Круглов, В.А. Производство по делам об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – М. : Изд-во деловой и учебной литературы. – Минск : Амалфея, 2002. – 272 с.
4. Чуприс, О.И. Проблемы правового закрепления компетенции государственных органов управления в Республике Беларусь / О.И. Чуприс // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2012 – № 3 (72) – С. 85–91.
5. Штин, И.С. Юрисдикционная функция современного государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. / И.С. Штин. – М., 2005. – 26 с.
6. Бибило, В.Н. Проблемы юриспруденции / В.Н. Бибило // Избр. труды. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 138–144.
7. Салищева Н.Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР / Н.Г. Салищева. – АН СССР. Ин-т государства и права АН СССР, М. : Наука, 1970. – 164 с.
8. Шергин, А.П. Административная юрисдикция / А.П. Шергин. – М. : Юридическая литература, 1979. – 144 с.
9. Крамник, А.Н. Административная юрисдикция / А.Н. Крамник // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4т. / редкол. С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1. – 600 с.
10. Крамник, А.Н. Административно-деликтное право. Общая часть : Пособие для студ. вузов / А.Н. Крамник. – Мн. : Тесей, 2004. – 288 с.
11. Административное право: учеб. программа для высш. учеб. заведений по спец. 24 01 02 – «Правоведение», 24 01 03 – «Экономическое право», 23 01 06 – «Политология» (по направлениям) / Сост.: А.Н. Крамник, Д.А. Плетенев, О.И. Чуприс. – Минск : БГУ, 2010. – 41 с.
12. Василевич, Г.А. Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г.А. Василевич, С.Г. Василевич, С.В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013 – 647 с.

13. Кононов, П.И. Административный процесс: подходы к определению понятия и структуры / П.И. Кононов // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 16–24.
14. Круглов, В. Административный или административно-деликтный процесс? Начало процесса / В. Круглов // Судовы веснік. – 2007. – № 7. – С. 52–54.
15. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.
16. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. / В.Н. Протасов. – М. : Новый Юрист, 1999. – 240 с.
17. Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / редкол. : В.П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – Минск : «Четыре четверти», 2013. – Кн. 1 : Специализация в общих судах Республики Беларусь. – 349 с.
18. Крамник, А.Н. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях / А.Н. Крамник // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 1. – С. 45–49.
19. Административное право России : учебник / В.В. Альхименко, А.А. Выручаев, А.А. Гришковец [и др.] ; отв. ред. Н.Ю. Хаманева. – Москва : Проспект, 2011. – 368 с.
20. Старилов, Ю.Н. Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции // из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, соображения ... : сб. избранных науч. трудов / Ю.Н. Старилов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – С. 296–310.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.12.2014

Международные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних

И.М. СИНЦА

Исследуются вопросы международно-правового регулирования правосудия в отношении несовершеннолетних. Акцентируется внимание на проблемах обеспечения их прав и защиты интересов при привлечении к ответственности. Подвергнуты анализу нормы, определяющие требования к рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних, выявлены проблемы правового регулирования. Рассматриваются проблемы выбора мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Цель исследования – решение теоретических и практических проблем, возникающих при отправлении правосудия.

Ключевые слова: правосудие, несовершеннолетние, правила, меры воздействия, профессиональная подготовка.

Problems of international legal regulation of juvenile justice are studied. Attention to ensure their rights and interests with the prosecution is accented. The rules determining the requirements for the consideration of the cases of juvenile are analyzed and problems of legal regulation are identified. The problems of choosing interventions for juvenile offenders are considered. The aim of the study is to solve theoretical and practical problems arising in the administration of justice.

Keywords: justice, juvenile, rules, sanctions, vocational training.

Во Всеобщей декларации прав человека закреплено, что равные и неотъемлемые права, равное достоинство присущи всем членам человеческой семьи с момента рождения [1]. Более того, лица, не достигшие совершеннолетия, нуждаются в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту. В современном обществе вопросам нормального физического и психического развития несовершеннолетних придается большое значение, и на это ориентируют международные правовые акты. Особое место при этом занимают вопросы осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних.

29 ноября 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию A/RES/40/33, одобрив Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (ставшие известными, как Пекинские правила (далее – Правила)) [2]. Этот документ имеет рекомендательный характер и юридически не обязывают государство реализовывать указанные в нем положения, однако представляет собой перечень условий и мер, выполнение которых должно помочь изменить ситуацию в сфере правосудия к лучшему. Основной целью таких мер в соответствии с Правилами является максимальное содействие благополучию несовершеннолетнего и его (ее) семьи. При этом государства должны, прежде всего, стремиться предотвратить совершение преступлений и правонарушений со стороны несовершеннолетних в тот период жизни, когда подростки наиболее склонны к неправильному поведению.

Правила дополняют, но не заменяют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.) [3]. Конкретно Правило 9 содержит охранительную оговорку, не позволяющую толковать Правила, как исключающие применение Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и других документов, касающихся прав человека и признанных международным сообществом, в том числе Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах и Декларации прав ребенка. Применение Правил не должно причинять ущерб каким-либо международным документам, положения которых имеют более широкую сферу применения.

Следует упомянуть также Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. [4], которые приме-

няются в контексте Пекинских правил, а также других документов и норм, касающихся прав, интересов и благополучия всех детей и молодежи. Эр-Риядские руководящие принципы развивают установленный Правилами тезис о том, что важнейшим аспектом предупреждения преступности в обществе является предупреждение преступности среди несовершеннолетних.

Отдельной проблемой является определение «несовершеннолетнего» как субъекта, правовой статус которого затрагивается Правилами, и прежде всего это связано с его возрастом. Возрастные пределы взросления устанавливаются в зависимости от социальных, политических, экономических, культурных и иных особенностей конкретных государств и могут значительно отличаться. Исходя из этого, положения Правил сформулированы таким образом, чтобы они могли применяться в рамках различных правовых систем, устанавливая определенные минимальные стандарты независимо от того, какое определение несовершеннолетнего дает национальное законодательство. В современной доктрине права возможность привлечения к уголовной ответственности ставится в зависимость от способности лица понимать значение своих действий (бездействия) и руководить ими, а также способности перенести связанное с уголовной ответственностью негативное воздействие, в том числе психологическое. Соответственно, понятие «несовершеннолетний» охватывает широкий возрастной диапазон от 7 до 21 года. В Республике Беларусь несовершеннолетним является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, при этом к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, которым исполнилось шестнадцать лет (общий возраст уголовной ответственности), а по некоторым составам преступлений – лица, которым исполнилось четырнадцать лет (пониженный возраст уголовной ответственности).

Особое значение и актуальность вопросов обращения с несовершеннолетними правонарушителями связано, во-первых, с увеличением их числа во всем мире, а, во-вторых, с психическими и физическими особенностями, требующими комбинации двух направлений работы: их защиты как уязвимой группы населения и недопущения дальнейшего вовлечения в антисоциальное поведение. Соответственно, Правила выделяют важнейшие цели отправления правосудия: обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних были всегда соизмеримы как с обстоятельствами правонарушения, так и с особенностями личности правонарушителя (Правило 5.1). Учет особенностей личности виновного особенно важен при оценке действий молодых правонарушителей и реакции на них. Правила оговаривают, что стандарты осуществления правосудия применяются к несовершеннолетним беспристрастно и без всякой дискриминации.

Пекинские правила состоят из 30 правил, которые достаточно подробно рассматривают особенности положения несовершеннолетних в системе уголовного правосудия. В Правилах содержатся нормы, направленные на обеспечение основных процессуальных гарантий на всех этапах судебного разбирательства, устанавливающие требования к первоначальному контакту (задержанию несовершеннолетнего), рекомендации по прекращению дел в отношении несовершеннолетних, предоставлению несовершеннолетним необходимой помощи, например, по обеспечению жильем, получению образования или профессиональной подготовки, трудоустройству, или любой другой помощи, которая может оказаться полезной и будет содействовать процессу перевоспитания.

Правила говорят о необходимости специальной подготовки лиц, в компетенцию которых входит принятие решений в отношении несовершеннолетних, а также работающих с ними на всех стадиях осуществления правосудия. Профессионализм лиц, занимающихся делами несовершеннолетних (судей, работников правоохранительных органов, инспекторов, представителей общественности и т. д.), является необходимым условием обеспечения эффективного и справедливого правосудия. Правила содержат примеры рекомендуемых видов профессиональной подготовки (обучение в процессе работы, курсы переподготовки и т. д.), однако не ограничивает государства в их выборе и применении. Необходимым минимумом при этом можно считать дисциплины и курсы, связанные с правом и психологией.

Для крупных городов Правилами рекомендовано создание специализированных подразделений полиции, что предусматривает специальный инструктаж и подготовку служащих (Правило 12.1). Последнее обусловлено отмечающейся связью уровня преступности несовершеннолетних с ростом населения в городах.

Профессиональная компетентность лиц, занимающихся делами несовершеннолетних, призвана обеспечить, в том числе, соблюдение прав и процессуальных гарантий несовершеннолетних, таких, как презумпция невиновности, право быть поставленным в известность о предъявленном обвинении, право на отказ давать показания, право иметь адвоката, право на присутствие родителей или опекуна (Правило 7.1) В данном случае Правилами сделан акцент на тех аспектах правосудия, которые признаны важнейшими на международном уровне.

Правила достаточно подробно рассматривают процедуры расследования и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних, начиная с первоначального контакта между правоохранительными органами и несовершеннолетним правонарушителем и заканчивая применением к нему мер ответственности. Обращает на себя внимание употребленная в Правиле 10.3 формулировка «избегать причинения ущерба» в контексте регулирования контактов между органами по обеспечению правопорядка и правонарушителем. Данное выражение подразумевает не только непричинение физического вреда, но иных действий, которые могут иметь место в отношении несовершеннолетних: грубых, нецензурных высказываний, позорящих действий и т. д. Более того, излишне причиненным ущербом, на наш взгляд, могут быть признаны и контакты несовершеннолетних с правоохранительными органами без необходимости.

В этой связи разумным представляется закрепленное в Правиле 11.2 положение о том, что правоохранительные органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению, без проведения официального слушания дела, согласно критериям, установленным для этой цели в соответствующей правовой системе, а также согласно принципам, содержащимся в рассматриваемых Правилах. Таким образом, на любом этапе рассмотрения дела должностное лицо или орган, его ведущие, могут его прекратить. При этом сама процедура прекращения устанавливается в зависимости от правовой системы и политики конкретного государства.

Значительное внимание в Правилах уделено выбору мер воздействия на несовершеннолетнего как итога справедливого и беспристрастного суда. В целом, судебное разбирательство должно отвечать интересам несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания, что позволит несовершеннолетнему участвовать в нем и свободно излагать свою точку зрения (Правило 14.2).

В Правилах подчеркивается, что во всех случаях, за исключением мелких правонарушений, до вынесения компетентным органом власти окончательного решения, предшествующего приговору, необходимо тщательно изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, или обстоятельства, при которых было совершено правонарушение, с тем, чтобы содействовать вынесению компетентным органом власти разумного судебного решения по делу (Правило 16.1). Такие доклады могут быть подготовлены специальными социальными службами или сотрудниками правоохранительных органов, чтобы в дальнейшем суд мог выбрать необходимую и достаточную меру воздействия на осужденного.

В Правиле 17 указано, что определяющим фактором при выборе меры воздействия на несовершеннолетнего должно служить его благополучие. В соответствии с Правилами несовершеннолетние не должны подвергаться телесным наказаниям. Отдельно установлено, что ни за какое преступление, совершенное несовершеннолетним, смертный приговор не выносится (Правило 17.2). Данный запрет закреплен в законодательстве Республики Беларусь, в соответствии с которым к лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, смертная казнь и пожизненное заключение не применяются.

Оговаривая цели правосудия, Правила ориентируют законодателей на создание всех условий для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, что способствует ее разумному применению и исключает приоритет карательных санкций. Дифференциация мер воздействия должна гарантировать возможность выбора именно той меры, которая будет отвечать интересам несовершеннолетнего и общества. Кроме того, она ориентирует органы правосудия на применение мер, не связанных с лишением свободы и направлением несовершеннолетнего в исправительные учреждения.

Репрессия как путь реакции на преступность в большинстве случаев оказывается малоэффективной. Так, лишение человека, совершившего преступление, свободы предотвращает совершение им новых преступлений на срок изоляции его от окружающих, но не кор-

ректирует его поведение в дальнейшем [5, с. 141]. Последнее верно и с учетом проводимой с заключенными исправительной работой, которая не может компенсировать неблагоприятные последствия, связанные с лишением свободы и изоляцией несовершеннолетнего от общества. Помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока (Правило 19.1). Правила ориентируют на использования промежуточных форм работы, таких как исправительные учреждения с ослабленным режимом, воспитательные дома, центры дневной подготовки и другие аналогичные им соответствующие формы, которые могут способствовать надлежащей реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества.

В ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена возможность осуждения несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера в случае, если в процессе судебного рассмотрения будет установлено, что его исправление возможно без применения наказания. Данная норма распространяется на лиц, осуждаемых за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или впервые осуждаемых за менее тяжкое преступление. Суд может применить разнообразные принудительные меры воспитательного характера, перечисленные в статье: предостережение, возложение обязанности публично или в иной форме принести извинение потерпевшему, возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причиненный ущерб, ограничение свободы досуга несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев, заключающееся в возложении на него обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и работы времени. Суд может предусмотреть запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома в определенное время суток, обязанность являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего. Самой строгой мерой является помещение несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Согласно Правилу 26.2 несовершеннолетним в исправительных учреждениях должен обеспечиваться уход, защита и вся необходимая помощь – социальная, психологическая, медицинская, физическая, а также помощь в области образования и профессиональной подготовки, – которые им могут потребоваться с учетом их возраста, пола и личности, а также интересов их полноценного развития.

В Правилах уделено внимание положению несовершеннолетних женщин-заключенных как особой категории несовершеннолетних. Молодым женщинам-правонарушителям, помещенным в исправительное учреждение, должно уделяться особое внимание с учетом их личных нужд и проблем (Правило 26.4). Правила запрещают дискриминацию несовершеннолетних женского пола: им должен обеспечиваться такой же уход, защита, помощь, обращение и профессиональная подготовка, как и молодым мужчинам-правонарушителям. При принятии решений должна учитываться уязвимость несовершеннолетних правонарушителей женского пола, обусловленная гендерными факторами.

В пенитенциарной системе Республики Беларусь в определенной степени эти положения реализуются, но отсутствует комплексный подход к обеспечению прав несовершеннолетних женщин-заключенных, связанных с гендерными и возрастными особенностями. В белорусском законодательстве правовой статус несовершеннолетних женского пола соотносится с несовершеннолетием лица, а не с его полом, что влечет неполную реализацию международных стандартов в области правового статуса несовершеннолетних женского пола, в том числе на индивидуальный подход при медицинском, социальном, воспитательном и ином обеспечении. На наш взгляд, правовой статус данной категории осужденных, который должен включать особенности правового статуса как несовершеннолетних, так и женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подлежит изучению и учету в действующем законодательстве.

Говоря о положении несовершеннолетних заключенных, следует упомянуть, что Правила, продолжая линию на минимизацию применения мер ответственности, связанных с изоляцией несовершеннолетних от общества, призывают применять условное освобождение из исправительного учреждения в возможно более широких масштабах и в возможно более ранние сроки (Правило 28.1). При этом условно освобожденные лица должны оставаться под

наблюдением правоохранительных и иных органов: они должны, во-первых, находится под контролем и, во-вторых, получать помощь со стороны государства и поддержку со стороны общины. Процедура условного освобождения не должна носить формальный характер, основанием для него могут быть только объективные данные, подтверждающие, что несовершеннолетний твердо стал на путь исправления.

Основой формирования эффективной уголовной политики является постоянный мониторинг преступности несовершеннолетних и ее тенденций. Учитываться должны результативность применения к несовершеннолетним мер уголовной ответственности, уровень рецидива, сложности, с которыми они сталкиваются после того, как вступили в контакт с системой правосудия, проблемы адаптации в обществе и ресоциализации. При разработке мер, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних, и последующих мер исправительного и воспитательного воздействия целесообразно систематически изучать мнение самих несовершеннолетних и работников системы правосудия, непосредственно с ними контактирующих. При этом необходимо избегать криминализации и наказания несовершеннолетних за поведение, не причиняющее серьезного ущерба его развитию или вреда другим.

Таким образом, Пекинские правила на международном уровне устанавливают стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, закрепляя в том числе принципиальное указание на то, что следует в максимально возможной степени избегать помещения детей, находящихся в конфликте с законом, в исправительные учреждения, поскольку заключение может оказывать губительное воздействие на физическое, психологическое и интеллектуальное развитие несовершеннолетнего. В настоящее время назрела необходимость рассмотреть комплекс проблем международной защиты прав отдельных категорий несовершеннолетних, в частности, несовершеннолетних женского пола; выявить особенности и основные тенденции молодежной преступности на современном этапе, влияющие на выбор судом формы реализации уголовной ответственности; проанализировать практику реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, в том числе проблемы назначения им наказания, исполнения наказания и освобождения от него.

Для осуществления необходимых изменений в системе правосудия в отношении несовершеннолетних требуется осведомленность и поддержка населения, достаточно высокий уровень подготовки персонала и лиц, отвечающих за уголовную политику и правосудие, а также реальная приверженность общества социальной справедливости.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций. – 2015. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml – Дата доступа : 14.02.2015.
2. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/statut.htm>. – Дата доступа : 14.02.2015.
3. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]: Приняты резолюцией A/RES/40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Организация Объединенных Наций. – 2015. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml – Дата доступа : 14.02.2015.
4. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [Электронный ресурс]: Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. // Организация Объединенных Наций. – 2015. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml – Дата доступа : 11.02.2015.
5. Шестаков, Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества / Д.А. Шестаков. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. – 264 с.

Процессуальные аспекты реализации мер постпенального контроля

И.Н. ЦЫКУНОВА, Т.П. АФОНЧЕНКО

Осуществляется обзор основных этапов установления в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, одной из мер постпенального контроля, предусмотренной законодательством Республики Беларусь, – превентивного надзора. Выявлены некоторые правовые пробелы и сформулированы предложения по их устранению в целях совершенствования действующей нормативной правовой базы.
Ключевые слова: меры уголовной ответственности, превентивный надзор, процессуальный порядок, исправительное учреждение, осужденный.

An overview of the main stages with respect to a person released from prison is presented. One of the measures of post penal control envisaged within the laws of the Republic of Belarus is preventive supervision. Some legal gaps and proposals to address them in order to improve the current regulatory and legal framework are identified.

Keywords: criminal sanctions, preventive maintenance, remedial order, correctional facility, convicted.

Процессуальный порядок обращения к исполнению мер уголовной ответственности, избранных в приговоре суда в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, урегулирован соответствующим законодательством, в частности, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь 1999 г. (далее по тексту – УПК) [1] и Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь 2000 г. (далее по тексту – УИК) [2]. Рассмотрим основные процессуальные этапы процедуры установления превентивного надзора более подробно.

Подготовка материалов для решения вопроса об установлении надзора в исправительном учреждении. Согласно ст. 198 УИК, представление в суд об установлении превентивного надзора направляет администрация исправительного учреждения за месяц до предстоящего освобождения осужденного из мест лишения свободы. Соответствующее представление оформляется в отношении следующих категорий осужденных:

- 1) в отношении лица, допустившего особо опасный рецидив преступлений (п. 1 ч. 3 ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г., далее по тексту – УК) [3];
- 2) в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за преступления, совершенные в составе организованной группы либо преступной организации (п. 2 ч. 3 ст. 80 УК);
- 3) в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимого два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания.

Таким образом, если в первых двух перечисленных случаях надзор устанавливается безальтернативно в силу указаний закона, то в последнем случае от администрации мест лишения свободы во многом зависит, будет ли помещен под превентивный надзор осужденный за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимый более двух раз за умышленное преступление, если он в период отбывания был признан злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания. От выявления таких лиц во многом зависит успех последующей работы по предупреждению преступлений со стороны освобожденных из исправительных учреждений, по их адаптации к условиям жизни на свободе. Необходимой предпосылкой эффективности наблюдения за освобожденными из мест лишения свободы, проведения с ними воспитательной работы является своевременная и всесторонняя информация, получаемая от администрации исправительного учреждения об особенностях их личности и о том направлении, в котором, по мнению администрации, должна строиться с ними воспитательная работа. Представляется, основное требование при этом, – избегать формального подхода.

Подготовка материалов для решения вопроса об установлении надзора в органах внутренних дел. Ч. 1 ст. 198 УИК устанавливает, что представление в суд в отношении лица, достигшего 18-летнего возраста, судимого за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимого два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если после отбытия наказания в виде лишения свободы оно более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста, направляет орган внутренних дел по месту жительства осужденного. Кроме того, Законом от 4 января 2003 г. ст. 14 УИК была дополнена ч. 8², которая установила: «Профилактическое наблюдение и превентивный надзор осуществляют территориальные органы внутренних дел по месту жительства лиц, за которыми осуществляется профилактическое наблюдение или установлен превентивный надзор». Изучение нормативных актов Министерства внутренних дел Республики Беларусь и практики правоприменительной деятельности в данной сфере показало, что указанная деятельность в полном объеме находится в настоящее время в компетенции уголовно-исполнительной инспекции органа внутренних дел (далее по тексту – ОВД) по месту жительства освобожденного из мест лишения свободы. Уполномоченные сотрудники указанной службы ОВД принимают активное участие как в установлении, так и в осуществлении превентивного надзора за осужденными.

Своевременность установления надзора имеет важное значение для целей профилактики. Именно поэтому важно тщательно выявлять и оценивать поведение тех, кто «формально» подпадает под требования закона об установлении надзора. Такие лица в силу требований ч. 1 ст. 81 УК (осуждение за тяжкое либо особо тяжкое преступление), как правило, находятся под профилактическим наблюдением, предполагающим выполнение определенных обязанностей. Ответственность за их нарушение в законодательстве не предусмотрена, что затрудняет установление в необходимых случаях превентивного надзора (например, лицо не совершает административных правонарушений, предусматривающих взыскание в виде ареста, однако нарушает требования ч. 2 ст. 81 УК). Полагаем, что за подобные нарушения должна быть предусмотрена административная ответственность, в том числе в виде ареста. Представляется целесообразным дополнить Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [4] ст. 24.13 следующего содержания:

«Статья 24.13. Несоблюдение требований профилактического наблюдения

Несоблюдение требований профилактического наблюдения без уважительных причин,
– влечет наложение штрафа в размере от трех до пяти базовых величин.

То же деяние, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания,

– влечет наложение штрафа в размере от пяти до десяти базовых величин или административный арест».

На наш взгляд, в уголовное законодательство также следует внести некоторые коррективы. Целесообразно предусмотреть возможность применения мер probation, обусловленных профилактическим наблюдением (но не превентивным надзором), когда к лицу, например, применено уголовное наказание в виде общественных работ, исправительных работ, лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью и т. п. в тех случаях, когда при отсутствии признаков уклонения от отбывания наказания (последнее дает возможность привлечь лицо к уголовной ответственности и назначить наказание по совокупности приговоров), поведение осужденного носит явно выраженный антиобщественный характер (например, систематическое употребление спиртных напитков, совершение административных правонарушений и т. п.). В этих целях необходимо дополнить ст. 81 УК частью 3 следующего содержания: «3. Профилактическое наблюдение может устанавливаться по решению суда в отношении осужденных, отбывающих наказания, не связанные с ограничением либо лишением свободы, если они в период отбывания наказания систематически нарушают установленный законом порядок отбывания назначенного наказания».

Возложение в подобной ситуации некоторых дополнительных обязанностей в целях усиления режима назначенного наказания будет способствовать повышению эффективности профилактического воздействия того же наказания. Подобные законодательные прецеденты

существуют: 1) ст. 79 УК прямо предусматривает при применении достаточно мягкой формы реализации уголовной ответственности – осуждении без назначения наказания – осуществление в качестве дополнительной меры профилактического наблюдения за лицом; 2) УИК в п. 2 ч. 2 ст. 43 предоставляет уголовно-исполнительным инспекциям ОВД в качестве меры взыскания в случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ применять установление на срок до трех месяцев обязательной явки на регистрацию не менее двух раз в месяц. Указанная мера является одной из содержательных характеристик профилактического наблюдения. В связи с этим ст. 81 УК может быть дополнена соответствующими положениями.

Обзор полномочий, закрепленных в нормативных актах Министерства внутренних дел Республики Беларусь применительно к процедуре подготовки материалов об установлении надзора в ОВД, приводит к выводу: роль органов внутренних дел сводится к формальному учету осужденных и выявлению фактов совершения ими административных правонарушений. Фактически работа исправительного характера с осужденными не проводится. Иными словами, формализм – существенный недостаток превентивного надзора, делающий его основным доводом противников наличия подобной меры в законодательстве Республики Беларусь.

Разрешение вопросов, связанных с превентивным надзором, в суде. В отличие от профилактического наблюдения, осуществляемого в силу положений закона, превентивный надзор как мера, существенно ограничивающая лицо в гарантируемых Конституцией Республики Беларусь правах и свободах [5], устанавливается по решению суда. Представление об установлении в отношении лица превентивного надзора администрации исправительного учреждения либо уголовно-исполнительной инспекции ОВД носит предварительный характер: в нем ставится вопрос об установлении надзора (и это обязывает суд принять его к рассмотрению), но не предопределяет решения по существу. К сожалению, процедура установления превентивного надзора, имеющая определенную специфику и связанная с существенным вторжением в сферу интересов индивида, не нашла должного закрепления на уровне процессуального закона даже с учетом дополнения УПК статьями 402¹ и 402². Отсутствие детального законодательного регулирования на уровне УПК влечет различные подходы в порядке установления надзора по республике в целом. Представляется целесообразным расширить сферу уголовно-процессуального регулирования порядка и условий установления превентивного надзора за осужденным. Так, в зависимости от оснований, превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются судом по месту отбывания наказания (ч. 1 ст. 402¹ УПК) либо судом по месту жительства осужденного (ч. 2 ст. 402¹ УПК). Период, в течение которого суд обязан рассмотреть представление об установлении (добавим, – прекращении, продлении, изменении объема правоограничений) в УПК не предусмотрен. Представляется, что данный срок соответствует общему порядку принятия дела к рассмотрению.

Материалы рассматриваются судьей единолично. Ведется протокол судебного заседания. В судебное заседание вызываются представители органов, ведающих исполнением наказания, либо органов, осуществляющих превентивный надзор за освобожденными из исправительных учреждений, а также лицо, в отношении которого устанавливается, продлевается или прекращается превентивный надзор либо изменяются требования превентивного надзора (ст. 402² УПК).

Законодательством не регламентировано обращение к защитнику в рассматриваемой ситуации, хотя право пользоваться услугами адвокатов или иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, представляется вполне естественным и для лица, в отношении которого решаются вопросы, связанные с превентивным надзором.

В ракурсе рассматриваемого вопроса хотелось бы обратить внимание на другую проблему. В УК и УИК речь идет о двух процессуальных актах – постановлении либо определении суда об установлении (изменении, прекращении) надзора. В то же время, как указывалось выше, все вопросы, касающиеся превентивного надзора, решаются судьей единолично, их разрешение в кассационной инстанции исключается, так как подобное не предусмотрено УПК. Представляется целесообразным законодательно урегулировать проблему: установить, в каких случаях суды выносят постановления по указанным вопросам, и разрешение каких ситуаций оформляется определением суда.

Установление надзора в отношении лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении, в том числе допустившего особо опасный рецидив, целесообразно возложить на так называемого *пениitenciарного судью*. Основными функциями его являлось бы рассмотрение в выездном судебном заседании материалов, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания, превентивным надзором, реализацией положений амнистии, обжалованием мер взыскания, наложенных администрацией ИУ и т. п.

Срок превентивного надзора. Необходимость точного определения момента, с которого лицо считается помещенным под надзор, обусловливается тем, что именно с него, а не ранее, возникает специфическое правоотношение между поднадзорным и органом, осуществляющим надзор, характеризующееся появлением одних и отпадением (изменением) других прав и обязанностей указанных субъектов. Единообразный подход к пониманию *начала срока надзора* определяет не менее важный момент *окончания* соответствующего правоотношения. Кроме того, установление точных рамок превентивного надзора связывается с применением мер ответственности за его нарушение, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Письменное уведомление об установлении превентивного надзора, дополнительное разъяснение наложенных ограничений, прав и обязанностей имеет важное профилактическое значение, лишая возможности ссылаться на незнание перечисленного.

Лица, допустившие особо опасный рецидив, находятся под надзором в течение всего времени судимости до ее снятия судом. В предусмотренных законом случаях возможно досрочное прекращение надзора в отношении такого лица. В связи с этим ошибочным является установление надзора в отношении указанной категории осужденных с указанием срока, в течение которого необходимо выполнять закрепленные в законе обязанности (1 год, 2 года, 5 лет и т. п.). Правильным в этих случаях является установление надзора без указания срока его осуществления.

В отношении лиц, осужденных за преступления, совершенные в составе организованной группы или преступной организации, а равно при наличии данных о противоправном поведении как условия установления надзора в отношении лиц, судимых за тяжкое либо особо тяжкое преступление, либо судимых к лишению свободы два и более раза за любые умышленные преступления, превентивный надзор устанавливается на срок от 6 месяцев до 2-х лет и может быть продлен судом в течение срока судимости. Продолжительность срока надзора в перечисленных случаях ставится в зависимость от содержания комплекса собранных данных об осужденном. На максимальный срок целесообразно установление надзора за лицами, наиболее отрицательно характеризующимися. Наблюдающийся единообразный подход к решению данного вопроса вызывает у осужденных чувство несправедливости: независимо от количества и тяжести прошлых судимостей, сведений о личности, поведения в процессе исполнения наказания и после его отбытия надзор устанавливается на одинаковый период времени.

Исходя из требований действующего закона, возможны две ситуации, при которых превентивный надзор не может быть установлен или возобновлен: погашение судимости или снятие судимости, поскольку превентивный надзор устанавливается в течение срока судимости (пока она не снята и не погашена). В течение всего срока судимости лицо находится под бременем уголовной ответственности. Поэтому, не представляет сложности разрешение вопроса о возможности повторного установления превентивного надзора как меры уголовной ответственности в ситуациях, когда после прекращения превентивного надзора поднадзорные вновь начинают вести антиобщественный образ жизни. Данное положение получило подробное доктринальное толкование в работе И.В. Шмарова. Так, имея в виду повторное установление надзора, автор пишет о его возобновлении, справедливо полагая, что подобная возможность полностью соответствует принципам рассматриваемой меры, согласно которым лицо, освобожденное из мест лишения свободы, при наличии соответствующих условий находится под угрозой применения к нему ограничений превентивного надзора [6, с. 125–126]. Иными словами, в случае досрочного прекращения превентивного надзора, последний может быть в случае необходимости установлен вновь в любое время в пределах срока судимости [7, с. 120].

Обжалование решений и действий, связанных с превентивным надзором. Как указывалось выше, действующее законодательство не регламентирует должным образом участие и процессуальные полномочия прокурора, а также защитника в установлении, продлении, прекраще-

нии надзора. Этим объясняются различные подходы к решению вопросов обжалования выносимых судом решений. Необходимо законодательно установить сроки, порядок обжалования решений, связанных с превентивным надзором, сроки рассмотрения поданных жалоб, а также регламентировать возможность опротестования прокурором вынесенных судом решений.

Статья 204 УИК предоставляет право лицу, в отношении которого установлен превентивный надзор, подавать заявления и жалобы на действия органов внутренних дел, связанные с осуществлением (не установлением) превентивного надзора, которые рассматриваются начальником вышестоящего ОВД, прокурором или судом. Из буквального смысла ст. 204 УИК следует, что поднадзорный может непосредственно обратиться с жалобой в суд. Однако проблема в том, что УПК не предусматривает процессуального порядка рассмотрения таких жалоб.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что «... эффективный надзор со стороны независимых судов признается главной гарантией недопущения злоупотреблений, которую должна обеспечивать любая правовая система» [8, с. 84]. В ракурсе рассматриваемой проблемы указанный тезис говорит о необходимости предоставить суду более широкие полномочия в вопросе контроля за соблюдением законности осуществления превентивного надзора. Должна быть предоставлена реальная возможность обжалования осужденным решения суда первой инстанции об установлении превентивного надзора. В свою очередь, прокурор должен иметь право на принесение протеста на вышеуказанные действия, за исключением отказа судом удовлетворить представление ОВД либо администрации исправительного учреждения об установлении надзора.

Проведенные исследования в качестве выводов позволяют утверждать, что необходима практическая реализации следующих предложений:

1. В связи с расширением предмета процессуального регулирования в УПК необходимо установить процедуру, сроки и порядок обжалования (опротестования) и рассмотрения жалоб осужденных (протеста прокурора) в связи с установлением (продлением, прекращением, возобновлением) превентивного надзора.

2. Установление надзора в отношении лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении, в том числе допустившего особо опасный рецидив, целесообразно возложить на так называемого *пениitenciарного судью*. Основными функциями его являлось бы рассмотрение в выездном судебном заседании материалов, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания, превентивным надзором, реализацией положений амнистии, обжалованием мер взыскания, наложенных администрацией исправительного учреждения и т. п.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях следует дополнить нормой, устанавливающей ответственность за несоблюдение правил профилактического наблюдения.

4. В порядке совершенствования закона следует установить, что в случаях, когда судом назначено уголовное наказание, не связанное с ограничением (лишением) свободы, а поведение лица свидетельствует о его нежелании становиться на путь исправления, суд может вынести решение об осуществлении за таким осужденным профилактического наблюдения на период отбывания наказания.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 13 июля 2012 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2014.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 22 дек. 1999 г. : с изм. и доп. по сост. на 12 июля 2013 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2014.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. по сост. на 12 июля 2013 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2014.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: принят Палатой Представителей 17 декабря 2002 г.: одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 2 апр. 2003 г.: с изм. и доп. по сост. на 11 июля 2014 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by>. – Дата доступа : 10.10.2014.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп.): принята на респ. реф. 24 нояб. 1996 г.; в ред. Решения респ. реф. от 17 окт. 2004 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0 ; 2004. – № 188. – 1/6032.

6. Шмаров, И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания : Проблемы социальной адаптации / И.В. Шмаров. – М. : Юрид. лит., 1974. – 136 с.

7. Хомич, В.М. Формы реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 132 с.

8. Музеник, А.К. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / А.К. Музеник, В.А. Уткин, О.В. Филимонов. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. – 176 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.10.2014

Правовое регулирование обеспечения безопасности особо важных государственных объектов как важного элемента национальной безопасности страны

И.А. Юцов

Рассматриваются актуальные аспекты правового регулирования обеспечения безопасности особо важных государственных объектов в Республике Беларусь в связи с особыми требованиями, выдвигаемыми к их безопасному функционированию и необходимостью обеспечения национальной безопасности страны. На основе анализа теоретических взглядов различных ученых дается определение «особо важные государственные объекты» и приводится их классификация. Обосновывается вывод, что проблема обеспечения безопасности особо важных государственных объектов в Республике Беларусь приобретает наиболее важный, актуальный характер и является основной стратегической задачей обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: национальная безопасность, особо важные государственные объекты, охраняемые объекты, государственное регулирование.

The actual aspects of the legal regulation of the protection of important state facilities in the Republic of Belarus according to the special requirements for their safe operation and the need to ensure national security are described. The definition of «important state facilities» and their classification based on the analysis of theoretical views of various scientists are provided. The conclusion is that the problem of the protection of important state facilities in the Republic of Belarus becomes the most important and actual. It is the main strategic task of ensuring the national security of the Republic of Belarus.

Keywords: national security, important state facilities, protected objects, state regulation.

На современном этапе обеспечение комплексной защиты особо важных государственных объектов (далее ОВГО) является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности страны. Исследование особо острых проблем защиты ОВГО как основного элемента стратегии национальной безопасности Республики Беларусь приобрело сегодня особое значение в связи с необходимостью разработки и внедрения новых форм и инструментов регулирования исследуемых процессов.

Обеспечение безопасности ОВГО тесно связано с общей безопасностью государства и является необходимым условием обеспечения экономической и политической безопасности страны. Реформирование национального законодательства, регулирующего вопросы обеспечения защиты названных объектов в Республике Беларусь, обусловлено не только отсутствием в законодательстве четкого определения ряда терминов, но и отсутствия четкого круга объектов, относимых к ОВГО. Это определяет сложность применения нормативных правовых актов при решении ряда спорных вопросов. Преобразование ряда положений должно осуществляться поэтапно, согласно современным требованиям обеспечения безопасности ОВГО, не внося противоречия в другие смежные отрасли права.

Отсутствие на законодательном уровне четкого и логичного понятийно-категориального аппарата приводит к тому, что в нормативных правовых актах республиканского и ведомственного уровня применительно к одним и тем же объектам употребляются различные термины («критически важные объекты» [1], «критически важный объект информатизации» [2], «опасный производственный объект» [3] и т. д.).

На наш взгляд, указанные термины в нормативных правовых актах могли бы быть обобщены понятием «особо важные государственные объекты».

Следует отметить, что выработка общих направлений оптимизации правовой защиты ОВГО, которые представляют собой совокупность объектов энергетики, промышленности, информатизации и ряд других сфер жизнедеятельности общества, обусловлена возникновением внешних и внутренних угроз безопасности. На этих объектах разрабатываются и производятся новейшие образцы вооружения и техники, хранятся секреты государственной важности, а около половины объектов относятся к потенциально опасным и могут представлять реальную угрозу окружающей природной среде и населению нашей страны [4, с. 68].

Процесс обеспечения национальной безопасности тесно связан с необходимостью защиты функционирования ОВГО. Безопасная работа ОВГО в рамках государственного регулирования реализуется государственной системой обеспечения защиты. Формирование оптимальной системы национальной безопасности осуществляется путем реформирования законодательства в этой сфере. Следовательно, рассмотрение и разработка авторских понятий, наиболее точно отражающих современное положение работы ОВГО позволит усовершенствовать ряд нормативных правовых актов.

С.А. Старостин дает следующее определение ОВГО – «объект, имеющий большое значение для обеспечения государственного управления и местного самоуправления, жизнедеятельности населения и работы организаций» [5, с. 164]. С.Н. Зайцев выделяет их в качестве «специализированных объектов, представляющих собой особые пункты управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации и другие объекты, обеспечивающие функционирование федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6, с. 45].

Эти авторы вывели следующую классификацию ОВГО:

- объекты, представляющие собой предприятия или сооружения, организации или учреждения, осуществляющие свою деятельность в целях развития государства и общества;
- объекты, имеющие исключительно важное значение для государства, которые подлежат обязательной защите этих объектов от возможных внешних и внутренних угроз;
- объекты, которые осуществляют свою деятельность согласно установленному административно-правовому режиму, что придает им особый закрытый статусу функционирования [5, с. 165].

Данная классификация достаточно обширна и представляет научный интерес.

Российский ученый И.А. Косицин определяет ОВГО как «предприятие, учреждение, организацию или сооружение, приспособленное либо осуществляющее свою деятельность с целью поддержания государственной власти, обеспечения жизненно важных интересов общества и государства, требующее от исполнительной власти организации особых мер безопасности по его функционированию (содержанию) или определенный режим входа-выхода и пребывания». Также автор предлагает следующую классификацию ОВГО:

- «– объекты, имеющие важное значение для управления государством;
- объекты жизнеобеспечения;
- потенциально опасные объекты;
- объекты оборонного назначения;
- объекты с оборотом культурных ценностей» [7, с. 172].

Особое значение имеет законодательство и собственно термины, установленные нормативными правовыми актами стран Таможенного союза. Так, в соответствии с Законом Республики Казахстан от 19 октября 2000 г. «Об охранной деятельности» к особо важным государственным относятся «объекты, имеющие важное значение для государства и общества, нарушение целостности которых может негативно повлиять на безопасность государства, четкую реализацию возложенных на него функций, привести к значительному ущербу экономике, осложнить межгосударственные отношения». В данном нормативном правовом акте дается следующая классификация ОВГО: 1) особо важные государственные, стратегические объекты; 2) объекты отраслей экономики, имеющих стратегическое значение; 3) объекты, принадлежащие юридическим лицам, в уставном капитале которых государство прямо или косвенно владеет контрольным пакетом акций (долей участия) [8].

В Законе РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (в ред. 21.07.2014 г. № 210-ФЗ) «перечень объектов, имеющих особо важное значение для обеспечения жизнедеятельности и безопасности государства и населения, которые являются федеральной собственностью, утверждается нормативным правовым актом федерального органа исполнительной власти, в оперативном управлении которого такие объекты находятся. В перечень не могут быть включены объекты, подлежащие в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной охране» [9].

Согласно законодательству РФ ОВГО обладают следующими классификационными признаками, позволяющими их относить к различным категориям: 1) объекты, имеющие

особо важное значение для обеспечения жизнедеятельности и безопасности государства и населения; 2) объекты, в отношении которых установлены обязательные требования по их антитеррористической защищенности, в том числе объектов транспортной инфраструктуры; 3) объекты с массовым пребыванием граждан [9].

На основании изложенного можно сделать вывод, что «особо важный государственный объект» – это предприятие (учреждение, организация), осуществляющее деятельность в сфере, требующей обеспечения безопасности, установленной государством, нарушение функционирования которого может явиться причиной дестабилизации общественного порядка, повлечь за собой угрозу жизни и здоровью граждан.

Как показало исследование научной литературы и нормативных правовых актов, классификация ОВГО достаточно различна. Ученые классифицируют ОВГО согласно их функциональному предназначению (т. е. по объективным признакам), законодатели согласно уровню значимости в контексте обеспечения национальной безопасности. С учетом вышеизложенного выведем существенно новую категориальную систему классификации ОВГО, которая основывается на отраслевой специфике:

- объекты государственного управления и контроля;
- объекты военного назначения;
- объекты промышленного производства;
- объекты повышенного социального значения;
- объекты с особым режимом функционирования;
- научные центры;
- объекты культурного наследия.

Представленная классификация достаточно обширна, однако в полной мере соответствует белорусскому законодательству.

Анализ научной мысли и законодательства некоторых стран в области формирования и функционирования ОВГО в рамках обеспечения национальной безопасности позволяет сделать вывод о том, что при преобразовании общих положений законодательства Республики Беларусь следует использовать положения и выводы как теорий административного права, так и теорий государственного регулирования обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь действует большое количество нормативных правовых актов различного уровня, относящихся к сфере функционирования и обеспечения безопасности особо важных государственных объектов. Обзор уже действующих положений и инструкций в сфере обеспечения защиты ОВГО [1], [2], [3], [10], [11], [12], а также их периодическое преобразование свидетельствует о том, что законодатели уделяют данному вопросу большое внимание. Рассмотрим особые положения обеспечения защиты особо важных объектов согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Принятая в 1995 г. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определила направления государственной политики в сфере национальной безопасности и защиты ОВГО как составного элемента. Данным правовым документом определена методологическая основа организации функционирования системы национальной безопасности Республики Беларусь. Первая корректировка Концепции произошла в 2001 г. под воздействием международных факторов влияния. На данном этапе была сформулирована система национальной защиты от внешних и внутренних угроз.

Развитие страны определило дальнейшие потребности в реформировании законодательства в области защиты ОВГО. В соответствии с этим развитие правовых основ защиты национальной безопасности страны должно учитывать внутренние и внешние изменения. Возрастает необходимость мониторинга основных угроз для ОВГО. Поэтому были в очередной раз внесены изменения в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь в 2010 г.

Согласно новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, национальная безопасность – это состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внешних и внутренних угроз. Следовательно, согласно данной трактовке и установленным задачам работы ОВГО, устранение (предотвращение) внутренних и внешних угроз является ключевой задачей уполномоченных органов власти. При этом Концеп-

ция национальной безопасности Республики Беларусь выступает в роли юридической основы применения мер и положений, направленных на обеспечение безопасности функционирования ОВГО. В ней отражены принципы работы, соответствующие национальным интересам, определены факторы устранения внутренних и внешних угроз национальной безопасности [13].

В соответствии с п. 6 Концепции к основным направлениям защиты национальных интересов Республики Беларусь относятся политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная и экологическая сфера [8]. В контексте исследования дальнейшего правового реформирования применяемых мер защиты ОВГО следует указать, что они разрабатывались и будут разрабатываться с учетом современных реалий, то есть возникновения новых угроз.

Основными угрозами государственной безопасности страны согласно п. 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь являются:

- посягательство на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь;
- рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности;
- подготовка или осуществление террористических актов;
- возникновение беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия;
- дезорганизация системы государственного управления, создание препятствий функционированию государственных институтов [13].

Единственной ключевой задачей, преследуемой законодателями в этой сфере, является обеспечение защиты национальных интересов страны путем поддержания стабильности работы всех секторов государства.

Анализ норм Концепции национальной безопасности Республики Беларусь позволяет определить общий круг национальных интересов страны, защита которых является первоочередной задачей органов государственной охраны. Согласно п. 8 Концепции стратегическим национальным интересом страны является обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя. Таким образом, необходимо рассмотреть основные составляющие вышеописанных национальных интересов страны для детального понимания основных задач государства.

К политическим национальным интересам Республики Беларусь согласно Концепции национальной безопасности относятся обеспечение эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества; к социальным национальным интересам – обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества; информационные интересы страны определяются эффективным информационным обеспечением государственной политики, а также обеспечением надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации; в военной сфере – развитие военной организации государства, поддержка обороноспособности страны, соответствующей возможностям государства и достаточного для решения задач мирного и военного времени (п. 9, 12, 14 и 15 Концепции национальной безопасности).

Данная Концепция выделяет ряд положений, регламентирующих безопасность ОВГО. Однако эти положения не образуют единого комплекса норм и сосредоточены в различных разделах документа. Следовательно, рассмотрение определения «особо важные государственные объекты» должно основываться на основных положениях рассматриваемой Концепции, а также определяться соотношением этих норм с правами и обязанностями государственных органов охраны. В этой связи уточнение данного термина, а также разработка единой классификации для них позволит устранить правовые проблемы, связанные с уточнением объекта применения нормативных правовых актов, обеспечивающих их безопасное функционирование.

Согласно п. 37, 40 и 42 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь обеспечение безопасности важнейших государственных объектов осуществляется в интересах защиты от внешних угроз, к которым в политической сфере относятся международный терроризм, незаконный оборот оружия, боеприпасов и других опасных веществ, деятельность специальных служб, направленная на причинение ущерба национальным интересам

Республики Беларусь, в социальной сфере – рост и развитие преступности, в сфере информационной безопасности – угроза несанкционированного доступа извне к информационным ресурсам Республики Беларусь [13].

Обеспечение защиты национальных интересов от основных угроз, оговоренных в Концепции, и устранения источников данных угроз входит в компетенцию органов государственной охраны. Согласно п. 14 и 15 Концепции национальной безопасности в их компетенцию входит защита всех сфер национальных интересов. Безопасность ОВГО выражается в способности государства обеспечить эффективное функционирование органов государственного управления, организацию защиты основных интересов государства. Органы государственной охраны тесно взаимосвязаны с действием других государственных институтов, обеспечивающих защиту национальных интересов Республики Беларусь, и находятся в соподчиненном положении.

Обеспечение безопасности охраняемых объектов, как элемент национальной безопасности, в целом требует от государства организации крупномасштабной деятельности по своему обеспечению. Эффективная реализация этой функции способствует созданию оптимальной системы государственной охраны, предполагающей осуществление специализированных мероприятий по обеспечению безопасности охраняемых объектов.

Таким образом, безопасность ОВГО как административно-правовой институт имеет собственный предмет правового регулирования и формируется из совокупности регулирующих однородные общественные отношения правовых норм.

Безопасность ОВГО обеспечивается посредством комплекса специальных, режимных требований. Состояние защищенности ОВГО достигается в рамках особого правового режима – административно-правового режима особо важных государственных объектов. Правовой режим безопасности ОВГО можно определить как систему правовых норм и осуществляемых на их основе в обычных и чрезвычайных условиях мероприятий, направленных на обеспечение устойчивого и безопасного функционирования указанных объектов.

Как уже отмечалось, к настоящему времени в законодательстве Республики Беларусь действует большое количество нормативных правовых актов различного уровня относящихся к сфере функционирования и обеспечения безопасности особо важных государственных объектов [1], [2], [3], [10], [11], [12]. Указанные нормативные правовые акты, регулируя сходные по своей природе общественные отношения, до настоящего времени не обладают общим методологическим началом. Например, отсутствует юридически закрепленное понятие «особо важные государственные объекты», классификация ОВГО, не разработана методика их категорирования.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Необходимость обеспечения безопасности ОВГО в Республике Беларусь на современном этапе приобрела наиболее важный, актуальный характер и является основной стратегической задачей обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь ключевыми задачами обеспечения безопасности ОВГО являются следующие: снижение уровня опасности; предотвращение терактов; нераспространение технологий, оборудования двойного назначения и загрязняющих веществ; недопущение утечки информации, являющейся государственной тайной и т. д.

2. Защита ОВГО является ключевым элементом государственной стратегии обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Взаимосвязь эффективной работы ОВГО и обеспечения национальной безопасности в рамках функционирования всего государства существенна, так как стабильность и защищенность ОВГО оказывает влияние на выполнение всех его функций: экономической, социальной, идеологической, экологической, обороны и других.

3. Согласно нормативным правовым актам, регулирующим вопросы национальной безопасности, обеспечение защиты и поддержание стабильности работы ОВГО в Республике Беларусь осуществляется совместной работой органов государственного управления и других государственных институтов.

4. В целях совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей правоотношения в сфере обеспечения безопасности ОВГО, представляется необходимым в ближайшей перспективе разработать и принять следующие нормативные правовые акты: Закон

Республики Беларусь «Об особо важных государственных объектах»; Концепцию обеспечения безопасности особо важных государственных объектов Республики Беларусь. Их принятие позволило бы юридически закрепить классификацию и методику категорирования этих объектов, установить общие требования в сфере их безопасности, систематизировать понятийно-категориальный аппарат.

Литература

1. Об утверждении концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. О некоторых мерах по обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 окт. 2011 г., № 486 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 16.04.2013 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
3. О промышленной безопасности опасных производственных объектов [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 363-З в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2006 г., № 137-З с изм. внесенными Указом Президента Респ. Беларусь от 19.12.2008 г., № 689 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Тактика внутренних войск: учеб. : в 2 ч. / А.А. Козлов [и др.] ; под общ. ред. И.Н. Наumenко, В.Н. Чапайло. – Минск, 2011. – Ч. 2. – 267 с.
5. Старостин, С.А. Понятийный аппарат, типология чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайных ситуаций / С.А. Старостин // Актуальные проблемы управления ОВД в особых условиях : Труды Академии управления МВД России. – М., 1999. – 246 с.
6. Зайцев, С.Н. Особые условия. Термины и определения / С.Н. Зайцев. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003. – 64 с.
7. Косицин, И.А. Правовые и организационные основы охраны особо важных объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.14 / И.А. Косицын. – Омск, 2001. – 224 с.
8. Об охранной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан, 19 октября 2000 г. : в ред. 23.04.2014 г., № 200-V ЗРК) / Информационная система. – Астана, 2014.
9. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон РФ, 11 марта 1992 г., N 2487-I : в ред. 21.07.2014 г., № 210-ФЗ // Гарант / Информ.-правовой портал. – Москва, 2014.
10. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 июня 1993 г., № 2341-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2012 г., № 378-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
11. Об утверждении Положения о соединении, воинской части внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь : Приказ Министерства внутр. дел Респ. Беларусь, 01 октября 2014 г., № 350.
12. Концепция строительства и развития внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь на 2014–2020 гг. : Приказ Министерства внутр. дел Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 19.
13. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ЭКОНОМИКА

УДК 332.821; 331.1

Жилищно-строительная политика и ее реализация в регионе

И.А. АКСЕНОВА

Рассмотрена реализация жилищно-строительной политики в регионе через создание инфраструктурной основы обеспечения жизнедеятельности населения. Показаны пути решения данной задачи – повышение инвестиционной привлекательности региона, повышение качества жизни населения.

Ключевые слова: региональная экономика, управление, жилищно-строительная политика, регион, социально-экономическое развитие, прогнозирование.

Realization of housing and construction policy in the region through the creation of infrastructure basis to ensure the livelihoods of people is considered. The ways to solve this problem through improving the investment attractiveness of the region and improving the quality of life of the population are shown.

Keywords: regional economy, management, housing and construction policy, region, socio-economic development, forecasting.

Региональной экономике республики присущ в определенной мере пространственный характер, который определяется политикой расселения населения, развитием трудовой мобильности, проявляющейся при необходимости осваивать новые территории или оставаясь на месте быть готовыми к перепрофилированию при остановке производства. Во всех случаях значительная роль в этом вопросе отводится наличию, перспективам обеспечения, улучшения жилья, а также росту качества услуг жилищно-коммунальной сферы. При этом жилье выступает одновременно и как инструмент создания условий для формирования важнейшего ресурса экономики региона – человеческого, и как основной фактор в рамках реализации приоритета социально-экономического развития – повышения качества жизни населения. Все это обуславливает исключительную значимость управления региональной жилищно-строительной политикой, а соответственно и наличия методического обеспечения данного процесса.

Отсутствие до настоящего времени разработанных методических основ и практико-ориентированных рекомендаций по управлению региональной жилищно-строительной политикой отрицательно сказывается на развитии региона в целом. На современном этапе развития экономических отношений по анализу проведенных исследований можно констатировать, что только половина населения республики имеет благополучные жилищные условия. Проблема явно требует новых решений, так как государственные возможности инвестиционного кредитования жилищного строительства на уровне страны ограничены, как и на региональном уровне.

Отсутствие реальных возможностей у населения обеспечить свои потребности в комфортных условиях проживания замедляет развитие человеческого потенциала, обостряет социальную напряженность в обществе, что в итоге приводит к замедлению экономического развития региона в целом. Исходя из этого, основой региональной политики в этом вопросе должна стать ориентация на создание условий, позволяющих удовлетворять потребность в жилье всего населения региона, а также оказание эффективных мер государственной поддержки тем категориям граждан, которые в силу объективных причин не относятся к экономически активному населению.

Основы социально-экономического развития территории отражены в работах М. Ахмадова, В. Бакушева, Б. Жихаревич, М. Исраилова, Б. Лавровского, Г. Перова, Ж. Подоляко, А. Позднякова, С. Тяглова, Е. Черныша, Е. Пешковой и др. Экономическим аспектам развития рынка жилья и использования региональной жилищно-строительной политики уделялось внимание в работах Д.Н. Бонцевича, Б.В. Сорвирова, Н.Е. Бессоновой, Ю.Ф. Симионова, В.П. Караваева и др.

Анализ научной литературы свидетельствует, что исследования, где бы целенаправленно была изучена проблема реализации региональной жилищно-строительной политики, отсутствуют, поэтому разработки в данной области являются актуальными.

Основная роль региональной жилищно-строительной политики в пространственном развитии определяется следующими обстоятельствами:

– во-первых, строительство жилья является инструментом пространственного освоения территории региона, фактором, системно формирующим материальную составляющую пространственной среды жизнедеятельности регионального социума;

– во-вторых, жилищный комплекс выступает необходимым условием формирования ресурсобеспечивающей системы региональной экономики и прежде всего обеспечения человеческими ресурсами;

– в-третьих, строительство жилья является основой развития региональной инфраструктуры;

– в-четвертых, жилье является не просто неотъемлемым компонентом жизнеобеспечения регионального социума, но и фактором повышения качества жизни населения, которое в свою очередь является стратегическим целевым ориентиром развития региона в целом [1, с. 101].

Важность роли, которую играет жилищно-строительная политика в социально-экономическом развитии регионов, обусловили принятие решения о реализации в стране национального проекта по формированию динамично развивающейся сферы жилищного строительства.

Учитывая важную роль жилищно-строительной политики для региона, уточним данное понятие. Жилищно-строительная политика региона – это проводимая органами государственной власти и местного самоуправления политика, направленная на обеспечение нуждающихся в жилье согласно сбалансированному развитию территории посредством осуществления планового комплексного освоения территории. Реализация жилищно-строительной политики региона – это целенаправленные действия региональных органов государственной власти на реализацию плана строительства жилья посредством разработки программы комплексного освоения территории. Пространственное развитие региона в значительной степени определяется эффективностью проведения жилищно-строительной политики, в ходе которой создается инфраструктурная основа обеспечения жизнедеятельности его населения как источника трудовых ресурсов региональной экономики. Определим роль региона в развитии региональной жилищно-строительной политики на рисунке 1 [2, с. 234].

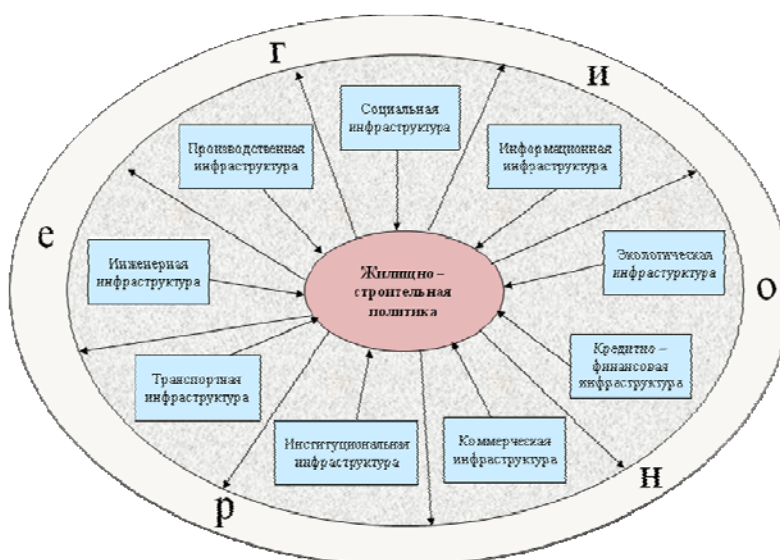

Рисунок 1 – Роль региона в развитии региональной жилищно-строительной политики

В структуре региона как системе жилищно-строительная подсистема выступает в качестве ядра его пространственного развития, поскольку именно эта подсистема формирует основу для жизнедеятельности регионального социума, от характеристик которого зависит качество трудовых ресурсов, вовлекаемых в экономику региона. При этом мы видим как прямое воз-

действие региона на жилищно-строительную политику посредством инфраструктурных составляющих, так и обратное воздействие жилищно-строительной политики на развитие региона, которое проявляется в росте его экономики и повышении уровня качества жизни населения. Жилищная сфера, является одной из важнейших областей народного хозяйства. Происходящие в стране социально-экономические изменения касаются и порядка обеспечения граждан жильем. В основе, проводимой в Республике Беларусь жилищной реформы, заложен поэтапный переход от выполнения государством практически всех функций, связанных с реализацией права граждан на жилье, к формированию рыночных отношений в жилищной сфере [7, с. 47].

Учитывая важность обеспечения населения каждого региона жильем, целесообразным является выделить формы улучшения жилищных условий:

- предоставление жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищного фонда;
- предоставление жилых помещений из специализированного жилищного фонда;
- «коммерческий» наем жилого помещения;
- предоставление субсидий при строительстве и покупке жилья;
- жилищные сертификаты;
- ипотечное жилищное кредитование;
- приобретение жилых помещений в собственность путем совершения гражданско-правовых сделок на первичном и вторичном рынке;
- индивидуальное жилищное строительство;
- легализация самовольных построек и другие предусмотренные законом формы приобретения прав на жилые помещения.

Основанием возникновения жилищных прав, приобретенных посредством предложенных нами способов являются:

- акты государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены жилищным законодательством в качестве основания возникновения жилищных прав и обязанностей;
- из судебных решений, установивших жилищные права и обязанности;
- в результате приобретения в собственность жилых помещений по основаниям, допускаемым федеральным законом;
- из членства в жилищных или жилищно-строительных кооперативах;
- вследствие действий (бездействия) участников жилищных отношений или наступления событий, с которыми федеральный закон или иной нормативный правовой акт связывает возникновение жилищных прав и обязанностей.

Нами определено, что основным препятствием для привлечения инвестиций в жилищное строительство в настоящее время выступает проблема формирования механизма возмещения затрат инвестора и извлечения соответствующих доходов. Для решения этой задачи был предложен комплекс мер в разрезе следующих групп, различающихся инструментами регулирования:

- административно-распорядительные финансовые методы, предполагающие включение инвестиционной надбавки в тарифы оплаты потребителями услуг, производимых с использованием объектов инвестиций;
- финансовые инструменты уменьшения издержек производства услуг в сочетании с предоставлением гарантии сохранения порядка определения тарифов на протяжении всего срока эксплуатации объектов инвестиций;
- установление льготного порядка передачи инвесторам прав на использование земельных участков для возведения объектов коммерческой недвижимости, в том числе жилищной застройки;
- предоставление налоговых льгот и иных видов преференций [3].

Таким образом, использование потенциала региона позволяет применить на практике формы улучшения жилищных условий, а также обеспечить привлечение инвестиций в жилищное строительство. В составе экономических эффектов региональной жилищно-строительной политики прежде всего можно выделить общий подъем экономики за счет увеличения оборота собственно строительной отрасли, развитие сферы банковских и страховых услуг, которые, как правило, сопровождают жилищное строительство, развитие региональной инфраструктуры (транспортной, коммуникационной, образовательной и пр.), увеличение

доходной части регионального бюджета и пр. Развитие строительной индустрии приводит к повышению активности в смежных отраслях (производства строительных материалов, машиностроения, отраслей химической промышленности, деревообработки и т. д.); позитивно воздействует на финансово-кредитную систему (через инвестиционный и кредитный каналы); активизирует функционирование системы образования (поскольку требует подготовки специальных кадров работников различных профилей и уровней квалификации).

Анализ социальных эффектов указывает на то, что проведение региональной жилищно-строительной политики в первую очередь способствует улучшению качества жизни. При этом, по нашему мнению, следует вести речь не только об улучшении жилищных условий как таковых. Грамотная жилищно-строительная политика предполагает комплексное освоение территорий, когда наряду с жилым фондом развивается социальная инфраструктура, строятся объекты социальной сферы: детские сады, школы, объекты соцкультбыта, кинотеатры и т. д., а это уже является важнейшим направлением развития основных свойств человеческого капитала. Улучшение жилищных условий, развитие рынка жилья ведут к демографическому росту, что является актуальным прежде всего для пострадавших от Чернобыльской катастрофы областей [6, с. 15], [7, с. 43–50].

Еще одним из видов социального эффекта, который дает реализация региональной жилищно-строительной политики, выступает развитие трудовой мобильности и содействие занятости экономически активного населения.

В ходе исследования нами было определено, что при разработке региональной жилищно-строительной политики необходимо руководствоваться следующими основными принципами:

- принципом консенсуса интересов всех органов власти, хозяйствующих субъектов и населения в развитии экономики, социальной сферы и сохранения экологического равновесия;
- принципом обеспечения баланса интересов, включая финансовую сбалансированность в разрезе «городские – сельские поселения»;
- принципом согласования целей хозяйствующих субъектов, представляющих различные отрасли экономики региона и интересов различных групп населения;
- принципом адресности и целевой поддержки важнейших для формирования трудовых ресурсов региона групп населения;
- принципом комплексности, учитывающим приоритеты других направлений общей социально-экономической политики региона при определении направлений реализации жилищно-строительной политики [4, с. 82].

Данная модель позволяет проследить положительные и отрицательные воздействия жилищно-строительной политики региона на его развитие.

Для повышения эффективности управления региональным хозяйством административно – территориальным образованием необходимо:

- провести оптимизацию управленческого аппарата;
- выявить причины нестабильности развития региона;
- детализировать цели, постановку задач в рамках управления региональным хозяйством;
- проанализировать инструменты регионального воздействия на рост качества жизни населения;
- детализировать полномочия региональных органов управления в целях избегания их дублирования и мониторинга исполнения;
- сформировать стратегию стабильного развития региона с учетом процесса кластеризации;
- организовать контроль реализации мероприятий путем отчетности органов управления и опроса населения о результатах деятельности органов власти, предоставляя итоговую информацию в СМИ.

Первоочередной задачей организации механизма управления региональной жилищно-строительной политикой является формальная постановка цели, для реализации которой он предназначен. Именно целью и задачами определяется структура механизма управления. Применительно к сфере жилищного строительства важно точно определить объект развития, так как в качестве объектов управления могут выступать ресурсы, процессы и результаты [5, с. 119]. С позиций общества в целом наибольший интерес представляет результат функционирования жилищно-строительной деятельности. Реализация функции роста качества жизни населения, посредством реализации региональной жилищно-строительной политики посредством удовле-

творения потребности населения в жилье является главной целью, по отношению к которой совершенствование ресурсного и содержательного аспектов жилищно-строительной деятельности являются вспомогательными. Нами определены особенности и объектно-субъектный состав механизма управления региональной жилищно-строительной политикой; чётко определён круг финансово-экономических отношений, возникающих между застройщиками, подрядчиками, заказчиками, поставщиками, покупателями, финансовыми институтами и другими участниками строительной деятельности; обозначено материальное содержание этих отношений, которое составляют процессы формирования и использования финансовых ресурсов и доходов субъектов рынка жилья и жилищного строительства. Механизм реализации региональной жилищно-строительной политики представляет собой воздействие субъектов управления на объект управления, который представляет собой совокупность элементов управления, методов и инструментов обеспечения развития жилищного строительства в процессе планирования (прогнозирования и бюджетирования), координации исполнения планов (прогнозов, бюджетов) и контроля, а также принципов его построения и функционирования.

Выводы. 1. Недвижимость в любой социально-экономической системе является объектом экономических и государственных, и поэтому для этой категории имущества введена обязательная регистрация прав на него, которая позволяет идентифицировать объект и субъект права, так как связь между объектом недвижимости (жилья) и субъектом прав на него невидима, а передача недвижимости (жилья) путем физического перемещения невозможна.

2. Особое место среди составляющих рынка недвижимости занимает рынок жилья, в силу чего категорию «рынок жилья» можно определить как совокупность экономических, правовых и социальных отношений и форм, упорядочивающих экономическое поведение субъектов хозяйствования и отношений между ними по поводу строительства, использования и управления объектами жилого фонда.

3. Жилищная сфера большинства стран развивается на рыночной основе, но традиционно относится к отраслям с сильным государственным регулированием. Обеспеченность населения жильем рассматривается как важнейшая социальная цель, определяющая стабильность в обществе.

4. Опыт большинства зарубежных стран свидетельствует о том, что в обеспечении населения жильем используется целый ряд общих подходов и большое количество сходных механизмов и процедур, особое значение среди которых имеет система ипотечного кредитования, благодаря чему жилье становится доступным для широких слоев населения.

Литература

1. Буреш, О.В., Прядкина, Н.Н. Теоретические аспекты управления экономикой региона / О.В. Буреш, Н.Н. Прядкина // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2011. – Т. 2. – № 13 (132). – С. 99–104.
2. Буреш, О.В., Исхакова, А.Ф. Государственное управление экономикой региона / О.В. Буреш, А.Ф. Исхакова // Российское предпринимательство. – 2012. – № 24. – С. 222–228.
3. Буреш, О.В., Гербеева, Л.Ю., Бекбергенева, Д.Е. Управленческие аспекты трансформации отношений собственности в период рыночных преобразований / О.В. Буреш, Л.Ю. Гербеева, Д.Е. Бекбергенева // Экономические науки. – 2010. – № 63. – С. 232–236.
4. Гербеева, Л.Ю., Коротченко, Ю.И. Роль института собственности в национальной экономике / Л.Ю. Гербеева, Ю.И. Коротченко // Вестник МСПУ. – 2012. – № 13. – С. 79–83.
5. Gerbeeva, L.Yu., Korotchenko, Yu.I. Effective application of regional property / L.Yu. Gerbeeva, Yu.I. Korotchenko // Economics, organization and management of enterprises, industries and complexes in market conditions: methods, mechanisms, tools and technologies. – Prague. – 2013. – 18–20 febr. – Киров : Междунар. центр науч.-исслед. проектов, 2013. – С. 117–122.
6. Бонцевич, Д.Н. Ипотека как важнейший институт рынка недвижимости в странах с переходной экономикой / Д.Н. Бонцевич. – М. : Интеграция, 2007. – 161 с.
7. Сорвилов, Б.В., Бонцевич, Н.В. Ипотечное жилищное кредитование (зарубежный опыт и перспективы развития ипотеки в Беларуси) / Б.В. Сорвилов, Н.В. Бонцевич. – Гомель : ЦИИР, 2006. – 321 с.

УДК 519.23:351.82:664.6

Тенизация производства хлебобулочных изделий в Украине

В.А. АЛЕКСЕЙЧУК

Рассмотрены проблемы тенизации производства хлебобулочных изделий в Украине как одной из важнейших отраслей продовольственного комплекса страны. Проанализированы производство хлебобулочных изделий согласно официальным данным государственного комитета статистики. Рассчитан необходимый объем производства хлебобулочных изделий для обеспечения потребностей населения страны в данном продукте питания. Также рассчитан и проанализирован объем теневого рынка хлеба в Украине и сделаны соответствующие выводы по данной проблеме.

Ключевые слова: тенизация, производство, хлебобулочные изделия, государственное регулирование.

The problem of shadowing the production of bakery products in Ukraine as one of the most important sectors of the food industry of the country is considered. The production of bakery products, according to official data of the State Statistics Committee is analyzed. The required volume of bakery products, to meet the needs of the population in a given food product is calculated. The amount of shadow market of grain in Ukraine is calculated and analyzed, and conclusions are drawn.

Keywords: shadowing, production, bakery, state regulation.

Продовольственный комплекс любой страны является важным объектом государственного регулирования, особенно в условиях развития и совершенствования рыночных отношений. Продовольственный комплекс, в том числе хлебопекарная отрасль, обеспечивает большое количество рабочих мест, выступает эффективным направлением инвестирования капитала, концентрирует значительный потенциал инновационной деятельности, играет важную роль в формировании экспортного потенциала страны.

Хлебопекарная промышленность, одна из крупнейших отраслей пищевой промышленности, предприятия которой производят различные виды хлебопекарных изделий из продовольственной муки. Ее структуру формируют хлебопекарные предприятия, которые удовлетворяют потребности всех слоев населения в хлебобулочной продукции. Состояние и развитие отечественных предприятий хлебопекарной отрасли непосредственным образом влияет на жизнь и здоровье населения Украины.

Отсюда и особое значение отрасли, стабильная работа которой является гарантией социальной безопасности и стабильности в стране, поэтому государство должно уделять значительное внимание регулированию производства хлеба и хлебобулочных изделий.

Одной из важных проблем производства хлебобулочных изделий в Украине является «теневое» производство данного продукта питания, вызванное несовершенством механизмов государственного регулирования законодательными органами. Рассмотрим более подробно эту проблему.

Тенизация или теневая экономика – это высокодоходная сфера деятельности, норма прибыли которой компенсирует отдельным гражданам или группе людей материальные затраты и моральный ущерб от рисков по ее осуществлению. Она не контролируется государством, не учитывается официальной статистикой, в результате чего ее объемы не включаются в валовой внутренний продукт и не облагаются налогом. Теневая экономика является источником незаконного присвоения части результатов общественного труда в виде прибыли, имущества, ценных бумаг и т. п. с целью обогащения или увеличения легально полученных доходов [1, с. 286].

Другими словами, тенизация производства хлебобулочных изделий – это хозяйственная деятельность предприятий, занимающихся производством хлебобулочных изделий, развивающихся вне государственного учета и контроля, а потому не отражающихся в официальной статистике. Данные «теневые» предприятия не перераспределяют собственных доходов в бюджеты и государственные целевые фонды, они не платят налогов, увеличивая собственные доходы.

Несмотря на особое значение хлеба для украинского общества, его производство, согласно официальной статистике Украины, ежегодно сокращается. В таблице 1

представлены официальные статистические данные, отражающие динамику объемов производства хлеба и хлебобулочных изделий в Украине.

Таблица 1 – Объем производства хлеба и хлебобулочных изделий в Украине в период с 2003 по 2013 гг.

Год	Показатели			
	Официальное производство хлеба в Украине, тыс. т.	Количество населения в Украине, млн. чел.	Производство хлеба на человека в Украине, кг	Объем реального рынка хлеба, тыс. т
2003	2334,7	48,0	48,6	4848,0
2004	2307,1	47,6	48,5	4807,6
2005	2263,7	47,3	47,9	4777,3
2006	2159,7	46,9	46,0	4736,9
2007	2033,7	46,6	43,6	4706,6
2008	1978,4	46,4	42,6	4686,4
2009	1827,5	46,1	39,6	4656,1
2010	1807,1	46,0	39,3	4646,0
2011	1763,5	45,8	37,0	4625,8
2012	1679,3	45,6	36,8	4605,6
2013	1510,7	45,5	33,2	4595,5

Примечание – Источник : [2, сс. 128, 319], [3].

Колонка «Производство хлеба на человека в Украине, кг» рассчитывается с помощью формулы 1.

$$Pr_{\text{ч}} = Pr_{\text{оф}} / H, \quad (1)$$

где, $Pr_{\text{ч}}$ – производство хлеба на человека в Украине;

$Pr_{\text{оф}}$ – официальное производство хлеба в Украине;

H – население Украины (млн. чел).

Колонка «Объем реального рынка хлеба, тыс. т» рассчитывается с помощью формулы 2, в соответствии с постановлением Кабинета министров Украины «Об утверждении наборов продуктов питания, набора непродовольственных товаров и наборов услуг для основных социальных и демографических групп населения», в котором установлено потребление хлеба одним лицом в год в объеме 101 кг [4, с. 4].

$$O_p = H \times 101, \quad (2)$$

где, O_p – объем реального рынка хлеба (тыс. т);

H – население Украины (млн. чел).

Проанализировав таблицу 1, видим, что по данным Государственного комитета статистики Украины в 2013 г. объем производства хлебобулочных изделий составил 1510,7 тыс. т, что на 10 % меньше, чем за 2012 г. В свою очередь в 2012 г. выпуск хлеба сократился на 4,8 % – до 1679,3 тыс. т по отношению к 2011 г. В целом производство хлеба сократилось на 824 тыс. т или на 35,3 % по сравнению с объемом его производства в 2003 г.

Устойчивые тенденции в уменьшении объемов производства хлеба и хлебобулочных изделий в Украине за последние одиннадцать лет связаны во многом с сокращением объема потребления этой продукции. Объяснению этому есть ряд причин. Во-первых, за это время сократилось население страны на 2,5 млн. человек. Во-вторых, уменьшилась покупательная способность населения. В-третьих, потребление хлеба стало экономнее [2]. Так в таблице 2 представленные данные показывающие уровень потребительских цен на хлеб и уровень доходов населения, по которому видно ежегодное возрастание цен на хлеб, которое не совсем соответствует росту доходов населения. Несоответствие связано с тем, что потребительская корзина населения содержит и иные продукты питания, которые также ежегодно возрастают в цене, а поэтому населению приходится экономить. Без сомнения, указанные причины определенным образом привели к уменьшению объемов производства хлебобулочных изделий как в

Украине в целом, так и в ее областях, хотя они не являются определяющими. Такое утверждение имеет определенную основу.

Таблица 2 – Уровень ИПЦ на хлеб и доходов населения в Украине в период с 2003 по 2013 гг.

Год	ИПЦ, %	Доходы населения, млн. грн.	Темп роста доходов населения, %
2003	114,8	215672	127,2
2004	111,1	274241	139,1
2005	98,9	381404	123,8
2006	107,9	472061	132,0
2007	114,2	623289	135,7
2008	124,3	845641	105,8
2009	112,6	894286	123,1
2010	111,3	1101175	115,0
2011	108,0	1266753	115,1
2012	98,0	1457864	104,9
2013	101,1	1529406	127,2

Примечание – Источник : [7, сс. 63, 360].

Еще одной причиной уменьшения официального производства хлебобулочной продукции является уменьшения производства муки, что является основным сырьем для изготовления. В таблице 3 представлены объемы производства зерновых культур и муки, по которым видно, что производство основного сырья в основном ежегодно уменьшается.

Таблица 3 – Объем производства зерновых культу и муки в Украине в период с 2003 по 2013 гг.

Год	Зерновые культуры, тыс. т	Мука, тыс. т
2003	20234	2826,5
2004	41809	2948,9
2005	38016	2943,6
2006	34258	2695,7
2007	29295	2907,6
2008	53290	3029,9
2009	46028	2733,7
2010	39271	2632,1
2011	56747	2596,1
2012	46216	2605,5
2013	63051	2542,1

Примечание – Источник : [7, сс. 118, 143].

Также, анализируя таблицу 1, наблюдаем ежегодное уменьшение производства хлеба на одного человека в год. Так, сравнивая 2013 с 2003 г., объем хлеба, который приходится на одного человека в год уменьшился с 48,6 кг до 33,2 кг или на 15,4 кг. То есть производство хлеба на одного человека почти в 3 раза меньше установленной биологической нормы потребления данного продукта в год. Можно сделать вывод, что данные величины потребления далеки от реальных.

На основании постановления Кабинета министров Украины «Об утверждении наборов продуктов питания, набора непродовольственных товаров и наборов услуг для основных социальных и демографических групп населения», в котором указано, что одним лицом в год потребляется 101 кг хлеба, или 277 г в сутки, мы рассчитали объем реального рынка хлеба в Украине [4, с. 4]. Данные вычислений представлены в таблице 1.

Анализируя расчеты в таблице 1, видим, что реальный рынок хлебобулочных изделий в Украине далек от официального. Так, например, в 2003 г. объем реального производства дол-

жен был составить 4848,0 тыс. т, но по официальным данным статистики он составил лишь 2334,7 тыс. т. В 2013 г. объем реального рынка хлеба должен равняться 4595,5 тыс. т., официальный в свою очередь составил 1510,7 тыс. т. Сравнивая уменьшение официального и реального объема рынка хлеба в период с 2003 по 2013 гг., объем реального производства хлебобулочных изделий уменьшился на 252,5 тыс. т, а официальное уменьшение составляет 824 тыс. т.

В силу этого можно утверждать, что официальные показатели объема производства хлеба и хлебобулочных изделий в Украине не отражают реального положения дел. Учитывая традиционный характер потребления хлеба украинцами и социальную значимость этого продукта, а также быстрое развитие небольших производств по выпечке хлеба, можно предположить, что если и сократилось потребление хлебопродуктов в Украине, то, скорее всего, не в таком масштабе. По информации аналитиков Универсальной инвестиционной группы, украинцы съедают хлеба на 50–75 % больше, чем европейцы, то есть более 100 кг в год [5].

Украинские специалисты такой уровень потребления считают вполне реальным, а несоответствие его официальной статистике объясняют значительным производством хлеба и хлебобулочных изделий в «теневом» секторе. Ситуация в хлебопекарной отрасли, заставляет многих производителей хлебопродуктов прибегать к искажению реальных объемов производства. Это происходит вследствие того, что многие руководители хлебопекарных предприятий видят в «тенизации» возможность компенсации затрат и повышение прибыльности производственно-хозяйственной деятельности [6].

«Тенизация» деятельности в сфере производства хлебопродуктов во многом происходит потому, что государство достаточно жестко регулирует производство хлебопродуктов не только установлением предельного уровня рентабельности, но и административными методами, такими как сертификация, стандартизация, квотирование и др. Использование таких инструментов отнюдь не способствует развитию отрасли. Административные методы и ограничение цен только усугубляют состояние дел в отрасли.

Также причиной увеличения «теневого» производства хлебобулочных изделий есть недостаток сырья для производства, а именно муки. Так, например, в 2013 г. реальный рынок хлеба должен становиться 4595,5 тыс. т, а официальное производство муки становит 2542,1 тыс. т., хотя было произведено зерновых культур 63051 тыс. т, а этого больше чем достаточно. Можно сделать вывод, что производители хлеба скупают сырье у неизвестно кого, и неизвестно какого качества и ценам гораздо заниженным, чем рыночные.

Еще причиной увеличения «теневого» производства есть то, что производством занимаются как большие предприятия, так и мини-пекарни, и если большие предприятия при данных уровнях цен и налогов могут оставаться на плаву, то большинство мини-пекарен начинают получать убытки, и тем самым вынуждены уходить в тень.

И последний фактор ухода производства в тень, это есть повышение прибыли предприятий, путем уходов от налогов государства.

В таблице 4 представлен анализ динамики «теневого» рынка хлеба и хлебопродуктов в Украине.

Таблица 4 – Динамика «теневого» рынка хлеба и хлебобулочных изделий в Украине в период 2003–2013 гг.

Показатели	Года										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1. Объем официального производства хлебобулочных изделий в Украине, тыс. т	2334,7	2307,1	2263,7	2159,7	2033,7	1978,4	1827,5	1807,1	1763,5	1679,3	1510,7
2. Темп роста изменений производства хлебобулочных изделий в Украине (база 2003), %	100	98,8	97,0	92,5	87,1	84,7	78,3	77,4	75,5	71,9	64,7

3. Реальный рынок хлебобулочных изделий в Украине, тыс. т.	4848,0	4807,6	4777,3	4736,9	4706,6	4686,4	4656,1	4646,0	4625,8	4605,6	4595,5
--	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------

Окончание таблицы 4

4 Объем «теневое» рынка хлебобулочных изделий в Украине (р.3 – р.1), тыс. т.	2513,3	2500,5	2513,6	2577,2	2672,9	2708,0	2828,6	2838,9	2862,3	2926,3	3084,8
5. Доля «теневое» рынка в объеме реального рынка хлебобулочных изделий в Украине (р.4 / р.3) * 100, %	51,8	52,0	52,6	54,4	56,8	57,8	60,8	61,1	61,9	63,5	67,1
6. Темп роста изменений «теневое» рынка хлебобулочных изделий в Украине (база 2003), %	100,0	99,5	100,0	102,5	106,4	107,7	112,5	113,0	113,9	116,4	122,7
7. Индекс темпа роста изменений «теневое» рынка хлебобулочных изделий в Украине	-	0,99	1,01	1,03	1,04	1,01	1,04	1,00	1,01	1,02	1,05

Примечание – Источник : [2, с. 128], [3].

Анализируя таблицу 4, видим, что в 2013 г. объем «теневое» рынка хлебобулочных изделий составил 3084,8 тыс. т, что почти вдвое больше официального производства хлебобулочных изделий в Украине в 2013 г., в 2003 г. объем «теневое» рынка хлеба составлял 2513,3 тыс. т, то есть почти половину реального рынка хлеба. В целом объем «теневое» производства хлебобулочных изделий за 11 лет увеличился на 571,5 тыс. т.

Доля «теневое» рынка хлеба в реальном объеме производства в 2013 г. равна 67,1%, в свою очередь в 2003 г. эта доля составляла 51,8 %, то есть доля «теневое» рынка в данный период увеличилась на 15,3 %.

Рассматривая темп роста изменения «теневое» рынка хлеба, видим, что в 2004 г. он уменьшился до 95,5 %, на конец 2013 г. темп роста вырос и составил 122,7 %. Наибольший индекс темпа роста изменения «теневое» рынка наблюдаем в 2013 г., равный 1,05, а наименьший индекс темпа роста в 2004, составивший 0,99.

В общем, за последние одиннадцать лет увеличение «теневое» рынка хлеба происходит на фоне общего уменьшения официального (статистического) производства хлеба и хлебобулочных продуктов. Доказательством этому являются данные, представленные в таблице 4. Так, «теневой» рынок хлебобулочных изделий увеличился на 571,5 тыс. т, а официальное производство уменьшилось на 824 тыс. т.

Итак, на данном этапе производство хлебобулочных изделий в Украине в большинстве регионов является убыточным, и все больше предприятий входящих в «теневой» сектор производства хлеба, так как сейчас нет четких механизмов регулирования производства данной продукции, и государство все меньше и меньше уделяет внимания этой проблеме, о чем свидетельствуют официальные данные статистики Украины. Растущий «теневой» рынок стимулирует негативные тенденции в сфере управления и регулирования деятельностью предприятий отрасли производства хлебобулочных изделий. «Тенизация» на рынке хлебобулочной продукции Украины, не позволяет эффективно выстраивать механизм управления и регулирования хлебопекарными предприятиями и обеспечивать реализацию программ развития в соответствии с современными требованиями рынка. В результате чего обостряются проблемы стратегического развития отрасли хлебопечения. Стратегическими направлениями развития отрасли со стороны государства являются: обеспечение внутренних потребностей страны в хлебобулочных изделиях в широком ассортименте и наращивание их экспорта; содействие развитию интеграционных процессов между производителем сырья и продавцом; государственная помощь в переоборудовании производства; осуществление контроля за качеством и безопасностью хлеба и хлебобулочных изделий; обеспечения хлебопроизводителям права свободного выбора маркетинга и ценообразования; организация и проведение мониторинга рынка хлеба и хлебобулочных изделий; совершенствование таможенно-тарифной и ценовой

политики в части защиты отечественных производителей хлеба и хлебобулочных изделий; разработка общегосударственной программы развития отрасли.

Литература

1. Оганян, Г.А. Политическая экономия: учебное пособие / Г.А. Оганян, В.А. Паламарчук, А.П. Румянцев. – Киев : МАУП, 2003. – 520 с.
2. Статистический ежегодник Украины за 2012 год / под ред. О.Г. Осауленко. – Киев : Государственная служба статистики Украины, 2013 – 552 с.
3. Производство основных видов промышленной продукции по месяцам 2013 [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2013/pr/ovp/ovp_u/ovp2013.html. – Дата доступа : 05.06.2014.
4. Постановление «Об утверждении наборов продуктов питания, набора непродовольственных товаров и наборов услуг для основных социальных и демографических групп населения» от 14.04.2000 / Кабинет министров Украины. – Киев : Официальный вестник Украины, 2000. – 16 с.
5. 100 кг хлеба в год [Электронный ресурс] / Интернет-издание FINANCE.UA. – Режим доступа : <http://news.finance.ua/ua/news/~195504>. – Дата доступа : 01.05.2010.
6. Производство хлеба уходит в тень [Электронный ресурс] / Интернет-издание ФОКУС. – Режим доступа : <http://focus.ua/money/97188/>. – Дата доступа : 01.02.2010.
7. Статистический ежегодник Украины за 2013 г. / под ред. О.Г. Осауленко. – Киев : Государственная служба статистики Украины, 2014 – 534 с.

Черниговский государственный
институт экономики и управления

Поступила в редакцию 13.10.2014

Основные направления совершенствования организации социально-экономического обслуживания населения в Республике Беларусь

Л.П. Делидович, Т.В. УШАК

Одной из целей социальной политики государства является обеспечение надежной социальной защиты населения, а также выбор эффективных схем финансирования социальных программ. В статье обозначены современные проблемы социального обслуживания населения, подходы к его финансированию в Республике Беларусь, а также намечены основные направления его совершенствования.

Ключевые слова: социальная политика, социальное обслуживание, финансирование, государственный социальный заказ, эффективная адресная защита.

One of the goals of social policy is to provide reliable social protection of the population, as well as the choice of effective schemes of financing social programs. Modern problems of social services, approaches to its financing in Belarus are marked, and the main directions of its improvement are identified.

Keywords: social policy, social service, funding, state social order, effective address protection.

Главной целью социальной политики в Республике Беларусь является предоставление каждому трудоспособному человеку возможности своим трудом и предприимчивостью создать свое семейное благосостояние, а для нетрудоспособных и нуждающихся граждан – обеспечить надежную социальную защиту. При этом социальная защита должна быть исключительно адресной и направлена на конкретные, самые незащищенные группы и слои населения [1].

Смысл эффективной адресной социальной защиты состоит в том, чтобы сконцентрировать ограниченные ресурсы на удовлетворении потребностей социально незащищенных слоев населения. Характерным явлением в эволюции социальной политики будет ее дальнейшая муниципализация, т. е. перенос центра тяжести адресной социальной защиты на местный уровень: помощь должна быть приближена к потребителю.

Устойчивой тенденцией последних лет стало увеличение численности пожилых граждан. Согласно прогнозным оценкам к 2015 г. доля пожилых граждан в структуре населения республики достигнет 24 %.

Решение проблем названных категорий населения направлено на создание правовых, экономических и социальных условий для охраны здоровья и удовлетворения их потребностей в социальном обслуживании, социальных услугах, средствах реабилитации и реабилитационных мероприятиях, что отражено в Комплексной программе развития социального обслуживания на 2011–2015 гг. [2].

Целью Комплексной программы является создание условий для устойчивого повышения уровня и качества жизни ветеранов, лиц, пострадавших от последствий войн, пожилых людей и инвалидов, повышение эффективности и доступности социальной защиты [2], базирующейся на государственных социальных гарантиях и стандартах.

Финансирование мероприятий Комплексной программы осуществляется за счет средств, предусмотренных на эти цели в республиканском и местных бюджетах, иных источников, не запрещенных законодательством, а также доходов, полученных от капитализации временно свободных средств Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты.

Основной на сегодняшний день формой государственной организации социальных услуг для населения в Беларуси является прямое бюджетное финансирование поставщиков услуг в лице госучреждений. Наличие разветвленной сети государственных социальных учреждений является гарантией обеспечения минимальных социальных стандартов в государстве. Вместе с тем эта форма имеет серьезные недостатки, поскольку государственная монополия на социальное обслуживание часто является причиной неэффективного расходования бюджетных средств и низкого качества оказываемых услуг.

Во-первых, распорядитель бюджетных средств не имеет полного представления о конкретных услугах, которые оказывает поставщик, и их удельной стоимости в общем объеме сметного финансирования. Как правило, это представление ограничено общими понятиями о

тематике услуг, например, «работа с семьей», «работа с детьми-инвалидами» и т. д. А на основе существующего постатейного сметного финансирования чрезвычайно сложно понять, сколько же конкретно стоит та или иная услуга. Это не позволяет четко соотнести предоставляемые услуги с выделяемыми на их оказание бюджетными ресурсами.

Во-вторых, содержание по смете ориентирует поставщика не на достижение результата социальных услуг, то есть положительных изменений у потребителей (например, приобретение детьми-инвалидами способности самостоятельно надевать одежду и обувь), а на обеспечение процесса оказания социальных услуг (например, исключительно на количество обслуженных детей-инвалидов), а в худшем случае – на демонстрацию этого процесса. Стремление достичь результата является в существующей системе правом поставщика, а не его обязанностью, что ставит результативность социальной услуги в абсолютную зависимость от субъективных факторов.

В-третьих, у распорядителя бюджетных средств очень часто отсутствует описание стандартов, обеспечивающих качественное и результативное оказание услуги. Показателен факт, что ключевым государственным минимальным социальным стандартом в области социального обслуживания является обеспеченность административных районов Центрами социального обслуживания населения, а не набор бесплатных и общедоступных социальных услуг, предоставление которых гарантируется государством за счет финансирования из республиканского и местных бюджетов.

В большинстве стран как экономически развитых, так и развивающихся созданы законодательные механизмы, которые позволяют привлекать к оказанию услуг, приоритетных для государства, всех субъектов гражданских правоотношений независимо от формы собственности и подчиненности. Государства выполняют стоящие перед ними социальные задачи путем реализации и финансирования социальных программ, предоставления налоговых и иных льгот, субсидий юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, работающим в социальной сфере, а также закупки социально значимых услуг и проектов через механизм государственного социального заказа.

В отличие от традиционного сметного финансирования бюджетных учреждений, государственный социальный заказ осуществляется на договорных началах. Ключевыми преимуществами этого подхода являются:

- наличие четкого технического задания на оказание социальных услуг;
- ответственность исполнителей заказа перед заказчиком в объеме, предусмотренном договором;
- выбор наиболее компетентного исполнителя за счет использования конкурсных механизмов размещения заказа;
- государственный заказ стимулирует возникновение конкурентной среды поставщиков социальных услуг, что ведет к повышению качества услуг и удовлетворенности клиентов услугами;
- более эффективное использование бюджетных средств за счет снижения закупочной стоимости услуг и возможности оценить результативность и эффективность предоставляемых услуг на основе технического задания на оказание социальных услуг.

В качестве предмета заказа выступает социальная услуга или проект, сформулированные государственным заказчиком в виде технического задания. Техническое задание на оказание социальных услуг позволяет оценить результативность и эффективность предоставляемых услуг.

Для создания грамотного технического задания заказчик должен провести анализ социальной проблемы; разработать техническое задание, реализация которого решит проблему; проанализировать риски реализации технического задания.

На всех этих этапах необходимо использовать мнение как можно большего круга заинтересованных сторон и, в том числе, мнение самих потенциальных клиентов.

Весьма важным моментом является то, что социальный заказ должен служить одним из инструментов реализации социальных программ государства. При программно-целевом подходе вначале на базе анализа существующей ситуации определяются общественно значимые приоритеты, ставятся задачи, для решения которых разрабатываются комплексные программы, определяются ответственные за выполнение тех или иных разделов программ. Затем, исходя из приоритетов и наличных ресурсов, для выполнения программ в бюджете устанавливаются объемы денежных средств. Естественно, в таких условиях для достижения наибольшего эффекта при максимально возможной экономии сил и средств необходимы поиски наилучшего исполнителя тех или иных работ. Создание новой государственной структуры во многих случаях является

далеко не самым рациональным способом освоения выделяемых для решения социальной проблемы бюджетных средств. В то же время, как правило, существуют негосударственные некоммерческие организации, которые уже начали заниматься решением той же социальной проблемы, когда она еще не выросла до такого масштаба, что привлекла внимание государственных органов, как республиканских, так и местных.

Организации, претендующие на государственное финансирование в рамках социального заказа, часто привлекают для реализации социальных проектов дополнительные средства из различных источников, таких как пожертвования из бизнеса, членские взносы, волонтерский труд граждан, гранты международных фондов, прибыль от экономической деятельности, направленной на уставные цели. Привлечение дополнительных средств может быть одним из условий размещения государственного социального заказа.

Государственный социальный заказ стимулирует возникновение конкурентной среды поставщиков социальных услуг, что ведет к повышению качества услуг и удовлетворенности клиентов услугами, а также позволяет более эффективно использовать бюджетные средства за счет снижения стоимости услуг.

Ещё одним фактором, влияющим на снижение стоимости социальных услуг, оказываемых общественными объединениями, является использование волонтерского труда. По оценкам экспертов из общественных организаций, в среднем в дополнение к одному оплачиваемому на постоянной или временной основе работнику некоммерческой организации к работе привлекается еще один человек на добровольных началах. Есть примеры и более активного использования волонтеров. В Белорусском Обществе Красного Креста на 400 сотрудников приходится 23 000 волонтеров.

Занятые в общественных организациях – это, как правило, квалифицированные кадры: студенты и преподаватели, совмещающие деятельность в общественных организациях с основной деятельностью, пенсионеры, работники предприятий, работающие в режиме неполной занятости. Общественные организации активно вовлекают в волонтерскую деятельность подростков, обеспечивая их занятость в свободное от учебы время. Таким образом, общественные организации в процессе своей социально значимой деятельности одновременно решают проблемы создания рабочих мест, развития гибких форм занятости.

Повышение эффективности бюджетных расходов происходит также за счет перехода от принципа «управления затратами» к принципу «управления результатами».

Таким образом, при применении социального заказа все оперативные вопросы организации предоставления услуг ложатся на плечи привлекаемого на конкурсной и договорной основе внешнего поставщика услуг, а функции сотрудников органов исполнительной власти концентрируются на формировании технического задания, организации проведения конкурса и мониторинге работы поставщика. Технология заказа во многих странах проявила себя как важнейший инструмент успешной реализации местной или региональной социальной политики. Через формирование заказа на основе конкретных приоритетов социальной политики у местной власти появляется возможность четко определять и через договор ориентировать поставщиков услуг на требуемые группы получателей услуг, требуемую номенклатуру услуг с их качественно-количественными характеристиками и ожидаемые результаты. Кроме проблемы финансирования социального обслуживания населения можно указать и другие слабые места действующей системы социального обслуживания населения:

- материально-техническая база большинства организаций социального обслуживания развита слабо и финансируется в недостаточных объемах. Так, социальным обслуживанием на дому охвачен всего 51 % сельских населенных пунктов, в том числе, 40 % – малонаселенных отдаленных;

- в сфере социального обслуживания действует всего один государственный минимальный социальный стандарт – обеспеченность административных районов центрами социального обслуживания населения. Он отражает не удовлетворение основных потребностей граждан в материальных благах и услугах, а организационную структуру части государственных учреждений социального обслуживания;

- отсутствие связи между количеством и качеством оказанных услуг и объемом бюджетного финансирования (финансирование процесса, количества обслуженных, а не результата оказания услуг, т. е. положительных изменений у потребителей в результате получения услуги);

– распорядитель бюджетных средств не имеет полного представления об удельной стоимости тех или иных услуг в общем объеме сметного финансирования, что не позволяет оценить эффективность использования бюджетных средств в социальной сфере. В белорусской практике учитываются в основном прямые расходы, связанные с непосредственным предоставлением услуги: денежные выплаты, стоимость благ, выданных в натуральной форме, и т. п. Отсутствие расчетов полной стоимости услуг не позволяет сформулировать реалистичные требования к содержанию бюджетных услуг и условиям их предоставления, а также найти баланс между ожиданиями потребителей услуг и располагаемыми финансовыми ресурсами.

С учетом международного опыта государств с сильной социальной политикой можно выделить следующие направления совершенствования системы социального обслуживания в Республике Беларусь.

1. Развитие системы социального обслуживания на принципах субсидиарности, смысл которой состоит в том, что прежде всего в трудных жизненных ситуациях должна действовать наименьшая ячейка общества, например, семья, соседи.

2. Применение программ адресной результативно-ориентированной социальной помощи малоимущим. Эти программы должны быть ориентированы на достижение устойчивых и измеримых результатов у получателей помощи за счет активизации их внутреннего потенциала и использования комплекса современных подходов. Такими подходами являются встречные обязательства клиентов и санкции за их нарушение, адресный характер помощи, индивидуальный подход к назначению помощи и дифференцированный размер денежных пособий, применение экономических стимулов к достижению клиентами результатов, учет социально-экономической специфики территорий, комплексность помощи, включая услуги службы занятости. Основным результатом таких программ должно быть появление у граждан возможности впоследствии жить независимо от выплат и услуг системы социального обслуживания.

3. Мониторинг и оценка результативности предоставления социальной помощи и социальных услуг. Целью разработки и применения этой системы является переориентация существующей практики мониторинга в бюджетной сфере с процесса на результат. При этом важно, чтобы данные мониторинга результативности не оставались лишь в отчетах, а активно использовались при принятии управленческих решений и, следовательно, повышали качество этих решений. Для этого важно обеспечить логическую связь между собираемыми данными и управленческими решениями, находящимися в компетенции соответствующих органов социальной защиты населения; определение ожидаемых результатов социальной помощи в реалистичном и измеримом виде и на основании потребностей той клиентской группы, для которой она оказывается; совмещение достоверности, низкой ресурсоемкости и простоты использования в способах сбора информации; учет социальной помощи, которая оказывается на территории региона на внебюджетные средства.

4. Использование практики потребительских субсидий в форме социального сертификата (ваучера), то есть документа на предъявителя, который потребитель получает от распорядителя бюджетных средств и может его обменять на конкретную услугу у поставщиков. Круг этих поставщиков может заранее определяться распорядителем бюджетных средств путем квалификационного отбора. После оказания услуги поставщик по полученному от потребителя сертификату получает возмещение стоимости услуги от распорядителя бюджетных средств. Социальные сертификаты позволяют:

- а) стимулировать у клиентской группы целевой спрос на ту или иную услугу;
- б) повышать удобство получения услуги для потребителей;
- в) создавать мотивацию для поддержания и повышения качества услуг за счет появления конкурентных отношений среди поставщиков;
- г) предоставлять возможность контроля качества работы поставщика на услуги со стороны органа власти, который выступает заказчиком;
- д) максимально снижать коррупционные риски, так как поставщики услуг в конечном итоге конкурируют между собой не перед чиновниками, а перед самими потребителями услуг.

5. Введение практики нормативно-целевого финансирования государственных бюджетных организаций.

При нормативном финансировании расходы на оказание конкретных услуг потребителям рассчитываются по единым нормативам, устанавливаемым органами власти. Нормативы утверждаются решением органов исполнительной власти и применяются для расчета ассигнований, предоставляемых бюджетным организациям для выполнения государственных заданий. Нормативный подход к финансированию создаст у бюджетных учреждений заинтересованность в увеличении объемов предоставления услуг и приведет к снижению затрат на их производство.

6. Создание правовых условий для обеспечения норм «поддерживающей занятости» или «защищенной занятости», что позволит регулировать трудовые отношения для людей с ограниченными возможностями, неконкурентоспособных на открытом рынке труда.

Сегодня предусмотрены налоговые льготы для предприятий, имеющих численность инвалидов более 50 % от общего числа работников. Этот вид льгот стимулирует только специфические производства, ориентированные исключительно на инвалидов, но не стимулирует интегрирование инвалидов в обычные трудовые коллективы. Нужна государственная система стимулирования, которая бы была ориентирована на трудоустройство инвалидов вне зависимости от их доли в общей численности работников предприятия.

7. Обеспечение благоприятных правовых условий для деятельности групп взаимопомощи и некоммерческих организаций, оказывающих социальную помощь населению, а также граждан, оказывающих благотворительную помощь организациям социального обслуживания и введение льготного режима налогообложения для некоммерческих организаций системы социального обслуживания, производящих социальные услуги.

Литература

1. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://president.gov.by/ru/poslanie>. – Дата доступа : 25.01.2014.
2. Комплексная программа развития социального обслуживания на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 29 июля 2010 г., № 1126 : с последними изменениями и дополнениями, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 1 ноября 2013 г., № 952. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=5/32266>. Дата доступа : 25.01.2014.
3. О государственной адресной социальной помощи : Указ Президента Республики Беларусь, 14.09.2009 г., № 458 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 224.

Государственное регулирование регионального рынка потребительских товаров и услуг

В.С. ЛОПАНОВА

Рассмотрены методы осуществления государственного регулирования рынка потребительских товаров и услуг на основе прогноза развития рыночной ситуации, а также с помощью внутриэкономического регулирования и бюджетной политики.

Ключевые слова: рынок, потребительский рынок, государственное регулирование, бюджетная политика, налоги, сборы, монополия, антимонопольная политика

Methods of state regulation of the market of consumer goods and services based on the forecast of the market situation, as well as with the help of domestic economic management and fiscal policy are considered.

Keywords: market, consumer market, state regulation, budgetary policy, taxes, charges, monopoly, competition policy.

Введение. Основной целью прогнозирования ситуации на рынке потребительских товаров является предоставление исходной информации для разработки системы по эффективной адаптации субъектов хозяйствования к изменяющимся условиям экономической среды. Вместе с тем, помимо информационной прогнозы выполняют стимулирующую функцию в случае, если дополняются системой регулятивных мероприятий, направленных на создание благоприятных условий для достижения субъектами хозяйствования оптимальных параметров рыночной политики.

Регулирование деятельности субъектов хозяйствования на основе прогноза развития рыночной ситуации может осуществляться с помощью различных методов и способов регулятивного воздействия. Однако большинство из них имеют макроэкономический контекст, инструментарий регулирования на региональном рынке значительно более ограничен. Меры регулятивного воздействия на региональный потребительский рынок можно классифицировать следующим образом:

1. *Бюджетная политика*, которая имеет два существенных аспекта:

– фискальная политика, которая направлена на получение бюджетных доходов путем налоговых и иных изъятий части национального дохода;

– политика расходов, которая определяется объемами и направлениями бюджетного финансирования, а также объемами и характером финансирования бюджетных дефицитов.

Основными методами осуществления данной политики являются различные виды бюджетных изъятий, в том числе:

– налоги;

– сборы в бюджетные и внебюджетные фонды;

– штрафные санкции;

– платежи за услуги госорганов (госпошлины);

– доходы от государственной собственности.

Налоги и сборы подразделяются на:

– прямые, т. е. те, которыми облагаются финансовые агрегаты деятельности предприятий;

– косвенные, т. е. те, которые исчисляются от выручки и фактически уплачиваются потребителями, поскольку включаются в цену;

– ресурсные платежи, т. е. те, которыми облагаются объемы используемых предприятием производственных факторов (полезных ископаемых, недвижимости и т. д.).

Границей фискальных изъятий в экономике служит такой их уровень, при котором фискальные изъятия начинают оказывать негативное влияние на деловую активность. Считается, что уровень налогового перераспределения национального дохода не должен превышать 45 %, хотя для переходных экономик этот уровень не должен быть выше 30 %, поскольку предпринимательская активность и финансовая устойчивость экономических субъектов объективно

ниже в период системных трансформаций. Поскольку в унитарных государствах, к которым относится и Республика Беларусь, налоговая система структурируется вертикально, многие элементы при регулировании потребительского рынка являются императивными. Вместе с тем в руках местных властей находятся достаточно мощные инструменты воздействия в виде местных налогов, платы за регистрацию и порядок разрешительных процедур, регулирующие вхождение на рынок новых субъектов хозяйствования, установления в определённых рамках арендной платы за помещения, подавляющее большинство из которых находится в государственной коммунальной собственности.

Экономическое вмешательство государства с помощью бюджетных расходов может осуществляться различными методами:

- социальными трансфертами, т. е. финансированием конечных потребителей;
- субсидиями предприятиям для поддержания их производственной деятельности;
- целевыми субсидиями, которые заключаются в оплате вместо предприятий определённых расходов;
- субвенциями, которые заключаются в оплате вместо предприятий инвестиционных либо инновационных расходов;
- долевым финансированием инвестиционных проектов вместе с предприятием;
- льготным кредитованием предприятий [1].

Данные мероприятия, направленные на создание льготных условий для деятельности субъектов хозяйствования определённой специализации, либо для обращения определённых видов товаров, способны существенно изменять ситуацию на потребительском рынке с целью выполнения индикативных прогнозов.

2. *Внутриэкономическое регулирование* заключается в создании искусственной системы стимулов для различных видов деятельности либо отдельных предприятий и их групп. Основные составляющие внутренней экономической политики: создание системы льгот и преференций; регулирование цен (установление твердых цен на определенные товары, ограничение торговой надбавки, установление предельных индексов роста цен, ограничение рентабельности и др.); государственный заказ на определенные виды товаров с целью регулирования их дальнейшего распределения; государственное предпринимательство.

Следует отметить, что практически все вышеупомянутые способы регулирования рыночных отношений противоречат структурообразующим признакам рыночной экономики. Данные способы искажают оптимальную систему товарно-материальных и финансовых потоков, а также соотносительный уровень цен и прибыльность различных товаров, что вызывает диспропорции между потребительской ценностью и ресурсной обеспеченностью товара с одной стороны и его выгодностью для производителя с другой, что в свою очередь приводит к инфляции, кризису сбыта и неэффективному распределению ресурсов. В плане государственного вмешательства единственной приемлемой мерой является универсальное (общеекономическое) стимулирование деловой активности путем введения общедоступных налоговых и таможенных льгот для вновь образованных предприятий, инвесторов и т. п. Государственное предпринимательство при этом гораздо менее эффективно, чем частное, поскольку люди, принимающие управленческие решения в этом случае, не обладают стимулами к сохранению и приумножению капитала предприятия. Исключение могут составить виды деятельности в области инфраструктуры либо фундаментальных научных исследований, которые не являются рентабельными. Однако деятельность таких госпредприятий должна соотносываться в первую очередь с потребностями иных секторов экономики.

3. Социальная политика, которая заключается в социальной поддержке временно либо постоянно нетрудоспособных граждан, обеспечение универсального минимума социальных гарантий и прав.

4. Создание законодательно-нормативной базы экономической деятельности путем регламентирования и регулирования организационных форм субъектов хозяйствования, обязательных требований к формам взаимоотношений между субъектами хозяйствования, их организации и осуществлению деятельности.

5. Экологическая политика, которая заключается в установлении требований и ограничений субъектов хозяйствования в плане объемов выбросов в окружающую среду загрязняющих

веществ, охраны естественных ландшафтов и эксплуатации природных ресурсов, а также установление платы за ресурсы и санкций за нарушение природоохранного законодательства.

6. Создание инфраструктуры функционирования субъектов хозяйствования, т. е. строительство и поддержание в эксплуатационном состоянии объектов коммуникационной, энергетической и иной инфраструктуры.

7. Антимонопольная политика, заключающаяся в демополизации рынков и регулировании деятельности естественных монополий путем ограничения цен, рентабельности монополий, а также в ряде других мероприятий.

Методы антимонопольного регулирования включают в себя:

- контроль за ценовой политикой монополий, ограничение их доходности и рентабельности;
- контроль и запрет на слияния;
- мониторинг доли рынков;
- разукрупнение и реструктуризация монополий.

8. Регулирование оборота социально опасных товаров, продуктов и веществ путем установления особых требований и контроля их соблюдения в отношении производства, хранения, переработки, транспортировки, сбыта этих товаров [3].

9. Обеспечение социальной безопасности общедоступных товаров и технологических процессов. Особенно это касается продовольственных, сложнотехнических и детских товаров.

В области контроля за производством и технологиями можно выделить следующие методы:

- установление государственной монополии на производство и оборот отдельных товаров;
 - государственная регистрация субъектов хозяйствования;
 - разрешительная система на определенные виды деятельности (лицензирование, сертификация);
 - установление требований к финансово-экономическому состоянию субъектов хозяйствования.
- Говоря об эффективности государственного вмешательства, следует отметить следующее:
- государственная монополия допустима лишь в области производства и оборота товаров, не предназначенных для широкого потребления (оружия, наркотиков и т. п.);
 - регистрация субъектов хозяйствования должна быть не разрешительной, а заявительной, т. е. при соответствии учредительной документации четко определенному набору требований регистрация должна производиться автоматически;
 - лицензироваться должны только те виды деятельности, которые связаны с продукцией, оборот которой необходимо ограничить (алкоголь, табак, лекарства), либо осуществляющие деятельность, для эффективности которой нужно обладать специфическим набором характеристик (привлечение средств во вклады, торговля драгоценными металлами и камнями и т. д.);
 - сертификации должны подвергаться товары широкого потребления, которые могут представлять опасность для здоровья потребителей (продукты питания, электроника, лекарства).

Следует отметить, что выбор эффективных методов государственного стимулирования выполнения прогнозов развития потребительского рынка зависит от соответствия данных методов основным сущностным условиям функционирования рыночной экономики.

Хотя существует несколько моделей рыночной экономики, обладающих значительной спецификой, можно выделить несколько функциональных аспектов, свойственных экономическим взаимоотношениям субъектов хозяйствования в любой экономике рыночного типа:

1. Формирование как абсолютного, так и соотносительного уровня цен должно осуществляться на основе равновесия спроса и предложения на оцениваемый товар, поскольку только такая ценовая система может отражать актуальность того или иного товара для платежеспособного потребителя.

2. Соотносительная доходность видов деятельности с целью максимально эффективно распределения ресурсов должна формироваться на основе рыночной оценки как конечного продукта, так и ресурсов для его производства. При этом наиболее прибыльные виды деятельности являются именно теми, которые сочетают в себе максимальную актуальность для потребителя с высоким ресурсным потенциалом развития [2].

Существует конечная диспропорция между ростом производства и предложения преференцированных товаров и падением спроса на них. При этом на рынках возникает новое равновесие между структурой потребительских предпочтений и экономической эффективно-

стью производства и инвестирования отдельных товаров (товарных групп), но при увеличившемся масштабе цен. При вышеописанных процессах возможны два варианта состояния рынков преференцированных товаров:

– если при наличии льготных условий продавцы сохраняли цены неизменными, стремясь получить дополнительную прибыль за счет возросшей рентабельности, отток средств с потребительского рынка данных товаров на рынки товаров более актуальных вынуждает экономические субъекты снижать цены, чтобы сохранить объемы сбыта;

– если в условиях создания преференций производители понижали цены, стремясь получить выгоду за счет прироста объемов сбыта, то в условиях перераспределения потребительского спроса в пользу иных рынков в силу повышения цен на них, преференцируемые экономические субъекты вынуждены сохранять уровень цен, чтобы не потерять рынок сбыта.

В обоих случаях преференцируемые рынки неинфляционны, однако в условиях роста цен на рынках, более актуальных для потребителя товаров, общие показатели инфляции будут иметь позитивную динамику.

Следует отметить, что инфляция, вызванная структурными преференциями государства, возникает как в тех условиях, когда льготы носят инфляционный характер (финансирование отдельных видов экономической деятельности за счет прироста денежной массы), так и в тех условиях, когда льготы не предполагают денежно-кредитной эмиссии.

3. В целях оптимизации распределения производственных ресурсов необходимо обеспечить свободу субъектов хозяйствования в распоряжении собственными активами, включая свободный выбор контрагентов и видов деятельности, за исключением запрещенной законом.

4. Необходимо обеспечить равные условия доступа всех субъектов хозяйствования как на рынки сбыта продукции, так и на ресурсные рынки с целью выявления наиболее эффективных предприятий при равных начальных условиях деятельности.

Поскольку социальный эффект рыночной системы хозяйствования существенно повышается в конкурентной среде, необходимо обеспечить ее наличие на всех товарных и прочих рынках, включая финансовый рынок и рынок трудовых ресурсов [4].

Таким образом, меры по стимулированию выполнения прогнозных показателей на потребительском рынке не должны приводить к искажению рыночных сигналов для субъектов хозяйствования, а также затруднять эффективное реагирование последних на изменяющиеся рыночные условия. Вместе с тем наиболее распространенными методами воздействия государства на региональные потребительские рынки до настоящего времени в Республике Беларусь являлись:

– финансирование расходов субъектов хозяйствования;
– финансирование потребительских расходов;
– создание структурных льгот и преференций (различные условия доступа на рынок предприятий и товаров, налоговые льготы для отдельных товаров, отраслей и предприятий и т. п.).

Данные меры весьма существенно искажают рыночные сигналы и могут привести к неэффективности хозяйственной деятельности и существенным диспропорциям в соотношении потребительских предпочтений и привлекательности предложения товаров для потребителей.

Литература

1. Беляевский, И.К. Маркетинговое исследование: информация, анализ, прогноз : учебное пособие / И.К. Беляевский. – М. : Финансы и статистика, 2013. – 400 с.
2. Ильин, С.В. Методы и модели анализа и прогнозирования региональной экономической динамики / С.В. Ильин, Л.А. Ильина. – УГАТУ, 2009. – 55 с.
3. Алетдинова, А.А. Экономическое прогнозирование / А.А. Алетдинова, Ю.А. Антипова. – Новосибирск : СибУПК, 2006.
4. Лопанова, В.С. Прогнозирование спроса на региональном рынке потребительских товаров: теоретический аспект / В.С. Лопанова // Проблемы повышения эффективности государственного регулирования экономики Республики Беларусь : сб. науч. ст. ; под науч. ред. Б.В. Сорвирова. – Гомель : ЦИИР, 2011. – С. 86–90.

Гибкие методологии разработки программного обеспечения: экстремальное программирование управления проектами

А.А. МЕЛЬЧЕНКО

Рассматривается методология разработки и использования экстремального программирования для управления планированием создания проектов информационных технологий в фирмах. Показаны принципы, приёмы, этапы, преимущества и недостатки экстремального программирования.

Ключевые слова: экстремальное программирование, планирование, проект, продукт, разработка, система.

Methodology of development and use of extreme programming to manage the planning of projects in information technology firms is considered. Principles, methods, steps, advantages and disadvantages of extreme programming are shown.

Keywords: extreme programming, planning, project, product, development, system.

Во многих IT-компаниях разработка программных продуктов представляет собой достаточно хаотическую деятельность, которую можно охарактеризовать как «code and fix» («пишем и правим»). IT-проект содержит множество краткосрочных задач, а единого плана часто не существует. Такой подход допустим для небольшой системы, однако как только система начинает расти – добавлять в нее новые свойства и задачи становится затруднительно. И чем больше становится система, тем больше в ней появляется ошибок, которые все сложнее исправлять – процесс менеджмента задач становится неуправляемым. Большинство создаваемых IT-продуктов имеют долгий тестовый период после разработки всей функциональности. Компании редко закладывают в план проекта этот отрезок времени, поэтому заказчики сталкиваются со срывами сроков сдачи проекта. Планирование данного отрезка времени представляется затруднительным, так как при тестировании появляются ошибки различного характера, на исправление которых может потребоваться много времени.

Чтобы сдать проект в срок и понести минимальные потери времени и издержки, компании могут использовать удобную для них методологию разработки и управления, которая превращает создание программного продукта в упорядоченный процесс. Если правильно подобрана методология управления проектами – работа программиста становится более прогнозируемой и эффективной.

Одной из самых обсуждаемых и популярных современных методологий является экстремальное программирование (Extreme Programming, XP). Экстремальное программирование представляет собой метод разработки программного обеспечения (ПО) «снизу-вверх». Данный метод – яркий пример так называемой гибкой или адаптивной методологии разработки (Agile Development Method). Гибкие методологии получили широкое распространение в последние несколько лет и, в первую очередь, их популярность обусловлена адаптивностью данного подхода. Для тяжеловесных методологий необходимо детальное планирование большого объема разработок. Такой подход работает до тех пор, пока не возникнет необходимость вносить изменения. Следовательно, для этих методологий является естественным сопротивляться любым изменениям. Гибкие методологии, напротив, изменения приветствуют. В отличие от тяжеловесных, они были задуманы как процессы, которые адаптируют изменения и выигрывают от них, даже в том случае, когда изменения происходят в них самих. Вторым немаловажным качеством, которое обеспечило популярность гибким методологиям, является ориентация не на процесс, а на человека. Agile-методологии предлагают учитывать природные качества человеческой натуры, а не действовать им наперекор. Кроме этого в гибких методологиях особо подчеркивается то, что работа по созданию программных продуктов должна приносить удовольствие членам команды [1, с. 57].

Гибкие методологии решают проблему чрезмерной бюрократизации в разработке ПО, например: избыточность документации, не влияющей на результат работы, необходимость заполнения ненужных форм и таблиц и т. д. Как правило, большая часть этих документов является формальностью и никак не влияет на скорость и качество разработки программного обеспечения. Компании, использующие адаптивные методологии, как правило, показывают большую эффективность, а также скорость и качество создания ПО. Это связано с тем, что разработчики большую часть времени тратят непосредственно на разработку того функционала, который необходим в ближайшее время, четко обозначен и продуман, не пытаясь объять все аспекты будущего продукта. Дополнительная эффективность работы команды разработчиков достигается также за счет упрощения документооборота и отказа от следования изначальной спецификации проекта, что позволяет быстрее и качественнее реагировать на изменения в требованиях и в окружении, в котором придется работать будущей программе [2].

Экстремальное программирование сводится к использованию ряда принципов, идей и приёмов:

- гибкое планирование (*planning game*). Задача гибкого планирования как можно быстрее определить объем работ, который нужно выполнить до следующей версии программного продукта. Главными здесь выступают потребности заказчика, то есть то, что ему нужно от продукта для более успешного ведения бизнеса, на втором месте – оценка трудоемкости проекта, совместимость с остальными элементами системы и т. д., то есть технические оценки. Планы изменяются, как только они начинают расходиться с действительностью или пожеланиями заказчика;

- частая смена версий (*small releases*). Первую версию программного продукта нужно сделать как можно быстрее. Следующие версии должны быть готовы через достаточно короткие промежутки времени (от нескольких часов при небольших изменениях и небольшой программе, до месяца-двух при серьезной переработке крупной системы);

- метафора (*metaphor*) системы. Метафора – простое и понятное изложение механизма работы системы. Основная суть технических решений должна быть описана буквально в нескольких фразах;

- простые проектные решения (*simple design*). Система не должна быть сложной. Ее нужно конструировать настолько просто, насколько это возможно. Если где-то обнаружена сложность – она сразу убирается;

- разработка на основе тестирования (*test-driven development*). Разработчики сначала пишут тесты, потом пытаются реализовать свои модули так, чтобы тесты срабатывали. Заказчики заранее пишут тесты, которые демонстрируют основные возможности системы, чтобы можно было увидеть, что система работает;

- постоянная переработка (*refactoring*). Чтобы избежать излишней сложности, разработчики постоянно проверяют и перерабатывают систему. Код нужно упрощать, увеличивать его гибкость без изменения в его поведении и т. д. После каждой переработки проводится тестирование системы. При этом программисты останавливаются на более элегантных и простых решениях, нежели на тех, которые просто дали результат;

- программирование парами (*pair programming*). Для более эффективной работы разработчики могут работать в паре. При этом один занимается непосредственно написанием кода, а второй наблюдает за ситуацией со стороны, тестирует и дает советы по улучшению. Необязательно работать в одной и той же паре, программисты время от времени сменяются в зависимости от типа задачи. Также какую-то часть времени разработчик может заниматься написанием кода и потом перейти к анализу;

- коллективное владение кодом (*collective ownership*). За код отвечает вся команда. В любой момент времени любой член команды может изменить код, если это необходимо, и неважно, кто его написал. Разработчик не может выделить для себя часть работы и нести ответственность только за нее;

- постоянная интеграция (*continuous integration*). Как только пара программистов выполнила задачу, система проходит интеграционное тестирование. Чем больше раз система будет протестирована, тем лучше. Желательно повторять эту процедуру несколько раз в день;

- 40-часовая рабочая неделя. Если команда перерабатывает положенное время, то это первый признак начинающихся неприятностей в проекте. Возможно, дело в неточном планировании. Не допускается переработка сверх рабочего дня на протяжении одной-двух недель. В подобной ситуации, как правило, наблюдается «выдыхание» разработчиков и сильно снижается их продуктивность;

– включение заказчика в команду (on-site customer). К команде разработчиков подключается и представитель заказчика, который доступен в течение рабочего дня программистов. Он должен оперативно отвечать на возникающие в ходе работы вопросы, касающиеся работы ПО, например, требуемой производительности, необходимости поддерживать связь с другими приложениями, работой системы в сложных ситуациях и пр.;

– использование кода как средства коммуникации. Ясность и понятность кода – одно из ключевых требований в работе команды. В данном случае код выступает средством общения между разработчиками. В этой связи он должен следовать определенным стандартам, которые знает каждый член команды. Такие стандарты, помимо ясности кода, должны обеспечивать минимальность выражений;

– открытое рабочее пространство (open workspace). Разработчики работают в одном достаточно просторном помещении с целью упрощения коммуникации и возможности проведения коллективных обсуждений при планировании и принятии важных технических решений;

– изменение правил по необходимости (just rules). Каждый член команды должен принять перечисленные правила, но при возникновении необходимости команда может поменять их, если все разработчики пришли к согласию по поводу этого изменения [3, с. 112].

Экстремальное программирование рассчитано на небольшие команды (2–10 человек). Авторы методики подчеркивают, что большее количество разработчиков разрушит простоту коммуникации и сделает невозможным применение многих их вышеперечисленных приемов.

Среди достоинств ХР стоит выделить большую гибкость, возможность быстро и аккуратно вносить изменения в программное обеспечение в ответ на изменения требований заказчиков, высокое качество получающегося в результате кода и отсутствие необходимости убеждать заказчиков в том, что результат соответствует их ожиданиям.

Процессы, этапы и итеративность в экстремальном программировании. Организацию процесса экстремального программирования можно представить в виде последовательно выполняемых операций.

Первый этап. Как только поступает проект от заказчика, менеджер команды принимает решение, будут ли они с ним работать. Менеджер основывается на: занятости команды в данный момент времени, сложности проекта, опыте своих разработчиков и желании команды работать над этим проектом. Если решение принимается положительное, то между заказчиком и исполнителем заключается предварительный договор.

Второй этап. После заключения предварительного договора, представители заказчика составляют так называемые карточки с историями. История – это описание одной из способностей будущего ПО. Затем разработчики изучают карточки на предмет возможности программной реализации и их целесообразности. Если у команды появляются замечания относительно историй, предоставленных заказчиком, карточки отправляются на доработку. Как только согласован и утвержден полный список историй, команда разработчиков переходит к планированию и согласованию дедлайна проекта. Заключается основной договор [3, с. 285].

Третий этап. Этот этап предполагает короткое и быстрое планирование. Вводится системная метафора (system metaphor) – история, описывающая логику работы ПО, которую могут рассказать любые участники проекта – заказчики, разработчики и менеджеры. Далее все члены команды занимаются планированием версии системы: отбирают приоритетные для заказчика истории, определяют основные методы, средства и технологии, которые будут использованы при реализации данной версии. В результате планирования все участники процесса приходят к единому, устраивающему всех, решению. Это решение является оптимальным как с точки зрения затрат ресурсов, так и с точки зрения временных затрат. На этом этапе также осуществляется итерационное планирование. Классической продолжительностью итерации считается две недели. У каждой итерации есть определенный набор целей, и она создает работающую реализацию конечной системы. Каждая последующая итерация строится на результатах предыдущих, развивает и совершенствует систему до тех пор, пока не будет создан конечный продукт. В процессе итеративной разработки производятся рабочие версии системы, имеющие некий ограниченный набор требуемых свойств. Таким промежуточным версиям недостает функциональности, но по созданным функциям они соответствуют конечной системе. Промежуточные варианты системы должны быть интегрированы и протес-

тированы, как и конечная версия продукта. Все гибкие методологии и ХР в частности, используют именно итеративный подход. Итеративный подход в рамках ХР является особенно эффективным и нужным решением по нескольким причинам:

- приспособлен к меняющимся требованиям. Изменение требований и добавление новых свойств, определяемое заказчиком или нуждами технологии – главная трудность большинства проектов. Это приводит к опозданию со сдачей проекта, нарушению договорных условий, снижению качества конечного продукта и, в результате, неудовлетворенности заказчиков. При этом нарушение графиков сдачи как итогового продукта при разработке программного обеспечения – довольно частая практика. Безусловно, часто меняющиеся требования – результат плохой работы и планирования, но только после получения определенной версии системы, можно целостно оценить, какие ее свойства важны, а какие можно удалить. Выполнение проекта без изменений грозит выпуском продукта, который не будет иметь коммерческой ценности. К тому же следует помнить о таком важном факторе, как время. В мире бизнеса и информационных технологий прогресс стремительно движется вперед и то, что актуально сегодня, через полгода может оказаться устаревшим. В случае если проект рассчитан не на один год, с самого его начала следует готовиться к меняющимся требованиям со стороны заказчика;

- частая интеграция минимизирует переработку. Оставить интеграцию на конец разработки означает получить переработки с большими временными затратами – иногда до половины от всего объема проекта. Чтобы этого не произошло, итеративный подход предлагает разбить весь процесс разработки на небольшие итерации, в конце каждой из которых должна быть готова полноценная рабочая версия системы, полностью оттестированная и интегрированная, в этом случае переработка минимизируется;

- риски обнаруживаются и устраняются на ранних итерациях. Итеративный подход минимизирует риски на ранних стадиях, когда тестируются все компоненты. Он позволяет вовремя обнаружить, является ли предполагаемый риск реальным, а также выявить новые риски. В начале проекта это сделать гораздо легче и менее затратно для компании;

- выпуск продукта с ограниченной функциональностью. Итеративная разработка создает исполняемую архитектуру (хотя и с ограниченной функциональностью), которую можно использовать для быстрого выпуска продукта с некоторыми ограничениями.

Четвертый этап. Происходит непосредственно процесс программирования. Параллельно отрабатывается система модульного автоматизированного тестирования написанного кода. Разработчики работают попарно и после выполнения очередной итерации, сделав рефакторинг, протестировав ПО на работоспособность, интегрируют код в основной проект. Затем происходит тестирование проекта в целом. Во время всего процесса разработки ПО, в офисе или удаленно, с командой работает представитель заказчика, который решает оперативные вопросы, возникающие в процессе разработки [3, с. 288].

Пятый этап. Когда реализация версии заканчивается, она переходит к функциональному тестированию, которое осуществляют представители заказчика. На этом этапе возможно несколько ситуаций:

- в продукте обнаружены ошибки – версия отправляется на доработку;
- заказчик добавляет ряд новых требований в текущую версию программы – версия продукта отправляется на доработку;
- версия одобрена и готова для ввода в эксплуатацию.

Готовым программным продуктом пользуются реальные люди, и разработчики могут сразу проследить поведение системы, увидеть потребности бизнеса. Также заказчик может оценить эффективность разработанного ПО. Если проект убыточен, либо заказчик не видит смысла в его дальнейшей модернизации, он сворачивается. В случае успеха, продукт выполняет свою цель, и заказчик предлагает новые истории для модернизации. После чего начинается оценка этих историй и разработка очередной версии программного обеспечения [4, с. 49].

Таким образом, методология ХР выгодно отличается от классического подхода к разработке программного обеспечения.

Основные преимущества экстремального программирования перед другими методологиями:

- сжатые сроки реализации ПО;

- возможность контроля за соблюдением сроков выполнения проекта;
- минимальное время между оценкой будущего ПО и вводом готового проекта в эксплуатацию;
- отсутствие строгой архитектуры системы (целостность кода обеспечивается постоянным тестированием, рефакторингом дизайна, частой мелкой интеграцией кода);
- постоянная обратная связь с заказчиком;
- сведение к минимуму ошибок при разработке, которые влияют в итоге на себестоимость продукта;
- слаженная работа команды и правильная организация рабочего пространства [5, с. 34].

Среди недостатков данного подхода стоит отметить невозможность применения большой командой, а также неприспособленность ХР для тех случаев, в которых возможные решения не находятся сразу на основе ранее полученного опыта, а требуют проведения предварительных исследований.

Литература

1. ДеКарло, Д. eXtreme Project Management. Экстремальное управление проектами / Д. ДеКарло ; пер. с англ. М. Финогенов, Е. Смыковская. – М. : Компания р.m.Office, 2009. – 588 с.
2. Agile-манифест разработки программного обеспечения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html>. – Дата доступа : 19.04.2014.
3. Амблер, С. Гибкие технологии: экстремальное программирование и унифицированный процесс разработки / С. Амблер ; пер с англ. Л. Калининкова. – СПб. : Питер, 2012. – 416 с.
4. Бек, К. Экстремальное программирование: разработка через тестирование / К. Бек ; пер. с англ. П. Анджан. – СПб. : Питер, 2011. – 224 с.
5. Бек, К., Фаулер, М. Экстремальное программирование : планирование. Библиотека программиста / К. Бек., М. Фаулер. – СПб. : Питер, 2011. – 144 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.10.2014

УДК 330.101.541:339.9(476)

Макро- и внешнеэкономические аспекты развития Республики Беларусь

О.В. ПУГАЧЕВА¹, В.М. ЧЕТВЕРИКОВ²

Рассматриваются макроэкономические и внешнеэкономические аспекты развития Республики Беларусь за последние годы, дается международный сравнительный анализ основных макроэкономических показателей развития Беларуси, Чехии и Венгрии, рассматриваются внешнеторговые аспекты участия Беларуси в Таможенном союзе. На этой основе предлагаются пути решения накопившихся проблем в рамках интеграционных процессов и методов стимулирования роста экономики Республики Беларусь.

Ключевые слова: платежный баланс, товарооборот, экспорт, импорт, сальдо.

Macroeconomic and external economic aspects of development of Belarus s for last years are considered. The international comparative analysis of the basic macroeconomic indicators of development of Belarus, Czech Republic and Hungary is given. The foreign trade aspects of participation of Belarus in the Customs Union are considered. On this basis, solutions of the problems that have accumulated in the integration processes and methods to promote the economic growth of the Republic of Belarus are offered.

Keywords: balance of payments, commodity circulation, export, import, balance.

Нестабильность экономической конъюнктуры, кризисные явления в мировой экономике, повышение требований потребителей к производимой продукции, товарам и услугам, растущая конкуренция за рынки сбыта приводит к тому, что национальная экономика нуждается в необходимости выработки конкурентных преимуществ с целью обеспечения стабильного экономического роста.

В последнее время наметились различные подходы, направленные на выявление тенденций в функционировании отдельных стран, особенностей их развития в условиях глобализации и регионализации мировой экономики. Эти вопросы нашли свое отражение в работе [1], посвященной потенциалу сотрудничества и трендам экономических процессов в странах БРИКС, играющих существенную роль в обеспечении экономической и финансовой стабильности на глобальном уровне и преодоления проблем в функционировании мировой экономической системы. В этом исследовании предложена методология сопоставления важнейших экономических показателей этих стран, которая последовательно развита в дальнейшем анализе ситуации в 134 странах [2].

В соответствии с предложенной системой показателей для более детального анализа ситуации исследованы три страны – Беларусь, Чехия и Венгрия, выбор которых определялся следующими признаками: численность населения – 9–11 миллионов человек; территория: почти в центре Европы; национальная валюта не является резервной; становление республик – начало 90-х. Для анализа ситуации использовалась статистика с официальных сайтов Национальных банков и Национальных статистических комитетов [3]–[8].

Обнаруживается много похожего в динамике экономических показателей этих трех стран, хотя наблюдаются и свои особенности. С позиций анализа стран по величине баланса счета текущих операций эти страны относятся к группе стран с неустойчивым ВСА.

Анализ показателей Беларуси, Чехии и Венгрии. За 11 лет (2002–2012 гг.) численность населения этих стран изменялась незначительно. В Беларуси и Венгрии наблюдалось уменьшение численности населения на 4,7 % и 1,9 % соответственно, а в Чехии - увеличение ее на 3,2 %. Согласно официальной статистике, численность безработных в Беларуси (уступает лишь показателю Узбекистана в 0,2 %) имела явный тренд снижения, в Чехии носила колебательный характер в интервале 4,4–8,3 %, в Венгрии обнаружила тенденцию к росту от 5,5 % до 11,2 % (таблица 1).

За то же время реальное ВВП в этих странах в национальных валютах увеличилось: в Беларуси в 2,05 раза, в Чехии в 1,37 раза, в Венгрии в 1,19 раза.

Таблица 1 – Данные о динамике ВВП, населении и безработице стран за 2002–2012 гг.

Годы	Динамика реального ВВП (в нац. валюте), в % г/г			Население, млн.			Безработные, % от рабочей силы		
	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия
2002	5	2,1	4,5	9,90	10,21	10,18	2,9	7,3	5,9
2003	7	3,8	3,9	9,85	10,20	10,14	3,1	7,8	5,5
2004	11,4	4,7	4,8	9,80	10,21	10,12	1,9	8,3	6,3
2005	9,4	6,8	4	9,75	10,22	10,10	1,5	7,9	7,3
2006	10	7	3,9	9,71	10,25	10,08	1,2	7,1	7,5
2007	8,6	5,7	0,1	9,69	10,29	10,07	1,0	5,3	7,7
2008	10,2	3,1	0,9	9,51	10,38	10,05	0,8	4,4	8,0
2009	0,2	-4,7	-6,8	9,50	10,47	10,03	0,9	6,7	10,1
2010	7,7	2,7	1,3	9,48	10,51	10,01	0,7	7,3	11,2
2011	5,3	1,7	1,7	9,46	10,53	9,99	0,6	6,7	11,0
2012	1,5	-1,3	-1,7	9,46	10,52	9,97	0,5	6,7	10,8

Для сравнения следует отметить, что экономика Венгрии, показавшая наименьшие темпы роста среди рассматриваемой тройки стран, продемонстрировала относительно высокие темпы роста среди новых участников Евросоюза, уступая лишь Польше и Чехии. Синхронное ухудшение показателей роста 2009 и 2012 гг. говорит о вовлеченности Беларуси, Чехии и Венгрии в мировой кризис. Они явно относятся к малым странам с открытой экономикой. Последнее утверждение подтверждается как масштабами ВВП, так и примерно одинаковым отношением внешнеторгового оборота к ВВП (таблица 2).

Если рассматривать ВВП как характеристику величины экономики, то из рассматриваемых стран Чехия обладает самой большой, а Беларусь – самой маленькой, но демонстрирующей наибольшие темпы роста, экономикой.

Таблица 2 – Данные о внешнеторговом обороте, оценке ВВП и среднегодовом обменном курсе стран за 2002–2012 гг.

Годы	Отношение внешнеторгового оборота к ВВП			Оценка номинального ВВП по среднегодовому курсу, в млрд. долл. США (евро)			Среднегодовой обменный курс		
	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия	Вт/долл. США	CZK/долл. США	HF/долл. США
2002	1,17	1,01	1,08	14,5	78,42	(70,46)	1 803,9	32,74	225,16
2003	1,22	1,05	1,06	17,6	95,29	(73,91)	2 074,9	28,21	207,92
2004	1,31	1,18	1,12	23,1	113,98	(82,11)	2 160,2	25,70	180,29
2005	1,09	1,09	1,15	30,2	130,07	(88,77)	2 153,8	23,96	213,58
2006	1,13	1,14	1,33	37	148,38	(89,59)	2 144,6	22,60	191,62
2007	1,16	1,17	1,37	45,3	180,47	(99,45)	2 146,1	20,29	172,61
2008	1,18	1,10	1,38	60,8	225,43	(105,65)	2 136,3	17,07	187,91
2009	1,01	0,99	1,23	49,2	196,13	(91,32)	2 792,5	19,07	188,07
2010	1,08	1,14	1,39	55,2	197,68	(97,12)	2 978,1	19,10	208,65
2011	1,46	1,26	1,70	59,3	215,27	(100,84)	4 623,5	17,70	240,68
2012	1,43	1,30	1,52	63,3	196,26	(97,70)	8 337,4	19,57	291,29

Однако именно в экономике Беларуси явно проявились симптомы крупного валютного кризиса в 2011–2012 гг. Медленное ослабление национальной валюты (в 2 раза по отношению к доллару США с 2001 по 2010 г.) оказалось недостаточно эффективным. При этом Национальный банк Республики Беларусь, несмотря на постоянные проблемы с платежным балансом не допускал адекватного ослабления белорусского рубля. Нельзя не согласиться с мнением Антикризисного фонда ЕврАзЭС [12], который отмечал, что стимулирование денежными властями внутреннего спроса за счет эмиссионного кредитования в сочетании с необоснованным ростом доходов населения в предвыборном 2010 г., увеличило спрос на иностранную валюту и усилило имевшиеся проблемы платежного баланса. Каждый из двух последних годов приносил 100-процентное ослабление белорусского рубля.

Следует отметить, что управление обменными курсами национальных валют в рассматриваемых странах проводилось по-разному. Как видно из таблицы 2, постепенное ос-

лабление чешской кроны и венгерского форинта сопровождалось временными коррекционными усилениями этих валют. И это несмотря на то, что Чехия на протяжении всех 11 лет и Венгрия – 8 лет имели отрицательное сальдо счета текущих операций и, соответственно, их внешняя задолженность росла (таблица 3). Длительный период отрицательного сальдо счета текущих операций в сочетании с отрицательным торговым балансом не могли не отразиться на величине внешних заимствований.

Таблица 3 – Данные о сальдо счета текущих операций, краткосрочном и долгосрочном внешнем долге стран за 2002–2012 гг.

Годы	Сальдо счета текущих операций ПБ, млн. долл. США (млн. евро)			Краткоср. внешн.долг, млн.долл. США (млн. евро)			Долгоср. внешн.долг, млн. долл.США (млн. евро)		
	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия
2002	-333,8	-4 263,7	-(4929,2)	2 482,8	10 433	(4 540,9)	1 411,9	16 550,0	(27 168,2)
2003	-426,2	-5 785,3	-(5933,0)	2 764,3	14 000	(6 650,5)	1 410,6	20 893,3	(30 564,9)
2004	-1 193,2	-5 751,3	-(7110,7)	3 840,4	15 403	(12 569,5)	1 095,0	29 838,0	(38 406,2)
2005	435,5	-1 210,1	-(6623,6)	3 650,4	14 586	(15 740,7)	1 477,8	31 956,0	(46 205,2)
2006	-1 448,4	-3 129,4	-(6636,3)	4 778,2	15 404	(17 100,3)	2 065,9	41 905,2	(56 409,7)
2007	-3 039,7	-7 931,0	-(7223,2)	7 867,0	22 559	(22 530,6)	4 629,5	53 633,9	(64 973,9)
2008	-4 988,1	-4 781,8	-(7751,7)	8 275,6	27 074	(19 653,3)	6 878,5	57 157,6	(79 495,4)
2009	-6 177,8	-4 848,9	-(139,2)	9 871,9	23 870	(19 554,7)	12 188,4	65 374,8	(84 518,7)
2010	-8 316,8	-7 601,5	(1186,9)	12 701	23 609	(24 489,0)	15 700,3	70 608,5	(82 730,9)
2011	-5 774,7	-6 348,0	(1431,4)	14 449	27 658	(24 433,6)	19 578,6	66 256,1	(78 101,2)
2012	-1 819,3	-4 727,2	(1604,7)	13 240	26 186	(17 312,0)	20 875,3	75 673,9	(77 150,9)

До конца 2010 г. валовой внешний долг Беларуси, Чехии и Венгрии рос как в абсолютном выражении, так и по отношению к номинальному ВВП. Справедливости ради, следует отметить и одновременный рост величины международных резервов (таблица 4).

Таблица 4 – Данные о валовом внешнем долге и международных резервах стран за 2002–2012 гг.

Годы	Валовой внешний долг, в % к номинальному ВВП			Международные резервы, млн. \$ (млн. евро)			Международные резервы, в % к трехмесячному импорту		
	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия
2002	26,9	34,4	45,0	477,8	23 709,0	(9 920,4)	19,5	201,2	76,3
2003	23,7	36,6	50,4	498,9	26 955,4	(10 141,7)	16,3	184,2	74,6
2004	21,4	39,7	62,1	770,2	28 448,1	(11 702,6)	17,9	148,2	73,7
2005	17,0	35,8	69,8	1 296,5	29 555,1	(15 721,3)	29,1	147,9	90,3
2006	18,5	38,6	82,1	1 382,9	31 454,2	(16 396,7)	23,3	132,4	80,9
2007	27,6	42,2	88,0	4 182,2	34 905,2	(16 385,5)	55,0	117,6	71,8
2008	24,9	37,4	93,8	3 061,1	37 012,5	(24 040,1)	29,4	105,1	98,4
2009	44,8	45,5	114,0	5 652,5	41 611,1	(30 676,5)	74,3	151,2	167,3
2010	51,5	47,7	110,4	5 030,7	42 492,6	(33 674,5)	53,9	132,6	153,6
2011	57,4	43,6	101,7	7 915,9	40 290,5	(37 774,5)	65,5	105,7	155,4
2012	53,9	51,9	96,7	8 095,0	44 883,3	(33 881,5)	66,6	144,5	186,9

В международной практике считается, что при неотрицательном сальдо счета текущих операций, достаточная для устойчивости внешней торговли величина международных резервов должна примерно соответствовать денежному эквиваленту 3-х месячного импорта. И по этому критерию самая слабая позиция среди трех стран была и остается у Беларуси.

За последние 5 лет отношение долгосрочной внешней задолженности к резервам: увеличивалось для Беларуси с 2,2 до 2,6 и для Чехии с 1,5 до 1,7; для Венгрии – уменьшилось с 3,3 до 2,3. Что касается отношения краткосрочной внешней задолженности к резервам, то для Беларуси за последние 7 лет оно хоть и уменьшилось вдвое, но все же остается достаточно большим – 1,6; в то время как для Чехии и Венгрии в последние 2 года оно не превышает 0,5–0,6.

Эти факты, в сочетании с хроническим отрицательным сальдо счета текущих операций и отрицательным торговым балансом вплоть до последнего года, сделали валютный кризис именно в Беларуси очень вероятным (таблица 5).

Таблица 5 – Данные о сальдо торгового баланса, баланса услуг и баланса доходов стран за 2002–2012 гг.

Годы	Сальдо торгового баланса, млн.долл.США (млн.евро)			Сальдо баланса услуг, млн.долл.США (млн. евро)			Сальдо баланса доходов, млн.долл. США (млн. евро)		
	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия	Беларусь	Чехия	Венгрия
2002	-980	-2 239,4	-(2 203,4)	498,5	643,2	(586,9)	-51,2	-3 579,2	-(3 838)
2003	-1 321,2	-2 519,1	-(2 897,6)	658,7	470,0	(48,0)	14,2	-4 284,6	-(3 678)
2004	-2 271,8	-529,6	-(3 135,7)	776,6	635,6	(483,9)	-0,9	-6 093,5	-(4 316)
2005	-637,6	2 071,9	-(2 540,4)	979,4	1 589,4	(1 218,3)	-71,0	-5 344,3	-(5 019)
2006	-2 269,0	2 584,4	-(2 457,6)	737,5	2 153,4	(1 424,3)	-120,8	-7 381,4	-(5 298)
2007	-4 041,8	2 236,9	-(690,2)	1 242,80	2 919,2	(1 342,1)	-411,1	-12 684	-(7 372)
2008	-6 236,8	1 704,4	-(1 208,1)	1 628,50	4 370,9	(1 516,9)	-550,6	-10 550	-(7 481)
2009	-6 957,0	4 577,8	(2 341,4)	1 388,50	3 909,8	(1 986,5)	-883,4	-13 184	-(4 884)
2010	-9 077,6	2 802,3	(3 214,7)	1 619,50	3 927,2	(2 932,3)	-1 163	-14 803	-(5 366)
2011	-3 716,4	5 312,5	(4 036,9)	2 078,30	3 779,4	(3 224,5)	-1 558	-15 601	-(6 317)
2012	2 936,1	7 460,5	(4 071,0)	2 438,60	2 545,0	(3 407,4)	-1 516	-14 695	-(6 374)

Таким образом, в современном мире существование отрицательного сальдо счета текущих операций в течение многих лет на уровне нескольких процентов от ВВП является широко распространенным явлением. Отношение кредиторов к внешнему долгу зависит от многих факторов и трудно установить единообразный скалярный критерий, характеризующий степень доверия инвесторов к данной стране.

Можно предполагать, что потребуется несколько лет положительного торгового сальдо, прежде чем можно быть уверенным в устойчивой тенденции к нулевому балансу счета текущих операций. Дело в том, что для Беларуси отрицательный баланс счета текущих операций и рост внешнего долга имел в своей основе отрицательный торговый баланс в течение многих лет. Однако нарастание внешнего долга требует его обслуживания и возврата. Для этого недостаточно существования небольшого положительного сальдо текущего торгового баланса. Это видно из таблицы 5 на примерах Чехии и Венгрии. Требуется несколько лет существования активного торгового баланса, чтобы компенсировать отрицательное сальдо баланса доходов. А серьезное ослабление национальной валюты увеличивает стоимость обслуживания долга. Отсутствие развитого фондового рынка в Беларуси делает попытки иностранных инвесторов, могущих вносить дестабилизирующий эффект в курс национальной валюты, трудновыполнимыми. Поэтому путь наращивания внешнего долга при медленном ослаблении национальной валюты без существенного эмиссионного кредитования является для Беларуси весьма вероятным. Всемирный банк в своем последнем докладе «Глобальные экономические перспективы» прогнозирует рост ВВП Беларуси на уровне 4 % в 2013 и 2014 гг. [9]–[10]. Белорусское правительство прогнозировало рост ВВП в 2013 г. на 8,5 %, однако исходя из реальных результатов он был скорректирован и в январе–марте 2014 г. прогнозировалось увеличить ВВП всего на 0,7 % к соответствующему периоду 2013 г. и, постепенно наращивая темп к концу года, выйти на итоговые 3,3 %.

Исходя из приведенных в таблицах 1–5 данных, у Чехии – есть перспективы. Устойчивое положительное и растущее торговое сальдо, небольшой и не быстрорастущий внешний долг в сочетании с большими международными резервами не предвещают валютного кризиса в ближайшее время. Хотя рецессия 2012 г. на уровне 1,3 % реального ВВП и внешние негативные факторы в виде роста цен на энергоресурсы, а также долгового кризис в странах Еврозоны и снижение спроса внутри страны могут подталкивать денежные власти к увеличению эмиссионного кредитования, которое может ослабить положительную динамику торгового баланса. Негативным фактором является относительно большое отрицательное сальдо доходов, вызванное накопленным внешним долгом. Однако доля внешнего долга по отношению к ВВП составляет пока менее 52 %, и поэтому получение кредитов возможно.

Экономическая ситуация в Венгрии более противоречива. С одной стороны, увеличивающееся положительное сальдо счета текущих операций в течение последних 3 лет и достаточные международные резервы. С другой стороны, рецессия 2012 г. с падением реального ВВП на 1,7 % и достижение валового внешнего долга отметки 97 % от ВВП не придают инвесторам оптимизма. Многие эксперты характеризуют финансовое положение Венгрии как относительно неустойчивое. Об этом свидетельствуют также оценки ОЭСР, Европейского союза, МВФ и ведущих международных рейтинговых агентств. Дополнительным подтверждением таких оценок явилось новое значительное ослабление в марте 2013 г. курса венгерского форинта.

Возвращаясь к исследованию направлений экономической политики Республики Беларусь и ранее проведенному анализу динамики и перспектив развития внешнеторговой деятельности Республики Беларусь [11], следует отметить, что один из подходов к решению накопившихся проблем видится в развитии реальной интеграции страны с целью разрешения противоречий экономической глобализации.

Внешнеторговые аспекты участия Беларуси в интеграционных процессах. В настоящее время на смену замкнутой модели региональной интеграции, которая основывалась на замещении импорта региональным производством, пришла новая тенденция – открытого регионализма, заключающаяся не только в снижении квот и тарифов, но и в снятии ограничений на движение товаров, услуг, капитала, технологий и рабочей силы. Такая тенденция создает для Беларуси предпосылки развития торговых связей с региональными объединениями, членами которых она не является, одновременно с участием в сложившихся интеграционных группировках на постсоветском пространстве. Приоритетным в ближайшее время является развитие Таможенного союза (ТС) Беларуси, России и Казахстана и формирование единого экономического пространства (ЕЭП) с возможностью присоединения новых членов, а также функционирование на этой основе Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Положительные аспекты участия Беларуси в этих интеграционных объединениях рассматриваются в [12]. Однако отмечаются и возникающие противоречия. Анализ данных торгового баланса страны свидетельствует, что с 2012 г. началась серьезная переориентация белорусской внешней торговли. При этом тенденции усиления зависимости отечественной экономики от российских поставщиков и сбыта на рынок России сопровождались смещением сальдо в отрицательную сторону. Такие изменения были по-прежнему обусловлены зависимостью от поставок нефти, нефтепродуктов и калийных удобрений, а не высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью.

По данным Росстата, доля Республики Беларусь, входящей в Таможенный союз, и Украины, в него не вступившей и существенно сократившей закупки газа в Российской Федерации, в российской внешней торговле сократилась почти одинаково: на 0,6 и 0,8 п.п. соответственно. Этот феномен евразийской интеграции требует изучения. Ухудшение конъюнктуры и неопределенность в темпах роста в странах-партнерах могут негативно отражаться на экономике Беларуси и на потенциале развития экспорта. Кроме того, с 1 сентября 2014 г. снижаются ставки ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа ТС на значительное количество товаров – всего почти 4800 позиций. По большинству из них ставки снижаются менее чем на 3 %. В результате средневзвешенная ставка тарифа уменьшилась с 7,8 до 7,1 %. Эти изменения приняты во исполнение обязательств России, возникших в связи с участием в ВТО, по поэтапному снижению ввозных пошлин. Последний из этих этапов завершился, поэтому и Беларусь вынуждена следовать за своим партнером по ТС, хотя для страны перспективы вступления в ВТО остаются по-прежнему неопределенными, как и два года назад. Снижение импортных пошлин способно еще больше усугубить ситуацию, если очередной этап санкций, взаимных для Запада и России, не усилит закрытие границ соответствующих рынков.

Приоритеты, стимулы и перспективы развития экономики Республики Беларусь. Сочетание низких темпов экономического роста и высокой инфляции свидетельствует о структурной слабости белорусской экономики. Исправить положение правительство страны пытается в основном административными мерами в надежде на очередную помощь от союзника. Предполагается выделение Беларуси в 2015 г. компенсационного финансирования в объеме 2,5 млрд. долл. США, поскольку Россия прекратит взимать пошлины на экспорт нефтепродуктов

из российской нефти. Это позволит сократить дефицит счета текущих операций, доходы бюджета вырастут, что даст возможность нарастить объемы государственных инвестиций, господдержки промышленности, строительства и АПК, а также увеличить социальные расходы.

Итоги развития экономики Республики Беларусь в первом полугодии 2014 г. объясняются снижением конкурентоспособности продукции по цене, недостаточной инвестиционной активностью, низкой инициативностью по диверсификации рынков сбыта. Кроме того, предприятия явно перегружены налоговым бременем, перекрестным субсидированием по энергетике, высокими ставками по банковским кредитам, поддержанием социальной сферы и затратами по поддержке сельхозпроизводств. В целях перспективного роста экономики приоритетами объявлены рентабельность, экспорт, прямые иностранные инвестиции, а также снижение складских запасов и внешней дебиторской задолженности. По данным Белстата за I полугодие 2014 г. объем ВВП в январе–июле 2014 г. составил в текущих ценах 413,9 трлн. Бр. и вырос по сравнению с январем–июлем 2013 г. в сопоставимых ценах на 1,6 %, а валовая добавленная стоимость (ВДС) увеличилась на 2,2 %. При этом наибольший рост отмечен в горнодобывающей промышленности, где после прошлогоднего спада ВДС увеличилась на 27,2 %. Также рост ВДС отмечен в сельском хозяйстве (7,2 %), торговле (10,8 %), транспорте и связи (2,8 %). В то же время в обрабатывающей промышленности ВДС сократилась на 1,1 %, в строительстве – на 2 %. Эти данные показывают, что экономический рост обеспечивается в основном за счет торговли и потребления, причем влияние отдельных видов деятельности на темпы роста ВВП выглядит довольно противоречиво, особенно в сопоставлении с показателями предыдущих лет. Однако, даже без появления новых стимулов, например, перспектив увеличения поставок на закрывающийся от Запада российский рынок, белорусская экономика, по-видимому, охарактеризуется выполнением количественных прогнозных показателей. Сложнее будет с качественными параметрами, особенно касающимися эффективности работы предприятий и их финансовых результатов.

В нынешних условиях эксперты выделяют следующие признаки проблемного развития экономики [13]. Во-первых, доминирование потребительского спроса и зарплат в ущерб инвестициям и прибыли. В Беларуси это наглядно проявилось в опережающем росте заработной платы по сравнению с ВВП и производительностью труда, а также в ухудшении финансовых результатов — объем прибыли предприятий по итогам 2013 г. оказался на 40,7 % меньше, чем в 2012 г., число убыточных компаний выросло на 76,5 %, а сумма их убытка – более чем в 2,6 раза. Второй признак – низкая эффективность рынков, препятствующая перетоку труда и капитала в наиболее эффективные секторы, а также низкий уровень конкурентности внутренних рынков, связанный с неблагоприятными условиями ведения бизнеса, монополизацией экономики и чрезмерным госсектором. В-третьих, низкая эффективность госрегулирования, включая отсутствие институциональных и макроэкономических условий для долгосрочных инвестиций, а также недостаточная эффективность использования и высокий уровень госрасходов. Четвертый признак – низкий уровень вовлеченности в мировую торговлю, что препятствует расширению сырьевого экспорта и интеграции отечественной экономики в международные цепочки добавленной стоимости и высокий уровень тарифов. К сожалению, практически все эти факторы характерны для Беларуси и остальных ее партнеров по Таможенному союзу.

Литература

1. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве : монография / Ч. 1 ; под ред. Л.Н. Борисоглебской, В.М. Четверикова; Ч. 2 ; под ред. Лю Цзюань, Ян Чэньюй. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 224 с.
2. Четвериков, В.М. Проблемы платежного баланса: международный сравнительный анализ / В.М. Четвериков // Вопросы статистики. – 2013. – № 11. – С. 71–78.
3. Официальный сайт Национального Банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nbrb.by/statistics/Rates/AvgRate/>. – Дата доступа : 03.09.2014.
4. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/fttrade1.php>. – Дата доступа : 05.09.2014.
5. Официальный сайт Национального Банка Чехии – Czech National Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cnb.cz/en/index.html>. – Дата доступа : 05.06.2014.

6. Официальный сайт Национального статистического комитета Чехии – Czech Statistical Office [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.czso.cz/eng/redakce.nsf/i/home>. – Дата доступа : 15.06.2014.
7. Официальный сайт Национального Банка Венгрии – Magyar Nemzeti Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://english.mnb.hu/>. – Дата доступа : 03.06.2014.
8. Официальный сайт Национального статистического комитета Венгрии – Hungarian Central Statistical Office [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ksh.hu/?lang=en>. – Дата доступа : 06.07.2014.
9. Официальный сайт Всемирного Банка – World Economic Outlook (WEO October 2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/asp>x. – Дата доступа : 06.06.2014.
10. Официальный сайт Всемирного Банка World Economic Outlook (WEO April 2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/asp>x. – Дата доступа : 06.06.2014.
11. Пугачева, О.В., Четвериков, В.М. Анализ динамики и перспективы развития внешнеторговой деятельности Республики Беларусь / О.В. Пугачева, В.М. Четвериков // Вестник экономической интеграции. – 2011. – № 12 (44). – С. 170–182.
12. Пугачева, О.В. Внешнеторговые аспекты участия Беларуси в Таможенном союзе / О.В. Пугачева // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VIII Междунар. науч. конф., Гомель, 23-24 мая 2013 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2013. – С. 70–72.
13. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.economy.gov.by/ru/macroecconomy/analiz_vypolnenia_parametrov. – Дата доступа : 04.09.2014.

¹Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

²Высшая школа экономики, г. Москва

Поступила в редакцию 20.10.2014

Концепции экономического развития в экономической науке

А.И. СЕМЧЕНКО

Рассматриваются концепции категории экономического развития, сформировавшиеся на протяжении истории экономической науки. Среди этих концепций выделяются классическая, кейнсианская, институциональная концепции, а также модернизированные их варианты. В рамках данных концепций дискуссионными являются вопросы о роле и месте в экономике частной предпринимательской активности, а также государства и его вмешательства в экономические процессы.

Ключевые слова: классические, неоклассические, кейнсианские, неокейнсианские, институциональные, неoinституциональные модели экономического развития, рынок, инвестиции, трансакции.

The concepts of such category as economic development, which were formed during the history of economic science, are examined. Among these concepts are classical, Keynesian, institutional, and the modern variants of the above. As part of these concepts the issue on the role and place in the economy of private entrepreneurial activity, as well as the state and its intervention in economic processes are debatable.

Keywords: classical, neoclassical, Keynesian, neoKeynesian, institutional, neoinstitutional models of economic development, market, investments, transactions.

В философском, а также в общенаучном понимании развитие можно констатировать как высший тип движения, характерный не для любых объектов, а для систем. Развитие связано с преобразованиями в структуре системы, обуславливающими повышение уровня реализации функции системы.

В экономической науке сформировались оригинальные и глубокие концепции развития.

А. Смит связывал совершенствование хозяйства с действием «невидимой руки» конкуренции, которая принуждает частный интерес служить общественным целям и интегрирует частные устремления в русло общего развития. Согласно этой концепции социальная система, движимая под действием независимых сил к различным состояниям, приходит в соответствие с окончательным положением равновесия. Отсюда следует важный вывод о том, что конкурентная система способна достигать наиболее эффективного распределения ресурсов [1, с. 31].

Между тем видный представитель неокейнсианства Дж. Тобин считает необходимой модификацию концепции А. Смита с позиции важности роли государства в развитии рыночной хозяйственной системы. «“Невидимая рука”, несомненно, – одна из великих идей истории. Конкурентные рынки, в рамках которых цены, а не очереди и рационирование выравнивают спрос и предложение, представляют собой замечательный механизм социальной координации... Но..., теорема о “невидимой руке” должна быть модифицирована с учетом существования “экстерналий” и “общественных благ”, где индивидуальные и общественные интересы могут расходиться. Отсюда вытекает необходимость государственной деятельности, направленной на защиту коллективных интересов» [2, с. 44].

У. Баумоль, анализируя достижения экономической теории в XX в., признает важность государственного вмешательства в развитие экономики, особенно для устранения «провалов» рынка и придания социальной направленности развитию. Вместе с тем, по его мнению, «несовершенства правительственных решений столь же серьезны, как несовершенства рыночного механизма» и указывают на провалы государства в решении проблем рентоориентированного поведения.

К. Маркс развил воспроизводственный подход, согласно которому производственные отношения, являясь формой развития производительных сил, обуславливают это развитие. Но производственные отношения в своей динамике консервативнее производительных сил, и поэтому развитие экономики происходит скачкообразно, через революционные преобразования производственных отношений, необходимые для восстановления соответствия между ними и производительными силами, которые в своем развитии быстрее уходят вперед.

Важной заслугой Й. Шумпетера является рассмотрение фигуры предпринимателя, ее отделение от фигуры капиталиста и формирование *концепции инновационного развития*, обусловленного фактором предпринимательства. Согласно концепции Й. Шумпетера экономическая система саморазвивается тогда, когда в ней непрерывно воспроизводятся новые комбинации факторов производства и в капиталистической системе экономическое равновесие вообще не может быть достигнуто, потому что всегда существуют новшества, которые сдвигают систему из положения равновесия. Тем не менее он считал важным изучение равновесных структур, так как они позволяют прояснить тенденцию реальных процессов экономической эволюции [3, с. 81].

Оригинален вклад Р. Коуза, связавшего совершенствование организационно-институционального устройства хозяйства с экономией транзакционных издержек.

Д. Норт, Р. Нельсон и С. Уинтер для объяснения динамики экономических систем разработали эволюционную теорию развития. Согласно этой теории экономике присущи два уровня динамики: 1) уровень организационных структур и их взаимоотношений и 2) уровень институциональных правил. Соответственно, можно выделить два типа эволюции: эволюцию организационных структур и эволюцию правил поведения. Их тесная взаимосвязанность обусловлена некоторой последовательностью взаимных переходов. Постепенное, достаточно длительное накопление изменений организационных структур вызывает изменения правил поведения. С другой стороны, резкие и быстрые изменения правил поведения обуславливают необходимость приспособления к ним изменений организационных структур. Итак, *отрезок времени эволюционного развития экономической системы как эволюционный цикл, занимающий достаточно продолжительный период, можно представить тремя точками. Начальная и конечная точки соответствуют изменениям организационных структур, а между ними находится точка, отражающая относительно короткий период изменений правил поведения. Точка изменений правил поведения служит условием перевода организационных структур от одного (начальная точка) уровня развития к другому уровню развития (конечная точка)*. На первый взгляд, здесь немало общего с марксистской теорией экономического развития. Действительно, в последней также выделяются два уровня: производительные силы и производственные отношения, и соответственно два типа развития: развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Однако имеются и существенные различия. Производительные силы находятся вне уровней эволюционной теории, причем им отводится роль самого революционного элемента развития. Производственным же отношениям соответствуют и институциональные правила поведения, и организационные структуры.

В современной экономической теории рассматриваются различные модели экономического развития: кейнсианские и некейнсианские, классические и неоклассические, институциональные и неинституциональные – и новые модели роста с акцентированием внимания на роль человеческого капитала в экономическом развитии.

В 50-е гг. XX в. феномен развития в экономической теории стал предметом самостоятельного исследования. В качестве исходной базы исследования предполагалось, что проблемы развивающихся стран аналогичны тем проблемам, которые в прошлом решали страны, ставшие в настоящее время развитыми. Исходя из этого делались выводы о том, что основные положения классической и неоклассической экономической теории вполне применимы для анализа рыночной среды. Что касается кейнсианских и некейнсианских моделей, предполагалось, что они способны объяснить роль государственного сектора в регулировании социально-экономического развития стран «третьего мира». Согласно некейнсианским моделям развитие экономики заключалось в: достижении высоких темпов роста; глубоких структурных изменениях, охватывающих основные отрасли народного хозяйства; вытеснении внешних источников финансирования внутренними и стимулировании импортозамещающего производства. В этих концепциях развития основное внимание уделялось использованию самого дефицитного фактора – капитала, а исследование проблем использования такого избыточного фактора, как труд, не нашло должного отражения. Кроме того, развитие прежде всего отождествляется с экономическим ростом, содержанию различия между ними особое внимание всегда уделялось в отечественной экономической литературе. Примечательна по этому поводу точка зрения П. Самуэльсона, который писал о том, что нельзя стремиться лишь к простому количе-

ственному росту производства (пусть даже в расчете на душу населения). Необходимо также внутреннее развитие всей социально-экономической структуры общества. Позднее многие как зарубежные, так и отечественные авторы отмечали, что бесконтрольный количественный рост может создать угрозу существованию всего человечества, поскольку он порождает экологические, энергетические, сырьевые и другие масштабные проблемы.

Критериями выделения стадий роста в неокейнсианских теориях роста предлагаются преимущественно технико-экономические характеристики: уровень развития техники, отраслевая структура хозяйства, доля производственного накопления в национальном доходе, структура потребления и т. д. При этом глубокие социальные и институциональные изменения оказываются недостаточно освещенными, на передний план выходит соотношение инвестиций и темпов роста валового национального продукта. Экономический рост в теориях кейнсианцев главным образом представлен динамикой изменения технико-экономических параметров, не затрагивающих всего комплекса социально-экономических предпосылок. Поэтому экономический рост рассматривается прежде всего как количественное, а не качественное явление.

По мнению неоклассиков, главным условием экономического развития должны быть внутренние ресурсы, а не иностранная помощь. Предпринимателям выгоднее использовать дешевую рабочую силу при минимальных затратах на капитал, а государству при проведении политики в области занятости следует считаться с последствиями демографического взрыва. В результате неоклассические теории развития в отличие от неокейнсианских анализируют равновесие между накоплением капитала и ростом населения, и при этом слабо развитую экономику развивающихся стран рассматривают только по двум секторам: сельскому хозяйству и современной промышленности. Для модернизации экономики необходим процесс перераспределения ресурсов из аграрного сектора в промышленный. При этом нужно решить две основные проблемы: 1) накопления, то есть мобилизации сбережений и превращения их в инвестиции, и 2) изъятия рабочей силы из трудоизбыточной сферы и перемещения ее в трудонедостаточную. Поэтому модернизация экономики здесь предстает как способ перераспределения материальных и трудовых ресурсов, как обмен между секторами с целью сокращения менее производительного сектора и роста более производительного. В качестве регулятора выступает межсекторный рынок. Если в промышленности имеет место избыток рабочей силы, то используются трудоинтенсивные технологии и трудоемкие виды ресурсов, что приводит к усилению оттока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и в конечном счете – к ликвидации избытка трудовых ресурсов. При неоклассическом подходе категория «развитие» предстает как преодоление противоречия между традиционной и современной, доиндустриальной и индустриальной экономикой.

Несмотря на сложность и многосторонность неоклассических моделей модернизации экономик развивающихся стран, они оказались малоприспособленными к решению текущих практических задач. Они слабо или вовсе не учитывали традиционные нормы морали и права, культуры, особенностей цивилизационного развития и были ориентированы к применению в рамках моделей для развитых стран. Это предопределило рост интереса к институциональным теориям модернизации.

Институционалисты обратили внимание на внутренние и внешние факторы развития в комплексе. Этой теории свойственно рассматривать общество как открытую систему. Поэтому экономический процесс трактуется не как автоматически наступающее устойчивое равновесие, достигаемое посредством рынка, а как возникновение и усиление асимметричности и нелинейности между различными факторами развития. Г. Мюрдаль дает следующее определение феномена развития: «Под развитием все мы фактически понимаем движение вперед всей социальной системы» [4, с. 73]. Исследования институционалистов показали, что развитие включает в себя не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических характеристик: институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно. Развитие не ограничивается только решением проблемы роста душевого дохода, оно предполагает устранение абсолютного и относительного обнищания, сокращение неравенства, увеличение занятости и рост качества трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом. Благодаря усилиям институционалистов стало понятно, что

экономическое развитие невозможно без глубоких изменений всей системы экономических и социальных институтов. В этой связи *категория развития, являясь общепhilosophическим понятием, охватывает широкий круг проблем не только традиционной экономической науки, но и проблем социального, институционального и политического преобразования стран и регионов.* Поэтому всестороннее изучение категории развития правомерно проводить в соответствии с методологией системной парадигмы, концептуальные основы которой разработаны Я. Корнай. Я. Корнай справедливо считает, что различия между японской, американской и немецкой моделями развития капитализма следует искать в области экономики, политической системы и культурных традиций. Углубленное, системное понимание различий между альтернативными моделями позволяет объяснить действие факторов развития рыночной системы.

Е. Ясин в развитии экономики России и ее модернизации важную роль отводит особенностям культуры и национальным ценностям. «... Успех модернизации российской экономики в значительной мере зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только условие успеха модернизации, ее социальный контекст, но и, если задуматься, ее наиболее глубинное содержание» [5, с. 4].

Разнообразие условий, ресурсов и факторов развития привело к необходимости разработки новых подходов в экономической теории. Заслуженная критика институционалистами теорий роста не осталось незамеченной неоклассиками. Они стали включать в свои модели концептуальные выводы теории человеческого капитала. Здесь важную роль сыграли работы Р. Солоу. В модели Солоу и ее дальнейших модификациях человеческий капитал выступает эндогенным фактором экономического роста.

Выделение особой роли человеческого капитала в источниках развития объясняется многими объективными предпосылками. Человеческий капитал включает совокупность производительных качеств работника, выражающихся в приобретенных знаниях, навыках, и используется для производства экономических благ. Существуют различные формы инвестиций в человека, к основным из которых относятся: образование, здравоохранение, комплекс затрат, необходимых для подготовки человека к производственной деятельности и др. Формирование человеческого капитала зависит как от человека самого, так и вложенных обществом значительных издержек. Инвестиции в человеческий капитал обеспечивают его обладателю и в целом всему обществу более высокие доходы. Следовательно, человеческий капитал справедливо рассматривать как запас, который может накапливаться и способен принести в будущем более высокий доход.

Человеческие ресурсы определяют содержание и этапы социально-экономического развития. Страны, умеющие развивать знания и способности людей, формируют потенциал высокого экономического роста. Базовые факторы производства – капитал и земля – остаются пассивными факторами, а обладающие общими и профессиональными знаниями люди являются наиболее активным фактором роста. Академик В.Л. Макаров, анализируя переходные этапы в развитии экономики, приходит к выводу, что *индустриальной экономике, базирующейся на использовании природных ресурсов, на смену приходит экономика, базирующаяся на знаниях*, и при этом предупреждает: «Стратегия экономического развития России должна базироваться на экономике знаний, а не на экономике природных ресурсов» [6, с. 6]. Следует особо заметить, что четко организованная система образования и получаемые на этой основе знания представляют собой лишь потенциальные факторы, предпосылки экономического роста. Источниками развития они становятся при создании условий производительного их использования, то есть когда созданы условия для практической реализации.

При таком подходе к пониманию категории развития, когда определяющим его фактором является человеческий капитал, развитие есть процесс накопления человеческого капитала в его наиболее эффективной форме с созданием условий и предпосылок для его практической реализации в национальной экономике.

Весьма оригинален подход к трактовке категории развития академика Д.С. Львова, по мнению которого экономическое развитие невозможно без глубоких изменений всей системы экономических институтов, социальных и политических отношений. Он вводит такую катего-

рию, как «экономика развития», которая является более широким понятием, охватывающим наряду с вопросами традиционной экономической науки достаточно большой круг проблем социальных, институциональных и политических преобразований, решение которых способствует устойчивому развитию стран и входящих в их состав регионов. «Экономика развития – это экономика, свободная от всякого рода “измов”, когда нормой для каждого становится необходимость строить свое благополучие не за счет присвоения общего, того, что ему никогда не принадлежало и принадлежать не может – природного, а в более широком плане – ассимиляционного потенциала планеты, а за счет личного вклада в приумножение национального богатства страны, включая и капитал» [7, с. 14]. Концепция Д.С. Львова представляет собой экономическую модель развития общества, для которого нравственные принципы хозяйственного поведения субъектов рынка являются доминирующими. Такая модель нового общества основана на принципах системного развития, когда каждый его член вынужден действовать в интересах для себя как интересах для общества. По существу, речь идет о таком обществе, фундаментом развития которого служит нравственная экономика.

Д.С. Львов, используя эволюционно-генетический подход к совершенствованию теоретико-методологической базы экономической науки, правомерно ставит вопрос о выделении ядра ее развития. Ярко выраженное теоретико-методологическое ядро экономической науки позволяет ей осмысленно участвовать в решении практических проблем хозяйственной жизни.

Термин «ядро» развития широко используется в современной эволюционной экономической теории, охватывающей экономическую генетику. Идея разработки теории экономической генетики принадлежит Н.Д. Кондратьеву. Ю. Яковец, исследовавший кондратьевское понятие экономической генетики, отмечает, что, по замыслу основоположника этой теории, последняя «позволяет понять внутренние механизмы динамики, соотношение и взаимодействие наследственности и изменчивости в процессе неравномерного, циклического развития» [8, с. 4].

Согласно концепции академика В.И. Маевского исторически в экономике сложились две формы вещественного саморазвития: биологическая и механическая. Если механическая форма саморазвития предполагает процесс создания орудий труда с помощью орудий труда, то биологическая форма равносильна процессу машинного саморазвития. Ядро саморазвития образуют машиностроительные и строительные отрасли, способные воспроизводить самих себя, с одной стороны, а с другой – производить средства труда как для других отраслей машиностроения, так и для всех отраслей народного хозяйства. «Ядро саморазвития экономики генерирует импульсы и задает качественные параметры развития всей экономики... Каждая отрасль, входящая в данное ядро, – это аналог хромосомы в живом ядре с той лишь разницей, что отдельная хромосома способна самостоятельно скопировать саму себя, тогда как отдельная отрасль воспроизводит себя только при содействии других отраслей» [9, с. 16]. Применение терминологии генетики и генетическое объяснение процессов, характерных для развития экономики, на наш взгляд, имеет методологическое значение. *Действующие технологии, входящие в ядро саморазвития экономики, одновременно служат как способом производства материальных благ, так и способом сохранения и передачи информации, и тем самым образуют наследственную базу для воспроизводства будущих, новых технологий.*

Понятие ядра развития экономической системы используется профессором О.В. Иншаковым при построении собственной концепции факторов производства. В частности предлагается *антропоцентрическая модель*, в соответствии с которой в центре экономической системы, представляющей собой пересечение двух больших систем: природы и общества, находится человек «как воплощение абстрактно всеобщего смысла, отражающего сущность каждого человека» [10, с. 15]. Методологическое значение этой теории состоит в том, что процесс развития хозяйственных систем разного уровня целесообразно рассматривать с позиции эволюционных процессов взаимодействия *условий, ресурсов, факторов и продуктов производства*. При этом природные и социальные условия образуют среду, откуда происходят их освоение и преобразование в ресурсы, а путем различных форм присвоения последних, трансформируя их в запасы, формируются *человеческие, технические, природные, институциональные, организационные и информационные факторы как базовые факторы производства*. В соответствии с предложенной системой сбалансированных показателей развития хо-

зяйства предлагается следующая трактовка эволюционного процесса его воспроизводства: «Внешние и внутренние условия хозяйства, создавая кризис, возбуждают потребности и мотивируют поиск ресурсов, пригодных для того чтобы стать запасами и факторами производства продукта, который при достаточной производительности труда частично может быть реализован на рынке, что даст выручку и доход, который может быть обращен, но лишь частично, в инвестиции и сослать прирост капитала и богатства» [11, с. 50]. Соблюдение пропорциональности между этими показателями с постоянным обновлением взаимных переходов условий, ресурсов, факторов и продуктов хозяйственной системы создает базу для устойчивого ее воспроизводства.

Развитие экономической системы происходит в пределах определенного пространства. Поэтому территориальные условия и факторы оказывают существенное влияние на комплексное развитие российской экономики. Немаловажную роль играют обоснованная интеграция регионов России, динамика отдельных отраслей материального производства, и прежде всего промышленности. Комплексное их влияние находит отражение в достигнутом уровне социально-экономического развития России и ее регионов.

Литература

1. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит // Антология экономической классики. – Т. 2. – М. : Эконов-Ключ – 1993. – С. 31.
2. Тобин, Дж. Теорема о «невидимой руке» должна быть модифицирована / Дж. Тобин // Российский экономический журнал. – 2002. – № 3. – С. 44.
3. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – С. 81.
4. Мюрдаль, Г. Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. – М., 1972. – С. 73.
5. Ясин, Е. Модернизация экономики и система ценностей / Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2003. – № 4. – С. 4.
6. Макаров, В.Л. Экономика знаний: уроки для России / В.Л. Макаров // Экономическая наука современной России. – 2003. – Экспресс-выпуск. – № 1. – С. 6.
7. Львов, Д.С. Экономика развития. / Д.С. Львов. – М. : Экзамен, 2002. – С. 14.
8. Яковец, Ю. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы / Ю. Яковец. – М. : Институт экономики РАН, 1992. – С. 4.
9. Маевский, В. Экономическая эволюция и экономическая генетика / В. Маевский // Вопросы экономики. – 1994. – № 5. – С. 16.
10. Иншаков, О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства / О.В. Иншаков // Экономическая наука современной России. – 2003. – № 1. – С. 15.
11. Иншаков, О.В. О модернизации Федеральной целевой программы «Юг России» / О.В. Иншаков // Доклад на Международной научно-практической конференции, г. Волжский, 23 – 25 сентября 2004. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 50.

УДК 338.34.001.895(510)

Цикличность развития экономики Китая

Б.В. СОРВИРОВ, Е.А. ЗАПАДНЮК

Рассматриваются среднесрочные циклы в экономике КНР за последние 30 лет, исследуются причины циклических колебаний и уменьшения их амплитуды во второй половине периода реформ, а также логика антициклического регулирования.

Ключевые слова: промышленный цикл, экономическая динамика, экономические реформы, антициклическое регулирование, антиинфляционное регулирование.

Middle-run cycles in China economy during the last 30 years are considered. Some causes for cycles and for fluctuation of range decreasing are studied. A few conclusions on business cycle adjustment are given.

Keywords: business cycle, economic dynamics, economic reforms in China, business cycle policy, anti-inflation regulation.

Введение. На протяжении последнего десятилетия экономический рост в Китае был феноменальным с любой позиции. Валовой внутренний продукт (ВВП) КНР за период 1979–2008 гг. вырос почти в 15 раз, а среднедушевые доходы населения – в 7,5 раза. Уже в 1995 г. Китай по объему ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности валют, вышел на 2-е место в мире, обойдя Японию; в 2008 г. ему удалось обойти Германию и выйти на 3-е место в мире и по объему ВВП, посчитанному по официальному обменному курсу.

Подобные успехи не могли не привлечь внимание экономистов. Множество работ посвящено анализу китайского «экономического чуда», причин, предпосылок и факторов роста китайской экономики.

Однако такой стремительный рост не был равномерным: как и любая другая экономика, экономика Китая подвержена кризисам. КНР, как известно, неоднократно сталкивалась с серьезными трудностями и вызовами, обусловленными как политическими, так и экономическими, как внутренними, так и внешними причинами. Одним из таких вызовов был азиатский валютно-финансовый кризис конца 90-х гг. Кризисы не возникают сами по себе и могут быть оценены только во временной перспективе циклического развития экономики.

В данной статье рассматриваются промышленные (среднесрочные) циклы в китайской экономике, начиная с 1978 г., когда были начаты экономические реформы в КНР, характер их изменения, а также антициклическая политика, проводимая китайским правительством страны.

Проблемы выделения промышленных циклов в Китае. В 2008 г. отмечалось 30-летие экономических реформ в Китае, о чем было объявлено на третьем пленуме 11-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая, с этими реформами и начался переход Китая к рыночной экономике. В среднем ежегодные темпы роста реального ВВП с тех пор составляли около 10 %. В то время как исключительная тенденция роста производительности в Китае стала предметом многих научных исследований, колебания вокруг этой тенденции казались малозначительными. Этот недостаток внимания проявляется в том, что не существует всеобъемлющей хронологии, официальных или иных циклов китайской экономики в период реформ. Существуют исследования, которые, обозначают хронологию промышленных циклов в Китае, но каждое из них – это в основном разовый подход к установлению этих границ, и поэтому даты начала и конца циклов часто не сходятся в разных работах [1].

Однако обладание точной хронологией возможных деловых циклов – необходимая отправная точка для их анализа. Относительное отсутствие академического внимания к циклам деловой активности в Китае среди прочих причин может быть объяснено тем, что правительство Китая уделяет много внимания краткосрочной перспективе колебания совокупной экономической активности. Приверженность китайского правительства достижению роста реального ВВП

(по крайней мере, восемь процентов в год) в целях сохранения социальной стабильности хорошо известна и объясняет, почему макроэкономических шоки встречаются со столь быстрым реагированием со стороны государства.

Говоря о цикличности развития Китая, необходимо помнить, что за последние 30 лет страна испытывала кризисы. Однако, в отличие от классического цикла, где стадия подъема характеризуется положительной динамикой ВВП, а спад – его снижением; китайский промышленный цикл характеризовался только уменьшением темпов роста, но не отрицательным ростом. В таком случае возникает проблема идентификации, выявления вышеупомянутых циклов [2].

Если подходить к определению промышленных циклов как к колебаниям реального ВВП вокруг тренда реального ВВП, то не требуется, чтобы цикл включал период снижения совокупного продукта; достаточно выделить период, когда ВВП оказывается ниже тренда. Спады и подъемы производства при этом рассчитываются как процентное отклонение реального ВВП от линии тренда.

Становится очевидным, что просто визуальное исследование изменения ВВП во времени не сможет дать достоверного результата по исследованию циклов в Китае. Этим и объясняются противоречия в существующих работах ряда исследователей на эту тему. Кроме того, если на ранних этапах реформ амплитуда колебаний большая и циклы (пусть и не точно) могут быть выявлены, то после 1998 г. циклические отклонения ВВП затухают, и определение границ циклов становится крайне затруднительным (рисунок 1).

Для исправления этих недостатков предлагается за основу анализа избрать ежемесячные данные о ВВП, а затем использовать их для построения сезонных наблюдений. Тогда циклическими колебаниями признаются относительные отклонения наблюдаемого реального ВВП от линии тренда, что и позволило нашему исследованию быть точнее и правдоподобнее в проведенных ранее работах. За период 1985–2000 гг. китайская экономика пережила три промышленных цикла: первый в 1985/86–1990 гг., второй – в 1991–1996 гг. и третий – с 1997 г. до конечной точки нашего исследования (2000 г.).

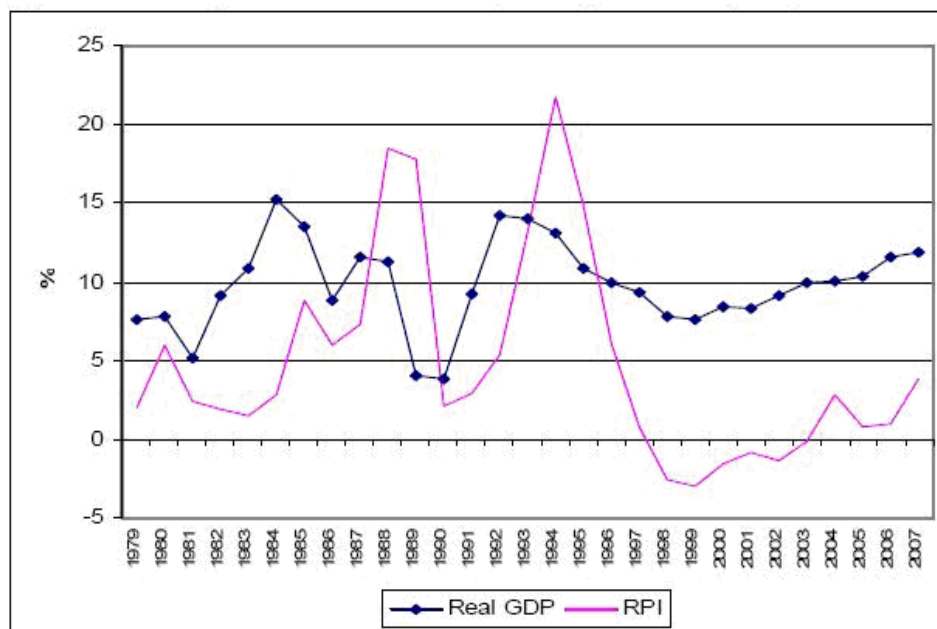

Рисунок 1 – Ежегодный прирост ВВП Китая: динамика реального ВВП и индекса розничных цен, в % [1]

Продолжительность циклов составляет 5 лет, в то время как среднесрочные циклы по Жуглару составляют около десяти лет, однако сравнение индекса капитальных вложений с динамикой ВВП показывают, что речь идет именно о среднесрочных циклах, а не краткосрочных [2].

Расширив хронологические границы, можно прийти к выводу, что имеются периоды, когда реальный ВВП был выше и когда он был ниже линии тренда, то есть периоды подъема и спада.

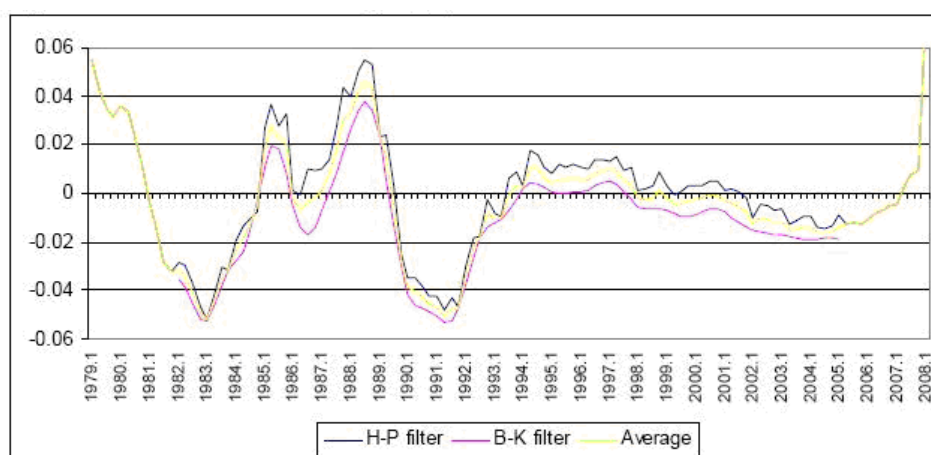

Рисунок 2 – Отклонения реального ВВП Китая от линии тренда во времени

Описанные даты пиков и падений тесно связаны с макроэкономическими событиями в Китае в период реформ. Например, в сентябре 1988 г. правительство инициировало программу сдерживания в ответ на рост инфляции, и этому соответствует пик 1988 г., определенный в этом периоде. Эта программа, а также известный инцидент на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., пошатнули доверие к экономическим реформам в Китае. На рисунке 2 показано, что отклонение реального ВВП от тренда резко падает с $+4,63\%$ в 1988 г. в область отрицательных значений в 1989 г. После предпринятых в начале 1991 г. Дэн Сяопином мер уверенность в программе экономических реформ снова была восстановлена, практически сразу повысился уровень инвестиционной активности. Отрицательное отклонение ВВП от тренда после 1991 г. быстро исчезло.

Кроме предоставления подробной хронологии цикла деловой активности в Китае, на рисунке 3 показаны также изменения амплитуды циклов деловой активности с течением времени. Совершенно очевидно, что в этом цикле отмечается резкое уменьшение отклонений во второй половине периода реформ по сравнению с первой. Средний разрыв между реальным выпуском 1993–2008 гг. и линией тренда был на 70 % меньше, чем в 1979–1992 гг. Этот факт, отчасти, иллюстрирует успехи стабилизационной политики китайского правительства, грамотное использование важнейших инструментов антициклического регулирования.

Более того, при сравнении китайских циклов с экономическими циклами США и Японии оказалось, что неустойчивость экономического цикла была заметно больше в Китае до приблизительно 1993 г., затем она была на одном уровне с США и Японией. Начиная с 1993 г., реальный ВВП во всех трех странах в основном колебался в пределах 2-процентного диапазона вокруг тренда реального ВВП.

Межрегиональная синхронность промышленных циклов в Китае: проблемы Гонконга и других регионов. В течение более чем 150 лет британского колониального правления Гонконг был законодательно отделен от Китая и стал административным регионом КНР только в 1997 г. Некоторые данные о сроках и степени интеграции между этими двумя экономиками, а, следовательно, и об экономической интеграции страны в целом, можно оценить из степени синхронизации их промышленных циклов.

После начала экономических реформ в 1978 г. и особенно после первой половины 1990-х годов прибрежные районы Китая развивались более быстрыми темпами, чем остальная часть страны. Экономические циклы континентального Китая в значительной степени расходились не только с циклами Гонконга, но и между собой как до 1997 г., так и после.

Например, огромный ущерб экономической деятельности в Гонконге нанесла «культурная революция» (1965–1970), азиатский финансовый кризис, в течение которого значительное давление на доллар Гонконга и повышение процентных ставок в 1997–1998 г. привели к экономическим спадам в 1998 и 1999 гг. В китайском экономическом цикле в эти периоды не видно выраженного спада. Представляется также, что восстановление экономики Гонконга в 2000 г. не

является отражением событий в Китае. Тем не менее, можно утверждать, что в большей части периода реформ циклы Гонконга и Китая были синхронны, так как экономическая активность на обеих территориях показывает устойчивую общую компоненту, начиная с середины 1980-х гг.

Следует отметить, что, несмотря на общее сходство региональных циклов деловой активности, экономическая активность в ряде провинций на северо-западе Китая не имеет тесной связи с событиями в остальной части страны.

Причины стабилизации экономики Китая. Каким образом в Китае удалось успешно преодолеть нестабильность конъюнктуры во второй половине периода реформ? Объяснение экономических циклов в 1980-х опирается на существование административного контроля центрального правительства над ценами. Хотя цены в некоторых секторах экономики, например в легкой промышленности, были либерализованы уже в начале периода реформ, цены в основных отраслях промышленности – добывающей промышленности, энергетике и транспорте, по-прежнему были установлены ниже рыночного уровня. Это давало местным органам власти и государственным предприятиям недостаточно стимулов для инвестиций в эти отрасли. В то же время децентрализация принятия решений властью, которая была признаком ранних этапов периода реформ, означала, что кредитный план для государственных банков стал в значительной степени рекомендательным, а не обязательным. Так, местные власти смогли в значительной мере повлиять на филиалы крупных китайских банков в области направлений кредитования. В конечном счете, государственные банки, как правило, отвлекали средства от инвестиций в базовые отрасли промышленности, и они стали своеобразными «узкими местами» на пути экономического роста. Это побудило само правительство Китая вкладывать средства для повышения производственного потенциала сырьевых, транспортных и других отраслей. Однако руководству страны пришлось полагаться в основном на «создание» денег, то есть расширение денежной массы, для финансирования этих инвестиций. Инвестиции в основные фонды как в отраслях со свободными, так и с фиксированными ценами, осуществляемые путем применения инфляционных мер стимулирования экономического роста, приводили к резким скачкам объемов производства и инфляции. Во время таких скачков центральное правительство было вынуждено ужесточать кредитный план для того, чтобы обуздать инфляцию. Это приводило к резкому сокращению темпов роста совокупного объема производства.

Такой взгляд на проблему предполагает, что экономические циклы станут более выраженными, чем полнее окажется либерализация ценообразования. Действительно, в Китае с течением времени ценообразование приводилось в соответствие с рынком. И хотя центральное правительство по-прежнему контролировало некоторые цены, особенно связанные с энергетикой (электроэнергия является самым дефицитным ресурсом в экономике современного Китая), в целом очевидна общая тенденция к либерализации или, по крайней мере, к установлению цен ближе к рыночному уровню, особенно после вступления страны в ВТО (2001). Таким образом, один из источников нестабильности экономического цикла, который существовал в первой половине периода реформ, исчез во второй половине.

Другая причина в том, что в первой половине периода реформ правительство было привержено идее поддержания занятости в государственном секторе Китая. Поскольку эффективность государственного сектора была меньше, чем негосударственного, необходим был перелив ресурсов в государственный сектор в виде дешевых кредитов от государственных банков и денежной эмиссии для сохранения занятости. Аналогично предыдущей причине, эта логика действий увеличивала рост производства, но в то же время вынуждала правительство в большей степени опираться на необеспеченные деньги и, в конечном счете, подпитывала инфляцию.

Выход из этой ситуации был найден в сокращении масштабов обязательств по поддержке государственного сектора. Такие программы начались в середине 1990-х гг., миллионы работников государственного сектора были сокращены, но в то же время значительно уменьшились размеры неэффективного перелива средств.

Кроме того, многие экономисты подчеркивают, что ускорение инвестиций в основной капитал способствовало снижению темпов инфляции в очередном экономическом цикле (1993), и это позволило стабилизировать экономику Китая.

Среди факторов, объясняющих уменьшение амплитуды экономических колебаний в Китае, выделяют:

- улучшение структуры китайской экономики в пользу негосударственного сектора;
- жесткий контроль инвестиционной и монетарной политики;
- пристальное внимание к структуре инвестиций и эффективности этих инвестиций;
- действие реформ, направленное на создание рыночной экономики и усиление ее открытости;
- хороший урожай зерновых в 1996 г., который позволил правительству перейти к значительному снижению продовольственных цен.

Хотя приведенные выше соображения позволяют объяснить, почему в Китае снизилась нестабильность экономической конъюнктуры, тем не менее, заслуживает внимания тот факт, что на протяжении последних 15 лет нестабильность китайской экономики была сопоставима с динамикой других ведущих экономик мира, США и Японии.

Однако в отличие от этих стран, китайская институциональная структура по-прежнему далека от образца, который большинство либерально настроенных экономистов считает идеалом с точки зрения возможности сглаживания циклов деловой активности. Например, в Китае нет гибкого режима обменного курса, недостает свободного и полного финансового рынка (прежде всего рынка краткосрочных финансовых инструментов), а также отсутствует независимый центральный банк.

В то же время, другие экономисты считают систему тщательного государственного контроля за движением капитала защитой от самых худших последствий таких событий, как азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Не отрицая остальных факторов, следует признать, что именно нестандартная институциональная система является тем инструментом, благодаря которому китайская экономика так успешно справляется с кризисами в течение последних 15 лет.

Эффективность китайской экономики в преодолении кризисов. Эффективность китайской экономики обусловлена последовательным регулированием экономических процессов реформы на государственном уровне, на уровне крупных и средних предприятий, в сочетании с радикальной активизацией производства на уровне фирм и исключительно дисциплинированным и высококвалифицированным корпусом руководящих работников высших, средних и первичных уровней власти.

При этом была отброшена политика идеологического изоляционизма и воспринята прагматическая политика открытых дверей в целях заимствования и внедрения в экономику, а также другие области жизни китайского общества всего новаторского. Страна от этой открытости только выиграла.

За период с 1978 по 2001 гг. обновлено более 90 % промышленного оборудования новыми технико-технологическими системами новаторского типа. За 22 года объем внешней торговли Китая возрос в 20 раз и составил к началу XXI в. 360 млрд. долларов США. В 2003 г. доля экспорта Китая в мировом экспорте составила 6 % при 3,9 % в 2000 г. В том же году Китай обеспечил 16 % мирового экономического роста, прочно заняв второе место после США.

Уже в середине 1990-х гг. уровень развития китайской экономики достиг такого предела устойчивой динамичности и интенсивности, который грозит непредсказуемыми скачками вверх и непредвиденными падениями. Чтобы этого не случилось, экономисты контролируют цикличность развития реальной экономики, сознательно сдерживая при необходимости экономический рост и не допуская упадка народного хозяйства. Только за период с 1991–1996 гг. прирост национальных инвестиций в основной капитал составил 34,7 %, реальных инвестиций – 19,3 %. В последующие годы государство резко сбавило темпы прироста инвестиций, чтобы не оказаться в ловушке неконтролируемого экономического роста, обычно заканчивающегося катастрофическим кризисом перепроизводства.

Регулирование среднегодовых темпов прироста ВВП играет положительную роль: производится столько продукции, сколько может поглотить платежеспособный спрос населения, обеспечивая запрограммированный рост уровня жизни людей, что является эффективным методом управления экономикой. Об экономических результатах, достигнутых в период с 1978 по 2001 гг., можно судить по статистическим данным роста ВВП.

Долгосрочная стратегия всестороннего реформирования Китая, выработанная в 1987 г., обозначила ясную цель правительства – осуществление нового экономического строительства страны для преобразования жизни общества, которое необходимо достигнуть в течение трех стратегических этапов. На первом и втором этапах предполагалось удвоить объем ВВП против уровня 1980 г. Цели первых двух в основном носили количественную окраску и выражались в увеличении ВВП. К 1995 г. Китай успешно с этими целями справился. На третьем этапе задачи приобрели более качественный и комплексный характер. Для его реализации были намечены следующие задачи:

- в середине XXI в. осуществить модернизацию экономики;
- добиться сбалансированного роста экономики;
- достичь уровня среднеразвитых стран по объему ВВП на душу населения;
- добиться повышенного уровня благосостояния населения по сравнению со среднемировым.

Таким образом, Китай добивается устойчивости собственной экономики за счет равномерной структуры народного хозяйства и емкого внутреннего спроса, как гаранта от шоков внешнего спроса, что необыкновенно важно для экспортно-ориентированной страны. Уже сейчас в условиях сокращения экспортных возможностей страны, вызванного кризисом 2008–2009 гг., государство в КНР располагает большими возможностями по переливу капитала из экспортно-ориентированных во внутренние сектора экономики.

Для осуществления долгосрочной стратегии правительство выработало пакет официальных документов, состоящих из планов, программ и подпрограмм, в которых определено главное содержание реформирования экономической системы:

- придерживаться курса пропорционального сбалансированного развития многоукладной экономики, где главным остается экономика общественной (государственной) собственности;
- заменить механизм хозяйствования на государственных предприятиях, создать систему современных предприятий, отвечающих рыночной экономике;
- сформировать по всей стране единую систему открытых рынков, в городах и селах осуществить слияние рынков, произвести стыковку внутреннего рынка с мировым, способствовать оптимальному распределению ресурсов;
- преобразовать функции правительства в управлении экономикой, создать совершенную систему макроконтроля, главными в которой будут косвенные методы контроля;
- создать систему справедливого распределения доходов с упором на распределение по труду, обращая внимание в первую очередь на эффективность рыночной экономики и поощряя частную инициативу, другими словами, развивать эффективное государство.

Мировая практика свидетельствует, что данные характеристики в сочетании с активным сальдо торгового и платежного баланса по текущим операциям, достаточными золотовалютными резервами, невысокими темпами инфляции позволяют стране наименее болезненно реагировать на кризисы.

Заключение. Реформы, начатые 30 лет назад, позволили Китаю не просто преодолеть экономический спад, но и добиться впечатляющих результатов. Пристальное внимание ученых всего мира приковано к экономике Китая, как имеющей огромные показатели роста ВВП. Неудивительно, что и вопрос экономических циклов не остается без внимания.

Исследование экономических циклов в Китае показало, что они тесно связаны с политическими событиями в стране, а также испытывают влияние извне в силу экспортно-ориентированного характера экономики.

Сама экономика Китая неоднородна и различается в зависимости от территории. В последние годы, однако, она показывает растущую синхронность циклов и экономического развития между разными регионами, что свидетельствует о ее постепенной интеграции.

В период реформ, кроме синхронизации, наблюдается еще и сжатие амплитуды циклов. Экономика Китая стала более устойчивой к различным шокам, что объясняется в первую очередь институциональным устройством, все большей либерализацией экономики и пристальным вниманием правительства к проведению реформ и среднесрочному и долгосрочному планированию.

Китай добивается устойчивости своей экономики за счет увеличения емкости внутреннего рынка, сближения экономического и социального развития отраслей и регионов, совершенствования механизмов работы госсектора и инструментов регулирования частного сектора, создания единого внутреннего рынка.

Таким образом, по многим макроэкономическим показателям есть основания полагать, что китайская экономика с наименьшими потерями выйдет из мирового кризиса последних двух лет.

Литература

1. Laurenceson, J., Dobson C. China's business cycles since 1979: a chronology and comparative analysis / J. Laurenceson, C. Dobson [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ideas.repec.org/p/qld/uqeaer/17.html>. – Дата доступа : 14.09.2014.
2. Yamasawa, N. China's Business Cycles and Early Warning Indicators / N. Yamasawa [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jcer.or.jp/eng/pdf/dp115.pdf>. – Дата доступа : 4.10.2014.
3. Беляев, М.И. Отраслевая структура современной мировой экономики / М.И. Беляев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.milogiya2007.ru/mireconom4.htm>. – Дата доступа : 14.05.2014.
4. Гельбрас, В. Тридцатилетие эпохи «реформ и открытости» в Китае / В. Гельбрас // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 6. – С. 73–83.
5. Илларионов, А. Секрет китайского экономического «чуда» / А. Илларионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.iea.ru/article/publ/vopr/1998_4.pdf. – Дата доступа : 21.09.2014.
6. Карлусов, В. Китай: антикризисный потенциал экономики и меры борьбы с мировым кризисом / В. Карлусов // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 125–136.
7. Устиан, И. Эффективность экономической реформы Китая / И. Устиан // Экономист. – 2006. – № 8. – С. 74–86.
8. Gerlach-Kristen, P. Business cycle and inflation synchronisation in Mainland China and Hong Kong / P. Gerlach-Kristen [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hiebs.hku.hk/working_paper_updates/pdf/wp1115.pdf. – Дата доступа : 18.09.2014.
9. Genberg, H., Liu, L., Jin, X. Hong Kong's business cycle synchronisation with Mainland China and the US / H. Genberg, L. Liu, X. Jin [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.info.gov.hk/hkma/eng/public/qb200609/E_05_12.pdf. – Дата доступа : 20.09.2014.
10. Oppers, E.S. Macroeconomic cycles in China / E.S. Oppers [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=882693#. – Дата доступа : 4.10.2014.

Особенности определения сроков и очередности проведения капитального ремонта и реконструкции автомобильных дорог

И.М. ЦАРЕНКОВА

Представлен анализ существующих методов назначения ремонтных мероприятий, на основе оценки транспортно-эксплуатационного состояния автомобильных дорог с использованием базы данных их эксплуатационных и технических параметров. В качестве ограничения выступает объем финансирования, что определяет выбор технологии проведения ремонта и возможность включения объекта в программу работ. Приводится разработанная методика поиска оптимума при двух независимых элементах по срокам проведения и очередности выполнения капитального ремонта автомобильной дороги и ее реконструкции.

Ключевые слова: автомобильная дорога, капитальный ремонт, реконструкция, эффективность.

The analysis of existing methods destination repair activities on the basis of the evaluation of transport and operational condition of roads, using a database of their operational and technical parameters is given. The amount of funding acts as limitation. This determines the choice of technology of repair and the inclusion of the object in the work program. The developed method for global optimization in two independent elements on the timing and prioritization of major repairs of the road and its reconstruction is given.

Keywords: automobile road, major repairs, reconstruction, efficiency.

Введение. В Беларуси для республиканских автомобильных дорог используется система управления транспортно-эксплуатационным состоянием автомобильных дорог «Ремонт» [1, с. 316]. Данная система позволяет выполнять оценку транспортно-эксплуатационного состояния дорог и рассчитывать потребность в средствах на их приведение в соответствие с нормативными требованиями. Для этого постоянно пополняется база данных эксплуатационных и технических параметров автомобильных дорог. Расчеты выполняются как из условия необходимого объема финансирования, так и при ограничении поступления инвестиций. По сформированным перечням назначают вид требуемого ремонта или мероприятий по содержанию, проведение которых обеспечивает соответствие дороги нормативным требованиям.

В условиях ограниченного финансирования продолжаются исследования, направленные на совершенствование системы назначения ремонтных мероприятий автомобильных дорог. В большинстве из них осуществляется поиск критерия, определяющего возможность и схему проведения ремонтных работ и выбор на его основании участков, назначаемых в ремонт. При этом в первую очередь капитальный ремонт назначается на тех участках, где повреждения наиболее существенны. На остальных объектах с выработанными межремонтными сроками в качестве поддерживающей стратегии планируется текущий ремонт.

Согласно ДМД 02191.5.002-2006 [2, с. 2] в условиях недостаточной обеспеченности финансированием дорожных работ при проведении ремонтов, обеспечить доведение всех параметров одновременно всех дорог до нормативных требований невозможно. На участках дорог, где не предусмотрено доведение параметров до нормативных требований, предусматриваются ремонты, обеспечивающие удовлетворительное состояние дорог. В ДМД определены участки дорог, рекомендуемые к выполнению на них ремонтов в первую очередь: с коэффициентом прочности конструкции дорожной одежды менее допустимого значения; при наличии дефектности покрытия, соответствующей определенному уровню; при превышении предельно допускаемого значения международного индекса ровности (IRI); при недостаточной величине коэффициента сцепления и значительной колейности покрытия. При долгосрочном планировании критерием разработки планов на сетевом уровне является расчетный межремонтный срок службы жестких конструкций дорожных одежд (T), который рассчитывается по зависимостям:

$$\text{— для усовершенствованных типов } T = 1,4 \cdot \ln(N) + 2,5; \quad (1)$$

$$\text{— для переходных и низших типов } T = 1,2 \cdot \ln(N) + 0,6, \quad (2)$$

где N – среднегодовая суточная интенсивность движения, авт./сутки.

Однако этот показатель не является основным при принятии решения о проведении очередного капитального ремонта. Определяющим критерием для выбора вида ремонта служит предельно допускаемое значение покрытия по международному индексу ровности IRI. Ремонтные мероприятия назначаются с таким условием, чтобы после их проведения, значение ровности, не превышало рекомендуемых значений. Капитальный ремонт рекомендуется проводить, если выполнение текущего ремонта не обеспечит требуемого состояния по ровности. В условиях ограниченного финансирования назначенные ремонты ранжируются по величине эффективности. Эффективность вложения средств для выполнения ремонтных мероприятий определяется по отношению величины снижения транспортных издержек после проведения ремонта к стоимости ремонта. Перечень участков дорог, рекомендуемых к ремонту, формируется из ранжированного ряда в пределах выделенных денежных средств.

В работе [3, с. 13] разработан интегральный показатель, значение которого характеризует момент наступления этапов проведения текущих, капитальных ремонтов или переустройства слоев основания. В качестве критерия разработан коэффициент надежности дорожной одежды, позволяющий принимать решение о выборе участков автомобильных дорог, требующих проведения первоочередных ремонтных мероприятий, а также в случае ограниченного финансирования, обоснованной замене капитального ремонта текущим ремонтом.

Наиболее мощным, но и более капиталоемким механизмом значительного улучшения транспортно-эксплуатационного состояния дорог и повышения их качества является реконструкция. Она направлена на увеличение пропускной способности, повышение скорости движения автомобиля, увеличение несущей способности покрытия с последующим переводом дороги в более высокую категорию, обеспечение безопасности движения и повышение транспортных качеств дороги. При реконструкции дороги или отдельных ее участков предусматривается улучшение плана и продольного профиля, устройство пересечений в разных уровнях с железными и автомобильными дорогами, строительство обходов населенных пунктов, уширение земляного полотна и проезжей части, усиление дорожной одежды, устройство краевых полос, усиление земляного полотна для повышения его устойчивости, переустройство искусственных сооружений в соответствии с новыми габаритами и нагрузками [4, с. 3].

В программе «Дороги Беларуси на 2006–2015 гг.» взят курс на дальнейшее развитие и ремонт автомобильных дорог на всех направлениях движения [5]. Намечено выполнить реконструкцию 79 км и капитальный ремонт на 1 332 км автомобильных дорог. В 2009 г. в связи с пересмотром программы Департаментом «Белавтодор» совместно с Министерством финансов и Министерством транспорта скорректированы основные объекты вложения инвестиций, среди них реконструкция автомобильных дорог М5 «Минск-Гомель» (протяженность в границах работ 74 км) и М4 «Минск-Могилев» (протяженность объекта 97 км). Кроме того, около 75 % автомобильных дорог имеют просроченные межремонтные сроки. Физические объемы капитального ремонта дорог в республике ниже нормативной потребности в 5,6 раза.

В связи с вышеизложенным, особую важность приобретают исследования, направленные на рациональное использование ограниченных финансовых ресурсов при планировании дорожных работ. Требуется решения задача совместного поиска оптимальных сроков проведения капитального ремонта и реконструкции автомобильной дороги, обеспечивающих снижение транспортно-эксплуатационных затрат пользователей и капитальных вложений в проведение дорожно-строительных работ.

Основная часть. Представляется целесообразным определить оптимальную стратегию срока проведения капитального ремонта автомобильной дороги t_1 с одновременным определением оптимального срока реконструкции дороги t_2 .

Для отыскания оптимума при двух (как в данном случае) и более независимых переменных, т. е. при многомерном поиске, в настоящее время разрабатываются различные методы, которые основываются или на алгебраической, или на геометрической интерпретации решаемых задач.

В первом случае зависимая переменная (критерий) с помощью алгебраических уравнений выражается в виде функции независимых переменных. При таком подходе отыскание оптимума сводится к анализу функции и решению системы уравнений. В зависимости от характера функции решение системы таких уравнений осуществляется методами классической математики (решением дифференциальных уравнений в частных производных), а также методами линейного и динамического программирования.

При геометрической интерпретации и двух независимых переменных зависимая переменная (критерий) представляет собой точку в трехмерном пространстве. Совокупность всех точек зависимой переменной образует поверхность.

Число независимых переменных может быть и больше двух. В этом случае возникает многомерное пространство. Если критерий (зависимая переменная) находится в функциональной зависимости от n независимых переменных, то поиск осуществляется в $(n+1)$ -мерном пространстве и результаты экспериментов располагаются на n -мерной гиперповерхности отклика.

При такой интерпретации поиск оптимального решения сводится к анализу характера гиперповерхности отклика для выявления:

- унимодальности функции при заданной области изменения независимых переменных;
- рациональной последовательности выполнения экспериментов, обеспечивающей быстрое продвижение к наиболее высокой (при нахождении максимума критерия) или к наиболее низкой (при отыскании минимума) точке этой поверхности;
- координаты (величины независимых переменных), соответствующие этим точкам.

В качестве критерия оптимальности принимается минимальная величина суммарных затрат, связанных с реализацией стратегии S (учитываются затраты, связанные с реализацией проекта, за все годы эксплуатации дороги (суммарные по времени) и по всем направлениям расходования средств (суммарные по составу)), так как именно они, оказывают наибольшее влияние на величину эффектов, получаемых в результате реализации разработанной стратегии

$$S = \sum_{t=0}^T K_t \eta_t + \sum_{t=0}^T Z_t \eta_t + \sum_{t=0}^T L_t \eta_t, \quad (3)$$

где K_t – капитальные вложения в основные фонды, руб.;

η_t – коэффициент дисконтирования затрат t -го шага к исходному (в качестве исходного принимается год эксплуатации дороги в существующем состоянии);

t – текущий расчетный шаг (принимается равным 1 году);

T – расчетный период эксплуатации дороги, лет;

Z_t – текущие затраты на t -м шаге расчета, руб.;

L_t – транзакционные издержки, связанные с реализацией стратегии, руб.

В состав текущих затрат входят: транспортно-эксплуатационные, включая расходы на эксплуатацию и ремонт, транспортные затраты, включающие расходы на осуществление перевозок грузов и пассажиров по данному участку дороги; внетранспортные затраты, включающие народнохозяйственные потери, связанные с затратами времени нахождения пассажиров в пути следования, изъятием под дорогу продуктивных земель, дорожно-транспортными происшествиями; потери нетранспортных отраслей народного хозяйства, возникающие в условиях работы на неблагоустроенной дорожной сети.

Общая сумма транспортных затрат, связанных с осуществлением перевозочного процесса, определяется методами непосредственного расчета:

$$Z_T = \sum_{j=1}^n (Z_{\text{топ}_j} + Z_{\text{см}_j} + Z_{\text{ш}_j} + Z_{\text{А}_j} + Z_{\text{зч}_j} + Z_{\text{о}_j} + Z_{\text{в}_j} + Z_{\text{опр}_j}), \quad (4)$$

где $Z_{\text{топ}_j}$ – затраты на топливо j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{см}_j}$ – затраты на смазочные материалы j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{ш}_j}$ – затраты на восстановление износа шин j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{А}_j}$ – затраты на амортизацию j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{зч}_j}$ – затраты на запасные части j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{о}_j}$ – затраты на обслуживание j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{в}_j}$ – затраты на зарплату водителям j -го типа автомобиля, руб.;

$Z_{\text{опр } j}$ – общепроизводственные и общехозяйственные расходы по j -му типу автомобиля, руб.;

n – количество типов автомобилей в потоке, шт.

Внетранспортные затраты включают затраты других отраслей народного хозяйства, возникающие в связи с неблагоприятными дорожными условиями:

$$Z'_{\text{внтр}} = P_t + O_t + O_t^c + \Pi_{\text{cit}} + \Pi_{\text{рн}} + \Pi_{\text{туит}} + \Pi_{\text{иуит}} + Z_t^u + \Pi_t^{\text{сх}}, \quad (5)$$

где P_t – годовые потери, связанные с затратами времени населения на поездки, руб.;

O_t – затраты оборотных средств предприятий в связи с пребыванием грузов в пути, руб.;

O_t^c – затраты оборотных средств предприятий в связи с сезонными перерывами в движении в году t , руб.;

Π_{cit} – потери от ДТП на i -том участке дорожного сооружения, связанные со смертельными случаями, руб.;

$\Pi_{\text{рн}}$ – потери от ДТП на i -том участке дорожного сооружения, связанные с тяжелыми и легкими ранениями, руб.;

$\Pi_{\text{туит}}$ – потери от ДТП на i -том участке дорожного сооружения в t -м году, связанные с повреждением и транспортировкой транспортных средств, руб.;

$\Pi_{\text{иуит}}$ – потери от ДТП на i -том участке дорожного сооружения в t -м году, связанные с повреждением дорожных сооружений, руб.;

Z_t^u – затраты на развитие отраслей материального производства в связи с неблагоприятными дорожными условиями, руб.;

$\Pi_t^{\text{сх}}$ – потери сельского хозяйства в связи с неблагоприятными дорожными условиями.

В состав транзакционных издержек входят затраты в сферах проектирования и постройки: связанные с организацией ремонта и реконструкции автомобильной дороги, включающие поиск информации, выбор партнеров, ведение переговоров и заключение договоров, формирование материальных, транспортных и трудовых потоков; связанные с обеспечением экономической безопасности, проведением подрядных торгов, рекламой.

Расчет затрат выполняется по методике определения эффективности инвестиций в строительство, реконструкцию, ремонт и содержание автомобильных дорог, разработанной РУП «Белгипродор» [6]. Определение затрат осуществляется на основе сметно-финансовых расчетов или утвержденных нормативов удельных показателей стоимости строительства, содержания, ремонта и реконструкции дорожных сооружений, а в случае отсутствия указанных расчетов или нормативов на основе аналогов.

В этом случае при сохранении критерия оптимальности по суммарным затратам S за расчетный период эксплуатации дороги T требуется отыскать минимум этих затрат с учетом их отдаленности в функции двух независимых переменных t_1 и t_2 , т. е. требуется отыскание минимума функции от двух переменных t_1 и t_2 в любом возможном их сочетании:

$$S_{\text{min}} = f(t_1; t_2) \quad (6)$$

Решение этой задачи можно было бы базировать на подсчетах суммарных затрат S для ряда расчетных сочетаний t_1 и t_2 , задаваясь возможно меньшим интервалом Δt_1 и Δt_2 . При этом с уменьшением интервала Δt повышается точность определения взаимоувязанных оптимальных сроков t_1 и t_2 , но возрастает число расчетных вариантов. Например, при $T = 20$ лет и $\Delta t_1 = \Delta t_2 = 1$ году число расчетных сочетаний t_1 и t_2 достигнет огромной величины

$$\left(\frac{T}{\Delta t} + 1\right)^2 = \left(\frac{20}{1} + 1\right)^2 = 442 \text{ варианта. Даже при увеличении шага до пяти лет } \Delta t_1 = \Delta t_2 = 5$$

все же потребуются рассчитать 25 вариантов, для каждого из которых потребуется определить сумму всех расходов за 20-летний период. С изменением исходных данных число вариантов будет соответственно возрастать в n раз, где n – число переменных исходных данных.

Трудоемкость таких расчетов определяет безусловную целесообразность использования для решения этого рода задач современных электронных вычислительных машин. С помощью ЭВМ возможно прежде всего получение суммарных расходов S для любых расчетных значений t_1 и t_2 . Подсчеты суммарных расходов для расчетных комбинаций t_1 и t_2 дают возможность построить пространственную модель – поверхность $S = f(t_1; t_2)$, на которой наносятся изолинии равных значений S через любой выбранный интервал изменения S , как это показано на рисунке 1.

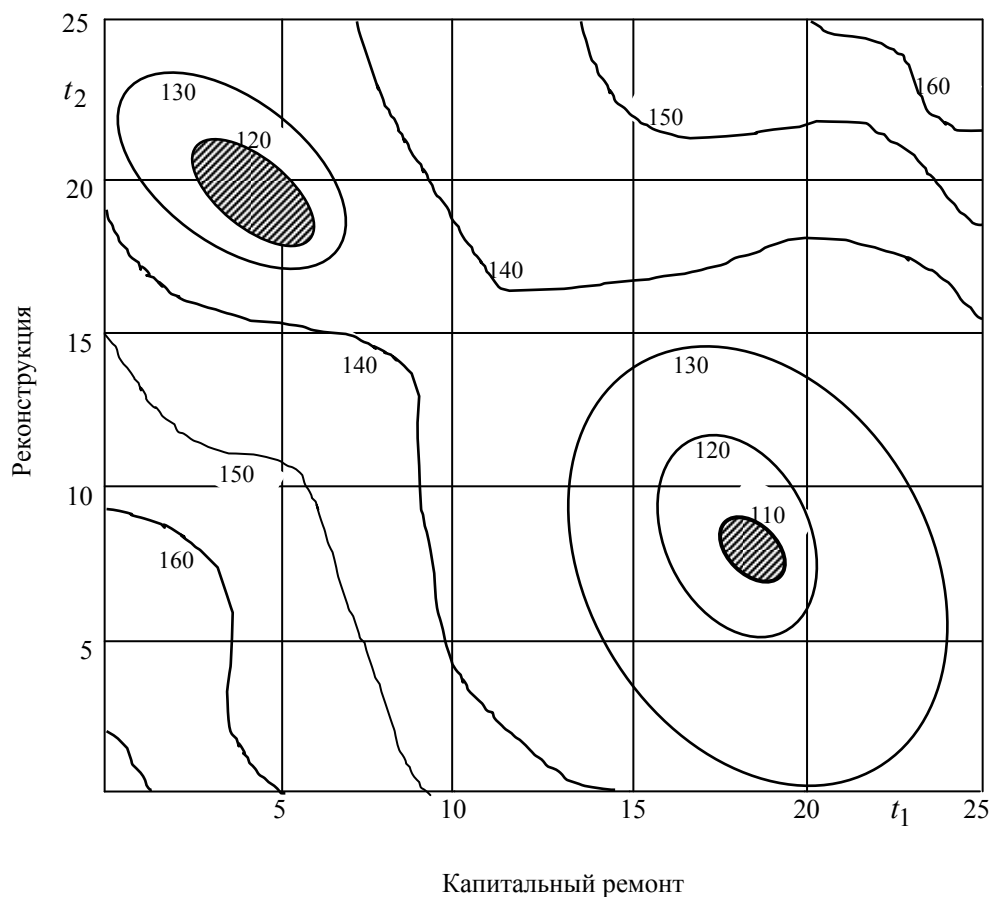

Рисунок 1 – Зависимость суммарных затрат $S = f(t_1; t_2)$

Построение такой модели имеет то преимущество перед полностью автоматизированным решением с применением метода, например, наискорейшего спуска, что при построении пространственной модели представляется возможность более наглядного анализа и обоснованного выбора оптимальных сочетаний сроков проведения капитального ремонта и реконструкции. Кроме того, надо иметь в виду, что поверхность $S = f(t_1; t_2)$ может иметь не один минимум при различных оптимальных сочетаниях t_1 и t_2 . Это очень существенно, так как в определенных условиях может оказаться целесообразным по тем или иным соображениям принять не абсолютный по величине минимум, а близкий к нему, но дающий более конкурентное решение в отношении практически рационального сочетания сроков t_1 и t_2 .

В каждом узле сетки, отражающей разные варианты сроков проведения капитального ремонта и реконструкции автомобильной дороги, на рисунке 1 размещаются значения суммарных затрат. Линии, соединяющие одинаковые значения затрат, строятся аналогично построению горизонталей на плане местности, т. е. производится интерполяция графическим способом по известным отметкам в узлах сетки (по линиям равномерных скатов) через 10 млн руб. (например 140, 130 и т. д.). Соединяя точки с одинаковыми отметками, ломаными округленными в перегибах, нарисованы линии аналогичные горизонталям.

На рисунке 1 получены два минимума. Первый минимум – абсолютный $S = 90$ млн руб. при $t_1 = 5$ и $t_2 = 19$ лет, т. е. $t_1 < t_2$, что означает целесообразность сначала проведения капитального ремонта на данном участке автомобильной дороги, а затем, через 14 лет, его реконструкции. Второй минимум несколько больший абсолютной величины и соответствует другому сочетанию оптимальных сроков t_1 и t_2 : $t_1 = 18$ годам и $t_2 = 8$ годам, $t_1 > t_2$, т. е. целесообразно перевести участок дороги в более высокую категорию, а затем (через 10 лет) уже проводить его капитальный ремонт. В каждом конкретном случае такие материалы позволяют наиболее обоснованно выбрать оптимальное проектное решение.

Заключение. В результате анализа существующих методов определения ремонтных работ на автомобильных дорогах выявлены определяющие критерии для выбора участков и сроков их проведения. При выборе участков, исходят из транспортно-эксплуатационного состояния дорожной одежды, на основании чего назначаются виды ремонтных мероприятий, рассчитывается их стоимость и эффект от проведения. При этом не учитывается многоэтапность капитальных вложений, когда может быть получена заданная величина эффективности при вариантной разработке схем инвестирования в автомобильную дорогу.

Для отыскания оптимального решения при двух и более независимых переменных, т. е. при многомерном поиске разработана методика определения сроков и очередности проведения капитального ремонта и реконструкции автомобильной дороги путем отыскания минимума на поверхности отклика при двух независимых переменных, позволяющая, в отличие от существующих, учесть многоэтапные инвестиции в автомобильную дорогу и выбрать рациональное сочетание их первоначального уровня и последующих текущих затрат пользователей автомобильной дороги.

Литература

1. Леонович, И.И. Диагностика автомобильных дорог : учеб. пособие / И.И. Леонович, С.В. Богданович, И.В. Нестерович. – Минск : Новое знание ; М. : ИНФРА-М, 2011. – 350 с.
2. Рекомендации по назначению ремонтных мероприятий с учетом расчетных межремонтных сроков службы дорожных конструкций : ДМД 02191.5.002–2006 : введ. 01.03.07. – Минск : Белорус. дор. инж.-техн. центр, 2007. – 21 с.
3. Буртыль, Ю.В. Обоснование проведения ремонтов автомобильных дорог на основании динамики изменения их эксплуатационного состояния : автореф. дис....канд. техн. наук : 05.23.11 / Ю.В. Буртыль ; БНТУ. – Минск, 2014. – 21 с.
4. Автомобильные дороги. Классификация и состав работ по строительству, реконструкции и капитальному ремонту : ТКП 068-2007 (02191). – Введ. 01.06.2007. – Минск : Белдорцентр, 2007. – 7 с.
5. Программа «Дороги Беларуси» на период 2006–2015 годы. – Т. 1 : Основные положения. – Минск, 2006. – 48 с.
6. Методика определения эффективности инвестиций в строительство, реконструкцию, ремонт и содержание автомобильных дорог. – Минск : РУП «Белгипродор», 2005. – 307 с.

Финансирование инноваций

А.И. ЧЕПИК

Рассматривается проблема финансирования инноваций, факторы, влияющие на принятие решений об инвестировании инвестиционного характера, методы и модели инвестирования инноваций.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, финансирование, прибыль, кредитование, финансирование, банк.

The problem of financing innovation, factors influencing the investment decisions of investment character, methods and models of innovation investment are considered.

Keywords: innovation, innovative design, investment, finance, financial solutions, bank, profit, lending.

Финансовые решения – решения по обеспечению предприятия финансовыми ресурсами для ее функционирования и развития, выплат владельцам собственного и заемного капитала. При этом существуют вопросы выбора:

- между собственными и заемными средствами;
- между источниками финансирования,
- формами привлечения внешних источников финансирования, дивидендной политики и пропорциями между долей реинвестируемой прибыли и прибыли, направляемой собственникам.

Финансовые решения – это, по сути, решения по минимизации стоимости капитала путем поиска элементов с низкой стоимостью и оптимизации его структуры. На принятие решений финансовым менеджером оказывают влияние внутренние и внешние факторы, которые показаны на рисунке 1.

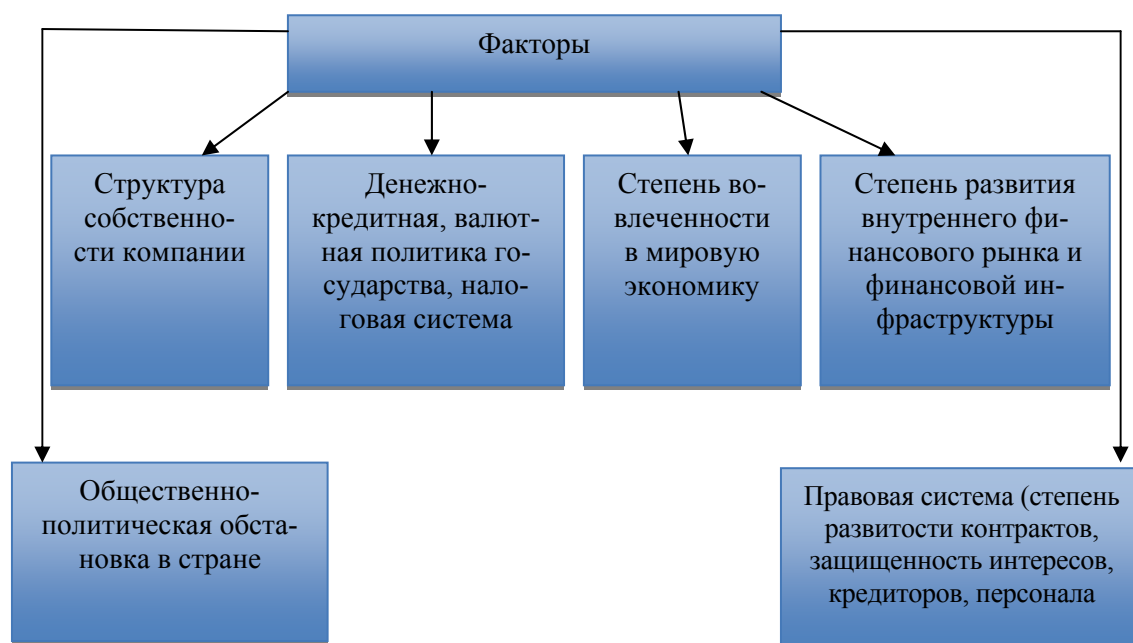

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на принятие решений об инвестировании

Наиболее сильное воздействие оказывают структура собственности компании (внешние или внутренние собственники, соотношение владельцев собственного и заемного капитала, степень распыленности капитала), финансовая инфраструктура (степень развитости фондового рынка и его открытость), правовая система (защищенность инвесторов, степень развитости контрактов, законодательство о банкротстве, слияниях и поглощениях).

В связи с тем, что круг инновационных проектов на предприятии (ИПП) может быть ограничен имеющимися финансовыми ресурсами, а также другими внешними по отношению к проектам ограничителями, то последние также влияют на ключевые факторы стоимости предприятия [1, с. 114].

Способы и источники финансирования инновационных проектов. Источники финансирования науки и инноваций - первичные источники денежных средств на выполнение научных исследований и разработок и осуществление инновационной деятельности. Указанные источники определяются по критерию прямой передачи средств, изначально предназначенных и фактически использованных на эти цели, применительно к текущим и капитальным затратам.

В составе источников финансирования выделяют: собственные средства организаций (предприятий), выполняющих научные исследования и разработки или осуществляющих инновации (из прибыли либо за счет себестоимости выпускаемой продукции, работ, услуг); средства бюджета, получаемые организацией (предприятием) непосредственно или по договорам с заказчиком; средства *внебюджетных фондов*; иностранные источники – средства, получаемые организацией (предприятием), юридическими и физическими лицами, находящимися вне политических границ государства, а также от международных организаций. Заемные средства (банковские, коммерческие кредиты и другие), предоставляемые на возвратной основе, в качестве первичных источников финансирования не рассматриваются.

Однако статистические исследования показывают, что основным источником финансирования развития инновационных промышленных предприятий являются их собственные средства. Банковский кредит пока остается слишком дорогим, а кредиты слишком короткими для развития инновационной деятельности.

Ресурсы госбюджета доступны в основном для крупных предприятий. Но даже для них масштаб обеспечения бюджетными финансовыми средствами составляет не более 5–10 % от необходимых объемов. Развитие же малых инновационных предприятий финансируется в основном самими учредителями, их родственниками и знакомыми. Ограниченность таких источников приводит и к торможению роста их числа.

Венчурное инвестирование, о котором в последнее время ведется много дискуссий, до сих пор остается экзотикой, и значимых успехов на этом направлении пока нет. Возможно, это связано с тем, что наша промышленность пока не сформировала потребности в развитии венчурных подходов [2, с. 235].

Серьезным вкладом в решение проблемы финансирования могло бы стать привлечение в инновационный бизнес денег крупных производственных предприятий. Большая часть промышленных предприятий пока не заинтересована в оплате (или не в состоянии оплатить) НИОКР. Сдвинуть ситуацию с мертвой точки могут только очень крупные покупатели инноваций из сырьевого сектора экономики. Другой путь привлечения рыночных денег в инновационные предприятия – это ускорение инновационного цикла в части расширения масштабов выхода предприятий на рынки с готовой продукцией. Этот путь позволит уже существующим инновационным предприятиям получить дополнительные ресурсы для вывода на рынки своих новых разработок.

Финансирование инновационных проектов: традиционный подход. Достаточно высокая степень неопределенности и риска при осуществлении инновационной деятельности обуславливает необходимость руководствоваться следующими принципами системы финансирования инноваций: множественность источников, гибкость и адаптивность к быстро меняющейся, турбулентной среде инновационных процессов.

Рассмотрим основные источники финансирования инновационной деятельности:

- бюджетные средства;
- внебюджетные средства, включая:
- собственные средства организаций, осуществляющих инновационную деятельность,
- средства инвесторов.

На рисунке 2 показаны источники внебюджетного (частного) финансирования инновационной деятельности.

Рисунок 2 – Источники частного финансирования инноваций

Способы финансирования инновационных проектов подразделяются на прямые и косвенные.

Прямое финансирование: банковский кредит (инвестиционное кредитование, проектное финансирование), инновационный кредит, эмиссия ценных бумаг, самофинансирование (два способа: (1) из прибыли, распределяемой на цели развития, и (2) из амортизационного фонда), доходы от краткосрочных проектов для финансирования долгосрочных (пакетирование проектов), реализация излишних и сдача в аренду (лизинг) временно высвобождаемых активов, заклад имущества, доходы от продажи ноу-хау, форфейтинг, факторинг.

Косвенные методы финансирования: они обеспечивают проекты необходимыми материально-техническими, трудовыми и информационными ресурсами. К ним относятся: покупка в рассрочку или получение в лизинг (аренду) необходимого для выполнения проекта оборудования, приобретение (на используемую в проекте технологию) лицензии с оплатой в форме роялти, размещение ценных бумаг с оплатой в форме поставок или получение в лизинг необходимых ресурсов, привлечение потребных трудовых ресурсов и вкладов «под проект» в виде знаний, навыков и ноу-хау [3, с. 32].

Важной формой финансирования инноваций является *венчурное финансирование*, которое может быть определено как одна из разновидностей акционерных инвестиций.

Венчурный (или рисковый) капитал представляет собой временное вхождение в акционерный капитал компании специализированной фирмой в надежде вернуть затраченные инвестиции быстро и с большей прибылью, которая соответствует уровню взятых рисков. Венчурные фирмы инвестируют как в начинающие компании, так и в предприятия на стадии роста.

Венчурные фонды предпочитают вкладывать капитал в инновационные компании, чьи акции не обращаются в свободной продаже на фондовом рынке, то есть путем приобретения акций на внебиржевом рынке («прямые инвестиции»), а не через покупку акций на организованных фондовых рынках («портфельные инвестиции»). Нередко венчурный капитал служит своеобразным мостом к выходу инновационной компании на фондовый рынок (IPO) [4, с. 124].

Инновационное кредитование в экономике Республики Беларусь. Одним из самых перспективных направлений развития экономики является инновационное кредитование, под которым понимается кредитование коммерческими банками заемщиков, реализующих инвестиционные проекты, в области внедрения (создания) инновационных производственных технологий, производства инновационных продуктов (услуг), коммерциализации научно-технических разработок и иных проектов, являющихся основой инновационного роста реального сектора экономики. Инновационные кредиты используют в целях финансирования внедряемых компанией инноваций [5].

Анализ данных об основных источниках финансирования инноваций показал, что основным источником финансирования по-прежнему остаются собственные средства предприятий. Одним из перспективных источников финансирования инноваций выступают кредиты и займы.

Следует отметить, что доля данного источника финансирования имеет тенденцию к увеличению.

Вместе с тем банки не осуществляют массовое финансирование инновационных проектов. Такое финансирование не привлекательно для банков, так как оно предполагает предоставление денег под инновационную идею, а не под залог движимого и недвижимого имущества. В настоящее время большинство банков предоставляет кредиты только стабильно рабо-

тающим предприятиям, в основном на короткие сроки для целей пополнения оборотных средств. В связи с этим это не просто технологическое отставание экономик регионов, а постепенная деградация национальной производственной сферы страны [9].

Необходимо отметить неразвитость в Беларуси институтов долгосрочных накоплений (отсутствуют венчурные, страховые, паевые фонды), а также фондового рынка (акций и облигаций).

Банки являются практически единственными накопителями денежных средств и трансформации их в определенной части через долгосрочное кредитование в инвестиции в основной капитал [10]. Для развития инновационного кредитования в коммерческих банках Республики Беларусь необходимо выполнить ряд задач выработки единых требований и подходов к организации процесса инновационного кредитования в коммерческом банке; снижение рисков банковской деятельности в данном продуктовом сегменте; вовлечение в сферу инновационного кредитования инвесторов, коммерческих банков, представителей бизнеса различных отраслей; повышение результативности и эффективности инвестиционных программ; стимулирование кредитования инновационной деятельности [11].

Таким образом, стимулирование кредитования инновационной деятельности содержит в себе два аспекта. Первый из них ориентирован на повышение доходности кредитно-инновационных операций банков, второй – на снижение риска при осуществлении ими таких операций [8], [9, с. 35].

В государственной финансовой системе представляется целесообразным формирование группы акционерных инновационных банков как ее отдельного структурного элемента. Инициатива создания такого рода банков должна исходить от государства, которое на первоначальном этапе будет владеть контрольными пакетами их акций. К числу основных функций инновационных банков следует отнести:

- 1) долгосрочное кредитование под низкую процентную ставку инновационных проектов и программ;
- 2) страхование инвестиционных проектов, имеющих инновационную направленность;
- 3) контроль за целевым использованием выданных долгосрочных ссуд;
- 4) осуществление лизинговых операций;
- 5) оказание предприятиям помощи в разработке бизнес-планов инновационных проектов;
- 6) финансовую поддержку патентования за рубежом белорусскими предприятиями принадлежащих им объектов интеллектуальной собственности, играющих определенную роль в процессе реализации ими инновационных проектов, кредитуемых инновационными банками.

Инновационные банки должны будут обеспечить положительную реализацию таких аспектов, как:

- 1) быстрота и простота процедуры получения кредита для реализации инновационного проекта;
- 2) приемлемая ставка долгового процента;
- 3) возможность получения максимального объема помощи от банка в сопутствующих вопросах (например, речь может идти о консультациях по составлению оптимальных финансовых планов реализации инновационных проектов).

Таким образом, участие банковского сектора в процессе формирования и становления инновационного кредитования является необходимым условием экономического развития Республики Беларусь.

Литература

1. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: (вторая редакция) / М-во экон. РФ, М-во фин. РФ, ГК по стр-ву, архит. и жил. политике ; рук. авт. кол. : В.В. Коссов [и др.]. – М. : Экономика, 2000. – 421 с.
2. Маршалл, Д.Ф., Бансал, В.К. Финансовая инженерия : Полное руководство по фин. нововведениям / Д.Ф. Маршалл, В.К. Бансал ; пер с англ. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 784 с.
3. Мотовилов, О.В. Банковское и коммерческое кредитование и финансирование инноваций / О.В. Мотовилов. – СПб. : СПб ГУ, 1994. – 109 с.

4. Основы инновационного менеджмента: Теория и практика: Учеб. пособие для вузов / Под ред. П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. – М. : Экономика, 2000. – 475 с.
5. Степаненко, Д.М. Инновационные банки как механизм финансовой поддержки инновационной деятельности в Республике Беларусь / Д.М. Степаненко // Банковское дело. – 2007. – № 6. – С. 72–74.
6. Сайт М-ва стат. и анализа Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.belstatgov.by>. – Дата доступа : 13.03.2012.
7. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. // Национальный статистический комитет РБ. – Минск, 2011. – 145 с.
8. Обзор инновационного развития Республики Беларусь. – Европейская экономическая комиссия организации объединённых наций. – Нью-Йорк и Женева, 2011. – 172 с.
9. Гуревич, М.И. Как запустить инновационное кредитование / М.И. Гуревич // Банковское дело. – 2010. – № 5. – С. 49–50.
10. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.sb.by>. – Дата доступа : 01.02.2012.
11. Экономическое обозрение: online версия журнала [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.review.uz/page/article/206.htm>. – Дата доступа : 15.03.2011.
12. Яшева, Г.А. Теоретико-методологические основы и механизмы государственно-частного партнерства в инновационном развитии экономики Беларуси / Г.А. Яшева // Белорус. экон. журн. – 2011. – № 3. – С. 4–20.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.10.2014

УДК 339.138:658.114(510)

Сетевые отношения – основа предпринимательской деятельности в Китае

ЧЭНЬ ЧУН

Исследуются особенности сетевой организации и функционирования предпринимательства в Китае. Показана роль культуры и традиций в его развитии, становлении высокотехнологичных бизнес-структур, государственно-частного партнерства в стране.

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес-структуры, малый бизнес, отношения, культура, традиции.

Features of the network organization and functioning of the business in China are investigated. The role of culture and tradition in its development, the formation of high-tech businesses, public-private partnership in the country is shown.

Keywords: business, business structure, small business, relationships, culture, traditions.

Предпринимательство играет незаменимую роль в общественном развитии, так как является важнейшей формой социально-экономической активности. Об особой его миссии в экономике и обществе свидетельствует широкий спектр функций, которые оно выполняет, и стратегий, с помощью которых эти функции реализуются. Наиболее характерная из них – функция предпринимательства как «передового отряда» экономики, принимающего на себя высокие хозяйственные риски. Никто, как предприниматели, сознательно, на свой страх и риск, организуют различного рода хозяйственные структуры, комбинируют и организуют ресурсы в расчете на получение в будущем дохода от своей деятельности. Именно они улавливают изменения в спросе и перемены в возможностях производства (новые технологии, продукты, способы организации бизнеса). Иначе говоря, предприниматели – разведчики будущего, в деятельности которых реализуется стратегия инновационного лидерства.

Наиболее явно предпринимательство проявляется в секторе малого бизнеса; недаром за этим сектором закрепился термин – малое предпринимательство. Являясь форпостом предпринимательства в целом, малый бизнес демонстрирует высокую проникающую способность, функционируя в городе и на селе, в промышленности и сельском хозяйстве, сфере услуг и других отраслях экономики [1, с. 60]. Многие малые предприятия смягчают агрессивность рыночной среды, принимают на себя рыночные риски, обеспечивая тем самым рыночный симбиоз и согласованную деятельность рыночных структур различного масштаба.

Малое предпринимательство является своего рода «цементом», формирующим рыночное пространство. Крупные компании, специализирующиеся на выпуске массовой продукции, действуют обычно в рамках одного или нескольких взаимосвязанных секторов рынка. Межсекторное пространство заполняется малыми структурами, которые могут мобильно концентрировать ресурсы на «белых пятнах» рыночной карты. Поэтому их можно считать связующим звеном различных секторов рынка. В дополнение к массовому производству крупных корпораций они создают товары индивидуального и мелкосерийного спроса с учетом демографических, национальных, региональных, социально-культурных, ментальных и других особенностей потребителей. Особую роль выполняют предпринимательские стратегии в экономическом развитии территорий. Известно, что предпринимательская деятельность позволила преодолеть депрессивное состояние многих центров российской провинции.

В условиях конкурентной рыночной среды товарно-рыночные предпринимательские стратегии ориентированы на качество продукции. При этом предприниматель не может навязать потребителю свою продукцию или услуги, как это делалось в командно-административной системе. Не может он «давить» на него так, как это делают крупные корпорации, тратя громадные средства на рекламу. Предприниматель должен убедить его качеством товара, в необходимости пользоваться его продукцией или услугами. Таким образом,

через предпринимательские стратегии реализуется свобода выбора и принятия решений, осуществляется экономическая демократия, а предприниматель является носителем основ этой экономической демократии.

Еще одна особенность малых предпринимательских структур состоит в том, что они не могут себе позволить крупных инвестиций. Поэтому стратегии, которые они выбирают, ориентируются на малозатратные технологии, а главное, на активное снижение издержек. Малые фирмы можно без сомнения считать потенциальными лидерами в снижении затрат и повышении производительности труда.

Создавая малую фирму, предприниматель зачастую вкладывает свои личные или семейные сбережения, деньги друзей и знакомых. Таким образом, малое предпринимательство – эффективный способ вовлечения личных сбережений в инвестиционный процесс и создания благоприятного делового климата.

Представляя собой наиболее мобильный и мотивированный слой экономических агентов, предприниматели зарекомендовали себя в качестве первопроходцев наиболее эффективных стратегий внешнеэкономической деятельности. Они первыми «накатывали дорожки», по которым впоследствии хлынули массы экспортных и импортных товаров, и выступили как лидеры в освоении новых внешних рынков.

Гибкость, адаптивность и мобильность малых предпринимательских структур часто остаются недостижимыми для государственных предприятий и крупных приватизированных компаний. Предприниматели раньше других слоев населения освоили рыночные способы поведения и в этом плане служат примером для государственных и крупных фирм со смешанным государственным и частным капиталом.

Немаловажной является роль малых предприятий в поддержке и развитии научного сектора страны. Им удалось осуществить идею коммерциализации НИОКР, создавая научно-технические центры внутри научных организаций или выделяясь из них для решения теоретических проблем и прикладных задач по заказам заинтересованных организаций [2, с. 191–192]. Сегодня на долю новых или усовершенствованных технологий, оборудования и других продуктов, содержащих новые знания и решения, приходится от 70 до 85 % валового внутреннего продукта страны [3, с. 14]. В этой связи именно предпринимательский потенциал выступает средством и стимулом возрождения китайской науки.

Отличительными чертами предпринимательской деятельности в Китае всегда были: независимость от государства, опора на неформальные связи, секретность. В эпоху династии Цин (1644–1911) противоречия между государством и предпринимательским слоем на юго-востоке империи были усилены политической борьбой между сторонниками предыдущей династии Мин (1368–1644) и новой властью. Государственные посты занимали маньчжуры, завоевавшие Китай в XV в., и основавшие династию Цин. В то же время большую часть юго-восточного населения Китая составляли народности Хань, к которым относились и потомки свергнутой династии Мин. Для борьбы с центральной властью в Юго-Восточном Китае были организованы тайные общества, впоследствии преобразовавшиеся в «гуанси». После свержения династии Цин в 1911 г. тайные общества, добившись своих политических целей, перешли в экономическую область. Их традиции и опыт стали одним из факторов успеха китайских предпринимателей в странах Азиатско-Тихоокеанского региона во время хаотичных десятилетий первой половины XX в.

Дословно «гуанси» переводится как «связи» [6]. В центре этого феномена стоит конфуцианская концепция важности семьи, в которой среди прочего акцентируется большое внимание на верности своей группе и чувстве долга и ответственности перед другими членами. Проявление этого феномена в реальной жизни лучше всего описывается историей о том, как две китайские компании начинают работу по миллионной сделке по устной телефонной договоренности, не оформленной никакими письменными документами. Для западного предпринимателя это кажется непостижимым.

Параллельно с феноменом «гуанси» идет термин «ганьцин», который означает «чувства». Среди людей, объединенных гуанси, должны присутствовать положительные чувства «ганьцин» друг к другу. Для предпринимателя, например, с Тайваня, Гонконга крайне важно, прежде чем начать какую-либо сделку со своим партнером, вначале установить с ним

межличностную связь «гуанси» и положительные чувства «ганьцин» [7]. Это может выражаться в такой непривычной для российского предпринимателя форме, как подарки в виде предметов одежды при первой встрече или вопросов о личной жизни собеседника.

Вплоть до 1920-х гг. китайское правительство предоставляло только слабую и непостоянную институциональную и легальную поддержку коммерческим сделкам и частной собственности. В этих условиях западная система оформления сделок письменными договорами не могла работать, но система, основанная на связях и межличностных отношениях, могла. Контракт, не подкрепленный поддержкой государственной судебной системы, не мог заставить нечестного предпринимателя выполнить свои обязательства, однако потеря имени и репутации в предпринимательском сообществе была достаточно мощным стимулом для того, чтобы данное обещание было исполнено в срок [4, с. 37].

Феномен «гуанси» наиболее отчетливо можно наблюдать среди малых и средних предприятий Тайваня. Несмотря на то, что в новой истории Тайваня правительство достаточно эффективно защищало права частной собственности и на острове существовали развитые финансовые институты, малый бизнес вплоть до середины 1980-х гг. не рассматривался банками как объект даже для возможного кредитования. Компании, которые соответствовали требованиям банков к заемщикам, не нуждались в этих кредитах. Малый и средний бизнес в торговле и производстве, основанный в 50–70-х годах XX ст., часто не был зарегистрирован, не имел лицензий и часто вел коммерческую деятельность на неформальной основе, основываясь на традиционном способе ведения бизнеса «гуанси». Доверие, которое было связующим звеном всей этой системы, строилось из набора таких качеств предпринимателя, как репутация, личные отношения и общие корни (родственные связи, место рождения, учебное заведение). Кандидат, достойный доверия, как правило, получал кредит в форме чека с задержкой платежа. Для малого предпринимательства существовал еще один источник кредитования – кредитные ассоциации. Денежный фонд формировался из взносов участников, который затем мог использоваться участниками по очереди по фиксированной ставке.

Кроме формирования системы кредитования малого бизнеса «гуанси» эффективно работают как связующее звено среди производителей одинаковых товаров, так называемых предприятий «туньхан». Несмотря на то, что они являются конкурентами друг другу, связи могут быть ценным источником для хороших советов и помощи. Среди производителей товаров с невысокой себестоимостью можно часто встретить истории о том, как руководство фирм, казалось бы, конкурентов, давало полную и точную информацию об особенностях перемещения производства на материковый Китай. Предприятия «туньхан» также помогают друг другу выполнять крупные заказы. Например, руководитель завода может взять заказ больше его производственных возможностей, и тогда он передает часть заказа фирме «туньхан» [7]. Субподрядчик получает небольшую комиссию, а товар отгружает от завода, принявшего заказ. Другой формой кооперации является помощь при нехватке сырья или комплектующих изделий. Объединенные через «гуанси» владельцы этих небольших фирм видят друг в друге больше друзей, чем конкурентов. Часто общаясь между собой, они не дают друг другу резко снижать цены, их покупатели также связаны с ними через систему «гуанси», поэтому цены не могут и резко повышаться.

Неформальные связи «гуанси» лежат и в основе особой системы субподряда, которая стала одним из конкурентных преимуществ экспортного сектора Тайваня. Производственный процесс разбивается на множество узкоспециализированных этапов, которые отдаются мелким фирмам. Например, изготовление готовой одежды разделялось на этапы: дизайн, раскройка, сшивание, проделывание дырок для пуговиц, пришивание пуговиц, обрезка ниток, глажение. Каждый этап выполняется отдельной фирмой сателлитом «вэйсинь гунчан», которая может состоять и из одного человека, работающего на дому. Готовый товар отправляется поставщику для контроля качества и упаковки. Эта форма производства отличается низкой себестоимостью и высокой мобильностью и гибкостью к рыночным изменениям.

Если «гуанси» пронизывает всю организационную структуру китайского бизнеса, то другое важное понятие, пронизывающее культуру поведения – это «мяньцзы», или «лицо». В обществе, где репутация играет большую роль, сохранить лицо в любой ситуации – это фундаментальная концепция, лежащая в основе доверия «синьюн», которое открывает вход во многие двери. И напротив, нет события страшнее, чем потерять лицо. Часто, находясь в одном

ресторане с бизнесменами из Тайваня, можно заметить, какая ожесточенная начинается схватка между взрослыми людьми, когда официант приносит счет. Оплатить счет за совместный деловой обед – это один из способов повысить свое «мяньцзы», дать заплатить другому, как и оплатить только свой счет – это верный способ потерять лицо. «Мяньцзы» в китайской культуре стоит в одном ряду с такими понятиями, как деньги и власть [5].

Кроме понятий сохранить и потерять лицо, смысл которых аналогичен их русским фразеологизмам, в китайской традиции существует еще и понятие «дать лицо другому» (гэй мяньцзы), то есть сохранить или повысить репутацию другого человека, выказать ему уважение. Дать другому человеку сохранить свое лицо в плохой ситуации настолько же важно, как и сохранить свое. В основе этого лежат такие конфуцианские ценности, как стремление сохранить гармонию в обществе, уйти от конфликта. Например, при увольнении непрофессионального сотрудника настоящая причина, как правило, официально не произносится. Работнику дается возможность написать самому заявление об увольнении. Также и недовольство действиями начальства никогда не будет официальной причиной увольнения сотрудника, уходящего в другую компанию. Помочь человеку сохранить лицо означает дать возможность остаться внутри сети, объединенной «гуанси». Новость о факте, подрывающем доверие членов группы, быстро распространяется, и человек оказывается отрезанным от всей сети сразу.

Феномен «мяньцзы» присутствует не только на межличностном уровне, но и на уровне организаций. Хранить лицо своей компании является одной из миссий для ее сотрудников. Эта игра в «мяньцзы» хорошо прослеживается на примере того, как тайваньские компании относятся к переговорам по ценам. Как правило, первоначальная цена товара значительно завышается, для того чтобы в последующем дать скидку покупателю, который потребует «дать ему и его компании лицо», чтобы выглядеть умелым переговорщиком, представляющим динамичную компанию, в глазах окружающих.

Таким образом, сетевые отношения, связанные с реализацией предпринимательской функции, являются основой функционирования бизнеса в Китае. Именно сетевые отношения сыграли значительную роль в росте предприятий малого технологического бизнеса, отраслевых научно-производственных объединений и вузов, которые в условиях страны имеют разные формы собственности [4, с. 142]. Такая конвергенция сетевых отношений в предпринимательстве способна дать хорошие результаты. И опыт Китая свидетельствует об этом.

Литература

1. Башлакова, О.С. Малый и средний бизнес в экономическом потенциале региона / О.С. Башлакова. – Минск : Право и экономика, 2004. – 187 с.
2. Выговская, В.В. Инновационный потенциал малого предпринимательства в Украине / В.В. Выговская // Теоретические и практические проблемы формирования инновационной экономики : Восьмые Друкеровские чтения, посвящ. 100-летию со дня рож. П. Друкера ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова РАН, Московский гос. ин-т электроники и математики (техн. ун-т) ; редкол. : Б.В. Сорвиров (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ЦИИР, 2009. – С. 191–192.
3. Колесников, Л.Ф., Сорвиров, Б.В. Модели инновационного развития и процессы интеграции на глобальных высокотехнологичных рынках: опыт зарубежных стран / Л.Ф. Колесников, Б.В. Сорвиров // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 5–6 (62–63). – С. 12–22.
4. Чэнь Цян. Государство в инновационной экономике Китая / Чэнь Цян. – Брянск : Дельта, 2012. – 161 с.
5. Лю Цзюань, Ян Чэнюй. Культурное пространство в китайско-российских отношениях / Лю Цзюань, Ян Чэнюй // Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве : монография / Л.Н. Борисоглебская [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2012. – С. 176–202.
6. Гуанси как фактор успешного бизнеса в Китае [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://one_vision/jofo.ru/224524.html. – Дата доступа : 11.06.2014.
7. Бизнес в Китае. Гонконг – Пекин [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://www.yartpp.ru/index.php?option>. – Дата доступа : 11.06.2014.

State control of spatial development of regional systems: peculiarities, trends and prospects

N.G. IUSHKOVA

There is detected the interrelation of imperatives of sustainable and innovative development as basis for development of principles for control regional development. There is founded the passage to forming of new procedure of long-term planning, using the advantages of spatial approach and causing enhancement of integrateability of tooling backup, differing from traditional subdivision and isolation of social and economic and territorial planning.

Keywords: imperatives, regional economic, sustainable development, innovative planning, long term planning, strategy, regional control.

Выявлена взаимосвязь императивов устойчивого и инновационного развития как основа принципов регулирования регионального развития. Обоснован переход к формированию нового алгоритма долгосрочного планирования, использующего преимущества пространственного подхода и приводящего к усилению интеграционных возможностей инструментального обеспечения, в отличие от традиционного разделения и обособления социально-экономического и территориального планирования.

Ключевые слова: императивы, региональная хозяйственная система, устойчивое развитие, инновационное развитие, долгосрочное планирование, стратегия, региональное управление.

The results of the social and economic reforms in Russia are most evident in its subjects. State administration bodies in all territorial units, without exclusion, regulate their development, guided by a single national socio-economic policy. Due to the fact that more than 80 regions of the country are radically different in conditions and potential for development, it is likely wide variation in its implementation. This means that the size of the gap between the reference position of economic policies and ways of its transmission in specific circumstances will determine the features and trends of development of regional economic systems. In this regard, the study of the «framework» variability of institutional requirements set out in the documents with state status, for the fullest possible realization of the basic principles becomes extremely important. One of the main target functions of state control in the Russian Federation in its most general type is constant increasing of level of prosperity and living standards of population, corresponding with the progress of public relations. The basis for their formalization is innovative imperatives. As evidence we can provide a great number of conceptual, program, legislative and regulatory documents that have been isolated from the total body, systematized and classified [1]. The results of the analytical work revealed that the clarity of the mandatory arrangement does not give absolute guarantees for «automatic» improvement of the quality of regional governance and flexibility of its mechanisms, and the acquisition of innovative orientation of long-term plans of socio-economic and territorial development of the units of the Russian Federation is even more problematic.

As practice shows, the underlined importance of innovation development in the regions and exposure of the need to disclose its content in various forms, for the most part, calls the preservation of sustainable development priorities in question, as these aspects are not manifested in the developed at the state level documents. At the same time, questions of identity and sustainable and innovative development and their continuity must be addressed in system unity, because this is the only way to save the conceptual integrity of the emerging principles of adaptation of regional economic system (RES) with modern institutional requirements and restrictions [1]–[2]. This aspect is revealed even more, if we look at the latest research processes of regional development in countries comparable to Russia in geopolitical conditions and vectors defining the direction of economic transformations [3]. In this regard, research in the Republic of Belarus should be classified as the most characteristic that take into account these factors and reveal them.

It should be pointed out, that certain aspects of the announced problem are investigated by Russian scientists who work with regions. However, there is no emphasis on the necessity to study the progressive global experience for solving the problem, evolution principles are not shown, and methodological background for improving long term planning in its interdisciplinary investigation

are not broadly discussed. The last message implies the need to assess the long-term development planning in the region as a multi-valued and multifunctional event, which is not possible without comparing methods of development of plans for socio-economic and territorial development of the units of the Russian Federation. The outlines for solving this problem at present moment are shown only in general details. This covers also the sphere of state management with its conceptual and legal initiatives, and sphere of scientific investigations. At the most modern projects while settling the possible conflicts attention is paid on cooperation and coordination of different types of long-term planning. Theoretically such variants are possible, and they are able to provide relative independence of social and economic and territorial planning. But as the ways of cooperation of such kinds of planning are not defined strictly and not codified, thus aspect of the problem would not get the respective scientific evidence. That status quo is good neither for theorists, nor for practices of the regional economy. This situation defines the necessity of improving the methods of long-term regional planning, influenced by modern imperatives of economic development. Among the key issues in this context stands succession planning of decisions of regional development to achieve innovative forms of development that do not contradict their sustainability.

Aggravation of attention of the entire world community to the concept of sustainable development in their regional cut (United Nations Conference, Rio de Janeiro, 1992) was a consequence of the complexity of the organization and implementation of the conditions of economic processes in space, demanded the state and governments' approval of national strategies for sustainable development, including a set of measures to ensure stability of the regional systems.

Study the experience of implementation of this message shows that the worldwide level of government documents, as well as numerous pioneering projects that address issues of sustainable development, appeared in such a way.

Studying the projects of regional problems of the investigators in the Republic of Belarus seems to be the most practical, timely and prospective, as the most part of them shows the priority of systematic approach to the problem of sustainable development and also variable demonstration of methodological connections of sustainable and innovative development and their specific demonstration. Summarizing the projects we can acknowledge, that almost all authors, showing different aspects of regional development, refer to this or that form of National strategy of social and economic development of Republic of Belarus for the period up to 2020 (NSSD-2020), defining it as assembly of conceptual (theoretical) and practical positions of grounding and developing of principles of perspective development of country districts. Special meaning of NSUP-2020 as modern scientific ideology, combining the global experience and national achievements in theoretical expositions as strategy for development of public relations, spreading its influence on all spheres of activity and forming the priority directions of state regional policy is shown in the project [4]–[5]. Its authors define the broad possibilities of this document while upgrading the system of state control.

While detecting the common factors in the processes of forming the provisions of NSSD-2020, it is pointed out [6], that they were the result of complex analysis of the first National strategy of sustainable development of the Republic of Belarus, prepared and approved in 1997 by National commission for sustainable development and then by Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus. In its time it was declared as the main long-term expecting document in the country and was developed in pioneering way, without any analogues, thus defining the forming legislative system and formed the specific sphere in which the priority directions of state planning were grouped. NSSD-2020 in relation to Strategy 1997 successively developed these provisions and corrected them taking into account changes of social and economic situation, which allowed them to combine the high level of reacting on settling actual problems of regional development and not contradicting new system of state control. It was also pointed out such important peculiarity of NSSD-2020, differed it from Strategy 1997, as classifying regional problems to the separate aspect of investigation. The new version of the document aspects of regional development and motivation of ways of providing them control interventions are presented in more detailed and hierarchical form. They begin with the level of government regulation in the form of strategic challenges of sustainable development, gradually decreasing to the actual implementation of local initiatives in the form of concrete measures with a detailed consideration of the problems of human settlements and indicating the actions of municipal authorities.

NSSSED-2020 influenced on improvement of methodology of regional control due to differentiation of strategic directions of developing depending on classifying regions to different types, defined as special objects of state regional policy, as shown in [7].

Isolation of the types of regional problems allows directionally form a mechanism for the implementation of regional policy. Taking into account that problems of developing regions differ, that differences motivate choose of special tools of legal, economic and finance character, oriented on providing sustainable development of regions. As one of the possible variants the development and implementation of the so called «Local notices-XXI» is suggested. In this document target grants, bailouts, credits, oriented by republic bodies of state control to regions to provide in them conditions for incremental economic growth and development of principles of sustainable development, expanding in that process the abilities of population are defined.

Such aspects of NSSSED-2020 are also pointed out as changing the mechanisms for development and implementation of regional policy, caused by entirely new targets of advance economic development of the country by virtue of priority of regional level of state control, potential expanding to the regions of abilities for their direct participation in global economic relations [8]. Despite the identification of new factors of socio-economic development of regions that significantly affect the development process of regional development plans and make their contents, the fundamental basis of their justification is retained. This means that the underlined value of sustainable development of the country in relation to the new sovereign state even more enhances the value of the approaches traditionally used in the practice of regional management. In particular such principle matters as complexness and balance of economics, effectiveness of its specialization in the interregional specialization of labor and optimization schemes of its positional application should conserve their leading role.

Development of methodological approaches to the study of problems of regional management of sustainable development of the region in the new economic environment requires the selection of two kinds of functions: national and regional [9]–[10]. This entails not only more stringent operating procedures for state regulation of regional development, but also allows you to generate purposeful management decisions, by monitoring the status of the internal and external economic environment. Based on the results the degree of «mobility» and «agility» of regional policy is determined, and, accordingly, more accurate management tools and combinations are established.

The study of prospects for sustainable development of the national economy is possible not only through the provision of regional priorities, including the use of the completeness of the records of the existing potential. At the present stage of regional economic policy to ensure the implementation of the principles of sustainable development of the regions cannot be limited only to the list of issues and challenges that correspond to the regional level. Taking into consideration the existing tendencies of globalization and internationalization the processes of regional economics should be investigated within national and international context on the basis of international specialization of labor and increasing international competition [11].

The analysis of the available scientific publications devoted to the study of the nature and problems of the mechanism of state regulation of social and economic processes in the Republic of Belarus, allows to establish a coherent and progressive development of the provisions of the Sustainable Development Strategy, which is due to the appearance of dramatic geopolitical changes in the country, in their dynamics. Results of the analysis allow forming a modern vision of socio-economic regional development policy, demonstrating the presence of many different character perspectives. They differ not only in details but also by scientific concepts in general. Development Strategy in 1997 accounted for a transitional period in the country: the planned economy was replaced by market relations. The situation didn't require strict limits within regional policy and matters of state control of regions development were not defined as top-priority. It is more about territorial aspects of development and management. Development of the second strategy, the NSSD-2020, took place in the fundamentally different situation when market relations strengthened, inter-regional economic relations become apparent, and the integration of interaction with other countries of the European Union began to acquire not spontaneous and focused character. Changes in terms influenced on the formulation of the requirements for a system of government: to increase the efficiency and effectiveness of economic processes, to achieve the coordination of the entire economic complex of the region and not break while its balanced functioning as a natural-economic system. Thus system of state control faced the necessity of solving the problem of controlling RES by developing optimal combinations of ways via fixing them in NSSSED-2020.

Summary of the results of these studies allows making a conclusion, that they, mostly, highlighting National strategy of sustainable development as long-term program of modernization, reflect the peculiarities of state social and economical policy. The fact that strategic document undergoes the evolution changes in time, but with that it does not lose its meaning as a set of institutional principles, allows to forecast the future principles of sustainable development, that are supposed to keep their meaning of «imperative core» for new National strategies of sustainable development.

Recognizing the commonality of views and ideas, concentrated in the NSSD-2020 for countries implementing the model of «catching up» modernization in transition, one cannot deny the playback features of the models under specific conditions. This is explained by laws of different countries and by practical experience and the basis for development. Thus NSSD-2020 is positioned as concentration of structure deformations in the national economy, providing innovative breakthrough also in public development, able to qualifiedly increase the level of life of population, reorganizing all spheres of life support in oriented way. To intensify these processes and get more effectiveness it is necessary to make state mind. As a consequence of these changes, the closest, in time, is the development of modern methodology for developing forecasts, plans and programs aimed at solving strategic problems of the economy.

It should be emphasized mainly undertaken in NSSD-2020 attempt to associate the socio-economic-forecasting with regional planning. This initiative was starting to determine the optimal directions and methods to improve the system of regional management. Despite the obvious progress of these provisions they didn't form the logical integrity of purposes, measures and tools of state control of regional development and the ability of cooperation of social and economic and territorial planning are shown less.

Within new conditions of economic control the most full and accurate evaluation of final social and economic results of development can be given on regional level of control. But at the same time it imposes great responsibility on control authorities of regional level. As a consequence, the idea of the method of distribution of powers between the public authorities in solving these problems varies. Instead of the traditional concept of state regional policy conducted exclusively by the central government, comes a new one, in which the functions of management of regional development at the state level are purposefully reduced, limited mainly by fundamental strategic questions that does not narrow «field» impact on the region or large territorial and economic education.

The priorities of economic development, such as the comprehensive modernization of the country, determined on the basis of institutional constraints that are likely to affect the expansion of the component organization of the content development strategies. This improvement of its content will be reflected in the formation of specific areas of reforms RES and determined in their specifics of economic activity, whose forms, adapting to determine the strategy of the problem will become more accurate, expressed, acupunctural and personally oriented. Prospects for the use of this methodological approach to regional management determine the construction of new algorithms, comprising the steps of: study of quantitative and qualitative parameters of regional development required for the resources and mechanisms, development of rational technology forecasting and policy documents to ensure their coordination at the local, regional, national and international levels.

Applying identified through an analysis of modern scientific experience Belarus trends and patterns to the conditions of other countries, particularly Russia, it is possible to obtain specific and detailed description of the socio-economic transformation in regional systems. Comparative methods of analyses of regional economy are widely known in many countries. They are commonly governed defining the features of events and processes in the comparable systems of regional and national level. This approach is found in the analysis of the economic development of the Republic of Belarus and Russia in order to identify and establish the comparative characteristics of the ambiguity of perception of pulses of similar development.

On the national level it caused the appearance of the first such document – The Russian Federation President Decree (1994) and the concept of transition of Russia to sustainable development (1996). In the concept of sustainable development of the country, forecasts were considered in terms of their compatibility with the prospects of forming a system of management within an international framework. One of the leading aspects of the concept was installed on an underlined value sustainability as an economic category in the development of strategic documents of different types (conceptual, policy, legislative and regulatory), but also the management decision-making tactical type [12]. From the moment of the public discussion and adoption of the Concept 1996 as a struc-

tural (methodological) basis for other developments, recognition of the unity and interaction of socio-economic (non-territorial) and regional (territorial) characteristics of regional economic systems, with subsequent opening in the long-term planning was required.

Conceptual provisions of sustainable development of Russia were understood practically in the same way, as in all global community, mostly due to global international character of the investigated in them problems. These features of the concept allowed systemizing and unifying forms of perspective development of economy of the country forming a sort of sample. But the application of the standard in different countries and its quality has led to a reassessment of their national standards, a methodology for studying this complex and multifaceted phenomenon. In a number of countries in which the beginning of the XXI century showed signs of becoming an information society and a willingness to total flow of ideas «new economy», the conceptual provisions of sustainable development degenerated into the idea of innovative development, while maintaining their original characteristics. Such an example of evolution of the concept demonstrates the Republic of Belarus [13]. But Russia has chosen another way, forming the differently oriented vectors of developing the ideas of sustainable social and economic development. Despite the fact that these two areas existed independently, but at the same time, the concept of sustainable development continue for almost two decades, to exert its influence on the formation of innovative development ideas. Analyzing the reasons for maintaining the paradigm of sustainable development of its dominant values, one can establish that this is possible thanks to the concentration in it the set of progressive ideas that can get active dissemination in various spheres of economic activity, combined with new structural «rules» of territorial development. That idea of territorial approach for controlling processes of regional development causes improvement of methods of regional planning as the sphere, providing full back grounding and formalization of principles of fastening in the territorial perspective forms of social and economic development of regions, characterized as dynamic transformation changes.

It is believed, that innovative imperative of the development of our country's economy is described in details in the Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020, uniting strategic and tactic notations of state control. In the Concept it is shown the expressed transition to innovative development of economics via logical development of principles of sustainable development with special meaning of territorial factors. This relationship is formed on the idea of the state regional policy as harmonized combination of «state» and «market» of the principle of functioning RES, which significantly extends the existing theoretical treatments of this problem [2]. At the same time the integration possibilities of cooperation of social and economic and territorial factors in the processes of regional development as the phenomenal relations were revealed in the Concept of sustainable development.

Through the process of penetration of international, in fact, the idea of sustainable development in the practice of public administration, taking into account the actions of territorial factors, it was possible to introduce a new role of imperatives in the formation and functioning of the socio-economic area, absorbs and all sectors of the regional level [14]. Its new structure allows establishing regularity of its gradual and step-by-step development on all hierarchical levels, beginning from national level and ending on municipal level. From this point of view presentation of the socio-economic environment in which the RES are presented as a basis for territorial stability of the national economic system is changed, from the one hand, and its transition to innovative development, on the other hand. The most active reactions to this challenge are shown in the system of long-term planning of regional development that at the same time unites the set of requirements and ways to settle the existing conflicts between planning of social and economic development and territorial planning. In the course of a given logic, to overcome the current mismatch of territorial dynamics of transformation and the transformation of socio-economic changes there can be offered a substantive set of instrumental support, adapted to the new tasks and algorithms of planning.

Not to recognize the obvious transformation processes taking place in the national economy of countries implementing the principles of innovative development, it is now not possible. But, the fact, that the concept of sustainable development in these processes remains the leading imperative means formed consistency and used in the practice of state (regional) control mechanisms of regulation of social and economic development of RES. At the same time, the emergence of new impulses that cause dynamic changes of RES, determine an objective need to adapt the regulatory system, entailing

binding theoretical rethinking of internal content and purpose of all its elements. Under these conditions, while maintaining the overall integrity of the conceptual system of control actions the variation of its individual elements, subordinate to external factors can be updated. As a result of such combinations in the system of regional governance, relative stability of the existing framework and accompanying its existence tools, content and the way the content of which is subject to a complex of institutional requirements and limitations of RES can coexist [1].

No less important in determining the functionality of the tools of regional management will be the direction of regional policy, reflected in the features of the formation of the institutional environment. The most complete and comprehensive of these «duties» may be carried out within the institution of long-term planning. Recognition of the special position of the Institute does not provide grounds for refusal of completeness from other institutions involved in the process of regional management. For example, the prospects expected to improve the methodology of long-term planning, do not deny the feasibility of similar interventions in the forecasting system, since the actions of both institutions are based on a comprehensive analysis to explore trends in RES. It is possible to establish the presence of trends laws, which are indispensable for the formation of projections, allowing defining specific selection period goals, priorities, resources, efficiency of their use, having a real idea of linking the socio-economic and territorial factors of regional development. In turn, these forecasts become analytical, contextual information and basis for the formation of long-term plans.

References

1. Yushkova, N.G. Perspectives of regional planning / N.G. Yushkova // Vestnik PAGS. – 2014. – Rev. No 2 (27). – P. 199–208.
2. Yushkova, N. Restructuring of regional long-term planning principles: adaptation or strategic choice / N. Yushkova // Technology audit and production reserves – 2014. – No 4/2 (18), – P. 45–50.
3. Sorvirov, B.V. Basis of integration processes on post-soviet territory: to the matter of founding of Eurasian Union / B.V. Sorvirov // Problems of Russian community security: scientific journal. – 2014 – No 1. – P. 35–41.
4. Shimov, V.N. National economy: theoretic and methodological matters of forming and development / V.N. Shimov, A.A. Bykov, L.M. Kriukov // Belarus economic journal. – 2012. – No 1. – P. 4–17.
5. Shimov, V.N. Modernization of national economy – imperative of time / V.N. Shimov, L.M. Kriukov // Belarus economic journal. – 2013. – No 2. – P. 18–42.
6. Control and coordination of state, regional, institutional and innovative policy in the Republic Belarus / edited by E.B. Dorina, V.S. Fateeva. – Minsk : Publishing house «Chetyre chetverti», 2011. – 276 p.
7. Fateev, V.S. Regional policy: theory and / V.S. Fateev. – Mn. : EGU, 2004. – 480 p.
8. Kozlovskaja, L.V. Regions of Belarus: potential and factors of intensification of social and economic development / L.V. Kozlovskaja // Vesnik of Belarus state university, Series 2. – 2011 – No 3. – P. 97–101.
9. Gerasenko, V.P. Modernization of management of manufacturing plants in the conditions of regional integration of business units / V.P. Gerasenko. – Pinsk : PolesGU, 2010. – 288 p.
10. Gerasenko, V.P. Forming of mechanism of sustainable development / V.P. Gerasenko – Mn. : Belarus state economic university, 2005. – 224 p.
11. Moroz, A.I. Economic effectiveness of use of social and economic potential of the region: theory, methods and practice / A.I. Moroz ; scient. ed. Ia.M. Aleksandrovich. – Grodno : GrGU, 2012. – 443 p.
12. Dontsov, D.G. Regulation of territorial rational use / D.G. Dontsov, N.G. Yushkova. – Volgograd, 2007. – 184 p.
13. Sorvirov, B.V. Self organization and control in community as condition of breakthrough in the social and economic development of a country / B.V. Sorvirov, E.A. Zapadniuk // New challenges in the economy of the XXI century : international scientific and practical conference to the 80th anniversary of Institute of economy NAN of Belarus, Minsk, 24 –25th of March 2011 / Institute of economy of NAN of Belarus – Minsk : «Law and economics», 2011 – P. 254–256.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 94:378.4(476.2)*И.Ф.Харламов

Жизненный путь и научно-педагогическое наследие И.Ф. Харламова (к 95-летию со дня рождения)

В.Ф. КАДОЛ

Анализируется педагогическое наследие академика НАН Беларуси И.Ф. Харламова, его жизненный путь. Приведена краткая характеристика учебника и учебных пособий «Педагогика», а также основных работ ученого по вопросам обучения и воспитания детей и учащейся молодежи.

Ключевые слова: педагогика, образовательный процесс, образование, обучение, воспитание, развитие, личность, обучающийся.

Analyzes the pedagogical heritage of academician of NAS of Belarus I.F. Kharlamov, his way of life. A brief description of the tutorial and manuals «Pedagogy» as well as the main work of the training and education of children and youth.

Keywords: pedagogic, educational process, education, training, education, development, personality, learning.

Харламов Иван Федорович (1920–2003) родился 30 июня в д. Шарпиловка Гомельского района. Доктор педагогических наук (1973), профессор (1974) член-корреспондент (1974–1990) и академик (1990), академик НАН Беларуси (1995), иностранный член Российской академии образования (1999), заслуженный деятель науки БССР (1980), Лауреат Государственной премии Республики Беларусь (2001). Как участник Великой Отечественной войны был награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», юбилейными медалями «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР». В мирное время награжден медалью «За трудовое отличие» (1961), медалью «Ветеран труда» (1975), орденом «Трудового Красного Знамени» (1976), Почетными грамотами Верховного совета БССР (1978), Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1984), Министерства образования Республики Беларусь (1994), серебряной медалью ВДНХ (1990), значком «Отличник образования Республики Беларусь» (1999). Первоначальное педагогическое образование получил в Речицком педагогическом училище (1935), в 1938 г. работал в Речицкой районной газете «Заря Коммуны», учился в Рогачевском учительском институте (1940), с отличием окончил литературный факультет Гомельского педагогического института им. В.П. Чкалова (1952), аспирантуру при МГПИ им. А.М. Горького (1955) с успешной защитой кандидатской диссертации в Москве (1956). В довоенные и послевоенные годы на протяжении ряда лет работал учителем, директором школы, заведующим Лоевским районо. С 1955 г. работал старшим преподавателем, доцентом, проректором по учебной и научной работе, а с 1965 по 2003 г. – заведующим кафедрой педагогики ГГУ им. Ф. Скорины. Много сделано академиком в подготовке педагогических кадров. Им создана научная школа нравственного воспитания учащихся. 16 его учеников стали кандидатами и 2 докторами педагогических наук (Ф.В. Кадол, В.Т. Чепиков), 1 – доктором политических наук (Л.Н. Сечко).

Наибольший вклад И.Ф. Харламов внес в разработку теории и методики нравственного воспитания учащихся. Важнейшими научными трудами являются книги «Основные вопросы воспитательной работы в школе» (1967), «Активизация учения школьников» (1970), «Теория нравственного воспитания» (1972), «Педагогика: курс лекций» (1979), «Нравственное воспитание школьников» (1983). Ряд книг были изданы на чешском, эстонском и китайском языках. Большой популярностью среди ученых-педагогов, учителей и классных руководителей

пользовалась серия научно-методических пособий И.Ф. Харламова «Этические беседы с учащимися» для V–VIII классов. Для каждого класса издавался отдельный сборник бесед с учетом особенностей подросткового возраста. И.Ф. Харламов уделял внимание педагогике высшей школы. Под его редакцией и в соавторстве издана книга «Вузовское обучение: проблемы активизации» (1989). Большой заслугой И.Ф. Харламова является подготовка учебных пособий и учебника по нормативному курсу «Педагогика». Еще при жизни автора, начиная с 1979 г., они выдержали более 10-ти изданий. Научное наследие ученого составляет более 40 книжных изданий – учебных пособий, монографий, методических пособий для учителей и студентов, более двухсот статей в журналах, сборниках научных статей и материалов, большое количество газетных публикаций, а также книга стихов «На перекрестках жизни». Последним подтверждается многогранность творческого потенциала выдающегося педагога.

В широких кругах учителей и преподавателей высшей школы России и Республики Беларусь и всех стран СНГ И.Ф. Харламов известен как автор учебника «Педагогика». История его создания начиналась с фундаментального курса лекций «Педагогика» (1979), который был допущен Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов университетов и педагогических институтов. Содержание учебника и учебных пособий доступно для понимания широкого круга читателей, материал изданных учебных пособий можно назвать своеобразной «таблицей умножения», тем обязательным минимумом педагогических знаний, без которого не обойтись учителю любой специальности, воспитателю и классному руководителю, административным работникам системы образования. В 90-е годы прошлого столетия И.Ф. Харламовым были изданы компактные учебные пособия для самостоятельной работы студентов. Они написаны в виде проблемных вопросов и лаконичных ответов, пользовались и продолжают пользоваться большой популярностью. В них через немногословное содержание зафиксировано множество педагогических ситуаций и научных идей, побуждающих не только к конспективному усвоению материала, но и к глубоким научным раздумьям и практическим выводам. И.Ф. Харламов считал, что одним из важнейших факторов повышения качества обучения в учреждениях высшего образования является наличие содержательных учебников и учебных пособий для студентов. Какое бы высокое лекционное мастерство ни проявлял преподаватель, его усилия не дадут желаемых результатов, если студенты не будут обеспечены научной и учебной литературой. И это вполне объяснимо. Во время лекции осуществляется лишь первичное восприятие и осмысление излагаемого материала. В результате достигается самое общее, а иногда и поверхностное его понимание. Чтобы изучаемый материал превратился в знания студента, последнему необходима значительная самостоятельная работа по его усвоению. Данный аспект вузовского обучения особенно востребован в профессиональной подготовке современного специалиста. Естественно, что студенту нужны учебники и научные первоисточники. Они помогают самостоятельно разобраться в изучаемом материале, способствуют развитию научного мировоззрения и углублению интереса к изучаемой дисциплине, а главное повышают качество самостоятельной работы студентов, организация которой немыслима без наличия соответствующего учебно-методического обеспечения.

В учебниках и учебных пособиях И.Ф. Харламова было дано научно обоснованное определение предмета педагогики как науки о воспитании и его научных закономерностях с точки зрения социально-ценностного и личностно значимого развития. В русле фундаментальных достижений педагогики ее предмет определяется как изучение объективных и субъективных факторов, научных закономерностей и внутренних механизмов развития личности растущего человека в условиях специально организованного образовательного процесса. На этой основе разрабатываются методические основы и педагогические технологии целостного и непрерывного образовательного процесса. По мнению И.Ф. Харламова, педагогика раскрывает теоретические основы обучения и воспитания с точки зрения их специфики и своеобразия, динамической взаимосвязи и взаимообусловленности. Педагогика – это наука о сущности и закономерностях целостного педагогического процесса, являющегося важнейшей предпосылкой и обязательным условием развития и формирования личности человека в детском, подростковом и юношеском возрасте, а также в период социальной зрелости, пожилым

возрасте и даже старости. Но все же главную роль обучение и воспитание выполняют по отношению к успешной социализации детей и учащейся молодежи. И.Ф. Харламов всегда подчеркивал, что только благодаря обучению и воспитанию возможно приобщение молодежи к полноценной жизни и успешной профессиональной деятельности, разностороннее развитие нравственно воспитанной творческой личности.

В предмете педагогики И.Ф. Харламов выделял два ее взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, закономерности развития личности как объекта и субъекта педагогического процесса, а с другой – теория и методика его организации. Оба этих аспекта выступают как две стороны одной медали, каждая из которых несет свою смысловую нагрузку и отдельно существовать не может. Действительно, если педагогика начинает игнорировать закономерности и механизмы личностного развития учащихся, она становится бездоказательной и неаргументированной, описательной и бездетной, лично не ориентированной. Она только констатирует, описывает отдельные правила или методы воспитания, дает житейские советы, выдает рецептуру, касающуюся учебной и воспитательной работы в соответствующих типах образовательных учреждений. Такой педагогика была на первых этапах своего развития, когда близкие с ней научные отрасли тоже были на стадии своего становления. В связи с развитием философских теорий научного и учебного познания, психологии развития личности, педагогика стала приобретать характер прикладной или педагогической психологии. Именно в этом русле в работах И.Ф. Харламова был обогащен научный аспект предметного поля педагогики. Ученым было успешно реализовано методологическое положение о том, что личность формируется и проявляется в деятельности, поэтому и основной принцип повышения эффективности образовательного процесса состоит в обеспечении содержательности познавательной и практической деятельности обучающихся, их самообразования и самовоспитания.

Литература

1. Харламов, И.Ф. Педагогика: учеб. / И.Ф. Харламов. – Минск : Университетское, 2002. – 560 с.
2. Харламов, И.Ф. Теория нравственного воспитания / И.Ф. Харламов. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 364 с.
3. Кадол, Ф.В. Воспитание чести и личного достоинства школьников: пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Ф.В. Кадол. – Минск : Нац. ин-т образования, 2013. – 216 с.

Технический редактор: *И.В. Близнец*. Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 01.04.2015. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 113 экз. Заказ № 204.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух распечатанных на бумаге формата А 4 экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Файл со статьей следует также выслать по электронной почте (vesti@gsu.by).

Статьи подписываются всеми авторами, что означает также их согласие на передачу всех прав на распространение работы с помощью печатных и электронных носителей ГГУ им. Ф. Скорины. К ним прилагаются сведения, содержащие полное имя авторов, их должности, ученые степени и звания, название учреждения, где выполнена работа, почтовый и электронный адреса, контактные телефоны (служебный, домашний, мобильный), а также разрешение соответствующего научного учреждения на публикацию материалов в открытой печати (экспертное заключение).

Текст статьи должен включать индекс УДК, аннотацию и ключевые слова (на языке статьи и английском, а также на русском для статей, написанных по-английски), название статьи, фамилии и инициалы авторов (на русском и английском языках), приставочные библиографические списки. Как правило, статья должна содержать введение, основную часть, заключение и литературу.

Объем статьи – от 4 до 7 страниц. Разметка не требуется. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе MS Word 2003–2010 гарнитурой Times New Roman, стилем «обычный».

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) размещается перед названием статьи отдельной строкой слева страницы и набирается курсивом.

Название статьи набирается шрифтом размером 15 pt и выравнивается по центру.

Инициалы и фамилия(и) автора(ов) указываются размером 12 pt малыми прописными буквами через 1 интервал под названием статьи с выравниванием по центру.

Аннотация и ключевые слова статьи размещаются через один интервал после фамилии. Они должны быть набраны шрифтом размером 10 pt с отступом от основного текста 1 см без абзацев. Аннотация включает характеристику основной темы, указывает проблемы статьи, ее новизну. Объем аннотации – около 500 печатных знаков.

Текст статьи оформляется в соответствии с Инструкцией по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации ВАК Беларуси и ГОСТ 7.32-2001 «Отчет о научно-исследовательской деятельности». Размер шрифта – 12 pt, все поля – 2 см., интервал – одиночный, отступы в абзацах – 1 см.

Рисунки, диаграммы, графики и иные объекты включаются в статьи в положении «в тексте» с размещением по центру. Нумерация и ссылки в тексте на указанные объекты обязательны. Подписи к ним набираются шрифтом 11 pt. Недопустимо использование цветов в рисунках и диаграммах. Рисунки представляются в оттенках серого, а в диаграммах предпочтительно использовать разнотекстурные заливки черного и белого цветов.

Текст в таблицах набирается шрифтом размером 10 pt, головки («шапки») – 9 pt. Они отделяются от остальной части таблицы двойным подчеркиванием. Заголовки граф и строк следует писать с прописной буквы. Выравнивание текста в строках – по левому краю, цифр – по центру. Внутренние подписи в объектах должны иметь одинаковый размер в соответствии с размером шрифта основного текста статьи.

При наборе формул необходимо использовать Microsoft Equation или редактор формул MathType. Размер знаков в формулах должен быть соразмерным шрифту основного текста (12 pt). Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки. Пронумерованные формулы включаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края строки. Формулы, размещенные как рисунок (отсканированные), не принимаются.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках с указанием номера позиции в списке литературы и страницы – [2, с. 417]. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. В случае ссылки на несколько источников каждый из них указывается в отдельных квадратных скобках: [1], [4], [6]; [1]–[4]. При оформлении списка литературы следует строго соблюдать ГОСТ 7.80.

Поступившая в редакцию статья направляется на рецензирование. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией и датой поступления считается день получения редакцией ее окончательного варианта. Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей. Редакция предоставляет право первоочередного опубликования статей лицам, осуществляющим послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения. Плата за опубликование статей не взимается.

Журнал «Известия ГГУ им. Ф. Скорины» включен в каталог печатных средств массовой информации Республики Беларусь. Индекс журнала: 00824 (для индивидуальных подписчиков), 008242 (для предприятий и организаций).